

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МИХАЙ ЧИК СЕНТМИХАЙ И

ЭВОЛЮЦИЯ
ЛИЧНОСТИ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНАЯ И СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

Говард Гарднер

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Вы смогли скачать эту книгу бесплатно на законных основаниях благодаря проекту «**Дигитека**». [Дигитека](#) — это цифровая коллекция лучших научно-популярных книг по самым важным темам — о том, как устроены мы сами и окружающий нас мир.

Дигитека создается командой научно-просветительской программы «[Всенаука](#)». Чтобы сделать умные книги доступными для всех и при этом достойно вознаградить авторов и издателей, «Всенаука» организовала всенародный сбор средств.

Мы от всего сердца благодарим всех, кто помог освободить лучшие научно-популярные книги из оков рынка! Наша особая благодарность — тем, кто сделал самые значительные пожертвования (имена указаны в порядке поступления вкладов):

Дмитрий Зимин
Зинаида Стаина
Алексей Сейкин
Николай Кочкин
Роман Гольд
Максим Кузьмич
Анастасия Азбель
Арсений Лозбень
Михаил Бурцев
Ислам Курсаев
Александр Ослон
Артем Шевченко
Евгений Шевелев
Александр Анисимов
Роман Мойсеев
Евдоким Шевелев

Мы также от имени всех читателей благодарим за финансовую и организационную помощь:

Российскую государственную библиотеку
Компанию «Яндекс»
Фонд поддержки культурных и образовательных проектов «Русский глобус».

Этот экземпляр книги предназначен только для вашего личного использования. Его распространение, в том числе для извлечения коммерческой выгоды, не допускается.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ

MIHALY
CSIKSZENTMIHALYI

THE EVOLVING SELF

A PSYCHOLOGY FOR THE
THIRD MILLENNIUM

Harper Perennial
A Division of HarperCollinsPublishers

МИХАЙ
ЧИКСЕНТМИХАЙИ

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Перевод с английского

5-е издание

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2018

УДК 159.923.2

ББК 88.352

Ч-60

Переводчики Евгений Алексеев, Анна Шварц

Редактор Наталья Нарциссова

Чиксентмихайи М.

Ч-60 Эволюция личности / Михай Чиксентмихайи; Пер. с англ. — 5-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 420 с.

ISBN 978-5-00139-041-1

Эта исключительно своевременная книга автора знаменитой теории счастья посвящена судьбам мира. Лишь активное и сознательное участие в эволюционном процессе поможет нам наполнить жизнь смыслом и радостью, считает Михай Чиксентмихайи, самый цитируемый психолог современности. Судьба человечества в следующем тысячелетии зависит от того, какими сегодня станем мы сами. Захотим ли мы ставить перед собой «сложные» задачи, освободиться от влияния «мемов», устаревших моделей поведения и манипулирования нашим сознанием. Объединение усилий множества людей, каждый из которых реализует собственный потенциал, и общественное переосмысление нашего эволюционного наследия позволят обратить силу живительного потока на решение вызовов современности. В этом залог не только выживания нашего вида, но и его подлинного возрождения. Рекомендуется читать всем.

УДК 159.923.2

ББК 88.352

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-00139-041-1 (рус.)

ISBN 978-0-06-092192-7 (англ.)

© Mihaly Csikszentmihalyi, 1993

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Содержание

Введение	7
ЧАСТЬ I. ЛОВУШКИ ПРОШЛОГО	17
1 Разум и история	19
2 Кто управляет разумом?	48
3 Завесы майи	80
4 Хищники и паразиты	115
5 Мемы или гены?	153
ЧАСТЬ II. СИЛА БУДУЩЕГО	185
6 Направляемая эволюция	187
7 Эволюция и поток	218
8 Трансцендентная личность	254
9 Поток истории	305
10 Содружество будущего	336
Благодарности	354
Примечания	356
Библиография	397
Предметный указатель	417

Введение

Перед вами продолжение «Потока» — книги, которую я написал три года назад. В ней рассказывается о длившемся четверть века психологическом исследовании счастья, которое раскрыло, что же наделяет нашу жизнь смыслом. В «Потоке» рассматриваются такие вопросы: почему одни люди обожают свою работу, наслаждаются общением с семьей и с удовольствием проводят часы в уединенных размышлениях, в то время как другие свою работу ненавидят, дома скучают, а перспектива побыть в одиночестве приводит их в ужас? Что нужно сделать для того, чтобы повседневная деятельность доставляла такое же удовольствие, как катание на лыжах, а хоровое исполнение «Аллилуйя» воспринималось как часть истинно сакрального действия? И возможно ли это? Проведенные мною и другими учеными исследования показали, что да — возможно.

Берясь за «Поток», я хотел представить широкой аудитории некоторые результаты многолетних систематических исследований. Успех книги превзошел все ожидания. Но оказалось, что там рассмотрены не все вопросы, настоятельно требующие нашего внимания. «Эволюция личности», которую вы держите в руках, призвана восполнить этот пробел.

Я заинтересовался проблемой удовольствия в 1963 году, когда работал в Чикагском университете над докторской диссертацией, посвященной развитию человеческого потенциала.

Основной ее темой была креативность — как люди придумывают новые вещи? Как они задаются вопросами, прежде никому не приходившими в голову? Чтобы выяснить это, я решил понаблюдать за людьми искусства, когда они работают. Я фотографировал и делал заметки о том, как создается картина, а затем спрашивал художников, о чем они думали во время работы. Так я надеялся понять нечто важное о творческом процессе.

Мои исследования креативности успешно продвигались, но в ходе этих наблюдений я обнаружил нечто более существенное. Меня поразила полнейшая вовлеченность художников в процесс рисования. Пытаясь выразить возникшие в их сознании образы, они входили в почти гипнотический транс. Когда картина начинала обретать форму и становиться интересной, они не могли от нее оторваться: забыв о голоде, других своих делах, о времени и усталости, они продолжали творить. Но это состояние очарованности длилось лишь до тех пор, пока картина не была завершена: как только она переставала меняться и процесс создания можно было считать законченным, художник забывал о ней и обращал свой взор к чистому холсту.

Было понятно, что художника захватывает не предвкушение появления прекрасного произведения, а сам процесс рисования. Поначалу это казалось странным, поскольку большинство психологических теорий учат тому, что нас мотивирует либо потребность устранить неприятное ощущение, такое как голод или страх, либо ожидание будущих благ вроде денег, положения и славы. Мысль о том, что человек способен целыми днями напролет работать лишь для того, чтобы просто работать, представлялась невероятной. Но если отложить рассуждения и оглядеться вокруг, мы увидим, что в жизни такое поведение совсем не редкость. Не только художники вкладывают время и силы в деятельность, приятную саму по себе, но едва ли приносящую какие-то еще блага. В действительности каждый человек посвящает уйму времени вещам, интерес к которым можно объяснить лишь тем, что ему приятно его занятие как таковое. Дети очень много играют. Взрослые тоже

любят игры, например покер и шахматы, занимаются спортом, разбивают сады, учатся музицировать, читают романы, устраивают вечеринки, гуляют по лесу и делают еще тысячи разных дел лишь потому, что им это нравится.

Конечно, всегда остается возможность того, что подобное занятие принесет человеку богатство и славу. Художник удачно продаст свою картину. Гитарист научится играть так, что ему предложат записать диск. Мы оправдываем занятия спортом необходимостью заботиться о своем здоровье, а посещение вечеринок — возможностью завести новые знакомства для бизнеса или секса. Да, внешние цели — вечный фон наших дел, но не они заставляют нас посвящать время этим занятиям. Основная причина игры на гитаре — удовольствие. То же самое и с разговорами на вечеринке. Не всем нравится играть на гитаре или ходить в гости, но те, кто это делает, получают удовольствие. Короче, некоторыми вещами просто приятно заниматься.

Пока этот вывод достаточно бесполезен. Но у нас возникает резонный вопрос — почему же заниматься ими приятно? И в поисках ответа на него становится ясно, что, против наших ожиданий, самые разные приятные занятия обладают общими характеристиками. Если спросить теннисиста, что он чувствует, когда играет как надо, он ответит почти так же, как шахматист на вопрос об удачной партии. То же самое скажет человек, погруженный в рисование или исполнение сложной музыкальной пьесы. Хороший спектакль или интересная книга, по-видимому, вызывают одинаковое душевное состояние. Я называю его потоком, поскольку этим словом некоторые наши респонденты обозначали свои чувства, когда их деятельность доставляла им наибольшее удовольствие: «словно плывешь по течению, и все идет гладко, без усилий».

Странным образом поток обычно возникает не во время отдыха или развлечений, а когда мы активно вовлечены в трудное дело, заставляющее нас напрячь до предела свои умственные и физические способности. Это состояние может вызвать любая деятельность. Когда мы решаем серьезную задачу на ра-

боте, скользим по гребню огромной волны, учим своего ребенка алфавиту, все наше существо погружается в гармоничный поток энергии, а скука и тяготы повседневности забываются.

Оказывается, это редкое состояние сознания возникает, когда мы, столкнувшись со сложной проблемой, максимально реализуем свои возможности. Первый симптом потока: все внимание концентрируется на четко определенной задаче. Мы сосредоточены, увлечены, погружены. Мы знаем, что делать, и немедленно получаем обратную связь, показывающую нам, насколько мы в данный момент хороши в своем деле. После каждой подачи теннисист сразу узнает, попал ли мяч туда, куда нужно; коснувшись клавиши, пианист понимает, прозвучала ли верная нота. Даже скучная работа, если привести ее задачи в соответствие способностям человека и прояснить цели, способна увлекать и радовать.

Глубокая сосредоточенность, подкрепленная четким равновесием задач и умений, позволяет не беспокоиться о неуместных в настоящий момент вещах. Мы забываем о себе и растворяемся в деятельности. Если альпинист станет беспокоиться о работе или личной жизни, когда висит в пустоте над пропастью, он просто упадет. Певец «даст петуха», а шахматист проиграет партию.

Когда мы используем подходящие умения, у нас возникает ощущение, что мы контролируем свои действия. Но поскольку мы слишком заняты и не можем думать о себе, то совершенно не важно, контролируем мы их или нет, побеждаем мы или проигрываем. Нередко мы испытываем ощущение трансцендентности, словно границы нашей личности раздвинулись. Моряк ощущает единство с кораблем, ветром и морем; певца охватывает мистическое переживание всемирной гармонии. Время исчезает, и часы летят как мгновения.

Это состояние сознания, ближе всего стоящее к счастью, обусловлено причинами, которые можно разделить на две группы. Первая — внешние факторы. Одни виды деятельности больше других способны вызвать поток, потому что: 1) у них

есть конкретные цели и четкие правила; 2) они позволяют привести наши способности в соответствие имеющимся задачам; 3) они ясно указывают, насколько хорошо мы продвигаемся; 4) они устраняют отвлекающие факторы и позволяют сосредоточиться. Игры, художественная деятельность, религиозные ритуалы — отличные примеры «поточных» занятий. Но из наших исследований вытекает один очень важный вывод: любая деятельность способна вызвать оптимальное состояние потока, если она содержит приведенные выше условия. Врачи описывают хирургические операции как некий захватывающий «вид спорта», вроде парусного или горнолыжного; программисты часто не могут оторваться от мониторов своих компьютеров. Фактически люди чаще испытывают состояние потока на работе, чем развлекаясь или просто отдыхая.

Вторая группа причин — это внутренние факторы. Некоторые люди обладают буквально сверхъестественной способностью открывать соответствующие их умениям возможности. Они ставят себе реальные цели даже тогда, когда, казалось бы, заняться им совершенно нечем. Они отлично видят обратную связь, когда другим она незаметна. Им легко сосредоточиться, и они не отвлекаются. Они не боятся потерять свою личность и поэтому просто забывают о себе. Люди, научившиеся управлять сознанием в такой степени, обладают «личностью потока». Чтобы попасть в поток, им не нужно играть; они бывают счастливы даже у конвейера или в одиночной камере.

В «Потоке»¹ я рассказал о людях, которые обрели счастье и наполнили свою жизнь смыслом, создав поток в работе и отношениях. Кто-то из них был бездомным скитальцем, с другими случились ужасные несчастья — потеря зрения, паралич. Но тем не менее они сумели трансформировать эти, казалось бы, безнадежные ситуации в радостное, безмятежное существование. Однако, как я отмечал, несколько переживаний

¹ Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / Пер. с англ. — М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2013.

состояния потока вряд ли сделают вас счастливым. В данном случае целое, несомненно, превосходит сумму своих частей. Художник десятилетиями радуется каждой минуте, проведенной перед мольбертом, но потом впадает в отчаяние и депрессию. Довольный своей карьерой профессиональный теннисист может разочароваться и ожесточиться. Чтобы трансформировать всю свою жизнь в единое состояние потока, нужно обрести веру в систему смыслов, придающую цель вашему существованию.

В прошлом основой для веры служили религиозные идеи. Как возник мир, почему неизбежно страдание, что нас ждет после смерти — отвечая на эти вопросы, пытаясь упорядочить хаос и объяснить случайности жизни, люди придумывали прекрасные истории. Мифы всех религий призваны разрешить эти проблемы, и потому зачастую в них делается логичный вывод о существовании бога или целого пантеона богов, определяющих нашу судьбу. На основе этих историй каждая религия создает жизненные правила, нередко логичные и мудрые, которые вносят гармонию в жизнь человека. Конструируемые с помощью религии смыслы сыграли основополагающую, возможно, уникальную роль в эволюционной истории человечества. Если бы наши предки не выдумали осмысленный антропоморфный космос, мы были бы существами совсем иного склада.

Однако сейчас, на пороге третьего тысячелетия от рождения человека, названного сыном божьим, в эти истории уже мало верится. Буквальный смысл священных текстов, древних ритуалов, правил, запрещающих разводы и аборт, все меньше и меньше соответствует нашему знанию о мире. Мало кто сейчас полагает, что Земля плоская или расположена в центре Вселенной. Даже если огромное число людей все еще считают, что несколько тысячелетий назад Земли не существовало, а человек, каким мы знаем его теперь, был создан из куска глины, с каждым новым поколением эти верования — по крайней мере, в их буквальном смысле — все больше становятся анахронизмом.

В любой культуре передача традиционных верований — опасное занятие. Отвергая буквальный смысл, легко потерять

связанную с ним мудрость, которая вырабатывалась веками. Стоило человечеству поставить под сомнение хронологию и причинные связи в Библии, как та же участь постигла и провозглашаемые ею запреты — на корыстолюбие, жестокость, разврат и эгоизм. Люди, полностью отвергшие традиционный взгляд на мир, почувствовали себя свободными и были в восторге от нового мира без правил и ограничений — однако очень недолго. Вскоре стало ясно, что абсолютная свобода не только невозможна, но и нежелательна. Без основанных на предшествующем опыте правил легко совершить серьезные ошибки; без понимания конечной цели трудно сохранять мужество, когда происходят неизбежные жизненные трагедии. Но где найти веру для третьего тысячелетия?

В конце «Потока» я выдвинул предположение, что, лучше поняв наше эволюционное прошлое, мы сможем начать формировать жизнеспособную систему смыслов, то есть веру, способную упорядочить нашу жизнь и дать ей цель. Знание себя — величайшее достижение нашего вида. А чтобы понять себя — из чего мы сделаны, что нами движет, о чем мы мечтаем, — необходимо разобраться в нашем эволюционном прошлом. Лишь на этом основании мы сможем построить стабильное, значимое будущее. Чтобы развить эту идею, я написал книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Глава 1 «Разум и история» знакомит читателя с эволюционной перспективой и утверждает, что понять работу нашего разума мы сможем, лишь осознав его происхождение, его постепенное формирование в ходе истории нашего вида. В этой главе мы поразмышляем о системе взаимоотношений, связывающих нас друг с другом и с нашей естественной средой обитания, а также поговорим о том, как зародилось саморефлектирующее сознание, в определенной степени освободившее нас от власти генетического и культурного детерминизма.

Глава 2 «Кто управляет разумом?» посвящена некоторым нежелательным последствиям эволюции личности. Мы освободились от внешнего контроля, но нас нередко охватывает чувство

глубокой неудовлетворенности, неясная тоска по тому, что находится вне пределов нашей досягаемости. И это наследие эмансипации человека. Мы пока еще не умеем заставить свою личность добиваться того, чего мы хотим, или того, что нам件лезно. В том, что касается управления своим разумом, мы подобны водителю-новичку за рулем гоночного автомобиля.

Тема главы 3 «Завесы майи» — источники иллюзий, не позволяющие нам разглядеть реальность. Среди них: искажения реальности, вызванные генетическими программами, когда-то способствовавшими выживанию, но вошедшими в противоречие с нынешней реальностью; искажения, рожденные нашей культурой, и те, что появились вследствие возникновения личности как самостоятельной сущности, пытающейся командовать нашим разумом. Не разобравшись, как эти силы влияют на наше мышление и действия, мы едва ли сумеем обрести власть над собственным сознанием.

Однако наша жизнь направляется не только изнутри — указаниями, которые дают нам наши гены, заложенная в нас культурная программа и наша личность. Эволюция — результат соперничества организмов за необходимую для выживания энергию. Эти силы отбора все еще рядом — нас продолжают эксплуатировать стоящие над нами угнетатели и незаметные для нас паразиты. Идеи и порождения технологического прогресса конкурируют с нами и между собой за ограниченные материальные ресурсы и за наше внимание, этот наиболее скудный ресурс нашего разума. О том, как справляться с этими внешними угрозами, мы говорим в главе 4 «Хищники и паразиты» и главе 5 «Мемы или гены?».

В главе 6 «Направляемая эволюция» исследуется, насколько применимы принципы эволюции к развитию культуры и сознания, и утверждается, что смысл прошлого — в постепенном усложнении материальных структур и информации. Эта особенность эволюционного процесса может стать значимой, направляющей нашу деятельность силой, нашей надеждой на будущее.

Глава 7 «Эволюция и поток» объясняет, почему опыт потока делает сознание более сложным. Мы утверждаем, что ради достойного будущего нам необходимо научиться получать удовольствие от деятельности, гармонизирующей нашу личность, общество в целом и среду нашего обитания.

В главе 8 «Трансцендентная личность» рассказывается о людях, идущих по пути усложнения личности. Эти люди наслаждаются тем, что они делают, чему учатся и как совершенствуют свои умения. Они так привержены своим значимым целям, что страх смерти почти незнаком им. Эти примеры показывают, что значит жить верой в эволюцию.

Глава 9 «Поток истории» утверждает, что поток не только способствует эволюции личности, но также дает импульс и направляет самые важные изменения технологии и культуры. Автомобили и компьютеры, научное знание и религиозные верования возникали скорее благодаря радостному стремлению открыть новые возможности и упорядочить сознание, чем по необходимости или ради выгоды. Опираясь на эту идею, я предлагаю свою концепцию «правильного» общества, где культивируется сложность и переживание потока.

В последней, десятой главе «Содружество будущего» предлагаются некоторые практические советы по воплощению в жизнь идей личностной эволюции. Если верно, что на данном этапе истории возрастающая внутренняя сложность — это лучшее, к чему мы можем стремиться, и если справедливо, что без нее мы рискуем просто уничтожить планету, а вместе с ней и наше развивающееся сознание, то как нам раскрыть свой внутренний потенциал? Когда личность постигает и принимает свою роль в эволюции, жизнь обретает трансцендентный смысл. И тогда, что бы ни случилось с нами как отдельными личностями, мы сливаемся с той силой, которую называем Вселенной.

Часть I

**ЛОВУШКИ
ПРОШЛОГО**

Разум и история

ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ

С каждым годом мы все больше узнаем о том, насколько сложна наша Вселенная. Наш разум с трудом может осознать существование миллиардов галактик, в каждой из которых миллиарды звезд, медленно вращаясь, летят в разных направлениях на невообразимые расстояния. Сверхускорители открывают в каждой крупнице материи все более и более мелкие частицы, которые мчатся по таинственным орбитам. В этом громадном силовом поле человеческая жизнь длится в масштабе космического времени едва ли секунду. Но все же, когда речь заходит о людях, именно она, наша короткая жизнь с ее редкими драгоценными мгновениями, значит для нас больше, чем все галактики, черные дыры и взрывающиеся звезды вместе взятые.

И это отнюдь не случайно. Как говорил Паскаль, люди хрупки словно тростник, однако они мыслящие существа; в их сознании отражается бесконечность Вселенной. В последние столетия человек занимает главное место в живой природе. Но лишь недавно мы получили некоторое представление о том, что было за миллионы лет до нас, об эрах, когда тысячи живых существ сменяли друг друга, борясь за выживание в изменчивой среде. И сейчас мы осознаем, что то уникальное наследие,

которое мы получили от них, — наше мыслящее сознание, заставившее нас поверить в то, что мы, люди, являемся венцом творения, — налагает на нас небывалую ответственность. Мы понимаем, что от нас зависит, направим ли мы нашу жизненную энергию на развитие и достижение гармонии или упустим доставшиеся нам возможности, пойдя по пути хаоса и разрушения.

Для того чтобы выбрать верный путь, ведущий к лучшему будущему, нам нужно понимать движущие силы эволюции, — в конце концов, именно благодаря им мы победим или проиграем как вид. В этой книге я хочу поразмышлять о том, что мы знаем об эволюции и как можно применить это знание в повседневной жизни. Когда мы лучше поймем, с чем имеем дело, перед нами откроются новые возможности и мы сможем нацелиться на достижение наиболее важных для человечества целей.

Один из результатов размышлений об эволюции — формирование очень серьезного подхода к прошлому. Как говорили римляне, *Natura non facit saltus*: природа не развивается скачками. Наше сегодняшнее состояние — результат сил, воздействовавших на наших предков многие тысячелетия, а будущее состояние человечества зависит от того, что мы выбираем сейчас. Однако наш выбор обусловлен рядом факторов, являющихся частью эволюционной структуры всех человеческих существ. На нас воздействуют гены, регулирующие функции нашего тела, а также инстинкты, из-за которых мы, например, сердимся или испытываем сексуальное возбуждение, даже сами того не желая. Мы также ограничены культурным наследием, сложившимися представлениями, по которым мужчина должен быть мужественным, а женщина — женственной, или религией, требующей от своих приверженцев нетерпимости к тем, кто исповедует иную веру.

Стремясь изменить направление истории, мы не можем просто сбросить ярмо ограничений, надетое на нас прошлым, — это привело бы лишь к разочарованию и разбитым

надеждам. Однако изучив силы, которые определяют наше сознание и поступки, мы сможем вырваться из-под их власти и обрести свободу — т. е. самим решать, что думать, что чувствовать и как действовать. В настоящий момент истории у индивида появляется возможность выстраивать свою личность не просто как следствие биологических побуждений и культурных обычаев, но как результат собственного сознательного творчества. Такая личность осознает эту свободу без страха. Она станет наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, постепенно проникаясь родством с остальным человечеством, с жизнью в целом и с пульсирующими жизненными силами мира. Начиная преодолевать узкие интересы, определяемые прошедшим эволюционным развитием, человек готовится к тому, чтобы самому направлять эволюцию. Однако это будущее ее направление не смогут сформировать одни только трудяги-затворники. Поэтому необходимо рассмотреть, какие социальные институты способны поддержать позитивные эволюционные шаги и каким образом можно увеличить число таких институтов.

Вот вкратце содержание этой книги. Начав с исследования сил прошлого, сделавших нас такими, какие мы есть, она описывает способы существования, помогающие нам освободиться от мертвой хватки прошлого, предлагает подходы к жизни, позволяющие улучшить ее качество, достичь радостной вовлеченности в нее, и рассуждает о том, как связаны освобождение и развитие личности и общества в целом. Безусловно, подобную грандиозную задачу вряд ли можно решить в рамках одной этой книги. Знание возрастает из года в год, опыт совершенствуется со временем. Писать обо всем этом — по сути, эволюционный процесс, бесконечный, развивающийся через постепенные изменения. Надеюсь, эта книга станет его первым этапом.

Отчасти по этой причине в конце каждой главы я привожу вопросы для дальнейшего размышления, оставляя после них свободное место, чтобы вы могли записать свои мысли. Это

говорит о том, что книга не завершена, и каждый читатель может продолжить ее в соответствии с собственной мудростью и опытом. Записи в книгах, довершающие мысли автора, — одна из древнейших ученых практик любой цивилизации. Заметки читателей на полях книги — такая же часть культуры, как и собственно содержание произведения. Поля у нынешних книг небольшие, поэтому я выбрал другой способ, побуждающий читателя активно взаимодействовать с текстом. Надеюсь, так и будет.

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ

Не так давно нас с женой пригласили на собрание совета жителей небольшой общины в Скалистых горах. Городок находился на высоте почти трех километров, в благоуханной долине между высоких гор. В холодном, как родниковая вода, воздухе ощущался смолистый привкус. Под свесами крыш порхали колибри, а над лугами кружил орел. Собрание проходило в здании ратуши, построенном из бревен и стекла, с высокими, как в соборе, потолками, расположенном посреди великолепного парка. На стоянке сияли полноприводные джипы последних моделей. В аудитории собралось человек шестьдесят — энергичных, полных сил и, казалось, вполне довольных жизнью. Среди них были владельцы ранчо, медсестры и учителя, а также те, кто в поисках покоя перебрался сюда из дальних городов или работал на близлежащих лыжных курортах.

Поначалу собрание шло, как все подобные мероприятия: утверждение регламента, замечания по текущим вопросам и муниципальным постановлениям. Но потом с места встал долговязый хозяин ранчо с первой жалобой. Он сказал, что хотя и живет в 24 км к северу от городка, в зимние дни дым очагов общины окутывает долину такой пеленой, что едешь по ней, как по линии фронта. Планирует ли совет принять какие-то меры, чтобы поменьше топили дровами? Затем поднялся пожилой человек и рассказал о том, в каком плачевном

состоянии пребывает Голубая река — а это, как известно, одно из лучших во всем штате мест, где ловится форель. Точнее, было когда-то лучшим. К сожалению, федеральное дорожное ведомство, чтобы обеспечить движение по высокогорной межштатной автомагистрали в зимнее время, разбрасывает на обледеневшей дороге тонны песка. Песок смывается в реку и заполняет бухточки и ямы, где нерестится форель. И в реке выводится все меньше мальков.

Стоило упомянуть межштатную магистраль, как возник новый вопрос: какова последняя статистика местных грабежей и квартирных краж? Верно ли, что с постройкой дороги уровень преступности возрос на 400%? Шериф разъяснил, что такова, дескать, цена прогресса. До появления межштатной магистрали иногородние подонки не утруждали себя столь дальними поездками по разбитым дорогам ради того, чтобы забраться в чужой дом. А теперь сюда можно добраться быстро и с комфортом, чем и пользуются преступники. Но тут поднялся пожилой хозяин ранчо и заговорил, задыхаясь от волнения. Дым, форель и квартирные кражи — еще не самые большие наши заботы. Настоящий вопрос: что будет с нашей водой? Без воды не выживет никто, сказал он. Ценность нашей земли связана с нашим правом на воду. Но сейчас города и с востока, и с запада строят гигантские подземные туннели, чтобы выкачивать воду из-под наших земель, тем самым иссушая их. Трава на лугах желтеет и сохнет, скот худеет.

Собрание городского совета шло своим чередом, и становилось все яснее, что место это отнюдь не таково, каким представлялось мне поначалу. Тогда я подумал, что наблюдаю, как принимает решения группа независимых, уверенных в себе, благополучных американцев, творцов собственного будущего. Но потом понял, что эта маленькая община, гордящаяся своей отрешенностью от забот большого мира, фактически тесно связана с экономическими, политическими и демографическими процессами, возникшими очень далеко от нее и практически неподконтрольными жителям городка.

И тогда я окончательно осознал то, что уже давно в общих чертах представлял себе: на Земле не осталось мест, где человек мог бы планировать свою жизнь, не принимая во внимание происходящее в остальном мире.

Две следующие истории помогут лучше понять эту мысль. Один канадский профессор, друг моего друга, и его жена стали планировать свой выход на пенсию. Они решили перебраться в самое спокойное место на земле, какое только смогут найти. Целый год они сидели над альманахами и энциклопедиями, изучая статистику убийств и состояния здоровья жителей разных мест, направления ветров (чтобы ветер не подул на них со стороны возможных целей ядерной бомбардировки) и прочие данные. И в конце концов нашли настоящий райский уголок. В начале 1982 года они купили дом на острове. А два месяца спустя их дом был уничтожен. Они выбрали Фолклендские острова.

В другой истории речь пойдет о родственнике одного друга, исключительно богатом промышленнике. Он тоже хотел поселиться подальше от перенаселенной и пораженной преступностью Европы. Этот человек купил островок на Багамах, построил шикарное поместье и окружил себя вооруженной охраной со служебными собаками. Поначалу он наслаждался безопасностью и комфортом, но вскоре забеспокоился. Достаточно ли охраны, чтобы защитить его, если преступники захотят разграбить его остров, узнав о богатстве? А если увеличить охрану, не станет ли он еще более слабым и зависимым от своих защитников? Да и золотая клетка вскоре наскучила ему, и он сбежал назад в большой город.

И во времена Джона Донна можно было сказать: «Нет человека, что был бы сам по себе, как остров», — но сегодня истинность этого утверждения более чем очевидна. В третьем тысячелетии взаимосвязь людских деяний и интересов станет еще более очевидной. Действия каждого человека на планете будут влиять на всех остальных. Лишь вместе мы победим — или исчезнем. Однако за прошедшие тысячелетия челове-

ское сознание развило способность представлять лишь индивидуальный опыт и продвигать индивидуальные интересы: в лучшем случае мы готовы любить и защищать своих ближайших родственников. Некоторые обладают более гибким сознанием и могут воспринимать более широкие интересы, понимая достаточную произвольность деления на «себя» и «прочих». Однако в целом наше сознание не подготовлено к грядущим проблемам, какими бы насущными они ни были.

Что же нужно сделать для того, чтобы наш разум смог воспринять задачи обозримого будущего? Одна из возможностей — и ее исследует эта книга — критически рассмотреть знание об эволюционном прошлом и его наследии для нашего разума. Поняв, как развивалась человеческая психика под воздействием изменений в окружающей среде, возможно, в будущем мы сумеем быстрее адаптироваться ко все более стремительным переменам, требующим от нас ответных действий.

НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Что заставляет читателя взяться за книгу об эволюции и психологии? Она не поможет ему выгодно вложить деньги или обеспечить себе хорошую пенсию. Она не поможет похудеть, бросить курить или продвинуться по карьерной лестнице. Она не даст жителям городка в Скалистых горах точных инструкций, как спасти их форель или сохранить воду.

Вместо этого книга, которую вы держите в руках, предлагает более глубокое понимание направления развития жизни на земле и благодаря этому позволяет каждому яснее осознать возможный смысл его собственной жизни. Тому, кто уже знает, чего хочет, эта книга вряд ли нужна. Те, для кого единственная жизненная цель — удовольствия и приобретение, могут уже сейчас отложить книгу в сторону, ибо найдут в ней мало полезного для себя. Религиозным фундаменталистам и несгибаемым материалистам предлагаемое здесь знание не требуется, поскольку их вполне устраивают собственные верования.

Идеальным читателем будет тот, кто вопрошает о смысле жизни, для кого ни одно из имеющихся объяснений не является исчерпывающим, кого заботит нынешнее состояние мира и кто также стремится к тому, чтобы изменить его.

Мы рассмотрим силы, сформировавшие нынешнюю ситуацию на этой планете, чтобы исследовать, каким может быть ее будущее. Не каким оно будет, а каким оно может быть. Различие между будет и может быть находится в нас. В широком смысле, именно наше поведение определит, какой сценарий будет реализован. Следуя позитивным эволюционным тенденциям, мы, возможно, не станем богаче, здоровее или сильнее, но, скорее всего, обретем свою долю счастья или хотя бы спокойствия, осознав, что наши действия помогают создать лучшее будущее.

Много веков назад, на исходе первого тысячелетия от Рождества Христова люди по всей Европе стали готовиться к концу света. Они оставляли свои дома, разбивали лагеря на склонах гор и подле святилищ в надежде избежать ужасных страданий огненного Армагеддона. Они верили, что, встретив конец света на вершине горы, после смерти окажутся ближе к Богу, в числе первых, кто предстанет перед Страшным судом. Многие владельцы земель и скота раздавали свое состояние бедным, поскольку, как сказано в Евангелии, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное. Долгие годы люди жили в постоянном страхе, озираясь в поисках знамений второго пришествия Христа, возвещающих начало конца.

Последние полвека второго тысячелетия нас тоже преследовал страх, но причины его были иными. Человечество страшилось взрывов, способных уничтожить все живое на планете. В конце первого тысячелетия люди верили в обещание Бога завершить свой великий мирской эксперимент через тысячу лет после смерти его Сына. А сейчас мы живем в страхе перед тем, что изобретения, созданные нами, людьми, превратят Землю с ее бесконечно разнообразной и сложной живой природой в мрачную мертвую пустыню.

За последнее тысячелетие мы многое узнали. Мы поняли, что Земля не центр Вселенной, и большинство из нас смирилось с мыслью, что человек ступил на африканскую равнину около четырех миллионов лет назад как прямой потомок более ранних млекопитающих, вплоть до крошечной землеройки, промышленявшей воровством динозавровых яиц примерно за две-три пятьдесят миллионов лет до того. Мы узнали, что наши хваленые мыслительные способности держатся на тонком слое живой ткани, покрывающей массив мозга древней рептилии, и стали подозревать, что интересы наших слепо запрограммированных генов, вступив в противоречие с нашими ценностями и даже личными интересами, всегда побеждают.

В однотосячном году наши предки были бесконечно беднее нас материально, однако богаче духовно. Большинство из них жили в темных холодных лачугах без всякой мебели, часто впроголодь. Доведись им очутиться в сегодняшнем среднестатистическом пригородном доме, они решили бы, что это прекрасный сон. Однако мы живем со знанием того, что люди — это потомки обезьян, населяющие маленькую планетку, которая одиноко плывет без руля и без ветрил по просторам ледяной Вселенной. А наши предки считали себя возлюбленными творениями всеильного Бога, пославшего своего единственного Сына на смерть, дабы они могли вечно жить в нескончаемом блаженстве.

Такое мировосприятие дарило нашим предкам утешение и чувство уверенности в себе. Даже неверующие и отступники, погрязшие в смертных грехах, могли рассчитывать на эту спасительную «страховочную сетку». Невзирая на то, чем они занимались всю жизнь, за миг до смерти акт веры мог вернуть им милость Господню, подарив вечное блаженство. Наши предки считали себя главными действующими лицами вселенской драмы. В противоположность им мы, говоря словами Жака Моно, живем в «замерзшей Вселенной одиночества». Лишившись иллюзий наших отцов, мы лишились также их веры.

Не это ли еще одно подтверждение слов «Счастье — в неведении»? Были ли люди в предшествующие века счастливее благодаря своим иллюзиям? Судить трудно, но представляется маловероятным, что тысячу — или сто, или сто тысяч — лет назад среднестатистический человек был счастливее нас, нынешних. Пытаясь постичь умонастроения прошедших веков, историки получают довольно мрачную картину, идет ли речь о Древнем Риме или викторианской Англии. Йохан Хейзинга, составивший одно из самых ярких описаний жизни в Средневековье, определял его как едва ли не шизофренический период, когда люди были одержимы то жадностью, то самопожертвованием, а их настроение менялось от рабского страха до религиозного экстаза.

Во все века верования влияют на будущее людей, их придерживающихся. Возможно, в Средние века вера дала человеку достаточно уверенности в себе, чтобы постепенно разорвать пути религиозного догматизма, и проторила путь открытиям и исследованиям следующих столетий. Наши нынешние верования — или их отсутствие — тоже воздействуют на нас. Найдём ли мы в себе достаточно смелости и энергии, чтобы наслаждаться будущим — каким-либо, не говоря уже о будущем, лучшем, чем наше настоящее? Или род человеческий угаснет, — сражаясь или скуля, — из-за нашей неспособности понять, что же такое жизнь?

То, что будет происходить в третьем тысячелетии, определяется нынешним состоянием человеческого сознания: идеями, в которые мы верим, ценностями, которые мы принимаем, поступками, которые мы совершаем. Все это зависит от того, на что мы обращаем внимание, от окружающей среды, которую мы создаем с помощью своей психической энергии. Возможно, здесь читатель скажет: «Звучит неплохо, но какое отношение все это имеет ко мне? У меня и так достаточно забот: сводить концы с концами, работать и содержать семью, получая при этом хоть какое-то удовольствие от жизни. Какое мне дело до третьего тысячелетия? Что мне до будущего человечества?»

Вот основной тезис этой книги: в настоящий момент самое лучшее, что вы можете сделать, чтобы наделить собственную жизнь смыслом, — это стать активным, сознательным участником эволюционного процесса и наслаждаться каждым его мгновением. Понимание того, как развивается эволюция, а также осознание нашей возможной роли в ней укажут нам направление и цель, отсутствующие в секулярной, десакрализованной культуре. Это не означает, что мы должны отвергнуть личные цели и подчинить их некоему долгосрочному универсальному благу. На самом деле все как раз наоборот. Люди, полностью развившие свои уникальные особенности и одновременно отождествляющие себя с текущими более широкими космическими процессами, избегают участи одиночества. Более того, как я надеюсь показать, создавать историю гораздо приятнее, чем пассивно плыть по ее течению.

Но почему необходимость размышлять о прошлом и будущем приобрела такую остроту именно сейчас? Дело в том, что мы живем в период уникальных возможностей, на критическом этапе планетарной истории. Если бы сейчас сюда вернулся некий космический ревизор, побывавший на Земле несколько тысячелетий назад, он бы не поверил своим глазам. Почему так резко изменилось качество воздуха? Что случилось с роскошными тропическими лесами? Почему американские равнины превратились в бескрайние кукурузные поля? Откуда взялись все эти овцы в Новой Зеландии, и почему в ней так мало львов и китов и совсем не осталось дронтов? Его, несомненно, поразили бы изменения, произошедшие в материальном мире за столь короткий срок: асфальт, покрывающий землю, огромные конструкции, вознесшиеся до небес, и повсюду — непрекращающиеся работы по превращению минеральной, растительной и химической энергии в дым и грязь.

Будь наш воображаемый гость осведомлен о фазах планетарной эволюции, он сразу бы понял, что все это свидетельствует о наступлении критического этапа в эволюции пла-

неты Земля: периода в несколько тысячелетий, когда один из видов животных в процессе самоосознания взялся переделывать под себя все, до чего смог дотянуться. На примере других частей галактики ревизор знал бы, что такое положение дел угрожает всем без исключения формам жизни на планете. И прежде чем пуститься на своем космическом корабле в обратный путь к звездам, он бы, наверное, пробормотал несколько слов, пожелав удачи пробуждающемуся виду, чьи неуклюжие попытки двигаться вперед на ощупь могут привести как к уничтожению, так и к постепенному расцвету великой цивилизации.

Эта эпоха, конечно, наше время. И хотя некий вид человека, по-видимому, существовал уже около четырех миллионов лет назад, лишь около десяти тысяч лет назад наши предки открыли, что, разводя растения, можно получать больший урожай. Позже они догадались, что можно обрабатывать металл, а затем прошло еще немало времени — и они поняли, что могут выражать слова и мысли знаками.

И лишь примерно сто лет назад — кратчайший миг на шкале истории — мы начали осознавать, что будущее не создается целенаправленным промыслом Божьим, а, напротив, в значительной степени зависит от нас самих. До того как Дарвин и его последователи столь убедительно представили биологическую эволюцию, большинство считало, что Вселенной правит кто-то всемогущий и что, несмотря на засилье зла и невзгод в этом мире, Он, в конце концов, навсегда решит наши проблемы в мире грядущем. Теория эволюции дала нам другое знание: все виды, включая человека, в ответе за собственное выживание, и у них нет сверхъестественного защитника и спасителя. И мы сами, едва успев осознать эту суровую истину, должны принимать решения, влияющие на сохранение жизни на Земле. Пусть нам сопутствует в этом удача. Но одной только удачи мало — мы должны сами со всей серьезностью относиться к стоящей перед нами задаче и преумножать знания, позволяющие отыскать ее решение.

СЛУЧАЙ, НЕОБХОДИМОСТЬ И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

Однако способны ли вы, я или любой другой человек действительно воздействовать на будущее? Сегодняшнее понимание причинности позволяет утверждать, что события определяются беспорядочным взаимодействием случая с неизменными законами природы. Бабочка, порхающая над садом у берегов Амазонки, может вызвать цепочку мельчайших атмосферных возмущений, способных привести к урагану, который уничтожит сотни многоквартирных домов во Флориде. Формирование урагана можно объяснить в терминах атмосферного давления и перепадов температур, однако полет бабочки — а также сотня других причин, ослабляющих или усиливающих воздействие изначального движения ее крыльев, — навеки останутся непредсказуемой игрой прихотливого случая.

Так что же остается нам, заложникам непреклонных законов природы и капризной непредсказуемости случая, — лишь плыть по течению? Принять как наиболее разумное решение смиренный фатализм? Однако на практике это будет означать отказ от ответственности, размышления и выбора, что подразумевает автоматическое следование любым потребностями и желаниям, закодированным в генах наших хромосом, по крайней мере, в рамках дозволенного тем обществом, в котором мы живем. В соответствии с этим сценарием, все, о чем мы можем и должны заботиться, — это наш комфорт, удовольствия и удовлетворение амбиций.

И здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Если человек принимает этот подход — если все мы сдаемся на милость сил причинности, — то выживание человечества оказывается под большим вопросом. Те, кто имеет доступ к ресурсам, продолжат накапливать их все возрастающими темпами, неимущие восстанут, дабы получить свою долю, и разразится война всех против всех. Однако если достаточное число людей поверит в то, что будущее, пусть отчасти, находится в их руках, шансы на наше выживание в значительной степени возрастут.

Ведь тогда люди с большей вероятностью начнут предпринимать шаги, которые позволят избежать катаклизма. Но если это так, действительно ли только случай и необходимость определяют нашу судьбу? Может быть, помимо них есть другая сила, формирующая наше будущее?

Теперь модно заявлять, что личность не играет большой роли в истории. Если бы Сократ или Жанна д'Арк не встали на защиту своих идеалов, утверждает эта теория, или если бы Рауль Валленберг не отказался от комфортной, беззаботной жизни ради спасения тысяч евреев в оккупированной нацистами Венгрии, что ж, ну, тогда что-то подобное сделали бы другие. Как бы то ни было, их поступки не слишком повлияли на развитие событий, определяемых вектором общественных сил, а не личным выбором.

Этот аргумент, возможно, имеет смысл в контексте научных и технологических открытий. Если бы братья Райт не смогли поднять в воздух свой самолет, как Отто Лилиенталь, Сэмюэл Лэнгли и многие другие их предшественники, кто-то другой довел бы летающую машину «до ума» через год или два. До сих пор наука и технология следовали собственной траектории развития при пассивном содействии человеческого разума. Однако не все свершения человека столь детерминированы. Подлинно творческие личности — это те, кто, несмотря на всевозможные преграды, на давление инстинктов и сопротивление житейской мудрости, прокладывают жизненный путь, который позволяет многим другим людям стать более свободными и счастливыми.

Чтобы вырваться из фаталистического принятия генетической и исторической запрограммированности, нужна как минимум вера в свободу и самоопределение. Вряд ли человек пойдет на риск ради общего блага, если он не верит в то, что это приведет к результату. Но не самообман ли это? В конце концов, наука утверждает, что у всех событий есть причины, и если святой Франциск решил раздать свое богатство бедным и удалиться для молитвы с другими молодыми людьми,

значит, он поступил так, чтобы позлить своего богатого отца, либо вследствие латентного гомосексуализма или, к примеру, гормонального дисбаланса.

Но можно принять постулаты причинности и не прибегая к редукционизму. Среди множества причин, определявших поступки святого Франциска, главной была его вера в полезность своих действий и в то, что на нем лежит ответственность за изменение окружающего мира. Эта вера сама по себе и есть «причина». Идея свободной воли — это самореализующееся пророчество: те, кто живет в соответствии с ней, свободны от абсолютного детерминизма внешних причин.

Случай и необходимость — единственные властители существ, не способных мыслить. Однако эволюция создала буфер между силами детерминизма и действием человека. Подобно сцеплению в автомобиле, сознание позволяет тем, кто его использует, иногда освобождаться от давления страстей и принимать собственные решения. Рефлексивное сознание, которым на этой планете обладает, пожалуй, лишь человек, отнюдь не чистое благо. Оно объясняет не только бескорыстную храбрость Ганди и Мартина Лютера Кинга, но и «неестественные» устремления маркиза де Сада и беспредельные амбиции Сталина. Сознание, этот третий определяющий фактор нашего поведения, может даровать безопасность, а может привести к разрушению.

ТАК ЛИ МЫ БЕЗНАДЕЖНО ПЛОХИ?

Всего лишь сто лет назад в западном обществе преобладала вера в то, что человечество, особенно в промышленно развитой фазе, — это венец творения, достойный наследовать Землю. В викторианскую и эдвардианскую эпоху англичане полагали, что общество достигло вершин прогресса. Этот оптимизм, однако, был лишь историческим заблуждением. В прошлом люди чаще воспринимали свое время исходя из конфликтной, даже трагической точки зрения на судьбу человечества.

Не один Платон полагал, что Золотой век уже позади. Многим христианам, например Кальвину, мужчины и женщины представлялись безнадежно испорченными созданиями, которым остается уповать лишь на Божественное милосердие. Однако позже, в XIX веке, людям на миг показалось, что наука, демократия и технология превратят мир в новый Эдемский сад. Но после этого краткого периода довольства собой и своими достижениями мы вновь на грани отчаяния, поскольку опять утратили веру в добродетель человечества и его способность помочь себе.

Парадоксально, но отнюдь не неожиданно то, что люди с завышенными ожиданиями обычно бывают буквально сражены порочностью человеческого поведения. Исполненная в розовых тонах картина людской природы не выдерживает пристального взгляда. Тех, кто ожидает от священников постоянной святости, от солдат — храбрости, от матерей — вечного самопожертвования и тому подобного, неизменно постигает разочарование. Для них история человеческого рода — гигантская ошибка, или, как говорил Макбет, повесть, рассказанная дураком, где много и шума, и страстей, но смысла нет.

Но если исходить из того, что люди — это изначально слабые и испорченные создания, волею случая вынужденные играть главную роль на планетарных подмостках, не имеющие текста пьесы и не прошедшие ни одной репетиции, то картина наших достижений не покажется такой уж бледной. Перефразируя дрессировщика говорящей собаки, суть не в том, насколько хорошо мы поем, а в том, что вообще поем.

Верно, что люди от века беспрестанно убивали друг друга, и те, кому удавалось заполучить власть, всегда эксплуатировали тех, кто слабее. Верно, что в целом жадность вытеснила благоразумие и что сейчас она толкает нас к уничтожению окружающей среды, вне которой жизнь невозможна. Но почему должно быть по-другому? Осуждать за это человечество — все равно что судить акулу за ее кровожадность или оленя за то, что он вытаптывает свои пастбища. Безусловно, мы раз-

виваемся, однако для преодоления врожденных наклонностей нужно пройти еще очень и очень долгий путь.

В последние 30 лет движения и практики Нью Эйдж пытались вернуть мужчинам и женщинам их достоинство, утраченное под напором научного редуционизма. Но нередко они били мимо цели, впадая в противоположную крайность. Их слишком романтические представления о том, что такое человеческое совершенство, в избытке плодили ложный оптимизм и приносили людям лишние разочарования. Когда мыслители Нью Эйдж описывают, на что способен разум, трудно отличить метафоры от фактов. «Разум — это голограмма, фиксирующая всю симфонию космических вибраций... Любой разум содержит все происходящее в космосе... Разуму нет преград», — пишет восторженный теолог Сэм Кин. К счастью, все это неправда, поскольку если бы разум действительно фиксировал «всю симфонию космических вибраций» — что бы это ни значило, — он бы довел нас до безумия.

Проблема многих течений и движений Нью Эйдж в том, что хотя их идеи действительно сообщают некую истину о внутренних возможностях разума, зачастую люди прилагают полученное знание к внешнему материальному миру, и там-то их и поджидает разочарование. Возьмем, к примеру, семинар Тета, цитируемый Уильямом Хульмом: «Мыслитель в каждом из нас — это создатель Вселенной... В пределах нашего разума мы, несомненно, Бог, поскольку способны контролировать свои мысли, и то, что мы считаем истинным, становится таковым». С некоторыми серьезными оговорками это утверждение можно признать верным «в пределах нашего разума». Однако многие истинно верующие воспримут последнее утверждение — «то, что мы считаем истинным, становится таковым» — как относящееся к конкретным событиям, а не только к состояниям ума. Именно это неверное восприятие заставляет многих ожидать материальных результатов, когда речь идет «лишь» о духовных. Молитва, медитация, поклонение помогают внести гармонию в нашу внутреннюю

жизнь. Однако большинство людей ищут отнюдь не гармонии: они молятся, чтобы вернуть себе здоровье, выиграть в лотерею или завести любовницу. Предупреждение Иисуса Христа о том, что его царствие не от мира сего, многие современные ревностные христиане зачастую игнорируют.

Вместо того чтобы заявлять, что мы подобны Богу, нам стоит вспомнить о том, что 94% наших генов совпадают с генами шимпанзе, и подивиться тому, что некоторые из нас умудряются-таки строить соборы, создавать компьютеры или космические корабли. Тогда и существование людей, пытающихся помогать другим, предстанет перед нами во всей своей чудесной неожиданности. Если ожидаешь получить полный стакан воды, то стакан, наполненный до середины, покажется наполовину пустым; однако если вовсе не ждешь воды, тот же стакан предстанет наполовину полным.

Вы и я — часть эволюционного процесса. Мы сгустки энергии, запрограммированные на достижение эгоистических целей, но не для самих себя, а для сохранения и воспроизведения информации, закодированной в наших генах. Аттила, огнем и мечом прокладывая свой путь по Европе, мог считать себя «карой Божьей», а испанцы верили в то, что спасают души уничтожаемых ими индейцев, однако, по сути, все они подчинялись тем же импульсам, что заставляют птиц мигрировать, а леммингов идти к морю. Оглянувшись назад и ужаснувшись деяниям предков, можно прийти к выводу, что человек зол от природы. Но мы не лучше, чем должны быть, а может, и не хуже.

Время невинности, однако, уже прошло. Нельзя больше просто блуждать наугад в поисках удовольствий. Наш вид стал слишком силен для того, чтобы нам можно было руководствоваться одними лишь инстинктами. Птицы и лемминги не могут серьезно навредить никому, кроме себя, в то время как мы способны уничтожить все живое на этой планете. Невероятная мощь, которой мы достигли, требует соразмерной ответственности. Осознав мотивы наших действий и прояснив,

какое место мы занимаем в эволюционной цепи, мы должны выработать осмысленную программу ограничений, которая защитит нас самих и другие живые существа от последствий наших деяний.

ХОРОШЕЕ И ДУРНОЕ

Более шестисот лет тому назад на стенах зала городской ратуши Сиены художник Амброджо Лоренцетти написал две огромные фрески — «Плоды доброго правления» и «Плоды дурного правления». Сюжет первой похож на детскую книжку Ричарда Скэрри «Очень занятой мир» (*Busy Busy World*), где изображен город, в котором все дома сияют чистотой, сады полны фруктов и цветов и каждый занят чем-то полезным. Повсюду признаки процветания. В «Дурном правлении», наоборот, изображены спорящие и ссорящиеся люди, дома заброшены, а урожай поражен сорняками. Эти фрески — отличная иллюстрация того, что люди по всему миру понимают под хорошим и дурным: дурное — это энтропия: беспорядок, путаница, растрата энергии, неспособность выполнять работу и добиваться поставленных целей, а хорошее — это негативная энтропия, или негэнтропия — гармония, предсказуемость, целенаправленная деятельность, удовлетворяющая устремлениям человека.

К сожалению, нередко в эгоистических целях концепциям «хорошего» и «дурного» даются определения, служащие узким интересам. Жители Сиены желали для себя хорошего правления, но веками отчаянно сражались со своими соседями флорентийцами. Первые европейские поселенцы в Америке — даже самые религиозные из них — приписывали коренным жителям континента зловещие черты, такие как свирепость и дикость, дабы не стесняясь отнимать у них земли и жизни. Уильям Хаббард, одним из первых в 1667 году описавший коренных жителей Новой Англии, называл их «негодными предателями» и «детьми Сатаны». Для китайских коммунистов аме-

риканцы были империалистическими дьяволами, для иранцев мы просто дьяволы — и при этом сами мы в ответ представляем аятоллу и Саддама Хусейна воплощениями Сатаны. «Хорошее» и «дурное» — понятия относительные, и пока человек отождествляет себя исключительно с собственным телом, семьей, религией или этнической группой, они таковыми и останутся. Хорошее для меня, скорее всего, окажется дурным для тебя, и наоборот. Во времена холодной войны неурожай в России считался свидетельством нашего успеха, а русские толковали проблему наркотиков в США как знак собственного превосходства. Когда нравственная позиция опирается на ограниченные узкими интересами ценности, достичь всеобщего согласия в определении хорошего и дурного невозможно.

Единственная ценность, которую готов принять каждый человек, это продолжение жизни на Земле. Только эта цель объединяет все частные интересы. Но если такая видовая самоидентификация не перевесит индивидуальные самоидентификации через веру, нацию, семью или личность, будет трудно прийти к согласию по программе действий, способной гарантировать нашу будущность. В данный момент наш мозг запрограммирован генами на «заботу о себе», а также обществом на поддержку его институтов. Нам же придется изменить программу таким образом, чтобы нашим приоритетом стала забота о нуждах планеты в целом. Но возможно ли это? Как мужчины и женщины смогут преодолеть устремления, встроенные в их генетический код миллионы лет назад? Как сможем мы отучиться следовать мотивам, к которым нас приучали с первых часов жизни?

Наши нынешние цели и ценности подходят видам, постоянно вслепую сражающимся в жизненном потоке с другими видами. Они подходят пассажирам, а не штурманам. Но нравится нам это или нет, сейчас мы пилотируем космический корабль «Земля». Для этой роли мы должны создать новые инструкции, новые ценности и цели, в соответствии с которыми будем прокладывать путь среди множества опасностей. Но первое,

что нам надо сделать, — это рассмотреть, чем или кем является каждый из нас.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Процесс, названный нами эволюцией, обусловлен тем, что ничто никогда не остается неизменным. У живого, как и у неживого, есть лишь две взаимоисключающие возможности: позволить энтропии взять верх или попытаться победить систему. Эволюция — вторая из них. С течением времени любая форма, любая структура исчезает, поскольку ее составляющие возвращаются в неупорядоченное состояние. Клетки тела распадаются, органы изнашиваются, механизмы ржавеют, горные цепи обращаются в песок, а великие цивилизации погибают и предаются забвению. Даже звезды, когда их энергия истощается, умирают. Машина исправно работает несколько лет, а после этого, чтобы поддерживать ее на ходу, требуется прикладывать немало усилий. Купив дом, поначалу вы представляете себя владельцем надежного убежища, однако если вы не чините крышу, не укрепляете стены, не красите деревянные части, дом начинает разрушаться. Причина этого распада — энтропия, высший закон Вселенной.

Однако энтропия — не единственный действующий в мире закон. Есть и противоположно направленные процессы: созидание и рост действуют в той же степени, что и разложение и смерть. Вырастают великолепно упорядоченные кристаллы, развиваются новые формы жизни, появляются все более удивительные методы использования энергии. Каждый раз, когда порядок в системе поднимается на новую ступень, а не нарушается, мы можем утверждать, что действует негэнтропия.

Любая система, будь то скала или животное, прежде всего стремится сохранить себя в упорядоченном состоянии. В случае с живыми организмами большая часть того, что мы называем жизнью, состоит из попыток обеспечить собственную сохранность и воспроизводство. Кит будет стараться так долго,

как сумеет, оставаться китом и, пока не поздно, воспроизвести как можно больше своих точных копий. Для достижения этих целей кит будет противостоять энтропии, извлекая кислород из воздуха и калории из планктона, а также оберегая свое потомство от хищников и несчастных случаев.

Для обеспечения негэнтропии организм — отдельное тело, семейство или общественная система, — должен постоянно регенерировать и защищать себя, все более эффективно трансформируя энергию для собственных нужд. Высшие точки человеческой истории — это открытия, облегчившие дело нашей защиты от энтропии. Заслуженной известностью пользуется открытие огня. У одного из наших далеких предков возникла гениальная идея использовать, пусть временно и локально, горение против ледящего холода, одного из типичных проявлений энтропии. Развитие все более эффективных, все более удивительных систем — вот что мы называем эволюцией. К этому развитию нас побуждает то, что со временем системы, не становящиеся более эффективными, распадаются. Мы можем оставаться на одном месте, но даже для этого должны двигаться вперед.

Одна из основных движущих сил эволюции — конкуренция. Формы жизни сменяют друг друга на исторической сцене, и их существование зависит от того, насколько успешно они добывают энергию из окружающей среды, приспособлявая ее под свои нужды. Однако зачастую виды выживают, увеличив свои шансы на жизнь с помощью сотрудничества. Парадоксальным образом оно может оказаться весьма эффективным способом конкуренции. Однако до появления на сцене людей конкуренция и сотрудничество были совершенно слепы и произвольны.

Эволюцию можно описать еще одним способом: как отбор и выживание информации, а не форм жизни вроде динозавров и слонов. С этой точки зрения важна не внешняя, материальная форма организма, а скрытые в нем инструкции. Биологические организмы содержат исключительно подробные

сценарии, химически закодированные в их генах, и эволюция фактически направлена только на выживание этих инструкций. Слоны — всего лишь побочный продукт генетической информации, содержащейся в слоновьих хромосомах. Теоретически, имея подробное описание генов слона, можно создавать слонов. А без генетических инструкций слоны исчезнут с лица земли за одно поколение.

Большинство людей приняли идею биологической эволюции. Однако генетическая информация — не единственный вид информации, борющийся за самосохранение. Имеются и другие информационные модели, конкурирующие друг с другом за сохранение своей формы и продолжение себя во времени. Например, между собой конкурируют языки, а также религии, научные теории, стили жизни, технологии и даже элементы той области сознания, которую мы стали считать «личностью».

Каждый человек обладает удивительной способностью обдумывать информацию, воспринимаемую различными органами чувств, а также направлять и контролировать чувственное восприятие. Мы так привыкли считать эту способность чем-то самоочевидным, что редко задумываемся о ее сущности, но все же, насколько нам известно, это недавнее достижение эволюции принадлежит исключительно человеку. А если мы все же задумываемся о ней, то называем ее осознанием, сознанием, личностью или душой. Без нее мы бы лишь подчинялись инструкциям, запрограммированным на генетическом уровне в нервной системе. Однако наше рефлексивное сознание позволяет нам создавать собственные программы действий и принимать решения, не продиктованные какими бы то ни было указаниями генов.

Обычно мы представляем себе личность как гомункула, крошечного человечка, сидящего где-то в мозгу, который отслеживает поступающую через глаза, уши и другие органы чувств информацию, оценивает ее, а затем нажимает какие-то рычажки, заставляющие нас действовать тем или иным образом. Нам это миниатюрное существо кажется очень чувствитель-

ным и разумным мастером телесной машинерии. Те, кто считают его «душой», верят, что это дыхание Бога превращает обыкновенную глину наших тел в смертную оболочку божественного начала.

Современная нейробиология придерживается более прозаического взгляда на личность и ее эволюцию. Мозг, по всей видимости, не имеет особой структуры или нейрологической функции, ответственной за феномен «личности», или «сознания». Мыслительная способность возникает в ответ на миллионы сцеплений нейронов мозга, каждое из которых сформировалось для выполнения отдельной задачи, например восприятия цвета, удержания тела в равновесии или улавливания определенных звуков. Специализированная и ни с чем не связанная информация, предоставляемая этими нейронами, погуляв по мозгу, в конце концов достигает уровня сложности, для которого требуется внутренний регулировщик движения, направляющий и распределяющий по степени важности поток восприятий и ощущений. В некий момент далекого прошлого людям удалось развить такой механизм в форме сознания. Однако образ регулировщика движения также вводит в заблуждение, поскольку и он заставляет думать, что парадом внутри мозга командует гомункул, или совершенный маленький человечек. А сознание все же похоже скорее на магнитное поле, ауру или гармонический тон, которые возникли благодаря мириадам отдельных ощущений, накопленных мозгом.

С появлением рефлексивного сознания деятельность мозга, по-видимому, перешла на новый уровень. Наш мозг научился воспринимать уже не только разрозненные потребности, стремления, ощущения и идеи, соревнующиеся за «эфирное время» сознания и оказывающиеся там исключительно исходя из приоритетов, установленных врожденными химическими инструкциями. Теперь он также мог воспринимать всю совокупность этих импульсов как особую сущность, способную управлять царством сознания, решая, какие чувства или идеи возобладают над другими. Ощутив внутри себя эту направляющую сознание

силу, мы назвали ее личностью и стали считать ее чем-то само собой разумеющимся. И постепенно личность превратилась в важнейшую составляющую человеческого существа.

Со временем она стала казаться нам столь же реальной, как внешний мир, отраженный в наших чувствах. Как воздух, она всегда здесь; как тело, она имеет свои границы. Она может испытывать боль, но также способна воспарять, она растет, и ее возможности постепенно расширяются. И хотя любой человеческий мозг в состоянии создать рефлексивное сознание, видимо, не все люди используют его в равной мере. Кто-то почти полностью подчиняется инструкциям своей генетической модели или диктатуре общества, практически не задействуя сознание. А на другом конце спектра — те, кто развил автономную личность, которая выработала цели, отменяющие внешние инструкции, и фактически подчиняется лишь собственным правилам. Большинство же из нас находятся где-то между этих двух крайностей.

Однако, возникнув, личность — даже если при этом она практически не действует — начинает, подобно другим существам, выдвигать собственные требования. Она хочет сохранять свою форму, как-то воспроизводить саму себя даже после того, как носящее ее тело умрет. Личность, как и другие живые существа, стремится использовать энергию окружающей среды, препятствуя разрушительной для нее энтропии. Животное, лишённое сознательной личности, воспроизводит только информацию собственных генов. Но обладающий личностью человек стремится сберечь и распространить также информацию своего сознания. Личность, идентифицирующая себя с материальной собственностью, заставит своего владельца приобретать все больше и больше, не считаясь при этом с другими людьми. Личность Сталина, в основе которой лежало стремление к власти, не успокоилась, пока все, кто мог пошатнуть ее абсолютную власть, не оказались мертвы. Если же личность формируется благодаря верованию, сохранение этого верования будет значить больше, чем сохранение самого тела, —

христианские мученики больше, чем львов, боялись отречения от своей веры.

Именно по этой причине в следующем тысячелетии судьба человечества в большой степени будет зависеть от того, какие типы личностей нам удастся создать. Эволюция не дает никаких гарантий. Мы сможем стать полноправными участниками эволюционного процесса, лишь осознав свое место в том гигантском силовом поле, которое мы называем природой. В будущем нам не помогут ни чрезмерное смирение, ни агрессивная самоуверенность. Если личности наших детей и внуков окажутся слишком робкими, слишком консервативными или отстраненными и будут избегать перемен, спрятавшись в безопасный кокон, то в конечном счете им на смену придут более стойкие формы жизни. С другой стороны, если мы будем слепо рваться вперед, силой беря все, что можно, друг у друга и у окружающего мира, то опустошим нашу планету.

Будет ли продолжаться жизнь в этом мире и не превратится ли она в выживание, сейчас зависит от нас, от того, какие личности мы сможем создать и какие социальные формы сумеем построить. Несомненно, в это трудное время перед нами стоит множество важных задач — от сохранения тропических лесов до защиты озонового слоя, от снижения рождаемости до заботы о том, чтобы уже родившиеся не разорвали друг друга на части. Однако в долгосрочной перспективе нет задачи важнее, чем найти путь эволюционного развития личности. Это основа всех дальнейших перемен к лучшему. Чтобы история продолжалась, наш разум должен быть подготовлен к тому, чтобы вершить ее.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «РАЗУМ И ИСТОРИЯ»

Возможно, глубже понять затронутые в этой главе темы вам помогут ответы на приведенные ниже вопросы. После каждого из них оставлено свободное место, где вы можете кратко записать свои мысли. Так сделано во всех главах. А заноса более

подробные ответы в отдельный блокнот или в компьютер, вы сможете приступить к созданию собственной расширенной версии этой книги, что подтолкнет вас к более полному рассмотрению своих идей.

Взаимозависимость

Предположим, что вы не испытываете трудностей с деньгами. Можете ли вы представить место, куда бы вам хотелось удалиться, чтобы укрыться от проблем большого мира? Выберите ли вы лагерь хорошо вооруженных сервайвелистов¹, изолированную культуру, как на Бали, или островок, затерянный в Карибском море? Будете ли вы там счастливы? Почему?

В какой области своей жизни вы полностью самодостаточны? Допустим, вы не можете рассчитывать на помощь других людей — сумеете ли вы обеспечить себя едой и питьем? Сможете ли поддержать свою машину в рабочем состоянии? В какой мере вы владеете информацией, необходимой для выживания?

Эволюция

В наши дни почти половина населения Соединенных Штатов считает, что наш мир был создан около шести тысяч лет назад. Если вы придерживаетесь иного мнения, задумывались ли вы когда-либо о том, какова продолжительность истории США в сравнении с историей человеческого рода, как ее сейчас представляют большинство ученых, или с историей Земли?

Можете ли вы назвать эпоху человеческой истории, в которую предпочли бы жить вместо настоящего времени? Если да, то почему?

¹ Участники движения за выживание в условиях ядерной войны и других катастроф. — *Прим. ред.*

Случай и необходимость

Рассмотрев всю свою жизнь до этого дня, решите, много ли у вас было возможностей выбора. Сами ли вы выбирали учебные заведения? Поступили ли в тот колледж, в который хотели? Сами ли решали, кто будет вашим другом или партнером? Ваша работа — это свободно избранное призвание или в той или иной степени дело случая? Словом, является ли какой-то аспект вашей жизни результатом взвешенного выбора?

Что в большей степени определяло вашу жизнь — случай или необходимость? Как бы вы описали, в чем заключается разница между ними? И насколько важно, что из них играет решающую роль?

Свобода

Когда вы чувствуете себя наиболее свободным — в одиночестве или с другими людьми? Когда работаете или отдыхаете? Происходит ли ощущение свободы из знания, что вы можете делать все, что пожелаете, или, наоборот, из понимания, что вы делаете то, что должны?

Кажется ли вам, что в вашей жизни недостаточно свободы? Ощущаете ли вы порой на работе, делая что-то не по своей воле, что попали в накатанную колею? А дома? Каким образом вы могли бы вернуть себе контроль над той областью жизни, где, как вам кажется, его недостает? Что этому мешает?

Хорошее и дурное

Каковы главные источники энтропии в вашей жизни? Что больше всего огорчает, раздражает, угнетает вас? Кто в этом виноват?

Личность

Что движет вами в жизни — жажда славы или богатства, желание, чтобы вас любили или боялись, чтобы вам завидовали или благодарили вас? Чего вы не можете лишиться, не потеряв себя?

Принимая во внимание все, что вы знаете о себе, о том, что делает вас счастливым, свободным или ограничивает вас, подумайте, какой вклад вы могли бы внести в историю? И что будет, если вы ничего не сделаете?

Кто управляет разумом?

Последним нескольким поколениям уже понятно, что величайшая угроза выживанию человеческого рода исходит не от природы, а от нас самих. Еще не так давно человек мог причинить вред только себе и тем, кто находился в непосредственной близости от него. Всего столетие назад для человека «радиус возможного поражения» едва превышал расстояние ружейного выстрела. Негодяй или безумец обладал чрезвычайно ограниченными возможностями для совершения злодеяний. Однако за последние полвека вероятность того, что один человек сумеет причинить серьезный, масштабный вред, резко возросла. Безумный генерал может развязать войну, которая уничтожит мир, террорист-фанатик способен в одиночку принести большие разрушения, чем орды Чингисхана. И всего одно поколение законопослушных и благонамеренных граждан, таких как вы и я, может своими изобретениями отравить атмосферу и сделать планету непригодной для жизни. Для наших предков попытки понять себя были удовольствием и роскошью. Но в наши дни контроль над человеческим разумом стал необходимостью, и для выживания нашего вида это важнее, чем все те открытия, которые могут быть сделаны в области фундаментальных наук.

Чтобы развить в себе способность взаимодействовать с силами эволюции, нам необходимо хорошо понимать, как функ-

ционирует наш разум. Можно всю жизнь водить машину, не имея представления о том, как работает двигатель, поскольку цель вождения — попасть из одного места в другое, неважно каким способом. Но прожить всю жизнь, не понимая, как мы думаем, почему и как мы чувствуем и что руководит нашими действиями, означает упустить самое главное в ней, а именно, качество опыта как таковое. В конце концов, самым важным для каждого остается то, что происходит в сознании: накапливаясь со временем, минуты радости и часы скорби определяют нашу жизнь. Не научившись контролировать происходящее в нашем сознании, мы не сможем даже получать удовольствие от своей жизни, не говоря о возможном вкладе в историческое развитие. Поэтому первый шаг к управлению разумом — это понимание того, как он работает.

Без сомнения, мозг — одно из наиболее выдающихся достижений эволюции. Но к сожалению, несмотря на все его чудесные свойства, он обладает и несколькими не слишком желательными качествами. Достигнутая в результате эволюции глубокая специализация обычно подавляет другие возможности: летучая мышь обладает исключительно чувствительным сонаром, но плохо видит; у акулы тоже плохое зрение, но великолепное обоняние. Наш мозг — это мощный компьютер, который в числе прочего запрограммирован на то, чтобы ставить препятствия на пути истинного восприятия реальности. И первое из них — сама нервная система. Чем глубже мы познаем работу разума, тем больше понимаем, что фильтру, через который мы воспринимаем мир, свойственны некоторые специфические особенности. И пока мы не изучим их, наши мысли и действия будут оставаться вне подлинного сознательного контроля.

ВЕЧНАЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ

Предположение о том, что деятельность человеческого разума, возможно, страдает неким «врожденным пороком», высказывалось разными способами и в разные исторические эпохи.

Например, Сюнь-цзы, философ конфуцианской школы, живший в III веке до н. э. и оказавший большое влияние на образ мышления китайцев, построил свое учение на предположении об изначальной порочности человеческой природы. Лишь с помощью жесткой самодисциплины, ритуалов, правильной музыки и достойных подражания образцов поведения отдельный человек мог надеяться на исправление. Похожим образом, одним из основных догматов христианской философии является первородный грех. Согласно этому догмату мы порочны от рождения. Здесь важно отметить причину: по Библии, так произошло потому, что Адам и Ева, нарушив повеление Бога, вкусили плод дерева познания. Иными словами, корень зла крылся в стремлении узнать больше. По-видимому, мораль здесь такова: если бы мы, подобно другим животным, приняли свою судьбу и не стремились к рефлексивному сознанию и свободному выбору, то так и жили бы в гармонии в Эдемском саду.

В чем-то схожее понимание природы человека характерно для истории гётевского Фауста. С годами ученый Фауст разочаровался в своих достижениях. Философия ему наскучила, плотские слабости претят, погоня за славой, деньги, женщины, развлечения, вино и музыка раздражают, он презирует даже веру и надежду. И все же, признается он, «в любом наряде буду я по праву тоску существованья сознавать. Я слишком стар, чтоб знать одни забавы, и слишком юн, чтоб вовсе не желать»¹. Тут Фаусту является сам дьявол в образе Мефистофеля и предлагает свои услуги. Он обещает облечь в плоть его неясные желания и подарить счастье в обмен на душу после смерти. Фауст соглашается на сделку, так как уверен, что даже сам дьявол не сумеет заставить его оценить дары жизни. Он заключает с Мефистофелем следующий договор:

*По рукам!
Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —*

¹ Здесь и далее в переводе Б. Пастернака. — *Прим. пер.*

*Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, — я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.*

Нам долго кажется, что Фауст заключил удачную сделку, ведь какие бы богатства, почет и власть ни предлагал дьявол, Фауст всегда умудряется найти их скучными и бессмысленными. Ничто не может заставить его воскликнуть: «Мгновение, повремени!» (В конце концов бедного Фауста все же настигает злой рок, однако эта часть истории для нас уже не имеет значения.)

Традиционно героя Гете принято истолковывать как воплощение архетипа современного человека. Однако импульс, заставляющий постоянно стремиться к новым и новым приобретениям, никогда не находя удовлетворения, по-видимому, существует гораздо дольше и более универсален, чем мы думаем. На деле он, возможно, является встроенной функцией нервной системы не только человека, но и менее развитых животных. Вот что говорит невролог и антрополог Мелвин Коннер:

«Мотивационные участки нашего мозга, в частности гипоталамус, обладают функциональными характеристиками, по-видимому, связанными с постоянной человеческой неудовлетворенностью. Эксперименты с латеральным гипоталамусом животных показывают, что смесь беспокойства и желания — хроническое внутреннее состояние организма, пожалуй, лучше всего описываемое фразой “Я хочу”, в которой объект желания может быть назван или нет».

Если это так, подобный механизм был бы весьма полезен для выживания вида, обеспечивая нам постоянную бдительность и поиск новых возможностей для овладения большим

числом вещей и контроля над большим количеством энергии, благодаря чему мы и наши потомки приобрели бы бóльшую жизнеспособность. Но, видимо, нам приходится платить за этот прекрасный план ту же цену, что и Фаусту: мы никогда не удовлетворимся нашими достижениями, по крайней мере, пока не обнаружим, что эволюция поставила разум на бесконечную «беговую дорожку».

В повседневной жизни легко обнаружить фаустовскую неудовлетворенность. У желания нет естественного предела. Безработный может думать, что был бы счастлив, получая 30 000 в год. Однако тот, кто уже зарабатывает эту сумму, уверен, что его сделают счастливым только 60 000 в год, а тот, кто имеет 60 000, думает, что для спокойствия души нужны 100 000. И так до бесконечности. То же верно и в отношении материальной собственности: дом, где мы живем, всегда недостаточно хорош, наша машина всегда недостаточно нова. Многочисленные исследования показывают, что эскалация ожиданий неизбежна в любом обществе, позволяющем человеку улучшить свою жизнь.

По-видимому, разум действует в соответствии с общей задачей постоянно отслеживать возможности улучшить положение человека, поскольку в противном случае подвернувшейся возможностью воспользуется кто-то другой. Рабочий принцип таков: человек должен всегда стремиться к большему просто для того, чтобы не проиграть. Такое мировоззрение отражает закон джунглей: эта врожденная паранойя, вероятно, была отчасти полезна, а может, и незаменима для выживания. Развитие цивилизации во многом проявлялось в создании небольших защищенных островков существования, где конкуренция и риск сводились к минимуму и где мы могли на какое-то время почувствовать себя в безопасности и ослабить бдительность. Племенные пляски, религиозные обряды, художественные представления, игры, спорт и сам по себе досуг создают эти блаженные оазисы. Но некоторые, даже играя в гольф, не могут перестать думать об умножении собствен-

ности и о конкуренции. Было бы идеально, если бы человек, становясь в нужный момент амбициозным перфекционистом, мог затем с чувством удовлетворения расслабляться. Однако начав понимать, на что мы запрограммированы, мы получаем возможность преодолевать предписания генов, когда их требования становятся неприемлемыми, и таким образом в некоторой степени управлять древней силой эволюции.

ХАОС И СОЗНАНИЕ

Считается, что, даже если мы ничем больше не управляем, мы можем управлять хотя бы ходом своих мыслей. И пусть большинство из нас смирились с теорией Фрейда, утверждающей, что наш разум зачастую подвержен влиянию подавленных желаний, и, кроме того, все знают, как уязвима нервная система для воздействия наркотиков и физиологических процессов, мы все-таки продолжаем верить, что способны думать о чем захотим и когда захотим.

Тем не менее есть много свидетельств того, что мыслительные процессы не так упорядочены, как нам хотелось бы думать. Больше того — можно утверждать, что естественным состоянием ума является не порядок, а хаос. В отсутствие привлекающего внимание внешнего стимула, например беседы или стоящей перед нами задачи, газеты, которую хочется почитать, или телевизионной программы, мысли начинают беспорядочно разбредаться. Вместо приятной логической цепочки сознательных ощущений вдруг возникают посторонние мысли, и, как ни старайся, едва ли удастся думать об одном и том же дольше нескольких минут.

Это подтверждают исследования сенсорной депривации. В одиночном заключении (в тюрьме или специальной депривационной камере для исследовательских экспериментов) люди, изолированные от звука, света и лишённые возможности действовать, вскоре теряют направление мысли и, по их описаниям, испытывают странные, неконтролируемые фантазии

и галлюцинации. Чтобы оставаться в упорядоченном состоянии, мозгу нужна упорядоченная информация. Имея ясные цели и получая обратную связь, сознание работает без сбоев. Именно поэтому игры, спорт и ритуальные церемонии являются одними из наиболее приятных видов деятельности — они упорядочивают внимание внутри узких границ при помощи ясных правил. Даже выполнению работы, порой ненавистной, свойственны упорядоченность и непрерывность. Когда их нет — хаос возвращается.

Другое доказательство таково: в ходе опросов люди утверждают, что часто испытывают апатию и неудовлетворенность, когда находятся одни и им нечем заняться. Парадоксальным образом, когда мы наиболее свободны и можем делать все, что захотим, мы менее всего способны действовать. В таких ситуациях свободно блуждающий ум рано или поздно наталкивается на какую-нибудь болезненную мысль или неудовлетворенное желание. Большинство из нас не способны в подобных обстоятельствах просто собраться и начать думать о чем-то полезном или радостном. Неудивительно, что для многих людей в западном мире худшее время на неделе — это воскресное утро с десяти до полудня. Для тех, кто не ходит в церковь, это наименее структурированный отрезок времени, когда нет ни каких-либо внешних требований, на которые необходимо отреагировать, ни привычных целей, привлекающих внимание. Человек завтракает, читает воскресную газету, а что потом? К полудню он решает посмотреть телепрограмму, прокатиться на машине или покрасить заднее крыльцо. Принятое решение задает мыслям новое направление, и то, что тревожило его, вновь скрывается на периферии сознания.

Как ни странно, на работе большинство людей пребывают в лучшем расположении духа, чем дома. На работе обычно понятно, что нужно делать, и человек может определить, насколько хорошо он работает. И все же мало кто хочет побольше работать и поменьше отдыхать. А тех, кто все-таки стремится к этому, называют «трудоголиками». И никто не замечает,

что работа, которой мы хотим избежать, в действительности приносит нам больше удовлетворения, чем свободное время-препровождение.

А ведь это тоже объяснимо с точки зрения эволюции. Если бы мы могли приятно проводить время в собственном обществе, наслаждаясь своими мыслями, — кто бы тогда стал охотиться на саблезубых тигров? Или согласился бы два часа стоять в пробках, чтобы доехать до работы? Может, это и к лучшему, что для функционирования нашего ума требуется внешняя структурированная информация — таким образом мы устанавливаем определенное соответствие между объективной и субъективной реальностью. Умей мы создавать приятные фантазии независимо от того, что происходит за пределами нашей черепной коробки, мы бы оказались в затруднительной ситуации. Если бы мысли о сексе доставляли такое же удовольствие, как сам секс, у нас уже давно перестали бы рождаться дети. Поэтому ощущение неудовольствия, которое испытывает ум, не занятый целенаправленной деятельностью, служит целям самосохранения.

И все же одно дело признавать мудрость этого решения природы, а другое — принять его последствия. В конце концов, если наша цель в том, чтобы управлять сознанием, нам нужно научиться функционировать хотя бы отчасти независимо от внешних стимулов. Но есть ли возможность освободиться от влияния этого предохранительного механизма, созданного в ходе эволюции?

Есть два способа избежать беспорядочного течения мыслей, обычно воспринимаемого как болезненное ощущение страха или скуки. Первый состоит во внешнем упорядочивании ума. Выполняя какую-либо задачу, разговаривая с другими людьми или даже смотря телевизор, мы структурируем наше внимание и способны следовать более или менее линейному паттерну. Второй способ упорядочения заключается в развитии внутренней дисциплины, позволяющей сосредотачиваться усилием воли. Последнее значительно сложнее, и люди, занимающиеся

медитацией, йоги, художники и ученые обучаются этому многие годы. Как бы то ни было, разум не перейдет к упорядоченным и приятным паттернам переживания, если человек не будет направлять энергию на формирование сознания. Достичь этой цели можно многими способами, однако все они предполагают развитие самостоятельно избранных привычек. Это может быть тренировка тела с помощью йоги или боевых искусств; развитие таких увлечений, как работа по дереву, рисование, игра на музыкальном инструменте или сосредоточенная умственная деятельность, например чтение Библии, занятия математикой или стихосложение. Любая требующая навыков целенаправленная деятельность не позволит беспорядку завладеть разумом и довести его до безумия.

НЕУЛОВИМОЕ СЧАСТЬЕ

Но наш разум обладает еще одной склонностью, затрудняющей получение удовлетворения. Мы уже упоминали, что если внимание не сосредоточено на конкретной задаче, например работе или разговоре, нас начинают одолевать случайные мысли. Причем слово «случайные» не означает, что эти мысли могут с одинаковой вероятностью быть радостными или грустными. На деле, как правило, мысли, приходящие на ум в минуты несосредоточенности, оказываются гнетущими. Тому есть две причины.

Прежде всего, если задуматься обо всех возможных темах для обдумывания, то негативных окажется больше, чем позитивных. В нашей жизни всегда больше «плохого», чем «хорошего», просто потому, что исходы, определяемые нами как «хорошие», в основном редки и маловероятны. Например, когда я думаю о здоровье, есть лишь один позитивный вариант — хорошее здоровье — и сотни негативных, представляющих различные болезни. Блуждая, мой ум, скорее всего, высветит один из множества негативных вариантов. Если я переезжаю в новый дом, вполне вероятно, что с ним все в порядке. Однако

еще вероятнее, что крыша может начать протекать, а трубы засорятся, электропроводка окажется неисправной и т. д.

Важно отметить, что, при прочих равных, чем выше цели, тем более вероятно разочарование. Как только человек замысливает на большее, вероятность успеха автоматически снижается. До какого веса проще похудеть среднестатистическому толстяку: до 80 или 90 кг? Если моя цель — 80 кг, то мысль о весе расстраивает меня больше, чем при цели 90 кг. Если я хочу зарабатывать \$250 000 в год, то нынешний доход огорчает меня сильнее, чем если бы мне было достаточно половины этой суммы. Таким образом, один из простейших способов избавиться хотя бы от части негативных мыслей — избирательное снижение ожиданий. Это не означает, что большие амбиции непременно порождают ощущение несчастья. Однако мы часто ожидаем в различных областях своей жизни слишком многого, из-за чего разочарование становится неизбежным.

Вторая причина обращения свободно блуждающего ума к негативным мыслям заключается в том, что склонность к пессимизму может иметь адаптивную функцию — под «адаптацией» мы имеем в виду возрастающую вероятность выживания. Человек обращается к негативным возможностям так же, как стрелка компаса поворачивается к магнитному полюсу, поскольку это надежный способ предугадать опасные ситуации. Положительный исход событий приносит удовлетворение, однако не требует выделения дефицитной психической энергии на его обдумывание. Размышляя же о неприятных возможностях, мы можем подготовиться к неожиданностям.

Наш настрой на отрицательные исходы хорошо иллюстрируется тем особым интересом ко всевозможным катастрофам, который демонстрируют большинство людей. Авария, пожар или уличная драка немедленно собирают жадную до зрелищ толпу. Жестокость и опасность притягивают внимание, тогда как мир, спокойствие и довольство оставляют человека безучастным. Поскольку СМИ прекрасно знают об этой склонности,

газетные статьи полны ужасов, а в телешоу проливаются реки крови. По этой причине среднестатистический ребенок, прежде чем становится взрослым, видит по телевизору более семидесяти тысяч убийств. Интересно посмотреть, к каким результатам приведет в долгосрочной перспективе такая визуальная «диета».

Когда ум сосредотачивается на чем-то негативном, в сознании возникает конфликт. Этот конфликт, или психическая энтропия, воспринимается как негативная эмоция. Нащупав лысину у себя на голове, я могу задуматься о неприятных последствиях старения, и настроение испортится. Или мой ум может погрузиться в размышления об обстановке на работе и о том, что кое-кто из коллег пытается сделать карьеру за мой счет, а это злит и пугает меня. Или я могу лениво размышлять, почему моя жена еще не вернулась домой, и вдруг почувствовать ревность и беспокойство. Подавленность, злоба, страх, ревность — все это лишь различные проявления психической энтропии. В каждом случае внимание обращается к противоречащей нашим целям информации, и несоответствие между тем, чего хочешь, и тем, что есть на самом деле, создает внутреннее напряжение.

Но негативные эмоции не всегда зло. Множество великих картин и книг было написано в попытке спастись от депрессии. Ненависть заставляла революционеров создавать более справедливые общественные институты. Страх перед молнией привел к изобретению громоотвода. Однако чересчур продолжительные негативные эмоции захватывают сознание и затрудняют управление мыслями и поступками. Более того, субъективное восприятие страха, ненависти и прочего нам неприятно, поэтому чем чаще мы испытываем подобные чувства, тем несчастнее становится наша жизнь.

Человеческий разум отличает не только «фаустовская» неудовлетворенность, но и «викторианская» сладострастная одержимость печальной стороной жизни. Поэтому если мы позволим полезным в прошлом генетическим программам управ-

лять нашим сознанием, то это отравит наше существование в настоящем. Те, кто постоянно беспокоится о грядущих неприятностях, возможно, хорошо подготовлены к опасностям, но им не суждено узнать, какой приятной может быть жизнь. Самое лучшее — найти равновесие между тем, что хорошо для нас в контексте вида, и тем, что хорошо для нас, как для отдельных личностей, живущих здесь и сейчас. Мы не можем просто взять и отвергнуть предписания генов, но, слепо следуя им, рискуем утратить то, что делает нашу жизнь осмысленной и значимой.

ГРАНИЦЫ РАЗУМА

Насколько нам известно, уже в далеком прошлом (хотя известно нам не так уж много) люди пытались постигнуть смысл собственной внутренней жизни. Мысли и чувства окутаны тайной. Откуда они берутся? Существуют ли они на самом деле? Куда они уходят? Греки верили, что чувства и мысли рождаются в груди, индусы считали, что они возникают в различных точках, расположенных вдоль позвоночника, а китайцы полагали, что мы думаем сердцем. Пытаясь объяснить, что такое сознание, одни культуры приходили к выводу, что устами живых говорят духи умерших предков, другие верили, что это голоса богов или демонов.

Прошло немало времени, прежде чем люди начали воспринимать разум отдельно от тела и осознали, что ментальными процессами можно управлять. Общее отношение, по-видимому, было следующим: мышление самопроизвольно, как дыхание и потоотделение. Жизнь разума считалась частной функцией организма в целом, столь же недоступной нашему контролю, как пищеварение. Римская поговорка *Mens sana in corpore sano*, или «В здоровом теле здоровый дух», отражает представление о неотделимости мышления от телесных функций. Гармонию умственной и физической деятельности особо подчеркивали восточные культуры, где разделение души

и тела никогда не было столь значительным, как на Западе. Например, в йоге считается, что правильная диета, правильная осанка и правильное дыхание определяют мысли, эмоции и активно влияют на способность концентрироваться.

К тому времени, когда греческие философы приступили к систематическому исследованию природы сущего, уже было понятно, что мыслительные процессы следуют своим собственным законам и что их можно формировать и направлять по собственному усмотрению. Ведь пройдя правильную интеллектуальную подготовку, слепой поэт может писать прекрасные стихи, а хромой философ — провозглашать выдающиеся идеи.

Вслед за этими философами было провозглашено главенство разума над телом. В XIII веке святой Франциск в своих проповедях называл тело «братом ослом» — оболочкой из мяса и костей, трудолюбиво носящей ум в его путешествии (конечно, и душу тоже, но это, в общем-то, уже другая история).

В XVII веке эта дихотомия достигла наивысшей точки своего развития в беспощадном анализе умственного процесса, проведенном Рене Декартом. Декарт полагал, что поток рационального мышления может существовать независимо от всего остального — тела с его нуждами, предшествующих знаний, культурных ценностей и даже собственной выгоды. Он доказал обоснованность своих утверждений тем, что провел годы в продуваемой всеми ветрами крестьянской лачуге на морском берегу в Нидерландах, где создал невероятное количество изящных теорий. Его научные интересы распространялись от оптики, интегрального и дифференциального исчисления до первых систематических вылазок в эпистемологию. Идеи, сформулированные Декартом, имели огромное освобождающее влияние, поскольку обещали, что если люди просто сядут и хорошо все обдумают, то придут к одинаково истинным выводам.

К сожалению, вскоре стало понятно, что мозг не обособлен от остального тела и что он не является только логико-геоме-

трической машиной для проведения дедуктивных операций. К такому заключению подталкивали, в частности, постоянные свидетельства иррационального человеческого упрямства, проявляющегося в бессмысленных войнах, жестоких диктатурах, бесполезных революциях и множестве других форм очевидно неразумного поведения. Эти идеи нашли теоретическое воплощение в трудах Зигмунда Фрейда, показавшего, что мыслями и действиями предположительно серьезных и нормальных людей правят вытесненные воспоминания о событиях детства. Например, споря со своим боссом о предложенной им компании продаж, я могу очень логично излагать рыночные и демографические тренды, однако подлинной причиной моих возражений остается моя враждебность к собственному отцу, которую босс во мне пробуждает. Цифры, которые я использую, — всего лишь логические трюки, которые я мог бы интерпретировать совершенно иным образом, относись я к боссу иначе. Вот и вся автономность мыслительного процесса.

Еще одним противником идеи полной независимости разума стал марксизм. Это учение подчеркивало роль личной материальной заинтересованности в формировании наших предположительно рациональных аргументов. Марксизм утверждал, что средневековые философы не умели отделить собственные идеи от интересов поддерживавшей их церкви; что ученые и философы эпохи Просвещения выдвигали теории, близкие по духу классу торговцев, а мыслители XIX века не просто следовали голосу разума, а отражали потребности правящего капиталистического класса. По-видимому, ученые-марксисты также позволили коммунистической бюрократии сформировать собственное мышление. С этой точки зрения, внешне рациональная аргументация — зачастую лишь замаскированная идеология, пытающаяся преобразовать эгоистические интересы в универсальные истины.

Однако не успел марксизм утратить свою интеллектуальную привлекательность, как плодородная почва Европы породила новых борцов с разумом. В последние десятилетия дело

Маркса и Фрейда по развенчанию разума продолжают деконструкционизм и постмодернизм. Деконструкционизм — последнее воплощение регулярно применявшегося в прошлом подхода, в соответствии с которым невозможно никакое знание, за исключением непосредственного восприятия. Если я попытаюсь рассказать вам о своем тяжелом детстве, мои слова внесут в повествование первый уровень искажения, а ваше толкование моего рассказа исказит его еще больше. Ни логические, ни научные рассуждения не помогут избежать искажения предмета при попытке сообщить другим свое знание. Невозможно передать реальность посредством слов, все обобщения сомнительны, а одинаковое понимание предмета разными людьми — иллюзия.

Разумеется, рационалисты не сдаются. Не страшась по-детски романтических обобщений, которые делают те, кто отказывается признавать любые притязания на объективное знание, они весело шагают своим путем, веря в упорядоченность Вселенной и способность разума этот порядок постичь. В своем стремлении к чистой истине рационалисты порой настолько упрощают сознание, что превращают его в собственную карикатуру. Нынешние картезианцы — это представители когнитивистики, верящие, что, изучая работу компьютеров, они могут узнать, как мы думаем. Сходство между умом и компьютером нередко поучительно, однако полагая, что компьютеры подобны зеркалам, отражающим устройство разума, многие когнитивисты начинают путать отражение с реальностью.

Принимая во внимание все наши новые знания, полученные за последнее столетие, представляется, что Декарт был прав, когда считал разум способным следовать универсальным рациональным принципам, но (и это очень важное «но») лишь до той поры, пока он следует универсальным рациональным принципам. Это, конечно, тавтология, но совсем не случайная. Мы думаем как компьютеры, когда думаем как компьютеры. Однако данная конкретная функция представляет собой

лишь малый аспект нашего мышления. Любой нормальный человек при желании может выучить шахматные правила и, играя в шахматы, внешне вести себя так же рационально, как какой-нибудь автомат. Однако логические построения — это лишь малая часть того, что происходит в сознании любого шахматиста. Ему приятно держать в руках точеные фигуры; он чувствует облегчение, сбежав от забот реального мира к легко управляемой и самодостаточной деятельности, радуется победе над соперником и счастлив от того, что сумел справиться с трудной задачей. Все эти чувства присутствуют в уме шахматиста, и не будь их, кому бы захотелось следовать правилам логики? Компьютер, напротив, лишен выбора, играть ему или нет.

С точки зрения логики ошибочен вывод Герберта Саймона и других пророков новых когнитивных наук о том, что если удастся запрограммировать компьютер на совершение научного открытия, например, ньютоновых законов движения, то это будет означать, что компьютер работает в точности как ум Ньютона, когда тот выводил эти законы. Мы можем с уверенностью сказать, что в момент создания этих законов в сознании Ньютона имелось столько же нерациональных элементов, сколько и у шахматиста, и что для Ньютона чувства и интуиция были важнее логики. Способность компьютера получить ньютоновы результаты за несколько секунд (при условии, что в него заложена предварительно отобранная информация и точные правила — а все это подразумевает предшествующее знание и поэтому совершенно несопоставимо с первоначальной ситуацией) не более удивительно, чем способность любого из нас за те же несколько секунд сделать фотокопию фресок Сикстинской капеллы, на которые у Микеланджело ушел добрый десяток лет. И тем не менее никто не станет утверждать, что, поняв работу фотоаппарата, можно постичь ход мыслей художника.

Рациональное мышление хорошо действует в рациональных «играх», таких как шахматы, геометрия, интегральное

и дифференциальное исчисление, основанных на четких правилах и ограниченном наборе посылок. Играть в войну с помощью логики легко в армейском штабе, но гораздо труднее на поле боя. Экономисты — большие мастера моделировать экономическое поведение исходя из всевозможных предпосылок, но глупо ожидать предсказуемости смоделированных типов поведения в жизни, где никакие предпосылки не работают. Священникам легко исполнять религиозные предписания в упорядоченных церковных ритуалах, но очень трудно поступать так в сумятице частной жизни. Бейсболисты ведут себя предсказуемым и упорядоченным образом во время игры, но уберите судей — и их поведение очень скоро изменится.

Хорошо иметь рациональные, логические структуры и упорядочивать с их помощью мысли и поступки. Большая часть так называемой цивилизованности состоит из попыток рационализировать жизнь, сделав поступки разумными и предсказуемыми. Однако цивилизация — хрупка, она требует постоянной защиты и заботы. А без них разум не будет вести себя логично. И нет гарантий, что под нажимом эволюции поведение будет становиться все более рациональным. Можно, например, утверждать, что в прошлом война была более рациональна, когда армии сражались, преимущественно чтобы произвести впечатление, а не уничтожить друг друга, военные кампании останавливались, чтобы не мешать сбору урожая, сражения прекращались с заходом солнца, а жертвы среди гражданского населения считались дурным тоном. Также и экономическое поведение, по-видимому, было более рационально в прошлом, пока приобретение собственности не стало для людей единственным мотивом, побуждающим к действию. Если мы стремимся к более рациональному поведению, то нельзя ожидать, что оно возникнет само по себе: мы должны затратить свою психическую энергию на создание и поддержку упорядоченных сводов правил.

Но предположим, что можно, сведя все варианты выбора к бинарной компьютерной логике, научиться следовать со-

вершенно рациональной программе действий, обязательной для каждого члена общества. Гарантирует ли это безоблачное будущее? Также маловероятно. Логика лучше всего работает в закрытых системах с установленными правилами, где исход можно предсказать заранее. Создание мотора или конструирование моста, игра в шахматы или бейсбол, решение стандартной задачи — все эти виды деятельности допускают пошаговый аналитический подход.

Будущее, однако, не вписывается в рамки правил и предсказуемых исходов. Мы должны развить нечто превосходящее логику, если хотим в будущем достичь процветания. Мы должны развивать интуицию, дабы предвидеть грядущие изменения, эмпатию, дабы понимать то, что нелегко выразить, мудрость, дабы увидеть связь между внешне не связанными явлениями, а также креативность, чтобы найти новые способы ставить задачи и устанавливая новые правила, позволяющие адаптироваться к неожиданностям.

Закономерность можно запрограммировать на компьютере, поскольку его правила мало изменяются со временем. Но нельзя ограничить строгими правилами эволюцию человека. Она должна сохранять гибкость, чтобы охватывать все открывающиеся возможности калейдоскопически переменной окружающей среды. Интуиция, эмпатия, мудрость и креативность — составляющие человеческого эволюционного процесса; они меняются с течением времени как явления, а вместе с ними меняется и то, как мы их понимаем. Если бы мы запрограммировали компьютер на эти качества, они бы почти сразу устарели, поскольку с каждым новым поколением условия, воздействующие на человеческое сознание, изменяются — малозаметно, но значительно. Например, отношение к женщинам, которое еще несколько десятилетий назад считалось совершенно приемлемым, сейчас покажется явно сексистским. Это изменение не было логически предопределено, а стало результатом множества отдельных событий в жизни людей. Компьютер не смог бы заставить эти программы рабо-

тать, поскольку чтобы рассчитать то, что еще не стало рациональным, необходим разум, зависящий от живущего в уникальном историческом и культурном контексте тела.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ УДОВОЛЬСТВИЯ

Излишняя рациональность опасна так же, как и чрезмерная вера в мудрость тела. Наши предки не раз переходили от веры в свой разум к вере в свои чувства, выбирая то Аполлона, то Диониса. Эти перемены мировоззрения описал социолог и культуролог Питирим Сорокин: по его мнению, идеациональные, или ориентированные на духовные ценности фазы в истории культуры сменялись *чувственными*, ориентированными на получение удовольствия. Нам выпало жить в переходный период, начавшийся на стыке веков, набравший силу после Первой мировой войны, ускорившийся после Второй мировой и достигший пика в конце 1960-х. Для нынешней чувственной фазы характерна возрастающая легитимация материализма (люди, возможно, и раньше интересовались преимущественно материальным, однако мало кто признавал это открыто), постепенный отказ от поведенческих ограничений и моральных кодов, воспринимаемых как лицемерие и мракобесие, утрата веры в вечные ценности, нарциссическая сосредоточенность на себе и беззастенчивый поиск чувственных удовольствий.

Одной из популярных формулировок этого мировоззрения стала «философия Playboy», вдохновленная Хью Хефнером, издателем со Среднего Запада, который выпустил первый массовый журнал нового чувственного века. Проводниками этой философии стали и множество прославляющих безграничный потенциал человека сект, направлений психотерапии и жизненных стилей, возникших на Западном побережье за два последних поколения. В соответствии с основной идеей этого движения, мы должны делать то, что ощущаем как правильное, поскольку тело лучше знает, что ему нужно. Любая попытка помешать получению удовольствия вызывает подозрение и вос-

принимается как часть коварного плана, цель которого — сделать нас несчастными.

Этот подход к жизни остался бы просто малозначащей «философией», не возникни он в исторический период, позволивший воплотить в жизнь многие его принципы. Рост материального благополучия, доступность автомобилей, противозачаточных средств, ванн джакузи и множества других удобных вещей заставили многих поверить в то, что они могут удовлетворять все свои капризы, не задумываясь о последствиях.

Однако очень многое говорит о том, что наше тело не способно определить, что для него хорошо, а что плохо. Постоянный рост числа наркоманов, алкоголиков, венерических заболеваний, нежелательных беременностей, проблем ожирения доказывает, что приятные занятия могут запросто привести к неприятным результатам. Когда крысам дали возможность выбирать между едой и электрической стимуляцией мозговых центров удовольствия, они, выбрав стимуляцию, умирали от голода. Подсаженные на героин обезьяны работали до тех пор, пока не погибали от истощения, пытаясь получить еще одну порцию. Похожую картину мы видим на улицах наших городов, что показывает, с какой легкостью мозг отдается удовольствиям.

В соответствии с нынешним пониманием эволюции удовольствие — это ощущение, возникающее при совершении действия, которое в прошлом способствовало выживанию. Удовольствие — результат химической стимуляции соответствующих нейрорецепторов, обычно теми веществами, что требовались организму для оптимального функционирования. Например, когда наши очень далекие предки жили в море, их тела адаптировались к соленой среде. И хотя человеческий род уже миллионы лет как обитает на суше, он испытывает постоянную потребность в соли для восстановления физиологического баланса тела, поддержания внутреннего водного метаболизма и электрического потенциала клеточных мембран, необходимых, чтобы сердце могло перекачивать кровь.

Со временем вкус соли стал доставлять нам удовольствие; эта удачная адаптация гарантировала, что мы будем искать соль и употреблять ее в необходимом количестве.

И пока соли не доставало, все обстояло хорошо. Стоила она очень дорого, и излишнее ее потребление было маловероятно. Торговцы перевозили куски соли на огромные расстояния и обменивали их на слоновую кость и драгоценные металлы; за соль велись войны; соляные копи были одним из наиболее ценных видов собственности. Удовольствие, получаемое от вкуса соли, «уравновешивалось» ее недостатком на рынке. Но когда наши предки научились более эффективно выпаривать и добывать соль, она стала доступнее и, разумеется, подешевела. Теперь один пакетик картофельных чипсов дает нам больше соли, чем люди прошлого съедали в течение многих дней. Соль сохранила свой вкус, но сегодня, употребляя ее сверх меры, мы ставим под угрозу свое здоровье.

Эта модель также верна для жиров, сахара, алкоголя и других веществ, быстро вызывающих зависимость. Поскольку когда-то они были нам полезны, мы научились получать от них удовольствие. Однако все убыстряющаяся смена жизненных условий привела к тому, что мозговые центры удовольствия не успевали приспособиться к ним. После 1860 года всего лишь за 40 лет мировое производство сахара возросло на 500%. К 1990 году около 17,7 млн американцев злоупотребляли алкоголем, а 9,5 млн пристрастились к нелегальным наркотикам. Нашим генам не хватило времени понять, что избыток соли, сахара, кокаина или алкоголя вредит здоровью. Поскольку раньше им не приходилось беспокоиться по поводу избытка этих веществ, защитный механизм не сформировался. Как следствие, удовольствие стало плохим поводом.

Сказанное о химических веществах можно отнести и к доставляющим удовольствие типам поведения: они помогали выжить, но сейчас, если злоупотреблять ими, могут оказаться опасными. Антрополог Лайонел Тайгер утверждает, что секс, проявление превосходства и силы, а также социальное вза-

имодействие доставляют удовольствие, так как раньше они способствовали выживанию. Например, в каменном веке одиночка вряд ли нашел бы партнера для продолжения рода и довольно скоро стал бы жертвой диких животных. Выживали только индивиды, испытывавшие удовольствие от принадлежности к группе и никогда не уходившие далеко от других людей. Таким образом, мы произошли от предков-экстравертов — тех, кто выжил, — и наш мозг настроен на то, чтобы получать удовольствие от присутствия других людей. Однако общительность, как и другие полезные типы адаптивного поведения, в наше время может стать чрезмерной, тем самым принося вред.

Эволюция снабдила нас эффективным механизмом, заставляющим делать то, что нам полезно, — чувством удовольствия. Однако экономя усилия (а эволюция всегда экономит усилия, поскольку энтропия так сильна, а энергию добыть так трудно), она не дала нам дополнительный механизм, позволяющий найти золотую середину и не впасть в чрезмерное потребление. Как говорит Тайгер, перефразируя историка Сантаяну, «те, кто не учится у доисторических времен, обречены повторять их успехи». Мозг не скажет нам, когда нужно остановиться.

Положиться на разум — вот единственный способ избежать опасной зависимости от удовольствия. Лишь сознательное размышление позволит нам определить, в каком объеме то, что кажется нам хорошим, действительно хорошо для нас, и затем вовремя остановиться. Именно этого пытались добиться религии: дать соответствующие данной культуре указания, как придерживаться золотой середины. Например, христианство, ислам и буддизм, три из старейших и наиболее распространенных религий, однозначно стремятся сдерживать неумеренные желания. Так, среди семи смертных грехов христианства мы находим непомерную гордыню, скупость, т. е. чрезмерную тягу к материальным благам, похоть, т. е. половые излишества, обжорство, гнев, лень. Сходным образом четыре благородные истины буддизма утверждают, что: 1) страдание

есть неотъемлемая часть существования; 2) причина страдания — в стремлении к чувственному удовольствию; 3) избавиться от страдания можно, устранив желания; 4) устранить желания можно, следуя Благородным восьмеричным путем, который представляет собой систему самодисциплины, обучающую контролировать непомерные телесные страсти. Религии, однако, уже не способны играть роль ограничителей, и потому до тех пор, пока не будут выработаны новые достойные доверия культурные предписания, каждый отдельный человек должен сам находить золотую середину, которая не позволит удовольствию взять над нами верх.

СТРЕСС, НАПРЯЖЕНИЕ И ГОРМОНЫ

Из-за восприимчивости плоти к удовольствиям религии и философии издревле относились к телу с подозрением. В противоположность слепым плотским страстям, спасение искали в рациональном мыслительном процессе. Однако заставить тело прислушаться к голосу разума всегда было непросто. С течением времени сформировались две крайние точки зрения на взаимоотношения разума и тела, или разума и мозга. Первая — на данный момент общепринятая — заключается в том, что мысли и чувства вызывают электрохимические и гормональные процессы непосредственно в мозгу, поэтому феноменология — эпифеномен нейропсихологии. Иными словами, наши мысли и чувства — прямой результат физиологических процессов, почти или полностью нам неподконтрольных. В соответствии со второй, диаметрально противоположной точкой зрения, которой придерживаются поборники сайентологии и иже с ними, разум совершенно независим от своего биологического «аппаратного обеспечения». Более того, он способен непосредственно воздействовать на физические явления за пределами тела: может добавить долларов на банковский счет, устранить раковую опухоль, поднять в воздух здание и т. п. Истина же, как водится, сложнее и находится где-то посередине.

Очевидным образом все, что воспринимается разумом, основано на нейрофизиологических процессах, происходящих в мозге. Вопрос в том, способна ли сознательная интерпретация этих восприятий в свою очередь повлиять на лежащие в их основе системы химических взаимодействий. Некоторые ученые отвечают на этот вопрос утвердительно. Например, Роджер Сперри, лауреат Нобелевской премии 1981 года за открытия, касающиеся функциональной специализации полушарий головного мозга, и первопроходец в изучении межполушарной асимметрии, считал, что хотя сознание и возникает благодаря электромагнитным свойствам мозга, в некоторых важных аспектах оно обретает независимость от своего источника и может само влиять на мысли и поступки.

Одна из хорошо изученных форм этого взаимодействия — стресс. Мерой стресса служат различные физиологические изменения, например, выброс адреналина, потение ладоней, расширение зрачков, усиленное сердцебиение, повышенное давление и т. д. Эти изменения ценны с точки зрения адаптации, поскольку подготавливают тело к борьбе или бегству в случае внешней опасности. Однако избыточный или затянувшийся стресс может причинить вред, нарушив внутренний баланс тела. Стресс усиливается от внешнего стрессового фактора, такого как подозрительный человек в темной аллее, аврал на работе или припухлость под мышкой. Обычно все это связывают воедино следующим образом: внешний стрессовый фактор вызывает стрессовую реакцию, которая, в свою очередь, если она избыточна, служит причиной ухудшения физического состояния. Некоторые делают из этого практический вывод о том, что для сохранения здоровья необходимо устранить внешние стрессовые факторы, будь то работа, жена или сломавшаяся машина.

Однако то, насколько сильным будет испытываемый стресс, зависит не только от стрессовых факторов. Есть много способов снизить воздействие внешних причин посредством управления сознанием. Например, хорошо известно, что стрессовая

реакция часто включается, лишь когда опасность миновала. У воздушных стрелков во Вьетнаме на заданиях, когда они постоянно подвергались опасности, не наблюдалось физиологических проявлений стресса, однако по возвращении на базу их гормоны приходили в движение. Так происходило потому, что перед лицом опасности солдаты временно блокировали ее восприятие, а когда они возвращались на базу, понимание, что их могли убить, вновь допускалось в сознание, и тогда возникала паника. Немедленная стрессовая реакция была полезна древним воинам, сражавшимся копьем и мечом, а современные воины, сидящие в наспигованной электроникой кабине вертолета, будут в большей безопасности, если сумеют до поры до времени сдерживать поток адреналина, поскольку неконтролируемая гормональная реакция может привести к катастрофе.

На силу стрессовой реакции влияет и то, как мы интерпретируем угрозу. Очень нервные люди или те, кто склонен к депрессии, обычно видят происходящее в более черном свете и реагируют на стрессовые факторы гораздо сильнее. Верно, что человек бывает склонен к депрессии вследствие генетической предрасположенности, но верно и то, что человек способен корректировать свое восприятие происходящего. Поэтому мы учим тому, что для сохранения здоровья нет необходимости менять внешние стрессовые факторы — достаточно изменить собственный разум.

Адреналин — один из гормонов, играющих ведущую роль в возникновении стресса, а от тестостерона зависит доминирование, то есть типы поведения, традиционно ассоциируемые с мужским началом: стремление покрасоваться, хвастовство, фанфаронство, агрессивность и драчливость. По-видимому, это химическое вещество сформировалось в процессе эволюции, дабы гарантировать, что мужчины, наделенные им в большей степени, чем женщины, будут защищать свое потомство и территорию от всевозможных вторжений. По данным исследований, в группах приматов у доминантного самца обычно самый

высокий уровень тестостерона, а у кротких особей — самый низкий. На основе этого наблюдения можно экстраполировать, что тестостерон неким образом связан с установлением социальной иерархии и стратификации.

Отсюда напрашивается и другой вывод — что тестостерон вызывает доминирование и поведение мужского типа. Возможно, отчасти это и справедливо, но верно и обратное, а именно то, что поведение и восприятие изменяют физиологию. Если взять боязливого самца обезьяны, находящегося в своей группе в самом низу мужской иерархии, и поместить его в группу одних лишь самок, он станет более самоуверенным и уровень тестостерона в его организме возрастет. И наоборот, если доминирующего самца с высоким уровнем тестостерона забрать из его группы и поместить в другую, с уже полностью сформировавшейся структурой доминирования, ему придется удовлетвориться более низкой ступенью иерархии, и, как следствие, его уровень тестостерона снизится. Очевидно, что доминирование не просто отражает гормональный уровень: воздействие окружающей среды и восприятие собственного положения на ступенях иерархической лестницы также играют роль в сложном круговом причинном взаимодействии.

Стоит добавить, что иерархия доминирования у приматов создается не из-за того, что самые «крутые» самцы побоями подчиняют себе других. Нередко дело обстоит как раз наоборот: уходя от конфронтации, более смиренные животные позволяют более самоуверенным занять доминирующее положение. Какие выводы можно сделать из этого в отношении эволюции человека? И у нас гены и гормоны влияют на темперамент, а темперамент в значительной степени определяет социальный статус. В некоторых организациях, таких как морская пехота, железнодорожные компании, Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов или General Motors, более высокий уровень уверенности в себе, возможно, способствует продвижению по карьерной лестнице, но, скорее, лишь потому, что менее бесцеремонные типы подчиняются

более напористым. А с установлением иерархии поведение, мыслительный процесс и, предположительно, гормональный уровень, характерные для разных позиций, укрепляют уверенность в себе доминирующих и покорность подчиняющихся.

Эта модель, однако, не является неизменной. С появлением новых ценностей и правил организации люди иного склада могут получить возможность добиться уважения и власти, что, в свою очередь, будет иметь физиологические последствия. В определенной мере это уже произошло благодаря программам позитивной дискриминации, продвигающим на ведущие позиции все больше женщин. Даже General Motors и Conrail уже осознали, что организационные принципы, подходящие стаду бабуинов, могут оказаться не слишком эффективными в управлении сложной корпорацией.

Если тестостерон и другие химические вещества побуждают мужчин следовать ассертивной модели поведения, выбранной эволюцией для «сильной» половины человечества, то эстроген регулирует поведение другой — «слабой» — половины. Большую часть эволюционной истории гендерная специализация была достаточно проста: мужчина должен был производить, женщина — воспроизводить. Производство было связано преимущественно с охотой и защитой от врагов, и у мужчин вырабатывались гормоны, нужные для этих целей. Воспроизводство же подразумевало необходимость родить здоровых, сильных детей и вырастить их, и именно на это настроился женский организм. В то время как мужские гормоны приходят в действие, если внешняя угроза конфронтации требует быстрого силового ответа, женские следуют связанному с репродуктивным циклом внутреннему ритму. Андрогены и эстрогены у женщин, позволяющие им принимать ухаживания мужчин, помимо прочего учат их критическому и избирательному подходу, чтобы найти себе наилучшую пару. После оплодотворения (мы говорим о миллионах лет, когда взрослые женщины почти постоянно были беременны) гормоны помогали расположить будущую мать к защитному, опекающему поведению.

Воздействие как мужских, так и женских гормонов не всегда приспособлено к современному социальному окружению. Женские репродуктивные циклы все еще действуют, однако они по большей части утратили свое значение в технологических обществах, где женщины зачинают лишь раз или два в жизни. А ведь до недавнего времени женщины проходили через множество зачатий, чтобы в конце концов сохранить одного или двух детей. Двести пятьдесят лет тому назад у матери Людовика XVI за 14 лет брака было 11 выкидышей и родилось 8 детей, при этом из пяти ее сыновей выжил только один. Для миллионов лет эволюции человека это довольно типичная ситуация. Но сегодня благодаря низкому уровню детской смертности ежемесячные приготовления к беременности стали практически бессмысленны. Особенности женского поведения, связанные с менструальным циклом, кажутся капризами, а мужская, вызываемая тестостероном «крутость» постыдно неуместна в зале заседаний или в научной лаборатории.

И вновь мы сталкиваемся с одним из главных парадоксов эволюции: механизмы адаптации, актуальные в прошлом, благодаря которым мы сумели выжить, сейчас уже не облегчают нашу жизнь и не делают нас более счастливыми. Представителям типа «охотников-мачо» все труднее найти подходящую им нишу в современной экономике, и многие из них превращаются в озлобленных изгоев системы. Сегодня избыток тестостерона скорее сделает человека преступником, чем лидером. А женщины, относящиеся к типу «настоящей матери», будут страдать в перенаселенном мире из-за невостребованности их способности к деторождению. Но поскольку мы все в какой-то мере запрограммированы на то, чтобы быть или охотниками, или матерями, нам придется как-то разбираться с этим неудобным наследством.

В последнее время стало модным оспаривать наше эволюционное наследие. Утверждают, что сейчас, когда мужчины не отправляются каждое утро на охоту, им уже не нужно быть более самоуверенными, чем женщины. А раз мы полагаем,

что все люди созданы равными, нам уже не требуются доминирующие личности. С одной стороны, феминистки пытаются стереть наше эволюционное прошлое, настаивая на том, что женщины должны быть так же агрессивны и доминантны, как и мужчины. А с другой, некоторые мужчины стремятся развить в себе материнскую заботливость, приближаясь к традиционному идеалу женского поведения.

Однако было бы самообманом считать, что предписания, заложенные в наши гены веками естественного отбора, можно запросто изменить одними благими намерениями нескольких поколений. Опыт моей коллеги по Чикагскому университету, нейробиолога, воспитывавшей в конце 1960-х двоих детей, мальчика и девочку, наверняка знаком многим родителям. Решив, что поведение, характерное для определенного пола, возникает как результат воспитания в соответствии с культурными стереотипами, она старалась как могла растить обоих детей одинаково. Как успешный профессионал она считала, что послужит своим детям хорошим образцом для подражания. Оба малыша воспитывались в относительно суровых условиях, с ними разговаривали одинаковым тоном и одевали в похожую одежду. Когда пришло время, оба ребенка получили для игр машинки и кукол. Тем не менее, сколько мать ни насаждала гендерно нейтральное поведение, мальчик все так же отталкивал кукол, а девочка тактично игнорировала машинки. Сейчас она с грустью признается, что сын превратился в разгульного и задиристого молодого человека, а дочь — в обольстительную и чувственную красотку.

Отрицание коренных различий между людьми — один из глупейших видов самообмана. Воображать, что можешь стать кем угодно, не принимая в расчет управляющую разумом физиологию, — не только бесполезно, но и вредно, поскольку все это порождает лишь разочарование, лицемерие и, в конце концов, цинизм. Например, совсем не удивительно, что в последние годы сформировалось «мужское движение» как диалектическое отрицание предпринимавшихся в 1960-е попыток забыть о мужской

биологии и ее психологических следствиях. И хотя некоторые проявления этого движения столь же глупы в своей реакционной серьезности (танцы голышом на лесной поляне под бой барабанов — не слишком оригинальный способ отмежеваться от яппи), они продиктованы отнюдь не тривиальной потребностью. Определенные базовые стремления нельзя устранить: не получив продуктивного, целенаправленного удовлетворения, они, невзирая ни на что, будут шумно его требовать.

С другой стороны, жизненно важно осознать, что «человеческая природа» — результат приспособления к давно исчезнувшим условиям окружающей среды. Сейчас, когда внешние условия изменились, наша генетическая программа неизбежно предлагает нам искаженное восприятие реальности. Лишь преодолев установленные физиологией ограничения и запретив тестостерону и эстрогену влиять на все наши мысли и чувства, мы освободимся от тирании прошлого. Однако для этого потребуются терпение, добрая воля и, прежде всего, более глубокое понимание работы разума.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «КТО УПРАВЛЯЕТ РАЗУМОМ?»

Вечная неудовлетворенность

Что в вашей жизни вызывает у вас чувство неудовлетворенности — внешность, деньги, отношения? Предположим, вы достигли желаемого — например, хотели разбогатеть и стали миллионером. Как, по-вашему, были ли бы вы счастливы? Или по-прежнему хотели бы чего-то еще? Сколько богачей из тех, кого вы знаете или о ком слышали, кажутся вам счастливыми и довольными жизнью?

Должны ли вы продолжать стремиться к большему, чтобы стать счастливым? А может, амбиции мешают вам стать счастливым уже сейчас?

Хаос и сознание

Беспокоило ли вас когда-нибудь беспорядочное состояние сознания? Приходилось ли вам проводить время в мучительных размышлениях о проблемах, испытывая жалость к самому себе? Когда такое случается, что вы обычно делаете? Обращаетесь ли к развлечениям, химическим стимуляторам настроения или уходите в какую-то деятельность, например в работу или игру в гольф? Что вам действительно помогает?

Насколько хорошо вы управляете собственным вниманием? Нужны ли вам таблетки, чтобы заснуть или продолжать бодрствовать? Легче ли вам сконцентрироваться на фоне работающего телевизора или радио? Есть ли у вас система, позволяющая сосредоточиться, когда вам требуется поразмыслить, например, ведение дневника, составление списков или медитация?

Неуловимое счастье

Чувствуете ли вы себя иногда счастливым без всякой причины или только если все идет так, как вам хочется? Может ли прекрасный пейзаж, красивая мелодия, чья-то удача принести вам ощущение счастья, или оно связано лишь с достижением ваших личных целей?

Что вы обычно делаете, если какие-то ваши надежды не оправдались? Ощущаете ли горечь и томительное разочарование, или неудача подталкивает вас к поиску новых решений?

Границы разума

Когда вы пытаетесь логически доказать свою точку зрения, в какой мере, по вашему мнению, на ваши рассуждения влияет личная заинтересованность? Вспомните последний спор

с супругом или коллегой. Повлияли ли на выбор аргументов забота о собственном удобстве, надежда на выгоду или просто желание оказаться правым? Возможна ли ситуация, где ваша позиция будет абсолютно объективна?

Если вы распределите все, что знаете наверняка, по четырем рубрикам: 1) известное вам из непосредственного опыта; 2) логически вытекающее из самоочевидных истин; 3) то, чему вы верите, поскольку вам об этом рассказали; 4) то, что вы «просто знаете» благодаря шестому чувству, — в какой из рубрик окажется больше всего записей?

Зависимость от удовольствия

От каких удовольствий вы зависимы: сладости, алкоголь, опиаты, эндорфины (вырабатываются во время физических упражнений) или телевидение? Каковы последствия этой зависимости, как хорошие, так и дурные? Что бы произошло, если бы вы от нее избавились, и каково было бы ощущение? Чем бы вы заменили прежнюю зависимость?

Стресс, напряжение и гормоны

Можете ли вы определить, когда тело мешает вам управлять сознанием, — например, если вы голодны, становитесь ли вы раздражительным и резким? Какими способами вы возвращаете утраченный контроль?

Верите ли вы, что если ваше тело считает нечто хорошим или дурным, то так оно и есть? Если вы, например, испытали приступ гнева по отношению к человеку, влезшему перед вами без очереди, считаете ли вы, что этот гнев следует проявить? А если у вас возникло сексуальное влечение к кому-то, следует ли вам попытаться заняться сексом, невзирая на прежние обязательства?

Завесы майи¹

Наш мозг — изумительный, но вместе с тем обманчивый механизм. Чтобы мы не слишком расслаблялись, он заставляет нас преследовать вечно удаляющиеся цели. Как только мы перестаем делать что-то полезное, он проецирует на экран нашего сознания неприятную информацию, чтобы оградить нас от бесплодных мечтаний. Благодаря ему мы получаем удовольствие от действий, которые в прошлом способствовали выживанию, но он не способен остановить нас, когда удовольствие становится опасным. Хотим мы или нет, мозг заставляет нас делать то, что имело смысл для пещерного человека, но неуместно сейчас. Это лишь некоторые из запрограммированных наклонностей нашего мозга, и если мы хотим управлять сознанием, нам нужно научиться ограничивать их влияние. Но освобождению личности мешают не только они. Обычно мы сами позволяем целому ряду иллюзий скрывать от нас реальность. И хотя эти искажения, обусловленные наследственностью, культурой и собственными неуправляемыми желаниями, дают нам утешение, для подлинного освобождения нужно видеть то, что находится за ними.

¹ Майя (*санскр.* — не это) — понятие в индуизме и буддизме, в соответствии с которым весь окружающий мир есть лишь иллюзия, наваждение. — *Прим. ред.*

ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В самых разных культурах мы постоянно встречаем представление о том, что данная нам в ощущениях реальность — всего лишь иллюзия. То, что мы видим, что думаем и во что верим, не совпадает с настоящей картиной мира. Мы видим реальность сквозь искажающие ее завесы. Рассматривая их, большинство людей уверены, что созерцают истину, но это самообман. Лишь терпеливо приподнимая то, что индуисты называли завесами майи, или иллюзии, мы можем воспринять жизнь такой, какова она на самом деле. И эта теория встречается не только в Индии. Многие религии и философии считают представления повседневности обманчивыми и стремятся преодолеть их, дабы увидеть подлинную сущность вещей и постигнуть природу реальности. 22 столетия назад Демокрит сказал: «По существу мы ничего не знаем, ибо истина — в глубинах». Христианство отрицало не реальность материального мира, а только его значение. Согласно христианскому вероучению, все подлинно важное происходит за пределами земного существования. Те, кто придает событиям физического мира слишком большое значение, рискуют, прельстившись низким и преходящим, лишиться вечного царства духа.

Но на пороге третьего тысячелетия кого интересует, как представляли реальность древние религии и философии? Что они знали об истине? Отсылка к индуистским мифам и христианским воззрениям в разговоре о будущем может показаться анахронизмом. Тем не менее серьезный подход к эволюции подразумевает понимание значения прошлого для формирования настоящего и будущего. Как химическая структура человеческой хромосомы уже миллионы лет определяет и наши истины, и наши иллюзии, так и символические представления мыслителей прошлого способствуют раскрытию, и скрытию реальности. Сегодня наша задача — отделить истинные прозрения религий и философий от неизбежных ошибок, вкравшихся в их умопостроения. Несомненно одно:

отвергать древние учения как предрассудок прошлого, считая, что современное знание во всех отношениях превосходит знания прошедших времен, — значит впадать в грех гордыни.

Развитие знания с эволюционной точки зрения изучает эволюционная эпистемология. Знание всегда связано с получением информации. Древнейший способ получать информацию — тактильный: амебы и другие простые организмы понимают, что происходит вокруг, ощущая это «кожей». Такой организм может что-то узнать лишь о своем непосредственном окружении. В результате огромного эволюционного скачка живые существа научились определять, что происходит на расстоянии от них, без необходимости постоянно ощупывать среду своего обитания. Благодаря этому скачку у них сформировались органы чувств для обработки информации о том, что находится гораздо дальше. Довольно долго самыми важными источниками знаний были нос, глаза и уши. Следующим важным этапом развития стало возникновение у живых существ памяти. Фактическое наличие информации уже не требовалось: животное научилось вспоминать, что происходило в прошлом, и результаты этих событий. На каждом из этих этапов эволюции знания вероятность выживания соответствующего вида повышалась.

Затем, на определенной ступени эволюции человека, появился совершенно новый способ получения информации. Прежде она обрабатывалась исключительно интрасоматически, то есть внутри организма. Однако с возникновением речи (и в еще большей степени — с изобретением письменности) обработка информации стала экстрасоматической. Отпала необходимость сохранять информацию в генах или в памяти мозга; теперь люди могут передать ее друг другу на словах или сохранить, записав на чем-то прочном, вроде камня, бумаги или полупроводникового чипа, — в любом случае, вне хрупкой и недолговечной нервной системы.

Благодаря экстрасоматическому хранению информации — способности, обретенной нами лишь в последние несколько

«секунд» эволюционной истории, — наши возможности невероятно возросли. Сначала информация хранилась в песнях, мифах и преданиях, которые наши предки передавали друг другу, сидя у костра. За несколькими рифмованными строками былины, притчи или поучительной сказки стояли века полезного опыта. Молодым членам племени уже не приходилось лишь на собственном опыте узнавать, что в окружающей среде опасно, а что ценно: теперь они могли положиться на коллективную память прошлых поколений и даже избежать их ошибок. Это знание позволяло им обрести некоторый контроль над средой обитания и высвободить время для разработки различных технологий — например создания оружия и печей или обработки металлов, — которые также распространялись экстрасоматически.

Конечно, мифы и легенды передавали не только полезную информацию, но и массу «лишнего» — того, что не относилось к делу либо имело значение лишь в определенном историческом контексте. Это неизбежно, поскольку тот, кто стремится поведать о постигнутой им самим истине, обычно не в состоянии отделить ее значимую составляющую от случайных. Представьте следующую ситуацию: отец хочет рассказать сыну о том, как он любил его мать, когда они были молоды. Мужчины стесняются говорить о собственных чувствах, и к тому же внешние события более «реальны» и их легче описать. Поэтому отец, вспоминая свадьбу, скорее всего, сообщит, какая музыка звучала в церкви, сколько было гостей, сколько бутылок выпили и т. д. Главная тема — его чувства к невесте — вряд ли прозвучит. Из такого рассказа отца сын лишь усвоит, насколько важны на свадьбе музыка, гости и напитки, а главного так и не узнает.

Когда опыт и идеи складываются в единую систему восприятия жизни и мира, на сцену эволюции впервые выходят религии. Не будет преувеличением сказать, что религия была важнейшим из всех созданных до сих пор человеком экстрасоматических инструментов передачи знания, — пожалуй,

за исключением науки. Она является объективным инструментом проверки получаемой информации и поэтому позволяет отвергать ошибочные выводы. И хотя религия неспособна к самокоррекции, то есть, как правило, отказывается воспринимать новые знания и развиваться с течением времени, в сравнении с наукой она обладает другими неоспоримыми преимуществами, которые необходимо учитывать. Пожалуй, главное среди них — то, что религия, существуя веками, дольше, чем наука, сохраняла важную для выживания человека информацию. Уже только поэтому глупо игнорировать религиозные прозрения, особенно если они снова и снова возникают в самых разных культурных контекстах, как, например, скрывающие реальность завесы майи.

О том, что реальность скрыта от нашего взора, задумывались не только древние мудрецы. Современные ученые начинают по-своему объяснять то, что мыслители прошлого подразумевали под метафорой майи. К примеру, в общественных науках мы находим множество свидетельств того, что разные люди совершенно по-разному представляют истину в зависимости от их места рождения, детских переживаний или нынешнего рода занятий.

Так, бесчисленные исследования антропологов показали, как преуспевающие культуры насаждают свои ценности и мировоззрение. Почти каждое человеческое сообщество считает себя избранным народом, обитающим в центре вселенной и обладающим лучшими на свете обычаями. Амиши живут в мире амишей, зулусы в мире зулусов. И те и другие уверены, что их мировоззрение — единственно верное. К сожалению, у такого подхода есть неприятное следствие: слишком веря в реальность мира своей культуры, мы упускаем из виду более широкую реальность. Мало кому есть дело до ядовитых отходов, пока их сбрасывают где-то далеко. Вещества становятся ядовитыми, лишь когда они угрожают существованию моего мира. Если мой мир ограничен Чикаго, то за пределами этого города отравляющие вещества не ядовиты — они для меня

просто не существуют. Чем шире сообщество, с которым отождествляет себя человек, тем ближе он к истинной реальности. Лишь тот, чей мир — вся планета, может воспринимать ядовитые вещества как таковые, где бы их ни сбрасывали.

Социологи тоже приводят различные способы социально-го конструирования реальности. Взаимодействуя с родителями, друзьями и коллегами, человек учится смотреть на мир через призму этих взаимодействий. В клубе бизнесменов мир видится не таким, как на профсоюзном собрании, в казарме или монастыре. Штабное начальство живет в мире, центром которого является Пентагон, а главными элементами «ландшафта» — миллионы жертв, подсчет потерь и выгодные контракты с оборонной промышленностью. Этот мир отличается от мира футболистов, профессоров или продавцов машин. И это не просто отличия в социальном статусе или образе жизни, зачастую приводящие к столкновению интересов, которое марксисты называют классовой борьбой. Дело в том, что люди, занимающие разное положение в обществе, по сути, обитают в различных физических и символических пространствах — то есть в разных мирах. Если мы примем во внимание, как сильно общество и культура влияют на то, что мы видим, чувствуем и во что верим, представления индустристов о том, что наша жизнь околдована демонами, перестанут казаться нам странными.

Психологи обнаруживают аналогичные особенности и на индивидуальном уровне. У каждого человека, с его более или менее уникальным набором генов и жизненным опытом, формируется собственная когнитивная карта, помогающая ему лучше ориентироваться в этом непростом мире. В одной и той же семье один ребенок смотрит на мир сквозь розовые очки, а другой приходит к выводу, что мир уныл и опасен. Некоторые дети рождаются с повышенной восприимчивостью к звуку и растут, уделяя внимание звуковому окружению и не замечая множества красок, цветов и форм, которые составляют мир зрительно-ориентированного ребенка. Одного

человека больше интересуют цифры, другого — чувства, один открыт и доверчив, другой замкнут и подозрителен. Эти индивидуальные особенности со временем становятся привычками, превращаясь затем в способ мышления и истолкования действительности. И хотя такая «карта» полезна ее обладателю и неизменно служит ему руководством к действию, едва ли она дает объективную, приемлемую для всех картину реальности. Два человека с разными когнитивными картами в одной и той же ситуации будут видеть и познавать совершенно разные реальности.

Идея относительности знания не является прерогативой «неточных» общественных наук. Ее изучает даже физика, которая когда-то была сугубо механистической и абсолютной наукой, но в прошлом веке оставила надежду дать однозначное описание сущего, поскольку выяснилось, что даже наиболее элементарные и конкретные чувственные данные предоставляют сомнительную информацию. Горы, деревья и дома сделаны не из твердой материи, а из миллиардов движущихся непредсказуемым образом частиц. Как уже много веков назад предположил Демокрит, мы воспринимаем лишь ту часть мира, которую регистрируют наши чувства. Рядом с нами происходят всевозможные события, о которых мы не имеем ни малейшего представления, поскольку они находятся за пределами нашего восприятия. Глаза, уши и другие органы чувств предоставляют лишь необходимый для выживания в обычной среде минимум информации, отбрасывая при этом массу всего. Чтобы понять, как много информации мы постоянно упускаем, достаточно увидеть щенка, в безумном восторге носящегося по лугу в поисках все новых запахов.

Но почему бы нам просто не создать более мощные и чувствительные инструменты, чтобы получить доступ к тому, что находится за пределами нашего восприятия? Однако физики уже поняли, что знание, полученное с помощью какого бы то ни было инструмента или измерения, зависит от самого этого инструмента. Реальность возникает в процессе ее вос-

приятия. Знаменитый принцип неопределенности Гейзенберга, утверждающий логическую невозможность одновременно определить положение и скорость конкретной атомарной частицы, был лишь первым толчком настоящего землетрясения, пошатнувшего казавшееся прежде нерушимым здание физических наук. Говоря о трудности создания точной картины абсолютной реальности, лауреат Нобелевской премии по химии Илья Пригожин заметил: «Что бы мы ни называли реальностью, она открывается нам лишь через активное конструирование того, в чем мы принимаем участие». А физик Джон Уилер сказал: «За пределами частиц, силовых полей, геометрии, самих времени и пространства имеется предельная составляющая [всего сущего]: еще более возвышенный акт участия наблюдателя». Иными словами, какой бы сложной ни была теория, какими бы точными ни были измерения, факт остается фактом: именно мы создали эти теории и измерительные инструменты, поэтому все, что мы узнаем, определяется нашей точкой зрения как наблюдателей. Воспринимаемая человеком реальность зависит от ограничений его нервной системы, от истории данной конкретной культуры, от особенностей используемой системы символов. Неуклюжий программистский акроним GIGO (Garbage In, Garbage Out — «мусор на входе — мусор на выходе») приложим и к эпистемологии в целом. Информация на выходе всегда будет зависеть от информации на входе.

Австралийские аборигены объясняли муссон, который каждый год приходит на их землю с моря, тем, что огромная змея совоплощается с облаками и порождает дожди. При их знаниях это было вполне разумно. Современное объяснение основано на разнице температур, темпах конденсации испарений, скорости ветра и т. д. Оно кажется нам более осмысленным, чем история про гигантскую змею, однако не сочтут ли и его примитивным через несколько столетий?

Так надо ли беспокоиться о том, что есть истина, — ведь как ни старайся, знание останется искаженным? Многие в кон-

це концов соглашаются с этим. От релятивизма до цинизма только шаг, но делать его не стоит. Перестав принимать окружающую реальность всерьез, поскольку она не является абсолютной истиной, мы наверняка очень скоро об этом пожалеем. И хотя реальность для нас остается лишь отражением в кривом зеркале, лучше попытаться понять то, что возможно, а не презирать ее за несовершенство.

Но не станет ли помехой понимание того, что, несмотря на все наши усилия, абсолютная реальность всегда будет скрыта от нас? Станет, но только если поисками истины движет желание добиться окончательного, однозначного ответа. Того, кто ищет уверенности, ждет разочарование. Такой человек подобен Фаусту, который, всю жизнь изучая теологию, философию и другие науки, пришел в отчаяние, обнаружив, что не узнал ни одной истины, которую может с уверенностью принять. Однако поняв, что все открытые нами частные истины суть законные проявления непостижимой Вселенной, мы научимся наслаждаться их поиском. Наслаждаться так же, как любим творчеством, будь то создание картины или приготовление вкусного блюда, хотя в данном случае речь идет не о рисовании или кулинарии, а о способе видения, создании цельной картины мира. Формировать собственную реальность, жить в мире, созданном самим собой, может быть не менее приятно, чем сочинять симфонию.

Человек никогда не мог постигнуть реальность целиком, и вряд ли когда-либо это случится. Поиск истины бесконечен, как и сама эволюция. Мы всегда пересматриваем то, в чем раньше были уверены, и открываем новые горизонты там, где меньше всего ожидали. Только представьте, какая революция произошла в понимании мира, когда первый земледелец обнаружил, что одно посаженное в землю зерно приносит сотни новых, или когда планетарная теория Коперника сменила систему Птолемея.

Однако создать новую реальность, лично ценный мир, не так-то просто. Гораздо легче принять иллюзорную досто-

верность, предлагаемую генами и культурой, или отказаться от всяких усилий и искать прибежище в цинизме, отвергающем любые попытки понять мир. И хотя в реальности, которую мы должны отыскать, нет «Истины с большой буквы», в ней есть просто истина. Результаты творчества не бывают случайными или произвольными: они истинны в некоем сокровенном осознании или ощущении человека. И чтобы достичь этой коренной внутренней уверенности, человек должен уметь снимать завесы майи.

Аспирантам, ищущим тему для кандидатской диссертации, я люблю рассказывать одну старую индийскую притчу о том, как юный подмастерье пришел к старому опытному скульптору.

— Учитель, — сказал он, — я хочу стать знаменитым скульптором. Что мне делать?

— А какую статую ты хотел бы создать? — спросил мастер. Подумав, юноша ответил:

— Больше всего на свете мне хотелось бы сделать прекрасного слона.

Тогда мастер дал ему несколько инструментов и кусок камня со словами:

— Вот тебе мрамор, молоток и зубило. Осталось только убрать все, что не похоже на прекрасного слона.

На этом притча заканчивается. Просто? В определенном смысле, конечно, да, но в то же время и невероятно сложно. Как нам узнать, что не является слонем? Как отделить завесу от скрываемой ею реальности? Заранее ничего неизвестно. Лишь начав работать, скульптор почувствует, что надо удалить, а что сохранить; еще больше времени потребуется, чтобы понять, получается ли у него слон или бесформенная глыба. Вся сложность этой простой задачи проявится лишь после многих попыток. Чтобы истина начала отделяться от иллюзии, нужно тщательно сверять свои мнения с фактическим, непрерывно меняющимся опытом.

В этой главе мы рассмотрим три главных источника искажения, препятствующего истинному восприятию того,

что происходит в мире. Это генетическая программа, культурное наследие и личные потребности. Эти искажения находятся «внутри» каждого из нас — никто не свободен от порождаемых ими иллюзий. Следующая глава раскроет, какие три «внешних» препятствия мешают неискаженному восприятию реальности. Знание этих завес поможет нам заглянуть за них и создать лично значимый мир с помощью того, что мы там увидим.

МИР ГЕНОВ

Как было показано в предыдущей главе, склонность к всевозможным приятным ощущениям, в чрезмерных дозах приносящим вред, — встроенная функция мозга. В общем-то уже не осталось сомнений в том, что закодированные в генах химические инструкции пусть и не определяют наше восприятие мира полностью, но ограничивают и структурируют его. Переданные по цепочке предков нашим родителям, эти инструкции за миллионы лет почти не изменились. Они велят нам следовать наилучшей стратегии выживания, созданной нашими предками, то есть искать пищу, когда мы голодны, защищаться, когда на нас нападают, интересоваться представителями противоположного пола и т. д.

Генетические программы достаточно общи: они применимы к усредненным ситуациям и побуждают нас действовать теми способами, которые обычно срабатывали в прошлом. Младенцы обладают врожденной способностью распознавать лица людей, поскольку лица — одна из самых характерных черт окружения ребенка. Дети также запрограммированы на подражание взрослым, поскольку это самый надежный способ стать самостоятельными и выжить. Эти предписания встроены в мозг и действуют автоматически. Но попадая в новую ситуацию, человек не может полагаться на мудрость генов. Ребенок станет подражать злему взрослому так же, как и доброму. Эволюция не создала механизм, позволяющий точно определить, какие типы поведения достойны подражания,

а какие нет. Гены предписывают млекопитающим избегать змей, но не беспринципных торговцев облигациями.

Поскольку для выживания человек все больше нуждался в культурных, а не генетических предписаниях, ему пришлось отказаться от многих полезных в прошлом привычек и, сопротивляясь зову «природы», принять новые, искусственные правила, которые, в числе прочего, предписывали контролировать гнев, ограничивать сексуальность, смириться с сидячим образом жизни. Но несмотря на это одомашнивание зов генов еще силен и все так же влияет на наше мировосприятие. И хотя человек научился сдерживать свои агрессивные и сексуальные импульсы, значительная часть его внутренней жизни, его психической энергии связана с инстинктивными эмоциями и мыслями. Это первая завеса майи, и если человек не научится проникать сквозь нее, желания и потребности, заложенные в генетические программы, навсегда скроют от нас реальность.

Большинство людей полагают, что инстинкты, импульсы и внутренние потребности составляют подлинное ядро личности, ее сущность. Однако в последнее время эволюционные биологи утверждают, что, с генетической точки зрения, отдельный человек — лишь устройство для размножения собственно генов и их дальнейшего распространения. Фактически генам нет дела до нас, и если бы их воспроизводству способствовали наше невежество и нищета, то они быстро довели бы нас до этого состояния. Не гены — наши маленькие помощники, а мы — их слуги.

Генетические предписания, подталкивающие девушку-подростка к беременности, рассчитаны совсем не на то, чтобы сделать ее счастливой и успешной в том сложном обществе, в котором она живет. Это всего лишь механизмы, ответственные за то, чтобы информация ее хромосом была скопирована и передана следующему поколению. В прошлом, когда человеческая жизнь была коротка, а детская смертность высока, гены, умевшие заставить девочку стать матерью, как только

она будет к этому способна, имели больше шансов на распространение, чем гены, побуждающие к более сдержанному поведению. Неважно, хорошо это для девушки или плохо. Подросток, пребывающий в счастливом неведении, повинуется зову природы в ложной уверенности, что приятное сейчас останется таковым и впоследствии.

Гены запрограммированы на то, чтобы защищать нас, лишь пока мы производим достойное потомство, а после — хоть в утиль. И хотя наши интересы как индивидов и как носителей генетических предписаний часто пересекаются, так происходит не всегда. Например, генам все равно, сколько человек проживет после того, как его дети вырастут и смогут обходиться без него. На самом деле гены предпочли бы, чтобы родители умирали, как только их дети закончат колледж, чтобы высвободить место и ресурсы, которые пригодятся следующему поколению. Не очень приятная компания, эти гены, но мы продолжаем принимать их интересы за собственные. И пока мы не научимся отличать одно от другого, наш разум, повинувшись неверно понятым командам из прошлого, не сможет свободно преследовать собственные цели.

Каждый человек создает свой мир, уделяя внимание определенным вещам и поступая в соответствии с определенными моделями (шаблонами, паттернами). В мире, сконструированном по модели, которую навязывают нам гены, человек направляет все свое внимание на продвижение программы «репродуктивной приспособленности». Цель здесь проста: как мне получить из окружающей среды достаточно ресурсов, чтобы у меня было потомство и чтобы мои дети тоже родили детей? Почти вся жизнь более примитивных организмов, например многих видов насекомых, состоит в том, чтобы отложить яйца и почти сразу погибнуть. Как и всякий сформировавшийся благодаря эволюции организм, бабочка видит лишь то, что способствует или препятствует выживанию ее потомства. Ее мир состоит из цветочных форм, доставляющих нектар, и форм, похожих на хищников, которых нужно избегать. Извечный

поэтический образ — свободный могучий орел, парящий среди горных вершин. Однако взгляд орла обычно обращен к земле в поисках притаившихся в тени грызунов. Жизнь большей части человечества можно описать примерно так же.

Рассмотрим воображаемый пример. Джерри — молодой адвокат. На что уходит его жизнь? В основном на удовлетворение требований генов. Поднявшись утром, он почти час умывается, одевается, прихорашивается, стараясь придать себе привлекательный, но вместе с тем внушительный вид (в этом деле поможет красный «галстук лидера»). Потом несколько минут завтракает: первый из дневных приемов пищи, восстановив уровень сахара в крови, поднимет его дух и энергию. Машина, на которой он едет на работу, и стиль его вождения также отражают влияние генов. Он может выбрать Volvo — из соображений безопасности, или практичный Ford, или самую мощную машину, или ту, что символизирует успех. А зачем Джерри работает по 8, 10, 12 часов в день? Да чтобы удовлетворить инстинкт постройки гнезда: купить хороший дом, привлечь подходящую партнершу, завести детей, оставить им кое-что в наследство и обеспечить надежную страховку для защиты своего потомства.

Джерри, скорее всего, не скажет, что расходует свою психическую энергию именно так, чтобы угодить своим генам. Он станет утверждать, что сам выбрал красный галстук, потому что он нравится ему больше других, и что ездит на Volvo, потому что так приятнее. Возможно, он сумеет обосновать свой выбор личным опытом или объективными доводами. Ну что ж, молодец! Но обычно люди даже не рассматривают разные возможности, не останавливаются, чтобы задуматься об альтернативах. Они просто разыгрывают написанную генами пьесу в соответствии с указаниями той культуры, где им случилось родиться.

В юности я около года посещал школу в рабочем квартале города на юге Италии. Мои одноклассники были из тех семей, которые Вторая мировая война вырвала из традиционных

сельских общин и заставила пытаться счастья в новых городских трущобах, разраставшиеся вокруг фабричных районов. Общаюсь с ними, я чувствовал себя, как антрополог в гостях у чуждого племени: не только их ценности, но и вообще взгляд на мир полностью отличались от всего, к чему привык я. И хотя я подружился со многими из мальчиков (тогда еще девочки учились отдельно), меня всегда поражало, что примерно девять из десяти их мыслей были о сексе. Когда новый учитель или учительница впервые входил в класс, ребята долго обсуждали вслух его или ее первичные и вторичные половые признаки, выдвигая версии, каков он или она в постели. Лучшим днем недели эти 14-летние подростки считали среду, когда в публичном доме по соседству днем была скидка для школьников. И хотя гетеросексуальный опыт был не у всех, большинство их разговоров вертелось вокруг настоящих или воображаемых подвигов. Было и несколько постоянных гомосексуальных пар, очень серьезно и даже романтично воспринимавших свои отношения.

Моя школа не была особенной. Всюду подросткам приходится сражаться с гормонами, атакующими их тела — и мозг — настойчивыми указаниями на тему сексуальности и размножения. Подсчитано, что американские подростки думают о сексе в среднем раз в 26 секунд, — не потому, что им так хочется, а потому, что терзающие их плоть ощущения не оставляют им иного выбора. Независимо от частоты мыслей о сексе, мы, по сути, не вольны направлять психическую энергию куда хотим, а без нашего контроля она идет в запрограммированном направлении.

Примерно такую же власть над разумом имеет еда: мы и нескольких часов не можем прожить, не думая о ней. Мои исследования по психологии повседневной жизни показали, что человек в среднем посвящает еде или мыслям о ней от 10 до 15% своего времени, не занятого сном. У людей, страдающих нарушениями пищевого поведения, этот показатель вдвое выше: на еду у них уходит почти треть дня. В крайних случаях

неспособность обуздать свой голод может убить человека. Почти все бывшие узники концлагерей свидетельствуют, что первыми умирали те, кто не мог перестать думать о еде и был готов на все, чтобы добыть ее. Мой друг, проведя годы в советском ГУЛАГе, рассказывал, что в одном из лагерей кухонные рабочие развлекались тем, что бросали картофельные очистки — единственные условно пригодные для еды отходы — прямо у туалетов, где те сразу смешивались с экскрементами. Есть эти очистки было равносильно самоубийству, но всегда находилось несколько заключенных, которые не могли удержаться и набрасывались на очистки, не обращая внимания на предупреждения, после чего, как правило, вскоре умирали от кишечной инфекции.

Мы избавлены от столь тяжелых проблем. И все же, судя по популярным журналам, даже в нашем обществе большинство людей всю жизнь борются против одержимости едой. Едва ли не каждую неделю появляется новая диета, обещающая решить проблемы тех, кто страдает избыточным весом. Знаменитости говорят о своих методиках похудения с серьезностью, которой прежде удостаивалась лишь забота о спасении души. В США те, кто работает сидя, потребляют 8000 калорий в день — почти в три раза больше нормы, что неизбежно приводит к опасной для здоровья прибавке веса. Совершенно очевидно, что мы еще далеки от того, чтобы управлять своим аппетитом.

Но означает ли это, что надо обдумывать каждый свой шаг, подавлять сексуальные устремления, прекратить есть, избегать деторождения, поскольку все эти цели на самом деле не наши, а заложены в наш разум эгоистичными генами? Такой подход, несомненно, обречен на провал. Фактичности биологического существования не избежать. Было бы самонадеянно пытаться перемудрить мудрость миллионов лет адаптации, даже если бы это было возможно. И все-таки, чтобы выжить в третьем тысячелетии, мы должны разобраться, каким образом химические вещества организма манипулируют нами.

Чтобы сделать первый шаг к свободе, надо, совершая привычное действие, остановиться и задуматься, почему поступаешь именно так. И тогда станет ясно, что, положив себе за завтраком третий кусок ветчины, я не просто упражняюсь в свободном выборе или удовлетворяю сиюминутную прихоть, а, скорее всего, выполняю команду голодного гена, которому три миллиона лет. Неважно, съем я в конце концов третий кусок или нет. Важно, что, приостановив даже на несколько секунд автоматизм генетической предопределенности, я тем самым на мгновение приподниму первую завесу майи.

Размышление об источнике побуждений или привычек — это первый шаг к обретению власти над своей психической энергией. Понимание своих мотивов и осознание склонностей — необходимые условия свободы. Но мало знать, как предписания генов заставляют нас исполнять их волю. Есть и вторая завеса, которой окутывают реальность культура и общество — созданные человеком системы, в которых мы оказываемся от рождения, — дабы скрыть альтернативы и использовать нашу психическую энергию в собственных целях.

МИР КУЛЬТУРЫ

Крестьяне из маленьких деревушек, расположенных на Венгерской равнине, любят спросить у гостя: «А вы знаете, что наша деревня находится в середине мира? Нет? Это очень легко проверить! Просто пойдите на площадь в середине деревни. В середине площади — церковь. Заберитесь на колокольню, и вы увидите, как по кругу во все стороны расходятся поля и леса, а наша церковь — в самой середине». То, что любая соседняя деревня тоже считает себя пупом земли, никому не мешает — в конце концов, что могут понимать чужаки, живущие на краю света? Не стоит принимать их заблуждения всерьез. Эти крестьяне чтут традицию, основанную на совершенно разумной информации: со шпиля колокольни видно, что их деревня стоит в середине мира, и та традиция, которую они с детства

переняли у своих предков, кажется им гораздо более истинной, чем все, что они узнают позже. С их собственной точки зрения такое представление о реальности вполне разумно.

К сожалению, любая изолированная культура обречена на такие же локально правдоподобные, но в конечном счете ошибочные утверждения. Там, в Калабрии, на юге Италии, я часами впустую спорил с другими подростками, считавшими себя гораздо цивилизованнее тех, кто обитает далеко на севере, в Неаполе или Риме: «Да все знают, — говорили они, — что чем южнее — тем цивилизованнее». Не имело смысла возражать, что по такой логике племена экваториальной Африки гораздо цивилизованнее жителей Калабрии, — это только сбивало их с толку и сердило. Ведь каждый народ не только думает, что живет в центре вселенной, но и полагает, что наделен особыми достоинствами, каким-то образом дающими ему превосходство над любым другим человеческим сообществом.

Подобная предубежденность свойственна представителям любой культуры. Древние греки называли «варварами» всех, кто говорил на другом языке, поскольку те издавали непонятные греческому уху звуки, похожие на «вар-вар». Китайцы верили, что звания цивилизации достойна лишь их культура, а на языке индейцев навахо самоназвание племени означает «народ». Подобная близорукость не чужда и нам. Некоторые ее проявления просто смешны. Когда-то на старом чикагском трамвае номер 22 по дороге в колледж я проезжал три разные закусочные с одной и той же рекламой: «Лучшие в мире жареные цыплята». Другие примеры этноцентризма забавляют гораздо меньше. Во время войны в Персидском заливе американские СМИ самодовольно кричали о незначительных потерях, почти не принимая в расчет огромные жертвы среди иракцев. У каждой этнической группы в США есть своя версия собственного превосходства. Некоторые афроамериканцы, возводя свой род к египетской цивилизации, проповедуют превосходство «людей солнца» над бледнолицыми «людьми льда». Этот вид предубежденности успел развиться даже в таком от-

носителю молодом государстве, как Соединенные Штаты: жители Колорадо презрительно усмеваются, завидев машины с техасскими номерами, в Вайоминге свысока поглядывают на жителей Колорадо, а в Монтане презирают жителей Вайоминга.

Своя культура дарит человеку иллюзорное, но убедительное чувство важности и неуязвимости. Хорошо ощущать себя в центре мира. Тот, кто только что приехал в США, и представить не может, сколь сильна уверенность в своем особом предназначении у большинства жителей этой счастливой страны. Почти завидуешь этим американцам, всерьез полагающим, что под защитой конституции они могут забыть обо всех серьезных неприятностях. И вспоминаешь немцев, которые накануне Второй мировой были абсолютно уверены в своем предназначении — ведь их народ произвел на свет столько великих ученых, композиторов, поэтов. Или русские: они готовы простить себе множество недостатков, поскольку их загадочная трепетная душа совершенно очевидно ценнее всех приземленных добродетелей, культивируемых другими народами. Итальянцы нередко склонны к резкой самокритике, но в глубине души считают, что никто не знает жизнь лучше, чем они. Французы смотрят на других сверху вниз, кичась своим рационализмом; британцы приписывают свою исключительность развитому здравому смыслу, произрастающему лишь в их островном климате. И если вы думаете, что подобные предубеждения свойственны лишь представителям западной цивилизации, то, переговорив с китайцем, японцем, индусом или эфиопом, быстро избавитесь от этой иллюзии. Конечно, все эти утверждения об американцах, русских и других народах — совершеннейшие стереотипы, но ведь общественным поведением по большей части и управляют стереотипы.

Этноцентризм представляется неизбежным следствием принадлежности к культуре; скорее всего, по-другому и быть не может. Наше выживание и самоуважение зависят от тех, среди кого мы родились. Сегодня человек нуждается в предпри-

саниях, передаваемых посредством культуры, почти в той же степени, что и в генетических. Ведь иначе как бы мы говорили, читали, считали, думали? Гены не способны привить нам навыки, мы должны учиться им у говорящих на нашем языке мужчин и женщин, впитывать знание, хранимое в книгах и других системах символов. Но наставляя человека, как ему быть, культура выдвигает собственные требования. Как гены используют тело в качестве устройства для их воспроизводства, так и культура стремится использовать ее индивидуального носителя для своего выживания и развития. Чтобы добиться этих целей, она должна убедить нас в собственном превосходстве.

Человек, по-настоящему впитавший культуру, готов пожертвовать даже собственной жизнью ради своей страны, партии или религии. Он интуитивно знает, что на родине холмы красивее, еда вкуснее, песни звучнее и старики мудрее, чем в любой другой стране мира. Он знает, что незнакомые языки — варварские, а чужие обычаи смешны и отвратительны. Именно по-настоящему культурные люди хранят традиции; без них бы культуры впали в постоянную изменчивость и очень скоро утратили свои особенности.

Преданность культуре зачастую сильнее, чем предписания генов, заставляет людей игнорировать собственные насущные интересы. Трудно понять, какую пользу приносит бесконечная история взаимных убийств воюющим сторонам — сербам и хорватам, ирландским католикам и протестантам, армянам и азербайджанцам, камбоджийцам и вьетнамцам или враждующим племенам Южной Африки. Член семьи Капулетти, самоидентифицируясь посредством родовой вражды с Монтеки, не может удержаться от язвительного замечания при виде идущего через площадь врага, даже если за это поплатится жизнью. По той же причине ежегодно гибнут сотни членов Вестсайдских банд в Чикаго. Иногда поводом для убийства служит опознавательный знак, принятый в другой банде, например сдвинутая влево кепка или браслет на правом запястье.

Чрезмерно погруженный в культуру человек видит реальность сквозь ее призму. Тот, кто направляет психическую энергию лишь на предписанные обществом цели, теряет возможность выбора. Это легко заметить на примере примитивных обществ, например африканского народа гусии. Как утверждает антрополог Роберт Левин, изучавший жизнь этого племени, гусии превыше всего ставят три ценности и почти всю свою энергию направляют на их достижение. Первая — иметь как можно больше скота, поскольку богатство определяется размерами стада. Вторая — иметь как можно больше детей и внуков, поскольку социальный ранг определяется количеством родни. И, наконец, третья цель — это духовная сила, в определенной мере проистекающая из богатства и социального ранга, но также требующая самостоятельных действий, вызывающих страх и уважение равных. Богатство, уважение и способность вызывать страх — все это различные виды энергии, повышающие вероятность приобретения ресурсов, необходимых для обзаведения большим количеством детей и внуков.

Эти цели почти не оставляют простора для поэзии, романтики или свободной фантазии. Сведенный к голой схеме, мир гусии мало отличается от мира, структурированного генами. И хотя гусии обладают богатыми и уникальными культурными традициями, главные цели, организующие их жизнь, — выживание, размножение, доминирование — очевидно являются естественным продолжением аналогичных целей всех нечеловекообразных приматов и других, более примитивных видов.

Требования нашей культуры сложнее и не так явно связаны с нашим биологическим прошлым, но и они бывают столь же узкими. Если когда-нибудь мы придем к тому, что у большинства людей останется лишь одна цель в жизни — заработать побольше денег, если уважение — и самоуважение — станут зависеть лишь от принятой в обществе шкалы материальных достижений, то мир, созданный даже самой передовой с техно-

логической точки зрения культурой, станет таким же ограниченным, как мир гусии.

На первый взгляд кажется, что наше общество предлагает исключительное разнообразие стилей жизни. Желаете стать религиозным фундаменталистом — амишем или кришнаитом, — пожалуйста. Хочете быть свингером-одиночкой в городской многоэтажке или хиппи в лагере у реки — и здесь перед тобой открыты все возможности. Есть сообщества ученых, дайверов, вегетарианцев, солнцепоклонников, каждое со своими ценностями и стилем жизни. Но подразумевает ли это разнообразие общее культурное взаимодействие? Обычно — нет: множество различных культур существуют как бы в параллельных мирах, достаточно изолированно от взаимных влияний.

А те аспекты культуры, которые близки почти каждому, — не сложнее, чем у гусии. Большая часть нашего общества почитательно взирает на людей вроде Дональда Трампа, Ивана Боевски и Майкла Милкена, потому что они обладают грудями денег, преклоняется перед генералом Норманом Шварцкопфом, отдавшим приказ нанести по противнику массированные ракетно-бомбовые удары, платит миллионы долларов баскетболисту, который прыгает выше всех, и в экстазе припадает к стопам актеров — символов молодости, красоты и счастливой жизни, — хотя за улыбающейся маской порой скрывается растерянное и несчастное создание. Ландшафт этого мира каждый вечер видят на телеэкранах миллионы людей, и в этом мире царят всего несколько простых идей, которые беспрестанно повторяются на все лады.

Опасно придавать слишком большое значение картине мира, созданной вашей собственной культурой. Во-первых, это ограничивает потенциал личности. Например, в арабской стране образованная женщина чувствует, что ради сохранения целостности своей культуры должна жертвовать множеством важных для развития возможностей. Во-вторых, чрезмерное отождествление с определенным мировоззрением неизбежно

приводит к невосприимчивости к другим культурам и, в конце концов, к враждебному к ним отношению. Национализм, религиозный фанатизм и идеологическая нетерпимость стали причинами всех главных войн последних столетий, и сейчас, когда на планете становится все теснее, они представляют еще большую опасность. И последнее: безоговорочно принимать мировоззрение своей культуры опасно уже потому, что перестаешь видеть более широкую реальность. Люди, автоматически отвергающие все, что лежит за рамками предубеждений их общества, обречены на вечное заточение в своем мире.

Однако сетовать на рамки своей культуры столь же бессмысленно, как порицать предписания генов за их узкий кругозор. И хотя человек может отвергать многие ценности и обычаи определенной культуры, преимущества жизни в достаточно цивилизованном обществе не позволяют отказаться от нее полностью. Тем не менее быть благодарным культуре, сделавшей нас людьми, и беспрекословно принимать ее — совсем не одно и то же. Некоторые величайшие исторические личности, стремясь развить человеческий потенциал, расходились во мнении со своим обществом, даже если оно находилось на пике процветания: еще Сократ задавался вопросом об основах гражданского повиновения, а позже Катон и Цицерон критиковали нравы римской элиты. Среди тех, кто пошел против установлений своего времени, были Жанна д'Арк, Мартин Лютер, Махатма Ганди.

Творческий гений — зачастую маргинал, чье миропонимание значительно расширилось благодаря переходу из мира одной культуры в мир другой, что позволило осознать их относительность. Из семи «творцов современной эпохи», чьи жизнеописания приводит Говард Гарднер, лишь Марта Грэм, танцовщица и хореограф, прожила всю жизнь там, где родилась — в США, однако ее многочисленные путешествия позволяют утверждать, что фактически она принадлежала к различным культурам. Зигмунд Фрейд учился в Париже, а позже ему пришлось перебраться из Вены в Лондон; Эйнштейн переехал

из Германии в Италию, потом в Швейцарию, вернулся в Германию, а оттуда эмигрировал в США. Ганди, прежде чем вернуться в Индию, многие годы провел в Англии и Южной Африке; Пикассо уехал из Испании во Францию; Стравинскому пришлось оставить Россию и переменить в изгнании много мест — в частности, он жил в Голливуде; Т. Элиот бежал с берегов Миссисипи в Лондон. Их склонность к перемене мест, скорее всего, не случайность, а свидетельство того, что человеку, покинувшему кокон своей культуры, реальность открывается шире.

Каждый человек, пусть и не столь выдающийся, должен осознать, что унаследованные нами ценности, правила, привычки и мироощущение полезны и необходимы, но при этом не абсолютны. Опасно возлагать миссию критической оценки культуры на нескольких специалистов; эта ответственность должна быть разделена между многими людьми. Если большинство пассивно принимает любое определение общественного мнения или традиции, то несколько нечистых на руку заинтересованных групп могут манипулировать правилами в собственных интересах.

Чтобы приподнять вторую завесу иллюзии, достаточно осознать, насколько ограничена картина реальности, предлагаемая даже самой интеллектуальной культурой. Для этого не нужно отвергать привычные ценности и способы поведения. Слишком часто сторонники контркультурного подхода, призывающие отказаться от господствующих ценностей, находятся в еще большем подчинении у своих революционных взглядов. Ярый фанатизм религиозных реформаторов, подобных Кальвину, революционных лидеров вроде Дантона, Марата, Ленина и Сталина или современных глашатаев маоизма, деконструктивизма и постмодернизма может быть столь же узким, как и ниспровергаемые ими учения и мировоззрения.

Тем не менее, подвергая сомнению описания реальности, предлагаемые нашей культурой, особенно средствами массовой информации, мы приближаемся к свободе. Открывая

утром газету, помните о неизменной однобокости ее взглядов. Как говорил полковник Маккормик, знаменитый издатель *Chicago Tribune*, разборка в Чикаго Луп¹ важнее большой войны в Китае. Того, кто осознал, что СМИ представляют мир *sub specie culturae*², уже не так легко ввести в заблуждение.

В любое время полезно периодически снимать уже привычные нам искажающие очки, чтобы взглянуть на происходящее с иной точки зрения. В какой мере я разделяю мнение других людей о том, кем я являюсь и кем мог бы быть? Что вообще я знаю о ценностях других культур? Или более прозаично: так ли ценны для меня разрекламированные характеристики моего автомобиля? Стоит ли компания, где я работаю, моей верности? Действительно ли, работая 70 часов в неделю, я наилучшим образом направляю свою жизненную энергию? Верно ли, что стройность и молоджавость — величайшие человеческие достоинства? Именно за такие вопросы Сократу пришлось выпить цикуту, а Савонароле — взойти на костер. Сократ и Савонарола выходили на площадь, дабы убедить сограждан в своих взглядах. Чтобы яснее понять природу реальности, не обязательно становиться пропагандистом — достаточно задавать подобные вопросы самому себе. Благодаря этому вы начнете освобождаться от иллюзий, этого побочного эффекта принадлежности к культуре. И сможете преодолеть вторую завесу майи.

МИР ЛИЧНОСТИ

Инстинктивные побуждения и культурные ценности проникают в сознание, так сказать, извне. Первые проявляются как химические импульсы, принимаемые нами за наши истинные потребности, вторые — как обычаи общества, которые мы воспринимаем как неизбежность и превращаем в собствен-

¹ Исторический деловой центр в Чикаго. — *Прим. пер.*

² С точки зрения культуры (*лат.*). — *Прим. пер.*

ные внутренние ценности. Третье же искажение реальности начинается в самом сознании и постепенно проявляет себя во вне: это побочный эффект осознанности — иллюзия личности.

Как мы уже видели, саморефлектирующее сознание — недавний продукт человеческой эволюции (правда, неизвестно, насколько недавний). Генетические предписания, несомненно, древнее; культурные предписания, скорее всего, тоже сформировались до появления саморефлексии. Выдвигалось даже предположение, что люди стали осознавать собственное мышление лишь три тысячи лет тому назад. Прежде мысли и эмоции появлялись в уме самостоятельно, без всякого сознательного контроля. Древнегреческий воин и шумерский священник следовали инстинктам и обычаям, а если у них возникала новая мысль, они принимали ее за голос какого-нибудь бога или духа.

Даже в будущем мы вряд ли сумеем с точностью определить, когда человек начал управлять своими мыслительными процессами. В отличие от наконечников стрел и глиняных горшков, следы саморефлексии не выкопать из останков древних поселений. Она появилась так незаметно, что не оставила свидетелей: эпоха сознания началась не с грома, а с шепота. Но когда бы ни возникла эта способность, ее появление стало одним из самых значительных событий на нашей планете. Даже астероиды, по одной из версий, положившие конец эпохе динозавров около 65 млн лет тому назад, не произвели столь серьезных изменений.

Почему это событие столь важно? Отчасти, конечно, потому, что, сознательно управляя умственными процессами, гораздо проще создавать и применять новые технологии. Но куда важнее следующее: ум, осознавший свою автономию, позволил отдельному человеку воспринимать себя как независимого деятеля с собственными интересами. Впервые у людей появилась возможность сбросить власть генов и культуры. Человек получил право на собственные мечты и собственную точку зрения, исходящую из индивидуальных целей.

Но принеся свободу, личность скрыла реальность за еще одной плотной завесой — иллюзией эго. Эгоизм неотъемлем от жизни, и безжалостные громилы доминировали в ней, видимо, задолго до того, как способность к рефлексии позволила мужчинам и женщинам контролировать свой разум. А с тех пор как появилась личность, она внесла в этот образ собственные коррективы. Представим себе Зорга, вожака первобытного племени из эпохи до возникновения саморефлектирующего сознания. Зорг знает, что он вожак, потому что если он куда-то направляется, все племя идет за ним. А если он рычит, то все остальные дрожат от страха. Испытывая голод или вожделение, Зорг использует свое доминирующее положение, чтобы получить львиную долю желаемого. В припадке гнева он может прибить кого-нибудь из сородичей. Он, несомненно, эгоист, однако его эгоизм лишен важной составляющей, свойственной лишь человеку с рефлектирующим эго: Зорг не честолюбив, он не стремится монополизировать власть как таковую. Его претензии на доминирование — результат предписаний генов и реакций соплеменников, это временные, контекстно-зависимые поступки. Он даже не пытается накопить больше имущества, чем у сородичей, ведь недвижимости у охотников-собирателей нет, а движимое имущество трудно носить с собой.

Можно утверждать, что кругозор Зорга сильно ограничен тем, что биология и культура позволяют ему испытать. Но зато он свободен от предубеждений — побочного продукта осознающего себя разума. Фараоны, властители Месопотамии, долины Инда или древнего Китая отличались от Зорга не только невероятным превосходством доступных им ресурсов, но и ощущением собственной неповторимой индивидуальности. С момента появления эго его главная цель — защищать себя любой ценой. Поэтому десяткам тысяч египетских рабов пришлось оплатить своими жизнями строительство пирамид, где продолжало бы жить эго фараона, и той же цели служили тысячи искусно изготовленных статуй воинов, захороненных в могилах китайских императоров.

Пусть в меньших масштабах, но ненасытные эго пожирали психическую энергию людей почти в каждом известном нам древнем сообществе. Когда умирал вождь какого-нибудь кочевого племени из степей Центральной Азии, жившего набегами на более обжитые регионы Европы и Азии, в могилу вместе с ним клали его лошадей, оружие и драгоценности — а также его женщин и слуг, дабы они могли служить любимому покойнику и после смерти.

В «Илиаде», наиболее почитаемом в европейской культуре эпосе, блестяще описано эго древнегреческого воина. Поэма начинается со встречи военачальников греческой армии, осаждающей враждебную Трои. Осада безуспешно длится уже много лет; греки устали, поражены болезнями и тоскуют по дому. Совет пытается разрешить спор двух великих вождей, угрожающий разрушить союз греков и завершить войну бесславным отступлением. Агамемнон, возглавляющий самое большое войско в армии, заявляет, что захваченные греками трофеи распределены несправедливо: Ахилл получил больше, чем заслуживает. Ахилл, завоевавший безрассудной храбростью величайший почет среди греков, резко возражает, что все его трофеи принадлежат ему по праву. Агамемнон угрожает, не получив доставшуюся Ахиллу Брисеиду, увести свои войска. Другие вожди опасаются, что когда Агамемнон со своими многочисленными солдатами покинет греков, война будет проиграна, поэтому они заставляют Ахилла отказаться от девушки. Оставшаяся часть «Илиады» посвящена последствиям этого события: огорченный Ахилл не желает сражаться; без его помощи война оборачивается для греков еще большей неудачей; боги сходят с Олимпа, выступая на той или иной стороне и друг против друга... и так далее, пока в конце концов гордые башни Трои не рушатся, объятые пламенем.

Суть в том, что конфликт, с которого начинаются события «Илиады», — это борьба двух мужчин, стремящихся удовлетворить собственное эго. Ни Ахиллу, ни Агамемнону нет особого дела до несчастной троянской царевны: она лишь награда,

знак общественного признания лучшему. Тем не менее оба великих воина готовы погубить себя, свои семьи и друзей, защищая возвращенную в собственном уме идею. Как только у героя появляется самосознание, он начинает отождествлять все свое существо со своей репутацией. И тогда он может жить, лишь поддерживая свою репутацию любой ценой.

Пример «Илиады» показывает, что с появлением рефлексивного сознания символом личности для эго становится то, чем человек обладает. Это ясно видел Уильям Джеймс: «Человеческая личность — совокупность всего, что он может назвать своим, не только тело и психические силы, но также одежда и дом, жена и дети, предки и друзья, репутация и работа, земля, лошадь и банковский счет».

Проблема в том, что чем больше эго отождествляется с внешними по отношению к личности символами, тем более оно уязвимо. Джеймс также пишет, что у человека, неожиданно потерявшего что-то из того, чем он владеет, «личность уменьшается, часть ее превращается в ничто». Чтобы предотвратить свое уничтожение, эго заставляет нас постоянно беспокоиться о возможных угрозах символам, служащим ему опорой. В нашей картине мира поляризуются «хорошее» и «плохое»: к первому относится все, что поддерживает имидж личности, ко второму — все, что ему угрожает. Вот как проявляется третья завеса майи: она искажает действительность, подгоняя ее под нужды эго.

Идеи, в которые человек вкладывает больше всего психической энергии, отождествляются с личностью. Для греческих воинов это была слава, для ранних христиан — религиозная вера. Порой христианам приходилось выбирать между смертью и отказом от своей веры, и тогда они выбирали смерть, считая бóльшим злом уничтожение личности, построенной на религиозной основе. В XIII веке катары в Южной Франции тысячами шли на смерть, не предав свое мировоззрение, которое другие христиане считали ересью. Сегодня из основных религий, по-видимому, лишь ислам внушает подобную само-

отверженность. По крайней мере в технологических обществах эго уже редко бывает основано на религиозной вере.

В наше время символы личности становятся все более материальными. За царапину на новой машине ее владелец может убить. Если психическая энергия направлена на дом, мебель, пенсионные накопления или акции, то для сохранения личности требуется защищать эти объекты. Преимущества отождествления личности с собственностью очевидны. В человеке за рулем «роллс-ройса» все сразу же видят успешную и важную персону. Объекты — это конкретное свидетельство могущества их владельца, и эго способно расширять его практически бесконечно, требуя власти над все большей материальной собственностью. Но чем больше личность отождествляется с внешними объектами, тем более она уязвима. В конце концов, никто не властен над славой и удачей — ни абсолютный правитель вроде Александра Македонского, ни мультимиллиардер вроде Роберта Максвелла, и любая угроза приобретениям тех людей, чье самоопределение слишком зависит от собственности, превращается в угрозу самой сути их бытия. Именно по этой причине религиозные и философские системы всегда так неоднозначно относились к материальным устремлениям и предписывали развивать личность, обладающую ценностью независимо от материальных достижений.

Эго использует для репрезентации личности не только объекты, но также родственные и другие человеческие взаимоотношения. Благодаря особому вниманию, которое мы уделяем близким нам людям, они становятся неотъемлемой частью нашего самоощущения. В частности, в обществах, где материальное имущество менее доступно, главными определяющими компонентами личности становятся связи с другими людьми. Даже описанная в «Илиаде» война началась из-за того, что троянский царевич Парис похитил жену брата Агамемнона. Символическое значение их побега оказалось непереносимым для эго участников этой истории.

Человеческие взаимоотношения представляются гораздо более разумным основанием для создания имиджа личности, чем материальное имущество. Но к сожалению, соблазн использовать других для раздувания собственного эго весьма силен, и многим трудно с ним справиться. Родитель, чрезмерно опекающий свое чадо, чересчур ревнивый любовник, работодатель-патерналист, революционер, готовый пожертвовать жизнью ради блага человечества, зачастую не слишком заботятся о благополучии тех, с кем они связаны. Стремление «помочь» или «защитить» — нередко лишь способ продемонстрировать контроль, а значит, и могущество личности.

Поскольку эго порождает столько проблем, его не раз пытались упразднить. Некоторые восточные религии разработали для этого наиболее радикальные предписания. Их аргументы достаточно логичны: когда человек отказывается направлять психическую энергию на достижение целей, отказывается от желаний и не отождествляется с какой-либо идеей, верованием, объектом или человеческими взаимоотношениями, он становится в некотором роде неуязвимым. Мы от природы склонны надеяться на то, что какие-то наши желания сбудутся, а когда надежды не оправдываются, мы страдаем. Тот, кто отказался от надежд и желаний, то есть от личности, избавлен от разочарований. Что ни делается — все к лучшему. Похоже, упрощенная версия этого подхода весьма популярна у молодежи последних десятилетий. Выражение «нет проблем» и утверждение «я в порядке, ты в порядке» — бедные родственники этой отрешенности от жизни.

Есть ли у радикального проекта избавления от личности шансы на успех? Общество вряд ли выживет, если большинство его членов станут совершенно «безличностными». И даже если человек сумеет отказаться от желаний, ему придется также отвергнуть надежду, амбиции, стремление к лучшему или просто к иному будущему. Человек без эго — если он вообще существует — величайшая редкость, поучительный пример того, что и такое возможно. Но не похоже, чтобы это был путь третьего тысячелетия.

Если наша эволюция продлится еще тысячу лет, нам придется подыскать другие, лучшие методы формирования личности. Выжить нам позволит тип эго, достаточно стойкий, чтобы ограничиться лишь необходимыми желаниями. Он будет полагаться на имущество, в котором нет недостатка. Вместо того чтобы сражаться за те же символические ресурсы, что и Ахилл с Агамемноном, он будет довольствоваться собственными уникальными чертами и опытом. Но несмотря на бóльшую индивидуальность, этот тип будет отождествляться с наивысшим общим благом — не только своего рода или страны, но человечества в целом, и даже с самим принципом жизни, с процессом эволюции. Иную возможность выживания человечества трудно представить.

На первом этапе создания такой личности нам потребуется очистить разум от иллюзий, истощающих нашу психическую энергию и лишаящих нас власти над собственной жизнью. Эти иллюзии — неизбежное следствие нашего существования во плоти, в человеческой культуре, с достаточно сложным мозгом, способным осознавать собственное устройство. Они неизбежны, но от них можно освободиться. Чтобы избавиться от этой фактичности существования, для начала нам нужно лишь отстраненно взглянуть на то, что заставляет нас действовать. Наблюдая, как гены, культура и эго управляют нашими поступками, и осознав меру своей подчиненности их предписаниям, можно прийти в уныние и утратить надежду. Но суровая реальность будет нам в помощь. Понимание того, что многие наши действия определяются не нашим выбором, позволит сделать первый шаг к созданию более аутентичной, подлинно индивидуальной программы.

Тот, кто доволен своей жизнью, кто в ладах со своим прошлым и будущим, короче, тот, кого мы называем счастливым, обычно живет по собственным правилам. Ест по собственному расписанию, спит, когда хочется, работает с удовольствием, осознанно выбирает друзей и любимых. Он понимает свои мотивы и ограничения. Он добился некоторой свободы выбора. Обычно такой человек не ищет для себя многого. Он может быть

амбициозным мечтателем, великим строителем или созидателем — но его цели не эгоистичны ни в одном из трех смыслов, то есть не обслуживают задачи генов, культуры и эго. Он занят своим делом, радостно преодолевает трудности и наслаждается самой жизнью. Он ощущает себя частью мирового порядка и гармонично развивающейся личностью. Именно этот тип личности позволит человечеству выжить в третьем тысячелетии.

Но прежде чем начать думать о путях создания эволюционной личности, нужно внимательно изучить то, что препятствует ее развитию. Кроме рамок, устанавливаемых генами и культурой, свободному восприятию реальности мешает конкуренция с другими людьми и плодами собственного мышления. В следующей главе мы рассмотрим, как в результате эволюционного отбора у индивидуумов нередко вырабатываются разные способности, что приводит к подавлению и эксплуатации человека человеком. В пятой главе мы исследуем, каким образом плоды технологии и человеческого воображения истощают и без того скудные физические и психические ресурсы. Поскольку эти внешние для разума факторы так же, как и внутренние препятствия, могут мешать нам свободно управлять своей жизнью, имеет смысл познакомиться с ними поближе.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «ЗАВЕСЫ МАЙИ»

Иллюзия и реальность

Какого рода информации вы доверяете больше всего? Подумайте о том, в чем вы абсолютно уверены. Почему вы считаете это истиной? Например, как вы докажете, что: 1) Земля вращается вокруг Солнца; 2) вы испытали любовь; 3) Пикассо — великий художник; 4) существует (или нет) жизнь после смерти?

Хорошее упражнение — иногда смотреть на попавшийся на глаза предмет, как будто вы не знаете, что это и даже как он

называется. Можете ли вы посмотреть на стоящий в комнате стул или лампу непредвзято, словно видите их впервые, не думая о них как о «стуле» или «лампе»?

Мир генов

Что вас привлекает в людях противоположного пола? Вашего пола? Почему?

Еда и секс — две базовые потребности, свойственные всем людям. Сколько вашей психической энергии они поглощают? Сколько энергии вы тратите на то, чтобы выдерживать диету и подавлять сексуальные желания? Каким образом вы можете высвободить ту часть энергии, которая находится под контролем этих потребностей?

Мир культуры

Как вы считаете, чем ваша семья, город, страна лучше других семей, городов или стран? А чем — хуже?

Пытались ли вы когда-нибудь взглянуть на жизнь глазами многодетной матери из Бангладеш или Эфиопии?

Мир личности

Злитесь ли вы, когда кто-то влезает перед вами без очереди? Сразу ли начинаете завидовать удачам других? Считаете ли, что в споре ваше слово всегда должно быть последним? Долго ли таите обиду? Сколько психической энергии освободилось бы, преодолев вы власть этих чувств?

Если изобразить личность в виде нескольких концентрических кругов — пяти или десяти, вроде мишени, где центральный круг представляет то, что наиболее соответствует вашему «Я», то как бы вы назвали эти круги? Что бы вы вписали в центральный круг — человеческие качества, положение в обществе, имущество, взаимоотношения?

Хищники и паразиты

В предыдущей главе мы поговорили о трех источниках иллюзий, мешающих нам ясно воспринимать и свободно действовать. Научившись лучше понимать свои побуждения, мы можем выйти из-под тотального контроля тела, культуры и эго. Но чтобы вместе активно строить будущее, одного этого мало. Необходимо устранить еще некоторые преграды. В отличие от завес майи, они рождаются не внутри нас, а возникают в результате взаимодействия с другими людьми. Они — следствие конкуренции, являющейся неотъемлемой частью эволюции. Все мы обладаем врожденной склонностью продвигать собственные интересы за счет других существ. Все мы пытаемся захватить как можно больше власти, дабы извлечь из окружающей среды максимум энергии и сделать свою жизнь комфортнее и безопаснее. Поэтому подавление и паразитирующая эксплуатация — неизменные составляющие эволюции. Однако и то и другое искажает восприятие реальности как у победителей, так и у побежденных.

СИЛЫ ОТБОРА

Эволюцию направляет естественный отбор, и никто не может предсказать, как он проявит себя в будущем. Лишь когда определенные виды животных уже вымерли, мы говорим: «Да, вот

вам результат естественного отбора». Условия, позволяющие выжить тем или другим видам организмов, сложны и переменчивы, поэтому предугадать их не представляется возможным. Еще недавно казалось, что человеческому роду уготовано блестящее будущее: если какой-то форме жизни и суждено сохраниться, то это непременно будем мы. Но сейчас какой-нибудь пьяный офицер может нажать не на ту кнопку — и в процессе естественного отбора выживут лишь тараканы.

Мы живем благодаря тому, что организмы, носившие наши гены в прошлом, смогли передать их нам, как эстафету, от поколения к поколению. Однако развиваются не только гены, но и *мемы*, то есть поведенческие шаблоны, ценности, языки и технологии. Содержащаяся в мемах культурная информация передается не химическими инструкциями хромосом, а подражанием и обучением. Выучив мелодию «Зеленых рукавов», или текст Декларации независимости, или научившись завязывать галстук, вы приняли участие в процессе отбора, передающего мемы во времени.

Отбор всегда подразумевает выбор из двух и более вариантов. При естественном отборе у организма, производящего обильное и жизнеспособное потомство, больше шансов передать содержащиеся в его теле «инструкции», чем у менее плодовитого организма, поэтому первый сможет создать больше копий самого себя и населить Землю. Сегодня в Германии турецкие гастарбайтеры по уровню рождаемости сильно опережают граждан этой страны; если эта тенденция сохранится, естественный отбор постепенно вытеснит немецкие гены турецкими. Аналогичная картина наблюдается в США, где англосаксы проигрывают в рождаемости выходцам из Латинской Америки.

Несколько лет назад, путешествуя по Финляндии, мы с женой остановились на ферме у деревушки, затерявшейся среди туманных озер и бескрайних еловых лесов. Идеальная декорация для скандинавских мифов. Мы ожидали, что прямо из-за мшистых скал к нам выйдут белокурые викинги, распевая

стихи из «Калевалы», но увидели мальчишек явно азиатской внешности, которые среди субарктического ландшафта чувствовали себя как дома. Наш хозяин-финн разрешил эту загадку. Уже много лет местным фермерам не удается конкурировать с сельскохозяйственной продукцией, импортируемой из более теплых стран. Как и большинство фермеров Запада, они получают от правительства дотации, что позволяет им не разориться, но жизнь здесь бедна и скучна, не то что в Хельсинки. Местные мужчины еще держатся за свои поля, не в силах преодолеть многовековую привычку к фермерской жизни, но все больше молодых женщин покидают родной край и устраиваются работать на современные городские предприятия.

Очевидно, что традиционный старинный уклад финского крестьянина немислим без женщины. Что же делать? Умные посредники открыли для себя новую рыночную нишу и начали рекламировать туры (которые стоят около \$10 000) на Филиппины с посещением «парада невест». Там можно выбрать женщину, готовую последовать за вами на другой конец света, в обмен на некоторую денежную компенсацию ее семье. Легко ли было этим бедным иммигранткам приспособиться к суровой природе, чужим обычаям, непонятному языку? Вряд ли. Но это их дети сейчас бегают по холодным лесам, неся новые гены в места, веками не знавшие биологических перемен. Хорошо это или плохо для финских генов в свете естественного отбора?

Насколько нам известно, особых «финских» или «филиппинских» генов просто не существует. Все люди принадлежат к одному виду, и генетических особенностей, уникальных для определенной культуры или этнической группы, почти нет. Более того, генетики обнаружили, что гены человека и шимпанзе совпадают на 94% — и все же *vive la*¹ разница! Будущее нашего вида зависит не от того, насколько генофонд финнов окажется разбавлен филиппинским, и не от того, наводнят ли

¹ *Vive la* (фр.) — да здравствует. — Прим. пер.

постепенно латиноамериканские (или славянские, или азиатские) гены Соединенные Штаты. Вопрос в том, не заменят ли чуждые мемы исходный мемфонд. Родители-латиноамериканцы обучают своих детей испанскому, родным обычаям и ценностям, при этом английский язык и связанные с ним культурные привычки могут постепенно исчезать. (Хотя, конечно, английские мемы в Америке не «изначальны» в полном смысле слова, поскольку они сами заменили много коренных американских культур за последние несколько столетий.)

В данный момент эволюция мемов, возможно, куда важнее для нашего будущего, чем генетическая эволюция. Поэтому необходимо лучше понимать, как мы отбираем содержащуюся в мемах информацию. Каждый из нас вовлечен в этот процесс, и мы в состоянии определять его направление в той мере, в какой осознаем собственные действия. Однако прежде чем обратиться к возможному позитивному направлению эволюции, стоит рассмотреть некоторые главные опасности культурной, или меметической, эволюции. Как мы увидим, она во многом схожа с эволюцией живой природы с ее «алыми зубами и когтями»¹.

ВЛАСТЬ И УГНЕТАНИЕ

Одна из особенностей, отличающих людей от других животных, — пожалуй, столь же характерная, как речь и прямохождение, — наша изобретательность в подавлении и эксплуатации друг друга. Различия в материальном и общественном положении и в знаниях позволяют одним индивидам жить за счет психической энергии других. «Власть» — общий термин, означающий способность человека заставить других людей жить для того, чтобы он мог достигать своих целей. Основой власти могут быть деньги, собственность, страх, уважение; ею может обладать отдельный человек или группа. Власть бы-

¹ Nature, red in tooth and claw (Природа с алыми зубами и когтями) — строка из поэмы А. Теннисона In Memoriam A. H. N. (Песнь 56). — *Прим. пер.*

ваает опасна, ибо, как считал лорд Актон, «власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Даже при самых лучших намерениях обладающий властью индивид, группа или страна в конце концов решит, что имеет право жить лучше тех, у кого власти меньше. Средний житель США использует значительно больше природных ресурсов, чем уроженец Индии или Китая. Нравится нам или нет, у нас есть возможность управлять жизнями людей, обладающих меньшими ресурсами, и, таким образом, эксплуатировать их.

При неравенстве в правах и возможностях эксплуатация возникает, какими бы благими ни были намерения. Например, жители Кувейта и других недавно разбогатевших стран Персидского залива естественным образом отказываются выполнять неквалифицированную работу — убирать улицы, водить грузовики, строить дома и даже служить в полиции или в армии. С другой стороны, тысячи пакистанцев и филиппинцев рады занять эти вакансии за гораздо более низкую плату, чем получал бы кувейтец. Поэтому представляется вполне логичным нанимать на грязную работу миллионы гастарбайтеров из стран третьего мира. Этот сценарий знаком всем относительно богатым странам, от Швеции до Италии. Той же причиной объясняется постоянный приток в США нелегальных рабочих из Мексики и Восточной Европы.

В таком добровольном регулировании населения нет ничего плохого. Пока обе стороны устраивает подобное положение дел, о подавлении или эксплуатации речи не идет. Но к сожалению, подобное равновесие недолговечно. Турецкий рабочий в Германии или мексиканский в США вскоре начинает стремиться к социальным благам, доступным тем гражданам, которые имеют больше прав. Медицинская страховка, социальное обеспечение, пенсионные программы, пособия по безработице, голосование — все эти жизненные блага во властном обществе становятся предметом соперничества. Жителей принимающей страны подобные претензии, разумеется, возмущают — в конце концов, гастарбайтеров пригласили как раз

потому, что поначалу они довольствовались малым. И вот уже готова почва для конфликта со взаимными обвинениями в эксплуатации.

Чтобы избежать такой ситуации, многие богатые страны предприняли меры, позволяющие им использовать дешевый труд, избегая при этом проблем. Например, в Швейцарию ежегодно приезжают тысячи молодых людей из Испании, Португалии и многих других стран, чтобы мыть посуду и убирать номера в бесчисленных отелях, обеспечивающих этой стране надежный денежный поток. Такой гастарбайтер получает визу, позволяющую ему работать несколько месяцев, но чуть меньше того срока, после которого можно претендовать на всевозможные социальные блага. Когда виза заканчивается, гастарбайтер должен вернуться домой. Через год он может приехать снова, но опять же лишь на ограниченный период, не позволяющий воспользоваться социальными благами. Такая политика, конечно, очень разумна, но и она не исключает эксплуатацию полностью.

Прежде Соединенные Штаты могли принимать огромные потоки бедных иммигрантов, не создавая вечно бесправный низший класс (речь, правда, не идет об афроамериканцах и коренном населении Америки). Сможет ли эта страна и впредь сохранять относительно бесклассовое общество, пока неясно. По многим данным, разрыв между имущими и неимущими увеличивается. Если нынешние тенденции сохранятся, то со временем возможность свободно использовать свою психическую энергию или стать объектом эксплуатации все больше будет определяться унаследованным богатством и общественным положением.

Большую часть человеческой истории — миллионы лет, когда по земле бродили Зорг и его братья, сбиваясь в группы для охоты и собирательства, — у отдельного индивида почти не было возможности установить жесткий контроль над своим ближним. Если доминирующий в группе мужчина становился слишком жесток, остальные уходили и присоединялись к дру-

гой группе. Лидер мог запугать приверженцев благодаря своим размерам и силе, но сама по себе грубая сила не лучшее средство доминирования. В любом случае мало что можно было контролировать. Больше еды и секса — что еще мог пожелать Зорг? Если бы он попытался наложить лапу на каменные топоры или горшки ближних, то вскоре замучился бы ежедневно таскать их с собой на охоту. Если бы он попытался заставить других работать на себя, то вскоре они бы скрылись за горизонтом, предоставив Зоргу самому заботиться о себе. Таким образом, в течение наиболее продолжительного периода человеческой эволюции эксплуатация человека человеком себя не оправдывала. Возможно, стихийно она возникала довольно часто, однако установить ее каким-либо образом на постоянной основе было невозможно.

Ситуация изменилась за последние примерно 15 000 лет, когда основные средства существования стало давать сельское хозяйство. Во-первых, оно привязало людей к определенной территории. Охотники всегда могут пойти дальше, крестьянам же трудно сменить место жительства. Слишком много сил они вложили в возделывание своих полей, а все хорошие земли в ближайших окрестностях, скорее всего, уже заселены. Во-вторых, сельское хозяйство, в отличие от охоты и собирательства, создавало излишки, которые можно хранить. А значит, благодаря сноровке или удаче кто-то мог накопить больше еды, чем другие. И тогда стало возможным наследование богатства, которое при определенных условиях породило кастовые или классовые различия. В-третьих, сельское хозяйство требовало относительно специализированных знаний, а также владения землей и инструментами. Кто-то неизбежно завладевал более плодородными участками или создавал лучшие инструменты и, производя больше пищи, становился все богаче. Вместе эти три условия подготовили почву для постоянной, узаконенной эксплуатации.

Что было дальше — известно всем. Тот, кому посчастливилось разбогатеть или завладеть средствами производства —

землей, инструментами, вьючными животными, — получил возможность нанимать тех, кто не мог самостоятельно обеспечивать свое существование. Как правило, богатые не колеблясь использовали бедных для собственных нужд. В конечном счете богатство оказалось чем-то вроде нового культурного вируса, против которого человечество еще не научилось вырабатывать антитела — они появятся лишь позже, с развитием законов, религиозных ограничений, профсоюзов и тому подобного. А тогда, сразу после сельскохозяйственной революции, примерно 8000 лет назад, по всему миру возникали новые социальные формы во главе с деспотическими правителями, накопившими достаточно излишков, чтобы нанять огромные армии, построить фантастические города и воздвигнуть гигантские гробницы в память грядущим поколениям.

Все это положило конец равенству. Когда мемы стали играть более заметную роль в жизни людей, у одних появилась возможность эксплуатировать других. Маркс не слишком ошибался, назвав историю человечества историей классовой борьбы. Как только определенные группы закрепили свои позиции в управлении другими, зерна борьбы упали в благодатную почву. Маркс допустил ошибку лишь в том, что воспринимал эту борьбу излишне упрощенно. Он считал, что история медленно и линейно движется от племенных сообществ, где все люди равны, к рабовладельчеству, затем к феодализму, меркантилизму и неограниченному капитализму, обреченному на самоуничтожение и тем самым открывающему дорогу новому бесклассовому обществу, которое покончит с эксплуатацией, — диктатуре пролетариата. Однако стереть властные различия не так легко, как полагал Маркс. В Советском Союзе за 70 лет «диктатуры пролетариата» могущественная клика жестоких политиков и бюрократов превратилась в еще большее ярмо для народа, чем прежний царский двор.

К тому же эксплуататоры менялись значительно быстрее, чем мог предположить Маркс. Например, контроль над ресурсами Центральной Европы в этом веке переходил из рук

в руки минимум трижды. В 1945 году с помощью советских войск власть там захватил бесправный пролетариат. В таких странах, как Польша, Румыния, Чехословакия, Венгрия, Югославия и Болгария, если ваш отец или даже дед принадлежал к среднему классу, вас считали «классовым врагом». Вам было бы недоступно большинство должностей и, скорее всего, вы не смогли бы поступить в университет. Однако после 1990 года собственность и власть вновь перераспределились. Очевидно, что в новых рыночных государствах некоторые из бывших коммунистических функционеров снова окажутся на гребне волны, поскольку лишь они имели возможность накопить ресурсы и информацию, но тем не менее перемены будут очень значительными. Возможно, новая властная элита будет не столь эксплуататорской, как прежняя коммунистическая, но, несомненно, многие люди, не способные извлечь выгоду из этих перемен, сочтут, что их жизненную энергию пожирает новый класс капиталистов-предпринимателей. Ведь даже в таком демократическом, эгалитарном обществе, как Финляндия, люди шепотом говорят о том, что страной правят два десятка семей.

Угнетение — это состояние, когда психической энергией одного человека против его воли управляет другой человек. По большому счету, всем нам приходится делать то, что нам не нравится, когда этого требует некто более могущественный. Американские подростки проводят большую часть дня в школе, 70% времени думая о том, как бы оттуда удрать (находясь оставшиеся 30% времени не в классе, а в коридоре, кафетерии или школьном дворе, они не чувствуют себя столь ограниченными). Подобные чувства испытывают и многие взрослые американцы — на работе. Однако это нельзя считать настоящим угнетением, поскольку, отдавая свою психическую энергию сейчас, школьники и работающие взрослые рассчитывают на некую выгоду в будущем.

Наиболее показательный пример угнетения и эксплуатации — рабство. Неприемлемым рабский труд делает не столько

его тяжесть (современным руководителям порой приходится не легче), сколько невозможность свободно управлять собственной жизнью. Рабам не дано выбирать, где быть, что делать, на ком жениться. То есть у них отняли базовое условие человеческого существования — управление психической энергией. Неудивительно, что греческие философы не считали рабов в полном смысле людьми, поскольку те были лишены свободы выбора.

Кроме рабства есть множество других способов эксплуатировать психическую энергию. Всякий предпочел бы удовлетворять свои нужды и потребности, не прилагая труда. И появившись такая возможность, мы ее не упустим. Подросток, пытающийся при любом удобном случае выклянчить у родителей новую машину, муж, перекладывающий на работающую жену все домашнее хозяйство, директор, назначающий себе за счет компании невероятный оклад или премию, — знакомые примеры того, как кто-то заставляет других людей жить ради его выгоды.

Нередко угнетатель начинает свою карьеру как защитник и лишь потом превращается в эксплуататора. Интересный пример тому — развитие европейской феодальной системы, описанное культурологом Лесли Уайтом. По Уайту, после распада могущественной Римской империи большая часть земель перешла к крестьянам, жившим в обособленных деревнях. По большому счету, эти крестьяне вполне могли защитить свою независимость от возможных врагов, вооруженных и подготовленных не лучше их самих. Однако позже, в VI–VIII веках, судьбоносное технологическое новшество изменило баланс сил и, как следствие, политику и стиль жизни всего континента. Этим новшеством стало стремя, заимствованное у кочевников азиатских степей.

До появления стремени солдату-всаднику было непросто усидеть на лошади. Малейшее нарушение равновесия приводило к падению, поэтому он мог пользоваться только легким оружием. А стремя позволяли удержаться в седле и тяжело-

вооруженному всаднику. И вот уже повсюду появились почти непобедимые рыцари в сверкающих доспехах. Крестьяне поняли, что единственный способ сохранить урожай — обзавестись собственными рыцарями. Во многих деревнях жители в складчину покупали дорогое оружие — копье, меч, короткую кольчугу, латы, шлем, латные рукавицы и все остальное — чтобы, нарядив в них местного молодца, иметь собственного защитника. Некоторое время эта система работала, однако новоиспеченный рыцарь довольно быстро понимал, что, пожелай он эксплуатировать своих хозяев-крестьян, они никак не смогут помешать ему. И через несколько поколений эти рыцари и их потомки сформировали отдельную касту с собственными умениями, идеологией, стилем жизни и стали неплохо жить за счет тех, кому они были обязаны своим существованием.

Эксплуатация нередко возникает благодаря развитию технологии — порой весьма значительному, такому как появление сельского хозяйства, порой вполне обыденному, как в случае со стременем. Но каждый раз, когда новый мем дает одним индивидам преимущество над другими, неизбежным следствием этого становится эксплуатация. Чтобы сохранить контроль над собственной психической энергией, нам очень важно понимать, каким образом применяется власть. Мы не обретем свободу, пока не научимся защищаться от властолюбия других людей и не откажемся сами от эксплуатации ближних.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ

Некоторые биологические различия, встроенные в нас, превращают нас в готовые объекты эксплуатации. Так, у многих видов насекомых преимуществом обладают самки — самцы нередко доживают лишь до момента спаривания, тогда как жизненный путь самок длиннее и разнообразнее. Но у млекопитающих все иначе. Как правило, самцы бывают гораздо крупнее и сильнее самок. Такой половой диморфизм, по-видимому, необходим для адаптации. Самцы специализируются на защите потом-

ства, и для этого им нужно быть сильными, а самки в основном заботятся о детенышах, поэтому довольствуются меньшими размерами и имеют не столь угрожающий вид. Если бы особи обоих полов были одного размера, всем вместе им требовалось бы больше пищи. А в условиях недостатка корма легче выжить видам, обладающим половым диморфизмом. Эта особенность, характерная для большинства млекопитающих, свойственна и людям.

К сожалению, такая разумная физическая специализация, полезная как мужчинам, так и женщинам, может быть легко обращена во зло. Во многих обществах мужчины благодаря своему физическому преимуществу управляют жизнью женщин. Так, в большей части азиатских стран царит патриархальный общественный уклад, и у женщин там немного возможностей распорядиться своей судьбой. В Китае и не только все еще достаточно распространено убийство новорожденных, и обычно убивают именно девочек. Самые жестокие формы эксплуатации также преимущественно направлены на женщин. По некоторым данным, в Азии каждый год миллион девочек продают или обманом втягивают в сексуальное рабство. В бедных азиатских странах (Индии, Бангладеш, на Филиппинах, в Бирме, Таиланде и Шри-Ланке) один из самых выгодных видов предпринимательства — организация сети проституции. Торговля живым товаром процветает, потому что с этими беднейшими странами соседствуют такие богатые государства, как Япония и нефтяные монархии.

Нередко женщины теряют власть над собственным телом и свободу выбора против собственной воли, но многих из них завлекают в проституцию обещанием высоких заработков в «индустрии развлечений». Принимая предложение, они надеются, что смогут посылать деньги домой, но в итоге обнаруживают, что попали в лапы безжалостных эксплуататоров. Сегодня в Японии торгуют своим телом около 300 000 иностранок, однако немногие из них хоть что-то зарабатывают — обогащаются сутенеры и бордели. Китайский фермер может обзавестись на-

ложницей, купив похищенную женщину за 300 долларов, а араб заключит аналогичную сделку в Индии еще дешевле.

Другой класс людей, лишенных, по крайней мере, временно, физического преимущества, — это дети. На протяжении многих веков их бесстыдно эксплуатировали взрослые, нуждавшиеся в лишней паре рабочих рук, с молчаливого согласия обладавших большей властью слоев общества. Вот как англиканский священник описывает судьбу мальчика на английской текстильной фабрике в середине XIX века, на пике промышленной революции:

«Его... заметили спящим стоя, с охапкой шерсти в руках, и разбудили пинками. Сегодня он отработал 17 часов; отец привел его домой, но он не смог съесть ужин. Проснулся он в четыре утра, спросил братьев, не горят ли фабричные огни, потому что боялся опоздать, и умер. (Его девятилетний младший брат умер раньше...)»

Сегодня во многих частях света дети живут немногим лучше. Журналист Ули Шметцер подсчитал, что в Азии 40 млн детей младше 15 лет вынуждены работать в ужасных условиях, большинство — больше 8 часов в день, а многие даже по 15. По некоторым данным, в 1990 году в Америке около 13 млн детей жили за чертой бедности. За десять лет начиная с 1976 года число сообщений о жестоком обращении с детьми выросло почти втрое — с 669 000 до 2 178 000. Во многих других странах положение еще хуже. Согласно недавно опубликованному отчету ООН, каждый год около 10 млн детей младше пяти лет умирают от таких болезней, как диарея и респираторные инфекции, которые легко вылечить с помощью регидратационной терапии и антибиотиков; 150 млн страдают от постоянного недоедания; около 100 млн живут на улице; еще большее число подвергаются насилию, эксплуатации и попадают в руки торговцем живым товаром.

Меньшая физическая сила женщин и детей делает их потенциально незащитными. Сказанное, конечно, не означает,

что их непременно станут эксплуатировать, однако их слабость позволяет беспринципным угнетателям использовать свое физическое превосходство. По этой причине в любом обществе, даже самом примитивном, роли распределяются в зависимости от пола и возраста. Все мужчины могут быть равны между собой, все женщины тоже, но мужчины и женщины обладают разными правами и обязанностями, изменяющимися с возрастом. Одни культуры наделяют женщин большей властью, другие меньшей, одни очень хорошо относятся к детям, другие игнорируют их и плохо с ними обращаются. Одно из немногих несомненных достижений культурной эволюции — снижение вероятности вопиющей эксплуатации детей и женщин. Однако такие достижения шатки, непрочны и нуждаются в постоянной защите. Угнетение может принимать самые разнообразные формы. Недаром феминистки с подозрением относятся к «возведению женщин на пьедестал», поскольку за идеализацией женственности нередко скрывалось стремление видеть женщин лишь домработницами либо «красивыми игрушками».

Разумеется, женщины и дети не всегда страдают от биологического неравенства. Дети в конце концов вырастают, а женщины обычно живут дольше мужчин (в нашем обществе в среднем на семь лет). Как следствие, женщины наследуют львиную долю собственности. По-видимому, так же обстояло дело и в средневековой Европе, где большинство гражданских контрактов и договоров составлялось на имя женщины. Нельзя недооценивать и ту власть в обществе, которую женщины получают благодаря выполняемой им функции вскармливания, хотя сегодня это и не модно. Поговорка «Рука, качающая колыбель, правит миром» с точки зрения психологии содержит зерно истины, поскольку множество властных мужчин зависят от своих матерей.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ВЛАСТЬ

Конечно, эксплуатация процветает не только благодаря половым и возрастным различиям. Каждый мужчина отличается

от других мужчин почти бесконечным набором характеристик, что верно и для женщин. Унаследованные человеком особенности помогают или мешают ему защищать свою свободу от вторжения чужой воли. В каком бы смысле ни говорилось в Декларации независимости о том, что все люди созданы равными, речь, несомненно, шла не о качествах, которыми человека одарила природа. Общество может обеспечить равенство своих граждан в отношении каких-то социальных благ, но явно не их равенство по таким показателям, как здоровье, физическая привлекательность, интеллект, цвет кожи, темперамент, характер и т. п.

В любом известном обществе такие различия служили индикаторами власти. В охотничьих сообществах верховодил тот, кто сочетал физическую ловкость с практичностью; у гуннов и татар высоко ценились жестокие провидцы; в Китае и на Ближнем Востоке к вершинам бюрократического аппарата человека вели ум, хитрость, настойчивость. В своей культуре мы продвигаем «агрессивных», но жизнерадостных работников, предприимчивых и в то же время послушных. В любой культуре приятная внешность и экстравертность помогают привлечь внимание других людей, а значит, и управлять ими.

Индивидуальные особенности — не единственная причина, по которой один человек оказывается могущественней другого. Не менее важна удача. Оказавшись в нужное время в нужном месте, бизнесмен обогащается, физик получает Нобелевскую премию, а генерал выигрывает войну. Клавдий заикался и хромотал, и хотя он был царских кровей, никто в Риме не мог даже предположить, что однажды он станет императором. Но благодаря своим родственникам — маниакальным убийцам, прилежно истреблявшим друг друга, — он оказался единственным претендентом на титул.

Тем не менее, помимо удачи, очень многое зависит от личности человека. И хотя среди психологов нет единого мнения о том, существуют ли черты характера, способствующие неизменному успеху в различных областях жизни, кажется оче-

видным, что, будучи экстравертом с высокой самооценкой и оптимистичным взглядом на жизнь, вы скорее преуспеете. Некоторые из этих черт, по-видимому, связаны с темпераментом, то есть преимущественно определяются унаследованными генами; с другой стороны, все они могут сформироваться в основном в детстве под влиянием среды. Ребенок, от рождения склонный к оптимизму, при жестоком обращении имеет все шансы вырасти невротиком.

Немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман много лет изучала одну из общепринятых характеристик «силы личности», связанную с экстравертностью и высокой самооценкой. Люди, получившие высокую оценку по этой характеристике, в основном более успешны в личном и профессиональном плане, чем с люди с низкой оценкой. Кроме того, они, как правило, становятся лидерами и занимают влиятельное положение, в особенности на низких ступенях социальной лестницы. Иными словами, богатым и хорошо образованным сильная личность нужна в меньшей степени, чем бедным и малообразованным, поскольку имущество и власть компенсируют слабость личности. А если вы бедны, сила личности поможет вам преуспеть в жизни. Сильные личности из всех классов многим интересуются, любят пробовать новое и влиять на других, поэтому они с большей вероятностью окажут воздействие на эволюцию мемов, то есть в будущем их убеждения, идеи и привычки будут встречаться чаще. Эти исследования содержат обнадеживающий вывод: сильные личности обычно менее эгоистичны, чем слабые. По-видимому, все черты, ответственные за успех и влияние, подразумевают чувство социальной ответственности.

Однако довольно часто перед людьми, добившимися власти, открывается возможность с легкостью использовать ее в собственных интересах. Достиг ли человек видного социального положения благодаря удаче, уму или силе личности, способен сэкономить собственную психическую энергию за счет чужой почти непреодолим. Успешный бизнесмен считает свое

время несомненно более ценным, чем время шофера, секретаря, менее удачливых друзей, пастора своей церкви, жены и детей. С какой стати он должен особо заботиться об этих менее ценных индивидах? И почему бы ему не получать за свои усилия больше, гораздо больше денег, чем другие могут даже вообразить? Придя к власти, политик решает, что законы общества писаны лишь для простых смертных. Президент Никсон и его свита ставили себя выше закона (правда, в сравнении с владыками большинства других обществ они были просто дилетантами). Почтенные профессора нередко эксплуатируют студентов-старшекурсников, а знаменитые художники позволяют себе забыть о хороших манерах и эпатировать буржуазию.

К счастью, везде есть исключения, доказывающие, что разращение властью не так уж неизбежно. Героические поступки, как и значительный вклад в науку и культуру, достойны восхищения. И все же наивысшее достижение человека — это отказ от злоупотребления собственными привилегиями.

Неизбежен ли конфликт, основанный на индивидуальных различиях? Пожалуй, да. В эволюции позитивные изменения возникают лишь при условии отбора, а отбор происходит только благодаря индивидуальным различиям, когда одно свойство помогает адаптироваться в окружающей среде лучше другого. Если все индивиды одинаково хорошо выживают и производят равное число потомков, то выбирать оказывается не из чего, и следующее поколение будет похоже на предыдущее. Различия — исходная точка отбора, а значит, и эволюционного изменения. Поэтому эволюционные психологи подчеркивают важность индивидуальной конкуренции как двигателя эволюции. Конкуренция, однако, не обязательно подразумевает агрессию и эксплуатацию или даже скрытый конфликт, поскольку в терминах эволюции конкуренция просто означает тот факт, что одни организмы воспроизводят себя успешнее других. Даже кооперация бывает очень эффективной стратегией конкуренции. Этим объясняется, почему по всей планете развивались социальные системы, основанные на законе

и разделении труда. Однако для нас не очень важно, как конфликт и конкуренция воздействуют на биологическую эволюцию. Вопрос в том, как они влияют на человеческую эволюцию в целом, что в наши дни прежде всего связано с изменением способов мышления — с тем, какие решения мы будем принимать исходя из наших целей и убеждений.

ПЕРЕДАЧА НЕРАВЕНСТВА ПО НАСЛЕДСТВУ

Обычно мы не возражаем, когда кто-то обретает значительную власть благодаря выдающимся усилиям или необычайному таланту. Но мы гораздо менее терпимы к неравенству, основанному на унаследованном богатстве или общественном положении. Тем не менее один из основных инстинктов обладающего властью человека — стремление передать ее семье и потомкам. Это проверенный временем адаптивный инстинкт, укрепившийся в процессе культурной эволюции. Если бы мы передавали детям лишь собственные гены, различия в том, что наследует любой ребенок, были бы минимальны и ограничивались физическими вариациями, имеющимися в общем генетическом фонде. Один из мальчиков был бы сильнее других, одна из девочек ловчее сверстниц, но все это было бы, в общем, делом случая.

Действительное неравенство и сопровождающие его чувства зависти и ревности появляются, когда компоненты власти передаются благодаря культурному наследованию. Один из самых ранних способов накопления ресурсов и усиления собственной власти — избирательный подход к заключению брака. Богатые и сильные мужчины женились на женщинах из богатых и сильных семей, обеспечивая своим детям преимущество с рождения. Пока подобные женятся на подобных, с каждым поколением неравенство не только сохраняется, но и увеличивается. Забота о сохранении власти внутри семьи в конечном счете приводит к официальной практике, способствующей разделению общества. Например, римлянам

закон запрещал вступать в брак с жителями провинций, чтобы не размывать высоко ценимый статус «гражданина».

В нашем обществе больше нет законов, запрещающих межрасовые браки (хотя некоторые штаты запрещали такие браки вплоть до постановления Верховного суда 1967 года). И все же «избирательный брак» продолжает оставаться глубоко укоренившейся нормой. Как и прежде, подобные предпочитают заключать браки с подобными (с точки зрения дохода, образования, политических предпочтений, религии и расы). Разумеется, эта тенденция отражается главным образом не на генах, наследуемых потомством, а на его мемах. У ребенка образованной и обеспеченной белой пары сформируются иные ценности и самовосприятие, чем у генетически сходного ребенка межрасовой пары того же социального положения или пары с иным уровнем образования и дохода. Чем более гомогенно происхождение пары, тем выше вероятность того, что мемы ребенка будут подобны мемам родителей.

Поскольку некоторые наиболее важные мемы — основополагающие ценности и взгляды на мир — передаются через семью, со временем в результате избирательного заключения браков возникает что-то вроде *культурного видообразования*, когда члены социальных групп различаются и даже обособляются на основании своего культурного происхождения. Этот процесс делает почти невозможным брак между амишем и католичкой или между приверженцами крайне либеральных и ультраконсервативных взглядов, как если бы они принадлежали к разным биологическим видам, не приспособленным к перекрестному спариванию. Пока избирательное заключение браков изолирует мемы друг от друга, различия культур сохраняются, и ребенок, родившийся у либеральной пары, продолжает воспринимать потомков консерваторов как потенциально враждебных чужаков.

Конечно, брачные обычаи — не единственный способ сохранить власть внутри семьи и передать ее потомкам. Законы о налогах и наследовании всегда играли важную роль в поли-

тике, определяя степень концентрации или распределения экономической власти. Один из первых законов, принятых коммунистами после прихода к власти в России, запрещал родителям передавать собственность детям по наследству, дабы граждане начинали жизнь в равных условиях. (К сожалению, коммунистические функционеры-властители очень скоро нашли способ извратить этот закон, и nepoтизм стал процветать в СССР почти так же, как при царе.) В 1980-х, при администрации Рейгана, изменение законов о налогообложении создало в Америке опасное экономическое неравенство, сделав богатых еще богаче, а бедных еще беднее. Фактически это превратило даже самых благонамеренных богачей в угнетателей. При этом от них не требовалось особых усилий, чтобы закрыть своим менее обеспеченным согражданам доступ к хорошему образованию и благополучным районам, — невидимая рука рынка сделала это за них.

Возвращаясь к вопросу о неизбежности эксплуатации, приходится заключить, что некоторая доля неравенства в доступе к ресурсам, контроле над психической энергией и способности влиять на будущее действительно неизбежна. В любой сложной социальной системе одни люди больше других соответствуют определенным должностям благодаря своему темпераменту, образованию или происхождению. В таких больших организациях, как Motorola и Nissan (в каждой из них около 20 000 инженерно-технических работников), одни инженеры более других способны приложить свои умения к задачам своей компании. Такие инженеры получают лучшую зарплату и быстрее продвигаются по службе, а их идеи находят применение в новой продукции. Многие из обойденных коллег завидуют им и злятся из-за того, что приходится работать под их началом. Каждая организация в конечном счете выбирает из своих работников «наиболее пригодных». Важно понимать, что эта пригодность не основана на каком-либо абсолютном преимуществе, которым обладают успешные инженеры. Тот, кто достиг вершины в Motorola, возможно, не преуспел бы в Nissan. Какой-то набор

умений может подойти корпоративной культуре, определенному экономическому климату и конкретной маркетинговой стратегии одной компании и не подойти другой.

Одни люди всегда будут контролировать больше ресурсов, чем другие, но так ли неизбежна эксплуатация при таком контроле? Истина, скорее всего, в том, что если мы не попытаемся предотвратить эксплуатацию, контроль над ресурсами может перерасти в контроль над другими людьми. «Постоянная бдительность, — сказал Джефферсон, — такова цена свободы». Это также означает, что без наших усилий возможностей свободно распоряжаться психической энергией станет меньше. Наши накопления, плод многолетнего труда, обесценятся, если люди, тратящие больше, чем они зарабатывают, вызовут инфляцию. Мы можем неожиданно лишиться работы, потому что инвесторы предпочтут получать более высокие прибыли, переместив производство в страны третьего мира. Цена нашей крошечной недвижимости может колебаться в зависимости от продаж и покупок более значительной собственности. Все это зачастую происходит без какого-либо злого умысла — просто так работает рынок, которым, как обычно, манипулируют те, кто владеет значительной его долей.

Как это предотвратить? Как и в случае с источниками иллюзий, первый шаг — просто осознать действительное положение вещей. Использует ли кто-то вашу энергию, не предлагая достойного вознаграждения? Ваш босс, ваш супруг, поставщик электроэнергии, правительство? Прежде всего стоит внимательно рассмотреть, кто (или что) решает, как вам использовать свое время, и таким образом контролирует вас. Следующий шаг — разобраться, хотите ли вы, чтобы это положение дел оставалось неизменным. И если нет, то можете ли вы что-то сделать и каковы будут последствия ваших действий.

С самого начала своей истории Америка привлекала людей угнетенных, но решивших самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Все, кто спасался: первые английские поселенцы — от религиозных преследований, ирландцы — от голода,

поляки — от перспективы погибнуть в войне за русского царя, беженцы из Юго-Восточной Азии — от коммунистического террора, — считали Соединенные Штаты местом, где они смогут обеспечить себя всем необходимым, оставаясь свободными. С эволюционной точки зрения население США сформировалось главным образом в результате отбора тех представителей народов Земли, кто отказался терпеть эксплуатацию. Таким образом в американской культуре сконцентрировались мемы свободы, и это гораздо больше, чем что-либо другое, делает ее уникальной.

Тем не менее эксплуатация в определенной мере присутствует и в нашем обществе, хотя у нас нет ни царя, ни комиссаров. Однако тем, кто не чувствует себя здесь хозяином собственной жизни, не поможет иммиграция куда-то еще, поскольку вряд ли найдется страна с более высоким уровнем личной свободы. Поэтому выбор таков: в зависимости от того, какой образ действий принесет максимум свободы при минимальных затратах психической энергии, либо избрать иной, дарующий больше свободы, стиль жизни, либо давать отпор.

Рассмотрим пример того, как можно избавиться от угнетения. Джефф, менеджер энергоснабжающей компании, отвечал за поставку электричества в густонаселенные районы Запада. Он быстро сделал в своей компании карьеру, благодаря отчасти своим способностям, а отчасти готовности работать по 60–70 часов в неделю. В 40 лет Джефф зарабатывал больше, чем когда-либо мечтал, и мог бы подняться по служебной лестнице еще на пару ступенек, если бы продолжал вкладывать в работу время и энергию с тем же рвением. Но кроме работы у него были жена и трое детей, которых он редко видел. Джефф вдруг почувствовал, что вся его жизнь утекает в работу и что он уже не видит в этом смысла. Он пытался поговорить с начальством и попросить снизить нагрузку на него, но в ответ услышал, что компания ожидает от своих топ-менеджеров полной самоотдачи. Тогда Джефф стал искать альтернативу, и теперь он управляет магазином туристического снаряжения, проводит много времени дома, ремонтируя старый викториан-

ский особняк, который они с женой купили, и часто рыбачит на близлежащей речушке со своими детьми.

Джефф сделал выбор, подходящий ему и многим другим из тех, кто решил сойти с дистанции «крысиных бегов». Это не идеальный выбор для всех и каждого, а пример реального решения, принятого человеком, который почувствовал, что стал объектом эксплуатации на работе. Важно, чтобы страх не заставил нас расписаться в собственном бессилии. Те, кто контролирует нашу энергию, хотят, чтобы мы верили в естественность, правильность и неизменность сложившейся ситуации. В наших интересах понять, что это не всегда так.

ПАРАЗИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Мой друг-биолог, который много лет жил в Африке, изучая местную фауну, с грустью рассказывал о вскрытии только что убитого льва. Многие из нас в своем воображении рисуют царя зверей сильным, величественным, свободным. Но при ближайшем рассмотрении могучий лев оказывается прибежищем сотен различных паразитов — клещей, блох и червей, чувствующих себя как дома в его гриве, веках, хвосте, носоглотке, пищеводе и кишечнике. Лев может казаться здоровым и сильным, однако изнутри его пожирают легионы вредителей. Выживание любого сложного организма — неустанная битва с более примитивными формами жизни, постоянно использующими его энергию для собственных нужд.

На психологическом уровне паразит — это тот, кто высасывает психическую энергию другого человека, но не через непосредственный контроль, а эксплуатируя его слабость или невнимательность. Способам паразитизма нет числа, и полезно знать некоторые из них, дабы не проводить свою жизнь, неосознанно предоставляя блага кому-то другому.

Если угнетение — это форма эксплуатации, когда человек, обладающий большей властью, отнимает свободу у того, чья власть меньше, то паразитизм — обратный случай. Как пра-

вило, паразит отнимает энергию у человека, обладающего большей властью (по крайней мере в некотором отношении). Допустим, завтра вы выиграете в лотерею несколько миллионов долларов. Эта неожиданная радость увеличит вашу власть, поскольку вы сможете нанять людей, которые будут работать на вас, или управлять ими опосредованно через проценты на ваш капитал. Раз все так удачно складывается, на этом можно бы и успокоиться, правда? А вот и нет. К вам тут же слетятся толпы личностей, которым не терпится выкачать для своих целей максимум контролируемой вами потенциальной энергии. Откуда ни возьмись набегут торговцы, бедные родственники, страховые агенты, инвестиционные брокеры, сборщики пожертвований, мошенники и авторы слезных историй, шумно требуя свою долю. Вокруг тех, кому посчастливилось надолго завладеть богатством, властью или славой, вечно роятся эти паразиты.

Такое поведение в некотором роде вполне естественно. Как уже говорилось, энтропия — наиболее общий закон природы, утверждающий, что любая сложная система обычно ломается, тепло обогревателя утекает к более холодному телу, а порядок превращается в беспорядок. Паразиты — живое проявление энтропии. Они находят способы пристроиться к более сложному организму и, почти не прилагая усилий, эксплуатировать его энергию, зачастую рана или убивая своего хозяина.

На уровне культурной эволюции паразитов влекут прежде всего богатство и слава. Рок-музыканты привлекают группы, богатые вдовы — подозрительных личностей, правители — подхалимов, знаменитости всех мастей — прихлебателей. Вместо того чтобы наслаждаться жизнью, окруженный паразитами человек вынужден тратить на защиту от них львиную долю своей энергии. Неудивительно, что столь многие религии и философии призывают не искать счастья в накоплении мирских благ.

Правда и то, что нередко такие отношения являются симбиотическими хотя бы отчасти. Эксплуатация обоюдна: оба партнера получают некоторую выгоду. Без подобострастного

окружения рок-музыкант чувствует себя одиноким, в отсутствие свиты правителю кажется, что его власть не так уж велика... (О распространенности паразитизма свидетельствует множество его синонимов: группы, подхалимы, прихлебатели, окружение, свита и т. д.) Паразитизм не всегда легко отличить от симбиоза, при котором каждый партнер вносит свой вклад в благополучие другого. Однако если кто-то старается убедить вас в том, что вы в нем нуждаетесь, а вам так не кажется, — не исключено, что перед вами потенциальный паразит.

СТРАТЕГИЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

Выкачивая энергию из тех, кому больше посчастливилось в жизни, паразиты не всегда делают это осознанно. Озабоченные лишь собственным выживанием и комфортом, эти индивиды, действуя доступными им примитивными способами, обычно не задумываются о том, что вредят окружающим. В биологической эволюции паразитизм нередко выступает как эгоистическая стратегия достижения личных преимуществ за счет коллектива. Типичный пример — обманные стратегии с целью разнообразить способы размножения. Поскольку в биологической эволюции основной задачей выживания является воспроизведение собственных генов, со временем кто-то неизбежно расширяет арсенал средств для вступления в сексуальный контакт с большим числом представителей противоположного пола, стремясь произвести на свет больше потомства. То есть появляются самцы, умеющие привлечь к себе самок, даже если самкам невыгодно поддаваться их чарам, а также самки, привлекающие к себе больше самцов.

Крайний случай такой эксплуатации — стратегия кукушек, которые откладывают яйца в гнезда птиц других видов, заставляя приемных родителей кормить кукушонка за счет собственного потомства. Подобная практика существует и в культурной эволюции. При нынешнем положении дел в США не за горами ситуация, когда вне брака будет рождаться больше де-

тей, чем в браке. Это в первую очередь не «моральная» проблема, а вопрос биологического и культурного отбора. Отцы и матери, снимающие с себя ответственность за воспитание собственных детей, по большому счету, эксплуатируют психическую энергию общества, чтобы передать свои гены следующему поколению. Дабы избежать этой формы эксплуатации, большинство культур по всему миру, от Африки до Океании, установили правила, по которым мужчина или женщина могли заводить детей, лишь предоставив общине явные доказательства своей способности заботиться о них до их совершеннолетия. Предполагаемое целомудрие незамужних женщин, собственноручно изготовленное приданое, без которого девушка не может выйти замуж, непомерный выкуп, который жених должен заплатить будущему тестю, — все это не просто забавные старомодные обычаи, но весьма эффективные стратегии, позволяющие обществу возлагать ресурсоемкую задачу воспитания детей лишь на способных к этому — при поддержке общества — индивидов.

Уникальная форма паразитизма, присущая только культурной эволюции, — это финансовая безответственность. Ее прекрасно иллюстрирует античная басня о муравье и кузнечике. Теплым летом муравей трудится — по крохам собирает пищу и относит ее домой, пополняя запасы. Кузнечик наслаждается чудной погодой — скачет день и ночь, распевая свои песенки. Каждый раз, встречая муравья, спешащего со своей ношей, он насмехается над собратом-трудооголиком. Но вот приходит зима, муравью уютно в домике, а голодный и замерзший кузнечик тщетно скачет вокруг в поисках пищи. И, конечно, злится на муравья за то, что тот не делится своими запасами.

Эзопова басня никоим образом не отражает реальную ситуацию в мире насекомых, но вполне применима к определенным формам человеческой эксплуатации. Большую часть истории одни люди тяжело трудились, накапливая имущество, а другие беззаботно растрчивали имеющиеся ресурсы. И вскоре растратчики приходили в ярость от «несправедли-

ности» того, что они владеют столь малым. За этим нередко следовала революция, и накопления муравьев перераспределялись между кузнечиками. В наши дни в революциях уже нет нужды: к тому же результату приводят циклы инфляции и девальвации. Человек многие годы вкладывает психическую энергию в сбережения, но эту энергию высосут люди, накопившие долги, обанкротившиеся и тем самым уничтожившие банки и ценность денег.

Только на моей памяти этот процесс происходил дважды. Все накопления моего деда — пенсию, страховку, собственность, государственные облигации — без остатка сожрала великая инфляция, последовавшая за Первой мировой войной. То же произошло и с моим отцом, когда все, что он скопил за свою жизнь, было отнято, отменено или потеряло ценность после Второй мировой войны. Правда, это случилось в Европе и непосредственно из-за войн. Но и США не застрахованы от такой ситуации. Насколько защищены ваши инвестиции? А пенсионные накопления? Даже социальное страхование периодически подвергается ударам, и нет уверенности в том, что в различные «сетки безопасности», кропотливо сплетенные нами для гарантии безбедного будущего, уже сейчас не вгрызутся тучи предприимчивых паразитов.

Полностью избавиться от паразитов, видимо, невозможно. Эта темная изнанка эволюции практически неустранима. Как штаммы вирусов быстро мутируют в тот самый момент, когда мы думаем, что эффективное лекарство против них у нас в кармане, так и культурные паразиты искусно меняют стратегии, как только мы находим средство оградить себя от их уловок. Как гласит циничная итальянская пословица: «Ваше дело создать закон, а уж мы найдем в нем лазейки». Величайшая ирония в том, что на мерах по возмещению ущерба после недавнего ссудо-сберегательного фиаско¹ (блестящий пример

¹ Речь идет о кризисе 1980–1990-х в США, когда обанкротились 747 ссудо-сберегательных ассоциаций. — *Прим. пер.*

успешного паразитизма!) зачастую наживаются именно те, кто обманом вытянул у людей деньги. Типичная ситуация: бизнесмен, задолжавший десятки миллионов долларов различным банкам, получает новые беспроцентные ссуды и другие денежные инвестиции от Resolution Trust Corporation — федерального агентства, созданного для управления субсидиями, — и приобретает активы, прежде принадлежавшие ссудосберегательным ассоциациям, даже если другие покупатели предлагают за них больше. Это пример паразитизма, настолько въевшегося в систему, что он постоянно отнимает огромное количество энергии у провозглашаемых этой системой целей. Кишащее паразитами общество слабеет подобно гордому льву, которого одолели вши и блохи.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ МИМИКРИИ

Можно сопротивляться угнетению и обезвредить паразитов, однако есть и другой способ эксплуатации психической энергии — когда кто-то выдает себя за того, кем на самом деле не является. Это очень коварная угроза нашей свободе, ибо зачастую ее очень трудно обнаружить. Мы готовы дать отпор тому, кто ведет себя как паразит, но, как правило, охотно сотрудничаем с тем, кто втирается к нам в доверие, а затем использует наше расположение в своих гнусных целях.

Эксплуатация посредством мимикрии может происходить вполне невинно, без каких-либо враждебных намерений. Например, когда-то я был знаком с кардиналом В., имевшим значительное влияние в Ватикане. Кардинал В. был приятным господином лет восьмидесяти, лишенным, однако, качеств, необходимых для занимаемого им высокого поста. Но при этом он обладал изумительной белой бородой, словно сотканной из серебра и лунного света, утонченными чертами лица и глазами чистой голубизны. Всякого, кто с ним встречался, немедленно охватывало ощущение, что перед ним святой. (Должно быть, кардинал В. достиг вершин католической иерархии

благодаря именно этому впечатлению.) И хотя ходили упорные слухи, что во время ежеутреннего расчесывания бороды (чем сестра В. занималась не меньше часа) кардинал нередко приходит в ярость, — стоило увидеть его сидящим в красном облачении с просветленным лицом, как видимость мгновенно заставляла забыть о закулисной реальности.

Несомненно, всем нам встречались руководящие работники, чьим главным достоинством было умение хорошо одеваться, говорить выразительным, сочным баритоном или обезоруживающе улыбаться. У профессора с британским акцентом гораздо больше шансов получить грант, женщину с хорошей прической скорее признают умной и практичной. Все это примеры невинной мимикрии, когда человек, не прибегая к прямому обману, получает властные преимущества просто потому, что другие сами готовы обмануться. Но есть и множество случаев, когда кто-то надевает маску с прямым умыслом обеспечить себе преимущество обманным путем. Один из таких типов — соблазнитель-донжуан, который эксплуатирует женщин, клянясь им в вечной верности и страсти. Другой тип — мошенник, под личиной респектабельного бизнесмена запускающий лапу в сбережения пенсионеров. Еще один — профессор, использующий ученое звание для соблазнения своих студенток.

Эксплуататор-имитатор обычно старается создать положительный образ более сложной личности. Он входит в доверие, притворяясь тем, кто борется с хаосом бытия. Почти 2000 лет христианская церковь оставалась самой прогрессивной организацией Запада, предлагая наиболее подробный и целостный свод правил в отношении жизни и смерти. Достижения христианской церкви побудили несметное количество амбициозных, неразборчивых в средствах или некомпетентных мужчин и женщин внедриться в нее и обрести власть, став священниками, монахами и монахинями. Веками население Европы направляло значительную часть своей энергии на обогащение духовного сословия, так и не научившись отличать

священников, обладавших подлинным духовным богатством, от продажных святых отцов, просто соблюдавших формальности, но не приносящих добра и света в жизнь верующих.

В большинстве культур религия предлагала наиболее ясное объяснение реальности, стараясь упорядочить хаотичский человеческий опыт. По всему свету — от Внешней Монголии (где порой больше половины мужского населения жило в буддистских монастырях) до Таиланда, Ирана, Квебека, Марокко и Бразилии — священнослужители наставляли людей на путь истинный, даруя им надежду. Будучи пастырями душ человеческих, монахи и священники получали за это почет и материальные блага. Поэтому священство не могло не привлекать паразитов-имитаторов. Но несмотря на все недавние разоблачения фальшивых духовных лидеров, обзаводящихся роллс-ройсами и шикарными поместьями за счет своей паствы, среди верующих, по-видимому, всегда в избытке найдутся те, кто не способен отличить явную подделку от подлинной святости.

Вот мнение специалиста, благодаря которому свыше 3000 человек смогли порвать с религиозными сектами, куда их завлекли: когда возникает культ «совершенного мастера», знающего точную последовательность шагов к просветлению, ничего хорошего не выйдет. Поначалу гуру действительно может искренне стремиться помогать ближним, однако, обретя власть над своими последователями, он поймет, как легко их эксплуатировать, — и мало кто из лидеров этого типа способен устоять перед соблазном. Одна из опасных уловок фальшивого гуру — потребовать от своих последователей отказаться от собственной личности. В знак продвижения к «высшей» личности ученик отдает свои сбережения учителю либо смиряется с побоями и унижениями. Под видом духовного просветления может быть нанесен значительный материальный ущерб. А когда человек осознает, что его ввели в заблуждение, последствия для его психики могут быть самыми что ни на есть разрушительными.

Другая профессия, где возможны подобные злоупотребления, — военное дело. Почти во всех известных культурах гражданская часть общества благоволит военным, видя в них защитников, однако зачастую последние превращаются в эксплуататоров. До недавнего времени офицера в форме, особенно при медалях, всюду ждали почет и уважение. Даже сейчас самая заоблачная сумма не встретит возражений, при условии что она пойдет на оборону. Если стульчак стоит \$8000, значит так тому и быть. Пусть СОИ обойдется в сотню миллиардов — разве мы можем позволить себе не оплатить ее? Идея безопасности столь отрадна для нас, что любому, кто пообещает хотя бы ее крупицу, мы готовы сами отдать свои бумажники.

Парадокс в том, что, как правило, именно благодаря предшествующим успехам человек или организация может легко превратиться в эксплуататора-имитатора. Американский военно-промышленный комплекс мог смело требовать от общества признания своих заслуг за победу во Второй мировой войне. Но получив власть и полномочия, военно-промышленный комплекс стал все больше эксплуатировать свое положение, не прилагая к этому усилий. Один из командиров победоносной военной машины США, президент Эйзенхауэр предупреждал об этой опасности, когда отошел от активной политической деятельности в начале 1960-х.

Подсчитано, что к 1990 году американская семья из четырех человек платила Пентагону \$4200 в год. При этом в Японии вклад такой же семьи в национальную безопасность составлял \$500 в год. Американское правительство тратит на безопасность 65% своих фондов исследований и развития, а японцы, милосердно избавленные после Второй мировой войны от сильной армии, — только 5%. И наоборот, США потратили меньше 4% на развитие энергетики и 0,2% на индустриальное развитие, а японцы — соответственно на 600% и 2500% больше средств на те же цели. И то, что, судя по этим данным, японцы наращивают свое преимущество в производстве и промышленный потенциал, — не случай-

ность. В прошлом выделение ресурсов на бесполезное и опасное вооружение можно было хоть как-то оправдать угрозой со стороны СССР. Но даже теперь, когда Советский Союз распался на множество национальных государств, ожидаемого снижения оборонных расходов не произошло. Вывод напрашивается сам собой: подобные тенденции — признак того, что в нашем обществе безопасность превратилась в опасного эксплуататора-имитатора.

Даже наука, наиболее уважаемый из социальных институтов, не застрахована от превращения в инструмент злоупотреблений. Сейчас именно она служит нам для достоверного объяснения реальности и поэтому может быть особенно уязвимой. На одно подлинно научное исследование приходится сотня поразительно банальных. Ежегодно проводятся тысячи бесполезных конференций — обычно в оживленных центрах научной деятельности, таких как Акапулько или Гавайи, — и тысячи статей, которые никто никогда не прочтет, печатаются в никому не известных журналах, издаваемых исключительно для того, чтобы издатели и их друзья пополнили списки своих публикаций. Но если внешняя форма соблюдена, очень трудно отличить хорошую научную работу от плохой. Одна из опасностей для науки заключается в том, что ее легко имитировать, — может быть, даже проще, чем средневековому монаху изображать святость.

Чемпионы по мимикрии — реклама и смежные дисциплины, такие как PR. Цель специалиста по рекламе — связать в сознании потенциального покупателя продукт X и нечто желанное, например здоровье, сексуальность, чистую кухню или ясный разум в старости. Совершенно безразлично, будет эта связь истинной или ложной, главное, чтобы она была эффективной. Если продукт продается, значит реклама себя оправдала. Разумеется, без помощи самой публики этот обман не сработает. Миллионы мужчин должны ощутить брутальную самоуверенность, куря Marlboro, хотя никто из них ни разу не заарканил бычка и ни у кого нет татуировки на тыльной стороне кисти.

Реклама, как и другие формы эксплуатации посредством мимикрии, преуспевает не в последнюю очередь благодаря нашей готовности платить за возможность помечтать.

Мимикрия часто принималась на вооружение и в биологической эволюции видов, однако там использовать ее было гораздо труднее. Тем не менее есть несколько ярких примеров вроде знаменитой рыбы-удильщика, которая прячется в трещинах коралловых рифов, оставаясь невидимой, за исключением червеобразной «приманки» на тонкой «удочке», торчащей из головы рыбы. Она почти не тратит энергию на то, чтобы поймать свою добычу, поскольку мелкая рыбешка, привлеченная извивающимся поддельным червяком, плывет прямо к ней в пасть — остается лишь раскрыть огромные челюсти, и ничего не подозревающий гость будет проглочен вместе с потоком воды. Это пример довольно успешного приспособления, однако трудно даже представить себе, сколько тысяч лет естественного отбора потребовалось, чтобы постепенно довести до совершенства приманку рыбы-удильщика. А в культурной эволюции мимикрия вообще не требует затрат времени: мошенник может надеть воротничок священника или полицейскую форму — и тут же втереться в доверие.

Подобные формы эксплуатации, как и описанные выше, успешно срабатывают, только если мы добровольно позволяем себе обмануться. Как было бы прекрасно, если бы Вселенная обладала разумом и Бог следил бы за каждым нашим шагом, если бы покупка оружия гарантировала безопасность, а вернуть молодость и красоту помогал правильный выбор краски для волос!.. И вот, боясь расстаться со своими иллюзиями, мы решаем довериться тем, кто дает нам подобные обещания. Многие мыслители, от писателя Достоевского до социолога Парето, указывали на то, что обычно мы предпочитаем свои иллюзии реальности, даже если это приводит к печальным последствиям. Те, кто больше страдает от энтропии, к сожалению, более беззащитны и перед этой формой эксплуатации. Когда нет надежды или утешения, мы готовы цепляться за лю-

бое обещание внести хотя бы минимальный порядок в нашу жизнь. Бедные, больные, одинокие изгои — вот благодарные слушатели сладких речей телепроповедников и хвастливых заявлений политических экстремистов.

Позволять ли угнетателям, паразитам и притворщикам обманывать нас — выбор за нами. Конечно, полностью распознать их уловки едва ли возможно, но очевидно, что если мы хотим преуспеть в третьем тысячелетии, нам необходимо понимать, сколько нашей психической энергии достается тем, кто обогащает свою жизнь, истощая наши.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «ХИЩНИКИ И ПАРАЗИТЫ»

Силы отбора

Для большинства людей главный в жизни повод для беспокойства — страх забвения после смерти. Поэтому их душевное равновесие напрямую зависит от возможности оставить будущему какое-то наследие. Так ли это для вас? Что, по-вашему, важнее оставить потомкам: память о себе и своих достижениях, детей, несущих ваш биологический отпечаток, или ценности, способные повлиять на поступки и мышление грядущих поколений?

Беспокоит ли вас возможность того, что раса, отличная от вашей, когда-либо захватит власть над миром? Какой из следующих вариантов через 3000 лет беспокоит вас больше: 1) большинство людей в мире — китайцы; 2) никто уже не говорит на вашем языке и не принимает ваших ценностей?

Власть и угнетение

Традиционные угнетатели людей — это политические лидеры, контролирурующие их поступки, чиновники, взимающие на-

логи, работодатели, использующие их психическую энергию без должного вознаграждения, патриархи, держащие семьи в ежовых рукавицах. В каких областях своей жизни вы ощущаете эксплуатацию со стороны облеченного властью человека или организации (если таковые имеются)?

Те из нас, кто родился в технологически развитом «первом мире», автоматически получают возможность воспользоваться всеми его преимуществами, что вызывает зависть и обиду у многих жителей третьего мира, считающих, что мы их эксплуатируем. Их деревья идут на нашу мебель, их воздух засоряют наши выбросы, им приходится торговать невосполнимым природным сырьем и трудиться ради дешевых промышленных продуктов. Должны ли мы облегчить их положение? И если да, то что мы можем сделать?

Эксплуатация женщин и детей

Не вдаваясь в риторику агрессивного феминизма, не будет, однако, преувеличением сказать, что в патриархальных обществах женщины и дети нередко становились объектами эксплуатации. В семье, на работе, в обществе тот, у кого власти больше, легко начинает использовать того, у кого власти меньше. Являетесь ли вы невольным участником этой формы угнетения в качестве жертвы или, наоборот, обидчика?

В нашем обществе дети защищены суровыми законами, ограничивающими детский труд. Значит ли это, что дети свободны от эксплуатации? Например, мы тратим больше энергии на то, чтобы вырастить потребителя (покупаем игрушки, музыку, даем смотреть телевизор), а не независимую личность. Каковы возможные последствия такого воспитания? Можно ли здесь что-то изменить?

Индивидуальные различия и власть

К сожалению, идеального соотношения между индивидуальными способностями и признанием в обществе не существует. Избранные получают больше, чем заслуживают, в то время как большинство получает меньше. Не кажется ли вам, что в той общественной среде, где вы живете, некоторые ваши качества остаются незамеченными? Например, какие ваши способности вы не используете в работе? Каким образом вы могли бы применить эти способности на работе или в иной деятельности?

Передача неравенства по наследству

Имеют ли родители право передавать своим детям то, что дает власть (например, деньги, собственность, общественное положение)? С какого момента стремление закрепить свои мемы в потомках начинает идти вразрез с общественным благом? Что приносит эволюции больше пользы: поляризация власти, когда богатые становятся богаче, а бедные беднее, или перераспределение власти в каждом поколении?

Паразитическая эксплуатация

Мы не задумываясь обрушиваем свой гнев на кормящихся за наш счет паразитов, таких как вирусы, тараканы, мошенники в социальном обеспечении, торговцы наркотиками. Однако некоторые полагают, что само человечество, даже в своих лучших проявлениях, — это паразит планетарной экосистемы, живущий за счет Земли и при этом разрушающий равновесие ее элементов, выкачивая ресурсы, сводя разнообразие жизни к подходящим ему формам и производя токсичные отходы. Какие примеры вы можете привести в доказательство того, что человечество «лучше» вшей и клещей?

С точки зрения общественного паразитизма какая разновидность эксплуататоров наносит вам наибольший ущерб? Бе-

зымянные чиновники, распоряжающиеся вашими налогами и оценкой недвижимости? Юмористы всех мастей? Льстецы? Брокеры, обещающие скорые прибыли? Ответственные работники, не исполняющие своих обещаний? Ленивые родственники? Бесчувственные друзья? Эгоцентричные партнеры? Сколько психической энергии вы сохранили бы, если бы выработали иммунитет к ним?

Стратегия безответственности

Эгоистичные индивиды, пренебрегающие нуждами других людей, как правило, продвигают собственные интересы за чужой счет. Какие примеры эксплуатации через безответственность беспокоят вас больше всего и что здесь можно изменить?

Антрополог Маргарет Мид когда-то задалась вопросом, почему прежде чем разрешить кому-то водить автомобиль, мы требуем, чтобы он получил водительские права, но не требуем от молодых людей доказать свою компетентность, прежде чем разрешить им заняться гораздо более сложным и ответственным делом — воспитанием детей. В обществах, предшествовавших нашему, молодые люди не могли стать родителями без «гарантии» своих семей, которые «выкупом» под залог значительной собственности или трудовых обязательств обозначали свое намерение поддерживать новую пару. Какими методами защиты от безответственного размножения располагает нынешнее общество?

Эксплуатация посредством мимикрии

Склонны ли вы иногда более или менее доверять заявлениям людей привлекательной внешности? Хорошо одетых? Кажущихся богатыми и процветающими? С учтивой речью и манерами? Тех, кто уверяет, что следует слову Господню? Тех,

кто клянется, что готов умереть за свою страну? Тех, кто приводит научные доказательства? Не случилось ли вам после пожалеть о том, что вы доверились кому-то по одной из этих причин?

Перелистывая гляцевый журнал или во время телевизионной рекламной паузы приглядитесь к каждому из рекламных объявлений и постарайтесь определить его метод мимикрии. Каким способом оно пытается привлечь ваше внимание? Какое желаемое состояние связывает с тем продуктом, который старается продать? Какие объявления больше всего привлекают ваше внимание и как они влияют на ваши поступки?

Мемы или гены?

Из всего сказанного выше становится ясно, что большинство опасностей на пути к будущему человечества — это следствия предшествующих успехов адаптации. Структура мозга, появление примитивной личности, генетические предписания, помогавшие нам выжить в течение последних тысячелетий, а также конкуренция с другими людьми — все это результат естественного отбора, лежащего в основе эволюции. В прошлом эти достижения способствовали выживанию человеческого рода, но чтобы они не привели нас к самоуничтожению в будущем, мы должны понять, как они воздействуют на нас в настоящем. И учесть еще одну опасность: угрозу, исходящую от артефактов, созданных нами для собственного комфорта.

Человечество может уступить свое кратковременное первенство на этой планете тараканам не потому, что естественный отбор выявит недостатки в нашем биологическом оснащении. Причиной, скорее всего, будет наша бесконечная глупость, например, если мы утонем в собственных отходах или уничтожим себя взрывом. Кто-то, конечно, возразит, что это невозможно, потому что раса, создавшая чудеса искусства, науки и технологии, слишком умна, чтобы истребить саму себя.

Этот оптимистический аргумент основан на предположении, что созданные нами мемы — великие концептуальные

системы, такие как геометрия и демократия, или чудеса технологии вроде космических зондов или электронных тестеров спелости дынь, — являются инструментами нашей эволюционной борьбы, слугами нашего выживания, нашей главной линией обороны на пути разрушительного хаоса. Артефакты помогают нам приспособливаться и выживать: например, молоток увеличивает силу руки, а автомашина повышает мобильность. Нам хочется верить, что благодаря им наш вид восторжествует. Но можно взглянуть на это и под другим углом.

КОНКУРЕНЦИЯ МЕМОВ

Термин «мем» ввел около 20 лет назад британский биолог Ричард Докинз, назвавший так единицу культурной информации, воздействие которой на общество сравнимо с воздействием на человеческий организм закодированных в гене химических инструкций. Этот термин восходит к греческому слову «подобие», поскольку, как указывал Докинз, мемы передаются от одного поколения к другому посредством примера и подражания, а не смешения генов отца и матери. Пожалуй, лучшее определение мема — «любой устойчивый материальный или информационный паттерн, возникший в результате намеренного действия человека». Таким образом, и кирпич, и «Реквием» Моцарта — мемы. Мемы возникают, когда нервная система человека реагирует на опыт и кодирует свою реакцию в форме, которая может быть передана другим. Например, семья, решив назвать щенка Грызуном, потому что он грызет все что ни попадя, создает новый мем — конечно, не особенно важный или долговечный. Изобретение электричества или страхования жизни — гораздо более распространенные и влиятельные мемы.

В момент своего появления мем — часть сознательного процесса, направляемого человеком. Однако он сразу начинает взаимодействовать с сознанием своего создателя и изменять как его, так и сознание других людей, вступающих с этим

мемом в контакт. Например, за открытием электричества последовало появление сотен новых способов его применения. Поэтому, хотя изначально сознание формирует мемы, вскоре они сами начинают формировать сознание. Возникает вопрос: продолжают ли мемы, освободившиеся от своих создателей, служить нашим целям?

Что если на самом деле мемы — не полезные продолжения нас самих, а наши соперники в борьбе за ограниченные ресурсы? Что если выживанию наших генов угрожают не столько другие биологические организмы, сколько содержащаяся в наших мемах информация? Даже если эти вопросы покажутся странными, над ними все же стоит поразмыслить. Не исключено, что одна из самых опасных иллюзий, которые нам предстоит развеять, — уверенность в том, что наши мысли и созданные нами вещи продолжают нам подчиняться, что мы можем управлять ими как хотим. Факты скорее говорят об обратном. Производимая нами информация живет собственной жизнью, иногда симбиотически, а иногда паразитически по отношению к нам. Как сказал Докинз: «У мема собственные возможности воспроизводства и собственные фенотипические эффекты [конкретные проявления — *М. Ч.*], и нет никаких причин каким-либо образом связывать успешность мема с генетической успешностью».

Нет сомнений в том, что идеи и артефакты развиваются — между ними возникают различия, и одни из них будут отобраны и переданы новым поколениям, а другие нет. Многие считают культурную «эволюцию» просто аспектом эволюции человечества. В конечном счете, утверждают они, идеи и объекты не способны выжить без нас и поэтому не могут иметь независимую эволюционную историю. Однако с тем же успехом можно утверждать, что люди — часть эволюции растений, поскольку мы не способны выжить без них. Верно то, что для выживания и развития мемы нуждаются в нашем сознании, но и нам для выживания нужны, среди прочего, воздух, вода и фотосинтез. Поэтому, как представляется, мемы не больше нашего зависят от своей окружающей среды.

Пуристы могут возразить, что мемы не размножаются самостоятельно и поэтому не могут считаться особой формой жизни. Однако это возражение основано на узком понимании размножения. Мы привыкли связывать эволюцию с половым размножением, при котором для создания нового индивида комбинируются половины генных наборов его родителей. Однако это не единственный способ размножения организмов. Бесполое виды размножаются, воспроизводя информацию в телах особей и таким способом создавая новые организмы. Колонии бактерий нужна только питательная среда, где каждая из них разделится пополам, создав новую идентичную бактерию. Есть и другие способы размножения: посредством спор, почкования, регенерации и т. д.

Содержащуюся в мемах информацию передают другие механизмы, не отвечающие за передачу генетической информации. Мемы питаются лишь нашим сознанием, и они копируют в нем собственные образы. Запоминающаяся мелодия, услышанная по радио, способна поселиться в моем сознании на несколько дней, подкрепляясь психической энергией, которую я на нее трачу. Если мелодия достаточно хороша, ее могут подхватить те, кто слышал, как я ее насвистываю. Мемы — новые актеры на сцене эволюции, и мы не должны ожидать, что они поведут себя так же, как их биологические предшественники. Тем не менее мы лучше поймем эволюцию мемов, сопоставляя ее с изменением и передачей генетической информации.

Например, можно сравнить конкуренцию мемов с конкуренцией аллелей гена. Тут тоже будут две или больше возможностей, которые люди считают альтернативными. Выбранная возможность изменит будущее общества. Простой пример эквивалента хромосомы, содержащего аллели мема, — избирательный бюллетень на политических выборах. Обычно в бюллетене две колонки — кандидаты-республиканцы и кандидаты-демократы. На каждый пост предлагаются, по крайней мере два имени, по одному в колонке. Колонки представляют собой альтернативу двух наборов идей для будущего, соответ-

ствующих платформ этих партий. Избиратель просматривает список и выбирает либо одно, либо другое имя. В результате выборов победит один кандидат на каждый из постов. Благодаря этому соревновательному процессу две американские идеологии выживают от выборов к выборам. А если одна из идеологий не сможет привлечь избирателей, то поддерживающая ее партия со временем распадется.

Нередко имеется больше двух аллелей. Когда мы выбираем машину, марку хлопьев на завтрак, университет или круиз, за наше внимание сражается множество альтернатив. Приняв решение, мы направляем психическую энергию на выбранную нами возможность — платим, если это покупка, голосуем, если это выборы, выделяем место в нашем сознании, если это идея, — и тем самым создаем среду для выживания и развития мема. Но как именно мы выбираем между конкурирующими аллелями? К сожалению, в настоящий момент нет четкого ответа на этот вопрос. Чаще всего выбор определяется ожидаемыми в будущем преимуществами. Домовладелец проголосует за того кандидата в мэры, который скорее всего не повысит налоги на недвижимость. Феминистка может проголосовать за кандидата, выступающего против запрещения абортот. Если аллели относятся к двум практически аналогичным моделям автомобилей, покупатель, скорее всего, приобретет более дешевую, поскольку тогда он потратит меньше энергии на накопление денег для ее покупки.

Как правило, выживают мемы, выполняющие свою задачу при минимальных затратах психической энергии. Мы предпочтем устройство, производящее большую работу с меньшими усилиями, политика, который обещает наибольшие блага с наименьшими жертвами для избирателей, и способ производства, складирования, транспортировки, который окажется эффективнее других. Самая запоминающаяся мелодия будет хитом, а картина, которую проще всего запомнить и узнать, станет шедевром, влияющим на следующее поколение художников.

Иногда отбор определяется логикой. Так, чуть больше ста лет назад у каждой страны, а иногда даже района или деревни, еще были собственные способы измерения веса и расстояния. Длина ткани могла измеряться в элях, футах, дюймах, локтях, пядях, аршинах, а для перевода одной меры в другую требовались сложные вычисления. Получив власть, город или страна стремились навязать побежденным свою систему мер, но часто без особого успеха, поскольку она была столь же случайной и неудобной, как и другие. В конце концов в 1875 году во время Всемирной выставки в Париже представители большинства европейских стран согласились принять метрическую систему, созданную почти столетием раньше во Франции. По сравнению с прочими это был теоретически обоснованный, точный и гораздо более простой метод. Он быстро победил конкурирующие меметические аллели, потому что действительно экономил много психической энергии. В настоящий момент в стороне остаются лишь уверенные в своем превосходстве Соединенные Штаты, однако не исключено, что с ростом конкурентного давления соперничающих технологий и американским школьникам придется овладеть более эффективной метрической системой.

Поначалу мы радуемся мемам из-за их полезности, но нередко через какое-то время они начинают, мягко говоря, неоднозначно сказываться на наших мыслях и поступках, а то и противоречить нашим интересам. Карл Поппер и другие экономисты-историки показали, что введение стандартной валюты в качестве средства обмена вначале помогало торговцам, упрощая и рационализируя коммерцию, но со временем разрушало традиционную экономику и лежавшую в ее основе социальную систему. Чтобы участвовать в безличной логике денежных операций, более древние экономики, основанные на родственных обязательствах, уважении к религиозным ценностям, чести или этнической солидарности, вынуждены были отказаться от своих уникальных особенностей. Никто не мог предвидеть последствий упроще-

ния торговли, а когда они стали очевидны, уже ничего нельзя было поделаться.

Так и Макс Вебер считал ранние стадии капиталистической конкуренции волнующей игрой, в рамках которой предприниматели могут создавать новые модели производства. Первые капиталисты сами устанавливали правила, открывая новые способы достижения собственных целей. Однако к XX веку, по словам Вебера, капитализм стал «железной клеткой», откуда не сбежать ни производителям, ни потребителям. Рынки насытились, появилось государственное регулирование, фиксирующее статус-кво, и предпринимателям пришлось покориться правилам созданной их предками системы. Дело в том, что, став общепризнанным, мем вызывает инерцию сознания, заставляя нас подчиняться всем своим логическим следствиям.

Пожалуй, лучший пример реальной истории формирования мемов, убедительно подтвержденный документальными свидетельствами, — это развитие оружия. Ранние артефакты человечества представлены в основном топорами, копьями и наконечниками стрел. Их создатели, несомненно, затратили уйму психической энергии. Чтобы найти нужный камень, заточить его и прикрепить к древку, требовались время и усилия. Наши предки преодолевали огромные расстояния в поисках наилучшего обсидиана или другого твердого камня под заточку. Некоторые из самых древних торговых путей своим появлением обязаны именно наконечникам для стрел.

В этот исторический период человек, вытачивая каменный топор, просто увеличивает возможности своей руки, делая ее сильнее. Назначение топора — действовать по воле своего создателя. Глупо было бы утверждать, что топор существует независимо от него. Тем не менее, когда человек применяет свое оружие — против оленя или другого человека, — в уме у кого-то еще (назовем его Человек 2) вид топора рождает идею, то есть мем, оружия, превосходящего топор. Предположим, что Человек 2 соединяет идею топора с бросанием палок, чему он научился в детских играх. Он привязывает острый

камень к палке — и вот перед нами копьё! Теперь Человек 2 может издали попасть в Человека 1, вооруженного лишь топором. Однако вскоре мем копия создает в уме Человека 3 идею вещи, способной преградить путь копия к его телу: допустим, это сплетенные ветки или кожа, натянутая на сучья. Так Человек 3 изобрел первый щит.

Конечно, этот сценарий — до смешного ускоренная версия развития, продолжавшегося многие десятки тысяч лет. Но суть в том, что каждый новый этап развития технологии вооружения порождал либо собственное отрицание, либо более мощную версию самого себя. Шлем возник как средство защиты от меча, а затем появился двуручный топор, разрубающий шлем противника вместе с черепом. Потом пришел черед целого поколения метательных снарядов: сначала появились стрелы для лука, затем короткие арбалетные стрелы, камни для катапульты, пушечные ядра, обычные бомбы, ядерные бомбы, наконец испепеляющие лазерные лучи... Меньше чем за десяток тысяч лет разрушительная сила метательных снарядов возросла в геометрической прогрессии. Очередной шаг в таком развитии всегда происходит так: прежний жизнеспособный мем создает в сознании человека новый, более привлекательный мем, у которого больше шансов выжить в сознании человека, потому что он сильнее, эффективнее или дешевле.

Кому выгодна эта эволюция? Очевидный ответ: тем, кто открыл новый мем. В противном случае зачем им было бы его создавать? Но именно здесь и кроется парадокс: нет доказательств того, что — развивая наш пример — новое оружие повышает выживаемость создавших его людей. Вспомним, что в терминах эволюции повышение выживаемости означает увеличение числа собственных потомков в сравнении с другими членами той же группы. Если бы мемы развивались как биологические свойства, закрепленные в телах своих авторов, они бы способствовали выживаемости их детей и внуков. Однако дело, очевидно, обстоит иначе.

Первое легкое огнестрельное оружие, или пистолет, было создано в тосканском городе Пистойя. Пистолеты стали большим шагом вперед по сравнению с имевшимся тогда вооружением, однако не подарили своим изобретателям ощутимого преимущества в отборе. По всему миру пистолеты распространили не жители Пистойи, а Сэмюэль Кольт, запатентовавший шестизарядный револьвер в 1836 году. Однако его шансы в процессе естественного отбора это также не повысило, хотя пистолеты Кольта разошлись по всему западному полушарию. В 1862 году Ричард Гатлинг запатентовал шестиствольный вращающийся пулемет, из-за которого несколько лет спустя погибли десятки тысяч солдат Конфедерации. В 1916 году благодаря бригадному генералу Джону Томпсону появился первый пистолет-пулемет (Томми-ган). Это изобретение, по-видимому, также не дало никакого преимущества генам генерала Томпсона, но зато породило множество себе подобных, от «Калашникова» до «Узи».

История вооружения показывает, что соответствующие мемы развиваются независимо от своих создателей. Порой они позволяют своим хозяевам процветать за счет их врагов, нередко бывают нейтральны, а иногда могут и поспособствовать уничтожению своих хозяев. Но они всегда вызывают нашу реакцию, заставляя нас создавать еще более совершенное оружие, и тем самым обеспечивают свое размножение и выживание. И для этого мемы взимают плату с тех, кто впустил их в свое сознание, — плату в виде психической энергии, труда, ресурсов и денег. В этом смысле оружие, несомненно, подпадает под определение паразитических видов.

МЕМЫ И ЗАВИСИМОСТЬ

Еще один явный пример паразитизма мемов — изменяющие сознание препараты. Люди употребляют их, поскольку они воздействуют на химические процессы мозга и таким образом на время изменяют отношение к окружающей действи-

тельности. Спиртные напитки в том или ином виде производят во всем мире. На Западе вино стало плодовитым мемом: о нем пишут стихи и застольные песни; для него создают богато украшенные серебряные кубки; наука о вине — энология — стала чем-то сродни искусству; оно символизирует кровь Христа; для его распространения открывают питейные заведения, и т. д. и т. п. В XVI веке голландцы научились изготавливать крепкие напитки, сыгравшие ключевую роль в геноциде коренного населения Америки. Да и во многих странах, от Ирландии до Югославии, алкоголизм превратился в серьезную социальную проблему. Кто выигрывает от эволюции алкоголя? Несомненно, многие на нем заработали, и огромное число людей наслаждались им. Однако едва ли можно привести доказательства того, что появление виски и джина — решающий момент в повести о человеческой эволюции, пример нашей приспособленности к окружающей среде. Виски и джин, подобно вирусам, слонам и китам, появились лишь потому, что нашли плодородную среду для своего развития. Неважно, что для китов эта среда — море, для бактерий — испорченная пища, а для джина — человеческий мозг.

Химические паразиты могут захватывать и уничтожать целые общества. Недавно археологи обнаружили в Южной Америке следы развитой и могущественной цивилизации, по-видимому, стертой с лица земли наркотической зависимостью еще до испанского завоевания. Прежде всего подобные отношения между хозяином-человеком и паразитом-мемом должны быть симбиотическими: хозяин воспроизводит наркотик, поскольку наслаждается им. Хозяин верит, что именно он выбирает наркотик и что у него «все под контролем». Истинная природа этих взаимоотношений выясняется позже: человек контролирует наркотик не больше, чем деревья — человечество, которому они когда-то позволили возникнуть.

Порой мы паразитируем за счет растений, порой растения, в качестве ответной любезности, паразитируют за наш счет. Табак — хороший тому пример. Первооткрыватели Нового

Света, обнаружив курящих аборигенов, сочли это занятие нелепым и отправили листья табака в Европу в качестве забавного сувенира. Однако очень скоро к курению пристрастились и европейцы. Ватикану даже пришлось запретить священникам курить сигары во время мессы, когда они поднимали освященный хлеб. Почувяв большие коммерческие возможности, в 1612 году Джон Рольф впервые посадил в Вирджинии табак, который несколько лет спустя стал основной статьёй экспорта этой колонии. Был бы спрос, а за предложением дело не станет. Через несколько лет в колониях курение на улице было запрещено, поскольку нередко становилось причиной пожара, а в 1647 году в Коннектикуте был принят закон, запрещающий курить чаще одного раза в день, причем разрешалось делать это только в одиночку из опасений, что групповое курение приводит к разгулу. Но, несмотря на эти запреты, курение табака приобретало все большую популярность, на табачных плантациях требовались все новые работники, так что пришлось ввозить рабов из Африки. В наследство мы получили рак легких и гетто в каждом крупном городе. На самом деле никаких свидетельств благотворного воздействия табака на человечество нет. Все с точностью до наоборот: это люди благотворно повлияли на распространение табака.

Однако за ограниченные ресурсы с нами соревнуются не одни только очевидно опасные вещи, вроде оружия и наркотиков. Любой продукт технологии занимает место в сознании и требует определенного внимания, которое можно было бы направить на другие предметы. Поэтому нам жизненно необходимо понимать, симбиотичны мемы или нет, — вносят они вклад в наше благополучие или паразитируют на нас. Распознать это не всегда легко. Взять хотя бы самолеты.

Мем полета всегда был в почете. Парение над землей считалось привилегией высших существ — ангелов, драконов, духов. Почти все религии поклонялись летучим богам. Больше двух тысяч лет китайские фокусники строили для императоров династии Хань летающие колесницы (которые не поднимались

в воздух и на сантиметр). Вера в то, что умение летать способно освободить нас от пут земного бытия, вечна. Разбив оковы гравитации, мы станем как боги, — так, по крайней мере, казалось честолюбивым мыслителям прошлого, с завистью наблюдавшим полет птиц. Да, мечта о полете стала реальностью, но мы все так же далеки от свободы.

Успешными пионерами авиации, такими как Сантос-Дюмон, братья Райт, Блерио и Бенц, двигало воодушевление, знакомое всем великим первооткрывателям неизведанных земель. Когда читаешь о перелете Линдберга через Атлантику или о подвигах Берил Мархам, буквально мурашки бегут по коже. Воистину, первые аэропланы появились потому, что будоражили воображение. Изобретатели и пилоты, приручавшие эти необъезженные хитроумные штуковины, в первую очередь руководствовались вовсе не коммерческими или военными нуждами. Они рисковали жизнью не потому, что их мечтой была экспресс-перевозка пассажиров и грузов между континентами, — нет: они испытывали непреодолимое желание осуществить древнюю мечту человечества.

Однако довольно скоро новые изобретения заявили о собственных требованиях. Как только самолеты начали нормально летать, человек стал терять контроль над своими созданиями. Вместо того чтобы освободить человека от очевидных ограничений, летающая машина стала расти сама (что типично для плодов технологии) и выкачивать ресурсы.

Один из аспектов этой перемены ярко отобразил французский авиатор и писатель Антуан де Сент-Экзюпери в романе «Ночной полет», одном из своих полуавтобиографических произведений 1930-х годов. Герой романа — пилот одной из первых почтовых авиалиний, пролегающих над южноамериканскими Андами, — перелетает из города в город без радара, имея лишь примитивную радиосвязь с базой. Захваченный ночным штормом между острыми, как акулы зубы, пиками гор, он думает только о своей обязанности — доставить мешки с почтой в следующий пункт назначения. На земле его босс как верный

друг беспокоится за жизнь молодого пилота, но еще больше он беспокоится о том, переживет ли авиалиния потерю еще одного самолета. Регулярность авиаперевозок — едва ли не самоцель, и если их что-то задерживает — вот страшная трагедия, в сравнении с которой смерть достойного человека просто пустяк. Этот роман говорит нам о том, что как только самолет стал приносить пользу, в него начали вкладывать так много психической энергии, что простые люди уже не могли сопротивляться его требованиям.

Много воды утекло с невинных времен Фабьена и Ривьера, героев романа Экзюпери. Авиалайнеры бороздят небо над всей планетой, и мы уже не представляем себе бизнес, поездку к далеким родственникам или отпуск без самолетов. Но сделало ли нас это свободнее? Давайте посмотрим, с чем мы реально имеем дело. Начиная со Второй мировой войны производство военных самолетов — вопрос жизни и смерти. Нравится нам это или нет, теперь мы обязаны идти в ногу с технологией самолетостроения, а то какая-нибудь «другая» страна (Германия, Россия — а завтра, может, и Япония?) опередит нас. Для полетов нам нужна нефть, а если она закончится, нам, возможно, придется пойти войной на тех, у кого остались ее запасы. В который раз то, что вначале было поэтической мечтой человечества, превратилось в зависимость. Умение летать не делает нас свободнее и сильнее, а все больше вовлекает в сомнительную и изнурительную борьбу.

История авиации не уникальна. Напротив, она типична для так называемых «плодов технологии». Первые автомобили создавались, чтобы подарить водителям наслаждение скоростью, и в течение многих лет служили лишь одной цели — позволить богатым молодым людям соревноваться в гонках через континенты. Мечтатели в развевающихся шарфах, громяющие на своих машинах из Парижа в Пекин за спортивным трофеем, никогда бы не подумали, что через несколько поколений пересекаемый ими ландшафт — от фруктовых садов долины Рейна до бескрайних донских степей, сибирских лесов и даже

великой пустыни Гоби — окутает сплошная пелена выхлопных газов.

Если вспомнить все обслуживающие нас механизмы — от электрических миксеров до электробритв, видеомагнитофонов, стереопроекторов, говорящих настольных весов, спортивных тренажеров, персональных компьютеров, автоматических точилок для карандашей, кухонных комбайнов — выйдет довольно внушительный список. Подсчитано, что в 1953 году в США каждый взрослый имел в среднем 153 электроприбора, а 20 лет спустя эта цифра выросла до 400. Приборы, в определенном смысле, делают жизнь легче и приятней. Но сколько времени мы тратим, покупая, обслуживая, используя эти вещи или просто думая о них? С какого момента мы начинаем делать для них больше, чем они для нас?

Формально Айзек Азимов был прав, назвав величайшими событиями в истории человечества технологические открытия — изобретение водяного колеса, компаса, печатного станка, транзистора. Термин «величайшие» оправдан, если считать таковыми события, наиболее заметно изменившие условия человеческой жизни. Но «величайшее» не обязательно означает лучшее. Принесенные технологическими новшествами перемены увеличили наши возможности, однако каждое из них предъявило свой счет к оплате. И сегодня главная наша задача — научиться, когда речь идет о плодах нашего воображения, взвешивать за и против. Если же это не удастся нам, то мемы, скорее всего, победят в конкуренции с генами.

МЕМЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ НОСИТЕЛИ

Технология не развивалась бы так успешно, если бы параллельно с нею не шло развитие грамотности. Великим прорывом в эволюции знания стала первая экстрасоматическая запись информации — за пределами памяти отдельных индивидов. Научившись делать на камне и костях зарубки, отмечающие смену времен года, пещерный человек совершил первый шаг

к великому освобождению сознания от ограничений, налагаемых мозгом. Прежде все новые знания передавались от человека к человеку примером или словом. Информация хранилась лишь в мозге, и если ее хранитель умирал, не успев передать ее, она исчезала навеки.

Теперь же благодаря этому изобретению человеку оставалось лишь выучить символьный код, и он получал доступ к потенциально неограниченному объему информации, хранящейся на долговечных носителях. С открытием символического представления информации вне тела стала возможной эволюция мемов.

Потребовалось много тысяч лет, чтобы от выцарапывания на кости и пещерной живописи перейти к развитию подлинной грамотности, связанной с изобретением букв. На Ближнем Востоке сохранилось довольно много документальных свидетельств начальных шагов на этом пути: самые первые записи служили для учета царской собственности — свиней, мер зерна, бочек масла. Письменность была очень утилитарной, своего рода бухгалтерией для богатых. Первые «книги» крайне скучны — это длинные перечни сделок и запасов, договоры и квитанции. Древнейшие китайские записи на черепашьих панцирях — предсказания оракула, помогавшие царям принимать важные политические решения.

Еще одно применение письменности — распоряжения. Приказ, записанный на папирусе и отосланный за сотни миль полководцу, как и выбитые на камне резолюции, ставшие законом для всей страны, значительно расширяли власть правителя. Впервые человек смог зафиксировать свою волю вне собственного мозга и передавать ее множеству людей на огромные расстояния.

Однако со временем знаки, используемые для записи человеческих знаний, зажили собственной жизнью. Однажды кто-то понял, что можно записывать не только то, что уже было, но и то, чего еще не было. Грамотность породила литературу. И вместе с ней — книги, поддерживающие одну идеологию

и выступающие против другой. Крестonosцев вела на войну Библия, мусульман — Коран; в Китае культурная революция растоптала буржуазию, вооружившись цитатником Мао. Изобретение литературы, несомненно, было огромным шагом к освобождению человеческого воображения от пут действительности. Но опять же — эволюция литературы не всегда нам во благо. Книги порождали еще больше книг: в конце концов «Илиада» произвела на свет дешевые женские романы.

Сегодня книгам приходится отчаянно бороться за выживание. В США ежегодно издаются почти сто тысяч наименований, и за место на полках магазинов и библиотек они бьются не на жизнь, а на смерть. Сколько из этих книг люди запомнят или будут цитировать десять лет спустя? Одну на тысячу? Скорее, и того меньше. Даже если бы каждая из этих книг содержала важную информацию, нам не хватило бы памяти, чтобы вместить их все. Соперничают между собой не только отдельные книги — за выживание борются целые «виды» мемов на разных носителях. Полное вытеснение книг лазерными дисками или еще более продвинутыми технологиями, имплантирующими информацию прямо в мозг, уже не кажется столь невероятным.

Примерно так же дело обстоит и в изобразительном искусстве. Кажется, это футуристы в своих многочисленных манифестах в начале XX века первыми сравнили историю искусства с эволюцией. «Эволюцию музыки повторяет преумножение машин, — писал Луиджи Руссоло в 1913 году, утверждая, что близкое знакомство с классическим репертуаром наводит скуку. — Сегодня мы предпочитаем наслаждаться слаженным шумом трамваев, тарахтящих автомобилей, поездов и вопящей толпы, чем который раз слушать ту же Героическую или Пасторальную симфонию».

Тщательно анализируя художественные стили, специалист по психологии искусства Колин Мартиндейл развивает похожую теорию. Он утверждает, что в последние десятилетия стремление литературы, живописи и музыки шокировать не-

изменно усиливается. Каждое новое поколение поэтов использует все более яркие образы и более чувственные слова, ведь в противном случае их никто не заметит. Из тысяч публикуемых каждый год поэм выживают лишь те, что написаны на самые эмоционально заряженные темы или используют самую невероятную игру слов. Среди произведений живописи внимание пресыщенной современной публики привлекают лишь те, что кажутся ей наиболее шокирующими. Заметим, что новые мемы должны явно отличаться от своих предшественников, а лучший способ привлечь внимание — использовать предрасположенности нашей генетической обусловленности. Сексуальность, агрессивность, страх смерти — неисчерпаемые источники художественных тем, но воплощаемые раз за разом в произведениях искусства, они требуют от последующих художников все большей наглядности и откровенности, чтобы привлечь внимание.

По данным переписи населения, полмиллиона жителей США в графе «профессия» пишут «художник». Но среди них вряд ли хотя бы один из тысячи сможет заработать себе на хлеб живописью или скульптурой. А многие ли из их работ доживут до следующего поколения? И снова заметим, что, за исключением горстки знатоков, психической энергии у любого из нас хватит только на то, чтобы оценить и запомнить лишь несколько произведений искусства. Сколько современных художников вы можете назвать? Не удивлюсь, если в среднем меньше одного. Из новейших художников обычно вспоминают Пикассо, не видя особой нужды следить за тем, что с тех пор произошло в мире искусства. В конце концов, у сознания и без того полно забот...

Принято считать, что количество великих художников определяется предложением: если их мало, значит, лишь немногие создают великие произведения искусства. Однако верно, скорее, обратное: то, что считают великим искусством, в большей мере определяется спросом, точнее, пределами внимания. Человек в среднем способен знать и помнить лишь не-

скольких современников — художников, музыкантов, писателей и других творцов новых мемов. Но в наши дни художнику, чтобы его признали «великим», нужна широкая известность. В прошлом работы художника могли оценить несколько влиятельных вельмож и церковников — и место в истории ему было обеспечено. В демократической культуре нужен более широкий консенсус, которого при этом труднее добиться. Великих произведений искусства немного потому, что мы не хотим или не можем выделить достаточно психической энергии на оценку художественных мемов, и, как следствие, лишь немногие из них выживают. Рок-музыке, напротив, уделяется огромное внимание — только посмотрите, сколько места газеты отдают новым группам, особенно молодежных направлений. У этих мемов есть все шансы сильно влиять на сознание, по крайней мере, сегодня.

Пусть художник никогда не добьется известности, но он все же свободно воплощает свое видение. Верно? Да, но не совсем. Искусство в значительной степени следует собственным законам, независимо от желаний художника. Современному художнику приходится соотносить свою деятельность с последними течениями в искусстве. Чтобы быть замеченным, он должен задействовать или отражать новейшие стилистические условности, подавая их, однако, под несколько иным углом, добавляя им «оригинальности». 30 лет назад, когда в американской живописи царил абстрактный экспрессионизм, тысячи молодых одаренных художников реалистического направления терпели насмешки от своих учителей, коллег и критиков. Многие из них сдались, оказавшись в тупике. Разве писать как Рафаэль — порок? Лишь немногие из них, наиболее упорные, в последующий период гиперреализма 1970-х обнаружили, что создаваемые ими мемы теперь могут выжить. Примерно тогда же, когда в Америке побеждал абстрактный экспрессионизм, в СССР развивалось противоположное направление искусства. Чтобы сохранить свои работы, художнику приходилось писать в реалистическом стиле. Утвержде-

ние, что художники — причина эволюции искусства, видится чересчур антропоцентричным. Правильнее было бы сказать, что художники — это среда для эволюции произведений искусства.

Немногим больше свободны ученые в выборе своих проектов. Любой молодой ученый начинает свою профессиональную карьеру в определенный момент эволюции идей конкретной дисциплины. Если он заинтересован в том, чтобы его воспринимали всерьез, и хочет найти работу, ему придется направить свою психическую энергию на исследование «модных» тем с применением современных теорий. Широту научной мысли определяет система символов, господствующая здесь и сейчас. Если ученый не использует принятые в научном сообществе мемы, его идеи, скорее всего, останутся без внимания и затеряются.

В 1940–1950-е годы лишь самые независимые молодые психологи смогли устоять перед идеями бихевиоризма и психоанализа, а в наши дни большинство молодежи в этой области посвятит свою профессиональную карьеру распространению мемов когнитивной психологии. На старших курсах изучают самые популярные дисциплины, а работодатели ищут специалистов в соответствующих областях. У молодых ученых очень ограниченный выбор, но они, к счастью, редко задумываются о том, насколько устаревшей будет казаться эта современная подготовка лет десять спустя. И дело здесь не в ограниченности или нетерпимости научного истеблишмента. Просто, как и везде, когда успешные мемы овладевают групповым сознанием, реальность обычно неким образом искажается. Этому вряд ли можно что-либо противопоставить, однако важно не тешить себя иллюзией, что мы управляем своими действиями и владеем абсолютной истиной.

Сегодня телевидение — самое распространенное средство обмена информацией и главный потребитель нашей психической энергии. Оно больше других привлекает и удерживает внимание, поэтому имеет максимум возможностей для того,

чтобы либо обогащать сознание, либо манипулировать им и эксплуатировать его. И поскольку оно вытесняет за пределы внимания многие другие альтернативы, нам особенно важно научиться управлять этим мемом.

Телевидение конкурирует с другими носителями информации, например с книгами и музыкой, а внутри него самого за внимание аудитории сражаются различные каналы и программы. Это важная особенность, поскольку большинство споров о телевидении сосредоточивается на различиях между программами. Обычно утверждают, что более качественные программы принесут нам больше пользы. Может, это и так, однако исследования показывают, что независимо от того, какие программы смотрит человек, он явно испытывает значительное воздействие. Сам просмотр телепрограмм влияет на сознание иначе, чем чтение или прослушивание музыки (и тем более — чем активные формы досуга).

Вот как телевидение воздействует на зрителей во всем мире: они хорошо расслабляются, но при этом становятся гораздо менее активными, внимательными, умственно сосредоточенными, удовлетворенными и творчески вовлеченными, чем при других видах деятельности. Вдобавок представители любой культуры, имеющей доступ к телевидению, посвящают ему больше всего свободного времени. Телевидение — яркий пример мема, внедряющегося в сознание и размножающегося там, не заботясь о благополучии хозяина. Как и наркотик, телевидение сначала дарит положительные ощущения. Но стоит зрителю проглотить наживку, оно начинает использовать сознание, не давая ничего взамен. В сущности, как показывают исследования, тот, кто много смотрит телевизор, получает меньше удовольствия, чем тот, кто смотрит мало. И чем дольше зритель смотрит телевизор, тем хуже становится состояние его духа. Нет никаких причин утверждать, что телевидение помогает людям адаптироваться к окружающей среде. Оно не улучшает настроение и не увеличивает шансы на выживание. Телевидение лишь воспроизводит само себя: все шире

экраны, все больше пикселей, ситкомы плодят новые ситкомы, ток-шоу порождают новые ток-шоу, и все это развивается за счет психической энергии.

Тем не менее мы не так уж бессильны перед наступлением телевидения и других носителей информации. По-видимому, люди, контролирующие собственное сознание, получают некоторую пользу от просмотра телепрограмм, тогда как те, кто менее способен направлять свое внимание, оказываются во власти этого мема. Их умы заполняются яркими образами с экрана, и в конце концов им остается лишь нажимать на кнопки и смотреть. Люди из группы риска ТВ-зависимости обычно менее образованны, не слишком довольны своей работой, а их семейная жизнь оставляет желать лучшего. Те, кто смотрят телевизор меньше, более разборчивы и критически настроены. Они получают от этого носителя информации то, что им нужно; они владеют им, а не подчиняются ему. В этом отношении телевидение — великолепный пример нашего взаимодействия с мемами в целом. Если мы не берем власть в свои руки и не используем мемы для собственных целей, они подчиняют нас себе и своим задачам. Разумеется, мемы не знают своих целей, но и мы, по большей части, не ведаем своих.

КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕЙ

Неосозаемые идеи, подобно физическим объектам, развиваются и способны так же сильно влиять на наше выживание. Идея равенства, возникшая среди угнетенных классов Франции два столетия тому назад, привела к убийству, по меньшей мере, 70 000 дворян и прочих «врагов народа». Мысль о первенстве арийской расы оправдывала уничтожение нацистами евреев, цыган и всех, кто не соответствовал их идеалу. Русские, китайцы, камбоджийцы со спокойной совестью убивали миллионы своих соотечественников, не заслуживавших доверия в качестве верных носителей коммунистических мемов. От великих

гонений на христиан в Римской империи до наших дней мемы занимались убийством генов, как, впрочем, и самих себя.

Закрепленные в политических конституциях нормы дают нам очевидный пример того, как идеи, регулирующие поведение человека, передаются из поколения в поколение. Профессора Миланского университета Фаусто Массимини и Паоло Калигари, проанализировав все существовавшие на момент исследования тексты конституций более ста суверенных государств, обнаружили, что они затрагивают ограниченное число вопросов: право, труд, собственность, право на распространение информации, личные ценности и т. д. Связанные с этими вопросами мемы организованы в конституциях в некотором смысле подобно хромосомам. Их иерархия определила возникновение различных политических систем: в социалистических конституциях идея прав и обязанностей в соединении с трудом обычно предшествует всему остальному, в то время как центральные мемы либеральных демократий — свобода и право на собственность.

Более того, все конституции можно свести к нескольким прототипам, таким как Великая хартия вольностей, французская Декларация прав человека и гражданина, конституция США, первая советская конституция 1918 года. Изначально конституционные коды создает народ, выражая в них свое сознательное намерение. Однако в письменном виде они обретают собственное существование по мере того, как в дальнейшем юристы пытаются расшифровать их смысл и применить их к новым обстоятельствам. Местные законы, управляющие судьбами людей, возникают как продолжение этих текстов. С какого момента слова на бумаге становятся важнее живой воли народа?

История коммунизма — ярчайший пример той легкости, с какой идеи отодвигают людей на задний план. Маркс сформулировал периодически возникающую утопическую идею, привлекавшую людей с древнейших времен: веру в то, что мужчины и женщины могут жить в мире без конфликтов, эксплуатации, свободно реализуя свой личный потенциал. От более ранних мыслителей Маркс отличался тем, что пред-

ставил утопические чаяния как научные выводы из исследований предшествующей истории, утверждая, что неизбежные законы материалистического детерминизма со временем создадут рай на земле. И что единственное условие этого блаженного состояния — ликвидация частной собственности, требующая, в свою очередь, переходного периода революции и диктатуры пролетариата. Что ж — не слишком высокая плата за искоренение важнейших жизненных проблем!

Идеи Маркса опьянили умы людей в век, крайне серьезно относившийся к науке — и даже лженауке. Энгельс, а затем Ленин и множество псевдонаучных идеологов стремились добавить доктрине диалектического материализма убедительности, отыскивая параллели эволюционным процессам в истории человечества. За мемы коммунизма как за последнюю надежду ухватились люди всего мира, страдавшие от энтропии и не способные изменить свою жизнь: фабричные рабочие без будущего, отпрыски богатых семейств без жизненной цели, амбициозные, но разочарованные интеллектуалы, угнетаемые крестьяне Азии.

С коммунизмом случилось то, к чему всегда приводит победа мышления, принимающего желаемое за действительное. В основанные на марксистских идеалах организации немедленно проникли паразиты-имитаторы, которые сразу избавились от своих наиболее идеалистичных товарищей. основополагающие гуманистические принципы коммунизма в конце концов послужили оправданием уничтожению миллионов сопротивлявшихся коллективизации крестьян, деятелей искусств, предпочитавших говорить правду, а не зубрить постановления партии, солдат, отказывавшихся подчиняться бюрократам, ученых, ставивших факты выше идеологии, и других невинных людей. Нечасто в истории такое небольшое число мемов настолько бессмысленно убивало так много генов.

В наши дни умы людей больше подвержены вторжению экономических, политических и научных мемов, потому что обещания экономики, политики и науки улучшить жизнь пользуются теперь наибольшим доверием. В прошлом этим занималась

религия, и религиозные мемы долго жили в человеческом сознании, иногда помогая, а иногда мешая эволюции перейти на новые, более сложные ступени. Десять заповедей иудеохристианства — один из примеров культурных предписаний, развившихся до попытки сформировать поведение человека.

Еще один пример подобных предписаний — идея греха в христианстве. Семь смертных грехов ведут к вечному проклятию, и многие века это было мощным сдерживающим фактором психической энергии верующих. Цель этих предписаний — заставить нас не обращать слишком много внимания на наши естественные цели, такие как пища, деньги и секс. Подобные инструкции отлично помогают перенаправить энергию с инстинктивных целей на более сложные и неоднозначные задачи. Препятствование удовлетворению инстинктов с этой целью свойственно и христианству, и почти любой другой религии или нравственной философии. Но, как и с марксизмом, проблема возникла, когда в организации, основанные на идеалах христианства, проникли паразиты: хранители священных мемов стали использовать угрозу вечного проклятия, чтобы эксплуатировать свою паству и строить себе дворцы и сады наслаждений.

МЕМЫ И МАТЕРИАЛИЗМ

Еще одна огромная категория очень быстро размножающихся мемов — потребительские товары. Человеческий род особенно подвержен вторжению материальных мемов, но не столько из-за предоставляемого ими комфорта, сколько потому, что, как говорилось в главе 3, объекты и видимое потребление являются явными символами расширения личности. У человека, рассматривающего принадлежащие ему вещи, возникает иллюзорное ощущение собственной значимости. По утверждению археологов, единственное практическое назначение самых первых металлических предметов — медных нагрудников, церемониальных бронзовых кинжалов, тяжелых ожерелий, созданных нашими предками около десяти тысяч лет назад, —

привлекать внимание к своим владельцам, чтобы благодаря восхищению соплеменников они чувствовали, как расширяется их эго. Однако очень скоро люди поняли, как легко потратить жизнь на бессмысленное и бесконечное накопление собственности, пойдя на поводу у собственного эго.

Отчасти по этой причине почти все культуры приняли законы, ограничивающие потребление, в попытке регулировать все возрастающие затраты на предметы роскоши. Так, в 1675 году в Коннектикуте арестовали 38-летнюю женщину — за то, что на ней было чересчур экстравагантное платье, и 30 мужчин — за ношение одежды из шелка. Почти в то же самое время в Венгрии представителям низших классов запрещалось пить кофе после еды, а также подавать на свадьбе паштет и торт.

Однако гарантировать соблюдение законов, ограничивающих потребление, невозможно. Если человек захочет, он всегда найдет способ приобрести доступный ему предмет роскоши, и не потому, что сделается от этого счастливее, а потому, что разум легко соблазняется редкими и дорогими вещами.

Всем известно, что современные автомобили обновляются ежегодно, но при этом их принципиальное устройство не менялось со времен Оливера Эванса, построившего почти двести лет назад паровой двигатель мощностью в пять лошадиных сил. Сегодня трудно даже представить иной способ передвижения: инерция мема настолько сильна, что куда легче вообразить уничтожение рода человеческого, чем автомобиля. Исключительная устойчивость основополагающей формы и быстрая смена индивидуальных вариаций типичны для эволюционного развития в целом. Могут ли GM и Toyota не предлагать каждый год новые модели с самым современным арсеналом электронных гаджетов? Конечно, нет. Без инноваций их продукция перестанет продаваться, и вскоре они окажутся не у дел. Производители автомобилей — всего лишь средства для размножения мема «автомобиль».

Как и в случае других видов зависимости, сначала машина дарит позитивные ощущения. Она дает чувство свободы и силы, гордость обладания дорогим механизмом. Однако идея

владения автомобилем может занять в сознании слишком много места. Мы перестаем использовать ее и сами превращаемся в объекты использования. Мы беспокоимся о выплатах, обслуживании автомобиля, страховке, вандалах, авариях и т. п. и, таким образом, отчасти утрачиваем контроль над сознанием. А тем временем машин становится все больше, так как они открыли в человеческом разуме богатую питательную среду для размножения. Модели 2000 года породят модели 2001 года и т. д. и т. п., в точности, как у дрозофил.

«Автомобиль» — один из наиболее удачно адаптировавшихся технологических мемов. Еще один такой мем — это «дом». Убежище, безусловно, необходимо для выживания, однако дома, в которых мы живем, существуют скорее благодаря эволюции мемов, чем ради обеспечения нашего комфорта и благополучия. Проехав через богатое предместье, вы обнаружите невероятное скопление призраков жилищ прошлого, перенесенных в Америку настоящего. Прибрежное шоссе от Сан-Диего до Лос-Анджелеса почти на всем своем протяжении пролегает через жилую застройку. Начинается она сотнями домов-близнецов в стиле Тюдоров, за ними следуют «миссионерские ранчо», затем — швейцарские шале с приклеенными к стенам фанерными ставнями и небольшие южные усадьбы, среди которых встречаются впечатляющие образцы архитектуры в стиле королевы Анны, федеральном, модерн и постмодерн. Слуховые окна, которые украсили бы шестиэтажный многоквартирный дом на парижском бульваре, делают визуально ниже ряды двухэтажных домов, поддельная «вдовья дорожка»¹ венчает коттеджи-«солонки»². Трудно понять, почему эти образы прошлого имеют такую власть над нашим сознанием, почему мы готовы платить

¹ «Вдовыми дорожками» назывались огороженные площадки на крышах прибрежных домов, где жены моряков ожидали своих мужей. — *Прим. ред.*

² Тип коттеджа, первоначально характерного для Новой Англии в XVII–XIX веках, двухэтажного с фасада и одноэтажного с тыла, с двухскатной крышей, имевшей длинный скат в сторону одноэтажной части и конек, сдвинутый к передней части. — *Прим. ред.*

бешеные деньги за то, чтобы позволить давно отжившим домам обзавестись потомством, и отчего люди XX века хотят прожить в них остаток своих дней.

Столь же нездоровой представляется ситуация с интерьерами. Мы не перестаем наполнять свои дома предметами, единственная причина существования которых в том, что они навязали себя нашему сознанию, а мы не способны от них избавиться. Да, в каждом доме у людей есть любимые предметы, облегчающие им жизнь и, что важнее, делающие ее богаче, наполняя символическими смыслами. Передаваемая из поколения в поколение мебель, сшитый бабушкой килт, серебряная кружка — дядино наследство, купленная во время медового месяца картина, любимые книги, растения, о которых приятно заботиться, — все эти вещи помогают разуму внести в нашу жизнь гармонию. Но, к сожалению, мы вкладываем значительные усилия и энергию в приобретение вещей, использующих нашу психическую энергию, но мало что дающих взамен. Конечно, такие дорогие предметы, как машины, видеокамеры и драгоценности, также могут приводить сознание к гармонии. Вопрос не в том, какой вид предметов мы лелеем, а в том, что мы получаем в обмен на свои деньги. Дорогие предметы обладают способностью проникать в неосторожные умы вовсе не затем, чтобы сделать нас счастливее, а просто в целях собственного размножения.

Мода эволюционирует так же, как и другие мемы. То, как мы одеваемся, ухаживаем за своим телом или украшаем себя, оставляет отпечаток в сознании других людей, а затем размножается за счет своего хозяина. В Италии эпохи Возрождения мужчины обнаружили привлекательность исключительно длинных и загнутых кверху мысков обуви. Поэтому они стали носить башмаки на несколько сантиметров длиннее стопы. Вскоре, чтобы вызвать к себе интерес, мужчинам пришлось заказывать башмаки с мысками длиннее тех, что уже были в моде. Мыски каждого следующего поколения башмаков оказывались длиннее, чем у их «родителей», и в конце концов загнутые мыски пришлось привязывать к коленям, чтобы можно было ходить. То же

самое с волосами. Мужчины то и дело принимаются отращивать волосы, пока их длина не начинает стремиться к бесконечности и ограничивается лишь естественными возможностями организма. По мнению Законодательного собрания Массачусетса, индейцы нападали на колонию главным образом из-за того, что мужчины носили слишком длинные волосы. Законники, скорее всего, ошибались, однако они отразили зарождающееся разочарование прежних поколений в грядущих столетиях.

Мемы выживают потому, что люди поначалу хранят их в памяти, а затем воспроизводят в своем поведении. Идея демократии, сформулированная древними греками и дошедшая до нас через непрерывную цепь поколений, оказала большое влияние на многие культуры, включая бывшие коммунистические государства, ныне именующие себя «демократическими республиками». За века смысл термина «демократия» сильно изменился: люди, создававшие американскую конституцию, во многом понимали ее иначе, чем мы. Но хотя древнегреческий мем со временем породил странное потомство, демократия все еще отличается от иных культурных аллелей, таких как деспотия и олигархия.

Однако и в этом случае мы отнюдь не можем утверждать, что демократия, изменяясь с течением времени, выжила потому, что помогала генетической приспособленности принявших ее народов, например афинян. Эта идея эволюционировала лишь потому, что обнаружила в умах людей восприимчивую питательную среду, независимо от того, помогала она им выживать и размножаться или нет. Демократические формы правления победили такие аллели, как власть духовных правителей, — из которых лишь немногие, такие как папа римский и далай-лама, сохранились и по сей день — и, по-видимому, переживут все монархии и даже диктатуры. Лучше ли нам от этого? Хотелось бы верить, что да, но даже прекрасную идею демократии мы не должны принимать как нечто само собой разумеющееся. Мы обязаны помнить, что мемы, завладевшие нашим вниманием, будут стараться воспроизводить себя, не заботясь о том, лучше нам от этого или хуже.

Мемы — технологические артефакты или абстрактные теории, — как и гены, говорят нам, что делать. На их селекцию и воспроизводство мы направляем значительную часть своей психической энергии. Мы привыкли считать, что эта деятельность отражает наши собственные устремления. В определенном смысле это так — не исключено, что кто-то из нас и в самом деле хочет купить «кадиллак» последней модели, отрастить волосы или умереть за демократию. Но есть ли у нас выбор на самом деле? Как только сознание оказывается под влиянием упомянутых мемов, мы начинаем считать их воспроизведение собственным интересом.

Нелегко отличить, когда мы обслуживаем вышедшее из-под контроля размножение мемов, а когда действуем во благо себе. Совершенно избавиться от населивших наше сознание артефактов и идей невозможно. Но, как и с другими источниками иллюзий — мирами, созданными генами, культурой, эго, угнетателями, паразитами и эксплуататорами-имитаторами, — мы по крайней мере можем выяснить, куда и зачем направляется наша энергия. Даже если мы ограничимся только этим, это все же даст нам некоторую свободу, столь необходимую на пороге нового тысячелетия.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «МЕМЫ ИЛИ ГЕНЫ?»

Конкуренция мемов

Мир будущего составят те материальные объекты и идеи, которые мы «продвигаем» в настоящем. Задумывались ли вы о том, какой будущий мир помогаете создавать? Например, удовлетворены ли вы своим политическим выбором на уровне государства? На местном? Своим выбором религии? Тем, как вы взаимодействуете с людьми?

Мы привыкли считать, что выбираем те вещи, за которые платим (машины, дома, одежду, политиков), но не мемы, формирующие нашу культурную среду. Например, большинство людей фаталистически относятся к изменению моральных ценностей, развитию эстетических стилей, словно не в их силах повлиять на эти вещи. Культура определяет будущее человеческого мышления. Какие ценности вы бы хотели видеть в завтрашней культуре, например семейные, трудовые, относящиеся к окружающей среде? Каким образом вы могли бы этому способствовать?

Мемы и зависимость

Предполагается, что мемы помогают улучшить нашу жизнь, но когда мы начинаем зависеть от них, они заставляют нас идти против собственных интересов. Тем не менее зачастую трудно определить, как именно обстоит дело. Например, идея «страны» — необходимый и полезный культурный компонент. Однако патриотизм легко превращается в этноцентризм и шовинизм или толкает людей к бездумному самопожертвованию. Существуют ли мемы — например флаг, мать, доллар, здоровье, телевидение, — контролирующие наше поведение, причину воздействия которых вы не можете определить?

Смогли бы вы, если бы захотели, противостоять постоянному усовершенствованию следующих технологических артефактов: автомобилей, тренажеров, кроссовок, диет, телевизоров, персональных компьютеров? Или вы чувствуете себя обязанным всегда выбирать, хотите вы того или нет, их последние версии?

Мемы и информационные носители

Информационные носители, или СМИ, — формы коммуникационной среды, служащей для передачи информации. Изна-

чально газеты, радио и телевидение были призваны усилить человеческое могущество, предоставляя людям полезные знания. Читая газеты, получаете ли вы пользу от содержащейся в них информации — или это газеты получают пользу от того, что вы их читаете? А когда вы смотрите телевизор, кто в выигрыше — вы или спонсоры программ?

В целом роль информационных носителей — расширять власть своих владельцев, распространяя мемы среди полезного для них населения. Например, газета «Правда» многие десятилетия укрепляла в умах читателей мысль о законности издававшего ее режима. Телевизионные сети транслируют рекламу, необходимую для распространения продукции рекламодателей. Сколько психической энергии отнимают у вас мемы, противоречащие вашим собственным интересам?

Конкуренция идей

Мы заимствуем идеи и верования из представлений, господствующих в окружающем нас обществе. Например, наши представления о правах человека основаны преимущественно на нашей конституции, регулирующей поведение людей вот уже два столетия. Однако со временем положения конституции распространились на все группы людей и типы поведения, изначально ею не охваченные. Откуда взялись эти новые идеи о правах человека? Какими правами, по вашему мнению, должен обладать человек?

В общественном мнении часто возникают расхождения по наиболее важным вопросам. Например, есть сильные аргументы за и против аборт, социальных выплат, американского военного вмешательства за рубежом и даже эволюции. Когда вы принимаете решение поддержать определенную позицию

в споре, вы в основном опираетесь на: 1) основные нормы морали; 2) опыт; 3) рациональную логику; 4) доверие к источнику информации?

Мемы и материализм

Большинство людей считают, что их сделало бы счастливыми неожиданное богатство, например выигрыш в лотерею \$100 000 000. В действительности такие «счастливчики» обычно сталкиваются со множеством неожиданных проблем и, не умея четко управлять своей жизнью, в конечном счете оказываются в ситуации хуже прежней. Предположим, вы стали в сто раз богаче. Что в вашей жизни улучшилось бы? А что ухудшилось бы?

Средний человек на вопрос о том, какая сумма удовлетворила бы его финансовые запросы, называет число, вдвое превосходящее его нынешний доход. Крайне редко кто-то считает, что удовлетворение ему принесет доход меньше нынешнего. Смогли бы вы комфортно жить при доходе, на четверть меньше теперешнего? А при половине нынешнего дохода? Если нет, то почему?

Часть II

СИЛА БУДУЩЕГО

Направляемая эволюция

Сегодня мы уже понимаем, что жизнь не развивалась по некоему плану. Взаимодействие миллиардов случайных событий сплело ныне обязательную для нас цепь причинности. Мир, в котором мы живем, был создан безо всякой цели и стал таким, каков он есть, благодаря падениям метеоритов на землю, извержениям вулканов, ледниковым периодам и даже крошечным землеройкам, которым пришлось по вкусу яйца динозавров.

Теперь мы знаем, что если не возьмем бразды правления в свои руки, процессом изменений так и будет руководить безжалостный случай, слепой к мечтам и стремлениям человека. Подобно охваченным ужасом пассажирам, узнавшим, что пилоты таинственным образом исчезли из кабины и самолет, не снижаясь, летит неведомо куда, мы понимаем, что обязаны взять управление полетом на себя. А иначе все закончится катастрофой. Но сумеем ли мы победить невежество и страх до того, как закончится топливо?

Главная задача человечества в следующем тысячелетии — научиться верно направлять эволюцию. Если мы проигнорируем эту насущную потребность или в панике опустим руки, то социальная эволюция может быть поставлена на службу расизму. Такие попытки уже предпринимались в течение XX века — сначала нацистами, потом в недавних балканских войнах.

Однако прежде чем взяться за решение этой задачи, мы должны как следует разобраться, к чему ведет эволюция. В предыдущих главах мы рассмотрели, как эволюционные процессы воздействуют на наши мысли и чувства. Мы также узнали, как успешные культурные мемы одновременно способствуют нашему выживанию и ставят его под угрозу. Настало время собрать воедино разрозненные примеры из предыдущих глав и внимательнее взглянуть в то, как на самом деле работают эволюционные процессы. Очевидно, что исчерпывающий анализ здесь невозможен. Если мы не понимаем даже те события, которые произошли всего несколько десятилетий назад (кто убил Кеннеди и можно ли было избежать Великой депрессии), вряд ли можно надеяться точно отследить изменения, происходившие в течение миллионов лет и сформировавшие наше настоящее.

Но пусть многие конкретные подробности восстановить невозможно, мы все же лучше поймем общий механизм эволюции, то есть именно те общие принципы, которые нам необходимо усвоить для того, чтобы правильно определить, что нужно сделать для будущего, и разработать разумный план действий.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Традиционно эволюция описывала развитие, изменения и вымирание видов живых организмов. Лишь недавно мы осознали, как непросто отличить живое от неживого. Живые ли вирусы? А как насчет кристалла кварца? Он воспроизводит себя, а в науке принято считать, что все воспроизводящее себя — живое. Являются ли живыми организмами «виртуальные муравьи» (vants — от virtual ants), ползающие по созданному компьютером ландшафту? Чтобы выжить в своей окружающей среде, эти трудолюбивые крохи на экране обучаются всевозможным удивительным штукам, что также считается несомненным признаком жизни.

Представляется очевидным, что для понимания будущего эволюции нам придется расширить свое представление о ее субъекте, дабы оно включало диких зверей и небесных птиц, вирусы СПИДа и луковицы тюльпанов. Определение организма должно каким-то образом охватывать кристаллы, а также мемы — артефакты, символы и идеи, существующие и размножающиеся лишь в нашем сознании. С эволюционной точки зрения «организм» следует определять как систему взаимосвязанных частей, которой для продолжения существования требуется приток энергии. Растения без солнечной энергии распадаются на молекулы; львам нужна энергия белка их жертв; долларам для выживания требуется внимание — доверие и интерес миллионов людей. Утратив наше внимание, деньги в лучшем случае, подобно вымершим динозаврам, сохранились бы лишь в музеях, а в худшем — их бы порвали на клочки и развеяли по ветру.

Вооружившись этим расширенным определением, мы можем сформулировать первый принцип эволюции так: 1) любой организм сохраняет свою форму и воспроизводит себя. Достигается это, в зависимости от конкретного организма, самыми разнообразными способами. Кристаллы удерживаются от распада благодаря молекулярным связям. Телесное единство млекопитающего обеспечивают невероятно сложные химические процессы и унаследованные, генетически запрограммированные инструкции самосохранения, то есть инстинкты. Неотвязная мелодия нравится потому, что ее ноты соединены приятными нашему слуху интервалами. Песни воспроизводят свою форму, рождая в головах композиторов похожие мелодии. А люди воспроизводят свою биологическую форму с помощью секса, а психологическую — распространяя свои верования и ценности.

Конечно, наш первый принцип отчасти тавтологичен, поскольку если бы организм не сохранял свою форму, он не был бы организмом. Однако в данном случае полезно подчеркнуть очевидное: Вселенная состоит из пучков информа-

ции, выделяющихся из фонового шума и сохраняющих свое единство благодаря неким таинственным силам. Галактики и атомы, виды и индивиды, нации и семьи, цивилизации и произведения искусства обладают сохраняющимися во времени уникальными наборами индивидуальных черт. В противном случае эволюция была бы невозможна. Мы никогда не сможем даже близко подойти к ответу на вопрос, откуда вообще берутся организмы. Наука прекрасно описывает клеточное устройство амебы или дождевого червя, но то, что заставляет клетки объединиться и сосуществовать в рамках устойчивой системы, продолжает оставаться загадкой несмотря на наше знание атомных связей, силы тяжести и электромагнитных взаимодействий. Но раз мы считаем, что организмы существуют и эволюционируют, будет логичным рассмотреть их поведение.

Второй принцип эволюции: 2) для выживания и размножения организмам требуется приток энергии извне. Первый принцип эволюции, гласящий, что скала обычно остается скалой, а песня — песней, явно противоречит важнейшему физическому принципу — знаменитому второму закону термодинамики. В соответствии с этим законом любая система со временем распадается на более простые формы. Горная цепь превращаются в пустынную равнину, раскаленная звезда остывает, гений становится горсткой праха. Чтобы сохранять свою структуру, системе требуется энергия. Создать энергию невозможно, зато ее можно рассеивать. Поэтому со временем любая структура, как правило, обращается в хаос: гениальная фреска Леонардо «Тайная вечеря» местами выцветает до случайных оттенков, Парфенон распадается в пыль, великие религиозные и философские идеи становятся вульгарными идеологиями. Как мы знаем, энтропия, или превращение порядка в сверхбеспорядок, — одно из непреложных свойств Вселенной.

Именно поэтому становится очевидной важность второго принципа эволюции. Организмы могут существовать, лишь опережая энтропию, то есть для самосохранения им требуется

внешний источник энергии, достаточно долго поддерживающий их нормальное функционирование. В определенном смысле все живые существа — паразиты, поскольку живут за счет жизненной энергии других организмов. Например, чтобы получить необходимые нашим телам калории, мы уничтожаем растения и животных. Некоторые виды — в том числе наш — не только паразитируют, но и в порядке симбиоза вносят свой вклад в выживание других существ. Так, мы расходуем энергию на сохранение дикой природы, лужаек и декоративных растений, скота и домашних любимцев. Правда и то, что мы поступаем так для собственного блага, а не ради сохраняемых организмов, но это хотя бы позволяет не считать наш вид чисто паразитическим.

И, конечно, человеческий род направляет огромную энергию на создание и эволюцию культуры. Это наша гордость и слава, ибо если бы наши предки не вложили часть своей жизни в песни и машины, картины и теории, мы как паразитический вид не слишком бы отличались от пиявок. Весь мир культурных артефактов, или мемов, существует лишь благодаря тому, что мы отдаем ему часть своей энергии.

Третий принцип эволюции вытекает из двух предыдущих: 3) любой организм старается извлечь из окружающей среды как можно больше энергии, ограничиваемый лишь угрозой потери собственной целостности. Этот вывод неизбежен, если считать истиной то, что каждый организм стремится сохранять себя и размножаться, и что для этого ему нужна энергия.

Из третьего принципа, в частности, следует, что все мы стремимся как можно больше есть, но только чтобы не заболеть и не растолстеть (если полнота угрожает нашему имиджу), как можно больше зарабатывать, но только чтобы нас не уволили и не посадили в тюрьму, хотим, чтобы нас любили и уважали, но при этом боимся потерять престиж или показаться смешными. Поскольку мемы обитают в нашем сознании, необходимая для их выживания и размножения энергия — это наше внимание. И они сражаются за него друг с другом. Именно

поэтому нередко одна мелодия изгоняет все прочие, завладевая нами полностью. Вещи, создаваемые человеком, также соперничают между собой, стараясь заполучить как можно больше внимания. Привлекательное программное обеспечение превращает пользователя в своего «фаната». А велосипед, не способный вызвать у потенциальных покупателей жажду обладания, скоро будет снят с производства.

Мне могут возразить, что между человеком, стремящимся к благополучию, и популярной мелодией или хорошо продающимся велосипедом нет ничего общего. Человек обладает сознанием, борется со страхом и горем, переживает по поводу возможных неудач. А мелодия и велосипед просто существуют, ничего не желая и не пытаясь соперничать с другими мелодиями и велосипедами. Эти отличия человека от артефактов чрезвычайно важны, однако они почти не сказываются на эволюции. В вопросах выживания люди, мелодии и велосипеды равны: для продолжения существования всем им требуется энергия в какой-либо форме, и все они исчезают, когда эта энергия заканчивается.

Между человеком и другими организмами есть существенное различие: человек пытается выжить, сохранив не только свою телесную целостность, но и целостность личности. Это значит, что если личность человека тяготеет к материальной собственности и власти, он будет стремиться контролировать гораздо больше энергии, чем ему нужно для биологического выживания. И наоборот, если личность настроена на гуманитарные и альтруистические цели, то человек может потреблять меньше энергии, чем предписано его биологическими инстинктами.

Три рассмотренных выше принципа не описывают саму эволюцию. Они лишь определяют, что есть организм и что необходимо для его выживания. И этим подготавливают почву для четвертого принципа, с которого наконец-то начинается описание динамики эволюции: 4) организмы, способные для удовлетворения своих потребностей успешно извлекать

большее количество энергии из окружающей среды, как правило, живут дольше и создают относительно большее число собственных копий. Это базовый сценарий эволюции. Если птица рождается с генетической мутацией, увеличившей ее клюв (а чем больше клюв, тем легче птице расклевывать семена), то ее жизнь, скорее всего, будет комфортнее, чем у птиц с меньшим клювом. И эта птица оставит больше потомства. Ее птенцы, унаследовавшие большой клюв, в свою очередь произведут больше потомства, и так далее, пока через несколько поколений весь вид, обладавший прежде маленьким клювом, не превратится в новую, улучшенную «модель».

Подобным же образом развиваются оружие, модели машин, научные теории и другие виды мемов. Новые формы могут «превосходить» старые уже тем, что оставляют относительно большее потомство и, следовательно, лучше приспособляются к окружающей среде, что в свою очередь обычно указывает на способность получать из нее больше энергии. Машины и оружие, привлекающие наибольшее внимание, скорее всего, будут выпускаться дольше других, то есть они оставят наибольшее потомство, в том числе последующие модели, основанные на успешном прототипе. Научная теория успешна, если многие ученые обратили на нее внимание и предпочли ее конкурирующим теориям и если последующие теории будут основываться на ее предпосылках. Теория не становится менее успешной оттого, что благодаря ей ученые изобрели взрывчатое вещество, способное уничтожить все живое на Земле. Она сохранит лидерство вплоть до Большого взрыва.

Этот аргумент подводит нас к еще одному важному принципу: 5) когда организмы чересчур успешно извлекают энергию из окружающей среды, они при этом могут уничтожить и ее, и себя. Эволюция дарит лишь временный успех: вчерашние победители сегодня легко могут превратиться в побежденных. Поскольку лишь у немногих организмов есть встроенные ограничители, не позволяющие им присвоить всю доступную

энергию (общее правило, по-видимому, таково: чем больше энергии получено, тем лучше), индивид или группа способны быстро истощить ресурсы окружающей среды, если не найдут способ умерить свои аппетиты.

Сегодня опасность уничтожения окружающей среды актуальна как никогда. Во-первых, мы гораздо успешнее всех прочих видов преобразуем любую энергию: мясо — в белок, уголь и нефть — в электричество, леса — в древесину, а базовые силы материи — в ядерную энергию.

Во-вторых, защитившись, скажем, от холода и голода, мы и не думаем прекращать потребление, а продолжаем выкачивать природные ресурсы, дабы показать свою власть или для развлечения (по меньшей мере 7% потребляемой в США энергии идет непосредственно на обслуживание досуга). По-видимому, все меньше людей способны наслаждаться жизнью, не скармливая бензин или электричество катерам, снегоходам, телевизорам и видеоплеерам.

И последнее. Технология и демократия, объединившись, подняли массовое потребление на беспрецедентную высоту. В любую эпоху сильные мира сего могли позволить себе неприличную или экстравагантную выходку. В XIII веке император Фридрих II Гогенштауфен, любивший охоту, построил на юге Италии роскошный каменный замок на вершине горы. Это были его любимые уголья для соколиной охоты. К несчастью, соколы часто терялись в соседних лесах, поэтому Фридрих приказал срубить все деревья в радиусе примерно 30 км вокруг замка. И по сей день замок Кастель-дель-Монте величественно и одиноко возвышается посреди каменной пустыни. Подобное отношение к живой природе не редкость среди власть имущих, от древних фараонов до Иосифа Сталина. Они любят превращать природу в мертвые памятники, чтобы упрочить свой непомерно раздутый имидж. Но сегодня возможность удовлетворять искусственные потребности своего эго получили широкие слои населения, численность которого с лихвой компенсирует его относительно скромные запросы.

Из рассмотренных выше принципов вытекает еще один: б) в эволюции проявляются две противоположные тенденции: одни изменения ведут к гармонии (т. е. к способности получать энергию путем сотрудничества и утилизации прежде не использовавшихся *видов энергии, а также снижения ее потери*), а другие — к энтропии (сюда относятся способы получения энергии для собственных нужд путем эксплуатации других организмов, приводящей к конфликтам и беспорядкам). Все мы знаем, что во многих случаях очень трудно четко определить, какая из тенденций преобладает в данной ситуации. Нередко оба процесса происходят одновременно. Ведет ли, например, скотоводство к гармонии или энтропии? Можно утверждать, что оно вносит свой вклад в гармонию, снимая необходимость охотиться и нападать на другие группы людей ради пропитания; также оно повышает благосостояние людей и тем самым открывает другие возможности развития, основанные на кооперации. Но можно также утверждать, что разведение крупного рогатого скота — это жестокая эксплуатация коров и что оно ведет к уничтожению тропических лесов, и поэтому данный аспект эволюции больше способствует конфликту, чем гармонии. Истина, скорее, в том, что ценность определенных практик со временем меняется. Охота на буйволов помогала индейцам Великих равнин выживать, но стала одним из проявлений энтропии, когда белые переселенцы принялись бездумно уничтожать стада ради развлечения.

Нацисты заявляли, что, уничтожая евреев, цыган и калек, они создают лучший, более гармоничный мир. Любой преступник оправдывает свои действия, даже самые отвратительные, стараясь приписать себе позитивные намерения. Но означает ли это, что мы должны вовсе отказаться от попыток проводить различия между более и менее разрушительными действиями? Нельзя игнорировать последствия человеческих поступков, даже если наши выводы при этом неоднозначны. Например, мы восхищаемся Фридрихом II (современники называли его *stupor mundi* — «чудо света») — ведь он построил замок, расширивший наше представление о прекрасном

в архитектуре. Но одновременно мы признаем за ним вину в бессмысленном уничтожении природы. Что касается нацистов, то их программа изменения общества, очевидно, в такой степени основывалась на энтропии — жестокости, конфликте и нарушении прав человека, — что никакой созданный ими общественный порядок не смог бы искупить это.

Последний принцип эволюции гласит: 7) как правило, к гармонии ведут эволюционные изменения, делающие организм более сложным, то есть развивающие его дифференциацию и интеграцию.

Дифференциация указывает на то, в какой степени система (это может быть орган, например мозг, или отдельный человек, семья, корпорация, культура, человечество в целом) состоит из структурно или функционально отличных частей. Интеграция показывает, насколько различные части системы способны взаимодействовать и помогать друг другу в достижении своих целей. Система, обладающая большей дифференциацией и интеграцией, чем другая, считается более сложной.

Например, человек дифференцирован настолько, насколько многообразны его интересы, способности и цели; его интеграция пропорциональна гармонии различных целей, мыслей, чувств и действий. Человек, который лишь дифференцирован, может быть гением, но при этом страдать от внутренних конфликтов. Тот, кто лишь интегрирован, наслаждается душевным покоем, но вряд ли сможет внести свой вклад в культуру. Подобным образом в дифференцированной семье ярко выражены индивидуальности детей и родителей, а члены интегрированной семьи объединены заботой и взаимной поддержкой. В исключительно дифференцированной семье воцарится хаос, а исключительно интегрированная семья задохнется в собственных объятиях. На любом уровне рассмотрения сложность подразумевает оптимальное развитие как дифференциации, так и интеграции.

Многие мыслители утверждали, что эволюция движется к большей сложности. Верно, что со временем молекулы обычно становятся сложнее, что многоклеточные организмы наследу-

ют простым клеткам, организмы с бóльшим мозгом приходят на смену тем, у кого мозг меньше, на месте раздробленных общин и патриархальных укладов возникают национальные государства и мировые религии. И тем не менее такая последовательность развития событий — не единственно возможная. Более простые формы тоже развиваются, чтобы использовать в своих интересах более дифференцированные. Каждый новый сложный организм порождает все новых паразитов, и, как показала новейшая история, могущественные империи распадаются на мелкие государства. Эволюция не всегда неуклонно движется к большей сложности, однако лишь это направление ее движения позволит жизни существовать в будущем.

ПРИРОДА СЛОЖНОСТИ

Используемый в этой книге термин «сложность» легко истолковать неверно. Например, его нередко воспринимают как синоним чего-то мудреного, запутанного. Но обычно, называя нечто запутанным, мы имеем в виду его трудность для нашего понимания, непредсказуемость, неясность. А это признаки дифференцированности без достаточной интеграции — то есть отсутствия сложности. Сложная система не является запутанной, поскольку ее части, какими бы разнообразными они ни были, органически сочетаются друг с другом.

Идея сложности успешно применяется на самых разных уровнях рассмотрения. Первоначально она была разработана для описания живых организмов. Благодаря специализации внутренних органов и совершенству их функций краб представляется более сложным существом, чем губка. Однако эту концепцию можно легко распространить на значительно более широкий спектр явлений — от молекул до машин, от телепрограмм до политических систем.

Иногда отражением сложности считается размер: более крупные организмы кажутся более сложными. Но, опять же, это верно не всегда. Слон биологически не сложнее мыши,

а гигантский небоскреб с архитектурной точки зрения не сложнее дома Фрэнка Ллойда Райта¹. Советский Союз, несмотря на гигантские размеры, не был сложным обществом прежде всего потому, что его монолитное централизованное управление и идеология душили личную инициативу и разнообразие. Вследствие недостаточной дифференциации это государство распалось. Соединенные Штаты, напротив, обладают высокой степенью дифференциации. Их сложности угрожает нечто противоположное: разрушение единства ценностей и норм поведения, что может привести к распаду общества по причине недостаточной интеграции.

Сложность представляется основным принципом эволюции, потому что когда два организма соперничают за энергию, как правило, преимуществом обладает тот из них, чья психология и поведенческий репертуар сложнее. Предположим, вы хотите купить фотоаппарат. Скорее всего, вы предпочтете модель, имеющую, в сравнении с другими доступными, больше разнообразных характеристик (дифференциация), которые хорошо функционируют совместно (интеграция), что делает ее более удобной в использовании. Другие покупатели, скорее всего, захотят того же. Таким образом, конкуренция между фотоаппаратами постепенно приведет к «вымиранию» более простых устройств и развитию популяции моделей со все большим набором характеристик и все более простых в обращении. В этом смысле сложность — результат отбора, протекающего во времени; можно даже сказать, что она нам навязана.

И все же, как уже отмечалось выше, сложность побеждает не всегда. Процесс эволюции кажется исключительно непредсказуемым, полным «фальстартов» и временных отступлений. Например, в ледниковый период многие весьма сложные виды вымерли, а более простые организмы, устойчивые к холоду, процветали. В истории человечества обратное движение тако-

¹ Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор-новатор, создатель «органической архитектуры», ориентированной на целостность и единение с природой, автор серии невысоких «домов прерий». — *Прим. пер.*

го рода весьма обычное явление. Короткие периоды свободно-го развития человеческой индивидуальности, в которые люди тем не менее были связаны общими целями и ценностями, обычно сменялись «темными веками», когда преобладали разброд и хаос. Если бы можно было выбрать, в какое время жить в Афинах — в V веке или в V веке до н. э., мало кто выбрал бы первую дату, как едва ли кто-то предпочел бы Флоренцию 1000-го или 1800-го года, имея возможность жить там в 1400-м году. Именно потому, что сложность не побеждает автоматически, на нас лежит ответственность за формирование будущего. С каждым новым десятилетием от наших действий все больше зависит, что победит — хаос или гармония.

Сложность — точка отсчета в определении направления эволюции. Однако мы не слишком хорошо понимаем, как сделать свою повседневную жизнь сложнее. Имеющиеся альтернативы активно стараются привлечь наше внимание, причем каждая из них утверждает, что принесет нам наибольшую пользу. У кого из четырех кандидатов в Сенат самая сложная программа? Какая телепрограмма предлагает самую сложную информацию? А какая из газетных статей? Какие-то модели машин сложнее других, поскольку содержат уникальные компоненты, а все их части в целом работают слаженно. Какие-то рестораны «сложнее» других, поскольку предлагают изысканные блюда с хорошо сочетающимися компонентами, сервированные оригинально, но без излишеств. Важно научиться находить сложность в повседневной жизни, поскольку умение проводить такого рода разграничения сослужит нам добрую службу, когда мы окажемся перед выбором, способным реально изменить направление эволюции.

МОРАЛЬ И ЭВОЛЮЦИЯ

Последствия нашего выбора более сложной машины или ресторана весьма незначительны в сравнении с моральным выбором между «добром» и «злом». И все же обычно сложность — часть

морального выбора. То, что мы считаем хорошим, создает гармонию, тогда как плохое приводит к растерянности и хаосу.

В любом из известных человеческих сообществ идеи добра и зла были одним из главных факторов, формировавших культуру. Необходимость в моральном кодексе возникла, когда человек благодаря эволюции перестал всецело зависеть от инстинктов и смог действовать исходя из злого умысла, что недоступно организмам, управляемым только инстинктами. Поэтому любая социальная система должна была создавать мемы, ответственные за поддержание гармонии внутри группы, ибо гены с этой задачей уже не справлялись. В целом эти формирующие моральную систему мемы явились наиболее успешной попыткой человечества придать эволюции нужное направление.

Однако когда около ста лет тому назад социальные науки принялись «разоблачать» человеческие институты, стало модным — по крайней мере в кругах интеллектуалов — утверждать полную относительность и произвольность устройства создаваемых различными культурами моральных систем. Возникновение такой системы трактовалось в лучшем случае как игра исторических случайностей, а в худшем — как намеренная мистификация властей предрежащих с целью держать всех в узде.

Действительно, в каждой культуре есть понятия добра и зла, кажущиеся странными с точки зрения другой культуры. Например, почему мужчины в центральной Индии считают, что есть курятину через день после смерти отца — хуже, чем бить жену? Почему для католиков есть мясо по пятницам — грех? Тем не менее эти своеобразные верования зачастую основаны на совершенно понятных представителям любой культуры идеях. Например, католики не едят мясо по пятницам в память о том, что в этот день умер Сын Божий. На самом деле гораздо интереснее то, насколько солидарны основные мировые моральные системы, воспринимая «добро» как средство гармонизации сознания и отношений между

людьми, то есть достижения так называемой негэнтропии, создающей, в свою очередь, новые уровни сложности.

Например, буддисты учат, что каждый человек в течение своей жизни способен существовать в одном или нескольких из «Десяти миров». Эти миры упорядочены иерархически: инстинктивные, генетически запрограммированные находятся внизу, а управляемые сознанием — наверху. Человек, решивший провести всю свою жизнь в подчиненных страстям шести нижних мирах, не способен реализовать свой потенциал и оказывается полностью зависим от внешних сил. Лишь «Четыре благородных мира» позволяют в полной мере реализовать человеческую сущность. Вот они в порядке их следования: обучение, реализация, бодхисаттва (сострадание и альтруизм) и последний — состояние будды, т. е. абсолютная свобода и постижение конечной истины. Эта буддистская иерархия основана на мысли о том, что идеальное направление человеческого развития связано с дифференциацией (т. е. освобождением от генетического и социального детерминизма благодаря развитию способности контролировать собственные побуждения и страсти) и интеграцией (т. е. состраданием, альтруизмом и в конечном счете слиянием собственной с трудом добытой индивидуальности с сущностной гармонией Вселенной).

Несмотря на разные акценты и различия в метафорах, объясняющих, почему что-то одно хорошо, а что-то другое плохо, великие моральные системы всего мира в основном согласуются с буддизмом. Зороастрийцы Персии, индийские йоги, христиане и мусульмане могли бы осознать и одобрить концепцию развития в направлении сложности, если бы в их силах было приподнять завесу майи, созданную историческими случайностями, и отбросить внешние различия их вероучений. Но к сожалению, большинство верующих людей, увязнув в культурных иллюзиях, считают свою мораль правильной в смысле отражения не универсальной гармонии, а именно христианской, мусульманской или индуистской. Иными словами, используя

буддистскую метафору, они заключены в нижних мирах и принимают случайные элементы своих верований за сущностные.

Современная психология близка к основным идеям традиционных религий. Предлагаемое ею понимание образцового человеческого поведения подчеркивает важность освобождения от инстинктивных реакций, от эгоизма, а затем от конформизма по отношению к социальным стандартам и излишнего индивидуализма. На высших уровнях своего развития независимая личность сочетает собственные интересы с интересами все более широких социальных групп. Эта общая схема нашла свое выражение в иерархии потребностей Маслоу, теории развития эго Джейн Ловингер, теории морального развития Лоуренса Кольберга, типологии защит Джорджа Вэйланта и большинстве других теорий, рассматривающих возможности развития более сложной человеческой личности. В этих теориях прогресс рассматривается как освобождение человека сначала от власти генов, затем — от культурных ограничений и в конечном счете — от личных страстей.

Все этические системы, религиозные или психологические, суть попытки задать направление эволюции, переориентировать мысли и действия от прошлого к настоящему. Прошлое, определяемое инстинктами, давлением традиций, личными пристрастиями, всегда будет иметь большую силу. Будущее, строящееся на представлениях о более свободной, сострадательной, превосходящей наши непосредственные потребности жизни, непременно слабее, поскольку является абстракцией, образом того, что может быть. Все возможное, новое, креативное всегда более эфемерно, чем проверенное и истинное. Реалисту легко посмеяться над непрактичным идеалистом, направляющим свою психическую энергию на «бессмысленные» голубые мечты, ведь реалист знает, что имеет дело с конкретными вещами, присутствующими здесь и сейчас. Без реалиста нам было бы не выжить. Однако не вкладывая свою жизненную энергию в более сложные цели, мы не смогли бы эволюционировать.

Развитие в направлении большей сложности требует от нас создания соответствующего морального кодекса, который будет управлять нашими решениями. Этот кодекс, принимая во внимание мудрость традиции, должен, тем не менее, черпать силы в будущем, а не в прошлом. «Добром» он должен считать максимальное развитие индивидуального потенциала вкупе с достижением наивысшей социальной и экологической гармонии. Но как мы увидим в следующем разделе, сформировать такой кодекс не так-то легко.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Пожалуй, как прежде, так и теперь самая важная для нашего вида нравственная проблема — приведение в соответствие численности населения и количества ресурсов. На данный момент эта проблема имеет три аспекта: перенаселение, постоянно растущее неравенство между богатыми и бедными и уничтожение естественной среды обитания. Ключевой вопрос здесь — можно ли и каким образом регулировать количество и качество будущих организмов. В свете такой дилеммы представляется особенно затруднительным создание морального кодекса, основанного на максимизации личной свободы и социальной гармонии.

Большинство людей с понятной настороженностью относятся к вмешательству в природное равновесие, когда человеческое общество, пренебрегая естественным отбором, препятствует размножению одних организмов, поощряя к увеличению численности других. Конечно, мы вмешивались в жизнь животных и растений с незапамятных времен, возделывая землю и занимаясь животноводством, и с каждым годом контроль человека над «материей жизни» лишь возрастал. Генная инженерия существует едва ли несколько десятков лет, а мы уже мечтаем о будущих возможностях, которые откроет нам эта технология. Гораздо менее радужная перспектива — идеи евгеники в приложении к человеку, когда некоторые

индивиды получают возможность решать, кому жить и размножаться, а кому нет.

В некоем смутном, не вполне осознанном виде человечество практиковало евгенику на протяжении всей своей истории. Довольно отчетливо проявлялось ее отрицательное направление, когда одни племена или нации всеми силами старались истребить другие. Геноцид — не современное изобретение. И хотя прежде подобные деяния не подкреплялись нацистской или коммунистической идеологией, они основывались на столь же устойчивых стереотипах и предрассудках. Орды Тамерлана или Чингисхана не испытывали угрызений совести, убивая сотни тысяч жителей покоренных земель, поскольку не считали людьми тех, кто не пьет молоко их кобылиц. Европейские захватчики Северной Америки считали себя вправе стрелять в туземцев, поскольку те не были крещены. Маори, несколько столетий назад приплывшие в Новую Зеландию и истребившие местное население, теперь требуют защиты от белого колониализма. Точно так же на юго-западе США потомки испанских завоевателей Центральной Америки сами превратились в «коренных жителей» и заявляют о всевозможных правах первенства, принадлежащих им, а не английским захватчикам.

Однако геноцид — не единственная историческая форма евгеники. Похищение сабинянок — драматический, но отнюдь не единичный пример проявления другой ее стороны: увеличение воспроизводства одних индивидов за счет других. Как гласит легенда, когда Рим начал превращаться в сильное и процветающее поселение, к семи холмам вокруг переправы через Тибр стали стекаться предприимчивые молодые мужчины из соседних племен. А женщин почти не было. И вот однажды римляне устроили большой праздник, на который пригласили своих торговых партнеров — сабинян, живших в горах к востоку от Рима. После оргии римляне умыкнули сабинянок, которые со временем родили детей — наполовину римлян, а не чистокровных сабинян. На протяжении челове-

ческой истории нечто подобное в различных вариациях наверняка повторялось тысячи раз.

Наконец, в наше время евгеника проявляет себя в праве на размножение. Кому будет разрешено воспроизвести информацию своих хромосом и передать ее в будущее? Сегодня право обзаводиться потомством единодушно признано за каждым. Совсем недавно подруги заключенных-смертников протестовали против нарушения их права рожать детей от убийц, также выдвигались коллективные иски от имени людей с явными психическими отклонениями, чье право на размножение было ограничено. Однако на чем основано это предполагаемое «право»? Является ли оно правом естественным, т. е. необходимым условием существования, таким как дыхание, или это соглашение, вытекающее из общественного договора, который включает как права, так и обязанности?

Утверждение, что природа гарантирует каждому взрослому индивиду право произвести потомство, явно не соответствует действительности. Будет индивид размножаться или нет, определяется не просто его желанием, или «правом» на размножение, а потенциалом экосистемы, а также — у групповых видов — нуждами группы. Немногие рыбы, рептилии или птицы видят свое потомство взрослым. У многих млекопитающих правом спаривания обладают лишь те, кто находится на вершине иерархии доминирования. У приматов самцы зачастую вынуждены оставаться холостяками. И хотя большинство самок вынашивают детенышей, потомство субдоминантных матерей по большей части гибнет молодым, нередко от рук других самок. Такое поведение объясняется не «животным» бессердечием, а необходимостью группы обеспечить свое выживание в полной непредвиденных угроз среде.

По той же причине все известные человеческие сообщества фактически создали способы предоставлять право на размножение лишь тем взрослым индивидам, кто обладает необходимыми способностями и ресурсами для обеспечения своего потомства. Обычно это осуществлялось посредством ограничений

на вступление в брак. Различные обычаи всего мира, требовавшие весьма значительных капиталовложений в приданое и выкуп невесты в качестве условия брака, были не причудливыми, случайно возникшими традициями, а наилучшим возможным решением проблемы заботы о детях. «Нет скота — нет детей», — неписаное правило большинства человеческих обществ. Пара не могла вступить в брак без поддержки расширенной семьи, т. е. «социального страхования» на случай, если молодые родители не смогут сами обеспечивать своих детей. Обычно молодые люди не могли сами принести достаточное приданое или выкуп. Их вносили старшие родственники как залог того, что потомство новой пары не станет сообществу обузой.

Полигамия как самая распространенная в мире форма брака также давала возможность размножаться лишь мужчинам, обладавшим достаточными ресурсами для обеспечения своих жен и потомства. До недавнего времени даже в Европе и Америке у мужчин, не имевших собственности, было меньше возможностей завести потомство; безземельные младшие сыновья часто оставались холостяками, а женщины, которые не могли найти мужа, — старыми девами, которые на правах тетушек жили в домах своих сестер, помогая им по хозяйству.

В наши дни любое предложение ограничить деторождение бедных слоев населения заставляет защитников обездоленных возмущаться и обвинять более обеспеченные классы, пытающиеся провести такие ограничения, в попытках геноцида. Эти критики утверждают, что подобная идея могла появиться только благодаря расистской капиталистической природе нашего общества. Тем не менее все культуры на всех континентах с незапамятных времен старались ограничивать рождаемость. Трудно представить, как могло бы выжить общество, не заботящееся о том, чтобы детей растили ответственные родители.

На подобных важных проблемах и проверяется моральный кодекс, основанный на сложности. Очевидно, что ни материальное положение, ни расовая принадлежность, ни даже здоровье уже не определяют, больше или меньше у индивида

шансов завести собственное потомство. И все же какой-то контроль здесь необходим. Что позволило бы наилучшим образом обеспечить права индивида и общественную гармонию? На данный момент конкретного ответа, видимо, нет. Однако если достаточное количество людей осознают, что именно они определяют направление эволюции, и выберут курс на сложность, то подходящий ответ будет найден. Так будет сделан следующий шаг в истории будущего.

ЕВМЕМИКА: ОГРАНИЧЕНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА МЕМОВ

Направляя эволюцию, нам следует заботиться не только о генах. Технология, стиль жизни, идеи и верования также используют нашу энергию и тем самым влияют на возможности человечества. Безусловно, на протяжении большей части истории мы боролись за распространение идей. Религиозные войны, смена политических систем, конкуренция этнических групп, ценностей и философий — это примеры борьбы мемов за место в наших душах. Поэтому можно утверждать, что люди, сами того не осознавая, всегда занимались евмемикой (этот довольно неуклюжий неологизм происходит от греческих слов, означающих «хороший» и «имитация»).

Если бы мы систематически практиковали евмемику, то давно осознали бы, что за использование вещей и идей приходится платить. Мы вкладываем в создание вещей свою умственную и физическую энергию, а когда начинаем ими пользоваться, они принимаются влиять на наше мышление и образ действий. Скажем, ядерные реакторы — это мощные инструменты, однако они ставят перед грядущими поколениями дорогостоящую задачу обезопасить планету от радиоактивных отходов; они же позволяют террористам шантажировать нас, например сербские вооруженные формирования угрожали взорвать свои ядерные установки, если западноевропейские страны вмешаются в гражданскую войну в Боснии. Поэтому

в качестве первого шага к управлению эволюцией мемов нам необходимо осознать, с какой легкостью вещи и идеи способны подчинить себе жизненную энергию человека.

В качестве следующего шага мы должны оценить сложность рассматриваемых мемов, а также задаться вопросом, насколько они смогут привнести сложность в нашу жизнь. Для того чтобы этому научиться, потребуется время, поэтому лучше всего начать с самых простых и незначительных ситуаций. Представьте, что, сидя в приемной у врача, вы замечаете на столе два журнала: первый — типичное чтиво про знаменитостей, второй — о природе. Поскольку делать вам больше нечего, а ждать приема еще несколько минут, вы потянулись за журналом. Какой из них вы выберете? Вы можете взять какой попадется, или тот, что к вам ближе, или верхний. Или с более яркой обложкой, или тот, что кажется более интересным.

Однако прежде чем принять решение, стоит задаться вопросом: какой из двух журналов подарит мне более сложный опыт? Иными словами, из какого журнала я узнаю нечто новое (дифференциация), обогатив свой жизненный опыт (интеграция). Журнал светской хроники поведает вам пикантные истории из жизни рок-звезд и звездочек, и, ознакомившись с их романтическими историями, вы сможете лучше разобраться в собственных эмоциях, но с другой стороны, это всего лишь бессмысленные перепевы одних и тех же сюжетов мыльных опер, из которых вы вряд ли узнаете нечто существенное. Журнал, посвященный природе, может рассказать вам о некоторых достойных запоминания особенностях пауков и китов. Возможно, вы также можете испытать более глубокое ощущение понимания полученной информации. Итак, какой журнал скорее подарит вам более сложный опыт? Большинство ответят, что выбрали бы второй журнал, но окончательный ответ на этот вопрос не может быть теоретическим — все зависит от сиюминутных потребностей, долгосрочных целей и интересов человека, стоящего перед выбором. Важно, однако, выработать привычку при любом повседневном выборе оценивать

альтернативы — какая из них способна сделать вашу жизнь более гармоничной.

Не тренируясь на таких незначительных вещах, мы едва ли научимся последовательно направлять критическую для нас эволюцию мемов. Зачастую мы принимаем даже существенные решения — например, выбираем спутника жизни или работу, — бездумно следуя предписаниям генов или общественным условностям. Иногда такое решение может оказаться оптимальным, но чаще оно бывает не лишено недостатков. Делая выбор под нажимом внешних сил, мы в лучшем случае воздействуем на эволюцию случайным образом. Когда реальность скрыта за покровами майи, наши действия способствуют скорее энтропии, чем достижению гармонии.

Итак, третий шаг, помогающий нам направлять эволюцию мемов, требует оценивать сложность альтернатив. Читая более сложные журналы, ведя более сложные разговоры, голосуя за кандидатов с более сложными программами, приобретая более сложные трудовые навыки, предпочитая более сложные виды отдыха, придерживаясь более сложных религиозных верований, человечество создаст для себя более сложное и гармоничное будущее, где энтропия будет сведена к минимуму.

Необходимо помнить, что всякий раз, когда мы направляем внимание на идею, текст, спектакль, покупаем товар или совершаем поступок исходя из некоего убеждения, мы изменяем, пусть и совсем незначительно, структуру будущего. Каждую минуту, делая тот или иной выбор, мы создаем мир, в котором будут жить наши дети и внуки. Будущее формируют не только наши законы, войны, великие изобретения и произведения искусства, но и незначительные привычки мышления и поведения: то, как мы говорим со своими детьми, как проводим свободное время, как относимся к ограниченным ресурсам — экономим их или наращиваем потребление. В долгосрочной перспективе эти несущественные выборы, эти тривиальные решения играют не меньшую роль, чем наполеоновские войны.

Но стоит ли заботиться о гармонии отдаленного будущего, если и так есть куда направить свою психическую энергию? Очень заманчиво сосредоточиться на себе любимом, а будущему предоставить самому позаботиться о себе. В конце концов, наша генетическая программа, сформировавшаяся еще до того, как наши предки обрели сознание, велит нам направлять усилия на воспроизводство собственных генов. Это довольно важная задача, и для многих она станет приемлемой целью жизни. Но много будет и тех, кто не удовлетворится одним лишь выживанием и размножением. Как раз таких людей и привлекает возможность внести сознательный вклад в эволюцию.

Может показаться, что необходимость взвешивать предполагаемую сложность результатов выбора превратит нашу жизнь в скучную бухгалтерию. А как же естественность, удовольствие от исполнения сиюминутных прихотей, придающих жизни вкус? Для того чтобы научиться направлять эволюцию, вовсе не обязательно становиться унылыми счетоводами, скучными клерками, сверяющими каждый поступок с бесконечной бухгалтерской книгой. Скорее, все будет как раз наоборот. Правда, первые попытки рассчитать влияние каждой альтернативы на мировую гармонию могут действительно вызывать затруднения и тормозить дело. Но с опытом это умение поможет нам стать свободными. Оно позволит нам действовать более решительно, без сомнений и сожалений.

Мастера боевых искусств, исподволь практикуясь, настолько овладевают техникой, что могут действовать — как только в этом возникнет необходимость — не задумываясь, но при этом с величайшей точностью. Так и мы, привыкая выбирать сложность, приучаемся легко и без душевных мук преодолевать жизненный хаос. Есть старая итальянская поговорка, которая отлично подходит к задаче управления эволюцией, как, впрочем, и к любой другой трудной задаче: *Impara l'arte, e mettila da parte*, что означает: «Научись делать это — и забудь, что ты об этом знаешь». Когда человек усвоит принципы

осознанного выбора, ведущего к гармонии, так, что они станут его второй натурой, у него снова появится возможность действовать спонтанно, но уже значительно более обоснованно.

А древние конфуцианцы сформулировали мысль о том, что, прилежно дисциплинируя свой ум, мы постепенно обретаем полную свободу действий, так:

«Мудрец владеет своими желаниями, приручает свои порывы, и всем, что ему подчинено, он правит наилучшим образом. Поэтому человек жэнь следует Пути без намеренного усилия; мудрец следует Пути, ни к чему не стремясь».

Но чтобы стать человеком жэн (человеком, воплотившим свою человечность) или мудрецом, нужно долго учиться и прийти к пониманию того, как выбирать самые гармоничные варианты, или, как говорят китайцы, «следовать Пути». Лишь приучив свой ум видеть сложность, мудрецы перестали заранее обдумывать свои действия, поскольку их естественное поведение было этично и уместно в любых обстоятельствах.

СЛОЖНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Видимо, конфуцианские мудрецы были не так уж мудры, как хотели казаться, и со временем конфуцианство — как и большинство великих культурных течений Востока и Запада — утратило свой творческий потенциал, став полностью формальным. По воле диктаторов оно поддерживало их правление и эксплуатировало бедных. Неудивительно, что и коммунисты, и феминистки ненавидят Конфуция и принижают ту роль, которую он сыграл в истории Китая. Тем не менее древние конфуцианцы осознали одну очень важную составляющую человеческого благополучия: лучше всего посвятить жизнь развитию способности контролировать сознание, а для этого нужно развивать определенные навыки, приучаясь к дисциплине. Вначале она кажется бессмысленным ритуалом, но в конце концов дает нам свободу, позволяющую пребывать в гармонии с космиче-

ским порядком. Разумеется, конфуцианство не единственное учение, пришедшее к такому выводу. Все основные мировые религии и целостные философии, несмотря на разительные внешние отличия, обусловленные различными историческими обстоятельствами, согласны в том, что человек, не умеющий контролировать свое сознание, не сможет жить в гармонии со Вселенной и всегда будет игрушкой общественных или биологических случайностей.

Не сделав свое сознание более сложным, мы не поймем, как направить в сторону большей сложности эволюцию. В сравнении с другими видами животных мы обладаем более разнообразными и взаимосвязанными психическими процессами. Память, способность к абстрактному мышлению, умение рассуждать, управлять вниманием — вот наиболее важные функции, отличающие человека от его братьев меньших — приматов. Именно эти функции позволили человечеству сформировать различные культурные системы — язык, религию, науку и всевозможные искусства, — и совершить эволюционный скачок, отделивший нас от других видов живых существ. И хотя каждый младенец наследует от своих родителей генетический потенциал памяти, абстрактного мышления и т. д., эти способности развиваются и реализуются лишь благодаря соответствующей деятельности, определяемой обществом, — структурированной, намеренной концентрации внимания, формирующей конкретные навыки. Сложные навыки возникают благодаря сложным видам деятельности.

Эволюция — это история усложнения живой материи. Мы наблюдаем — начиная с простейших, плавающих в первичном бульоне, — постепенное появление живых существ, занявших всевозможные ниши и развивших у себя разнообразные специальные навыки, — земноводных, рептилий, птиц, млекопитающих. По крайней мере, именно так мы сейчас представляем себе этот процесс. Вполне вероятно, что реальная история эволюции переключится на выживание вирусов или роботов — особенно если мы не сумеем одновременно

развивать свою дифференциацию и интеграцию с прочими обитателями этой планеты. Но каким бы ни было направление эволюции, находясь на пороге третьего тысячелетия нашей эры, человечество не может просто отречься от своей тяги к сложности или снять с себя ответственность за ее дальнейшее формирование.

В области психологического развития антиподом сложности является некая форма психической энтропии. В общем виде ее можно описать как функциональное расстройство человеческого сознания. Психическая энтропия проявляется в неспособности эффективно использовать энергию — по неведению либо под давлением эмоций, таких как страх, гнев, угнетенность, либо просто из-за отсутствия мотивации. Чтобы снизить энтропию и восстановить в сознании порядок, необходимый для выполнения сложных функций, человеку обычно требуется внешняя психическая энергия — ободрение, поддержка, обучение.

Уберечь сознание от психической энтропии, сохранить достижения наших предков и создать и передать потомкам большую сложность нам поможет деятельность, сочетающая дифференциацию и интеграцию. Обучение — главная область общественной жизни, задача которой — давать молодым людям сложный опыт. Во всех учебных программах — от древних тривиума¹ (грамматика, риторика, логика) и квадривиума (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) до бесконечного выбора предметов в современных университетах — культуры стремились объединить то, что считали необходимым передать следующему поколению. Однако формальное обучение в лучшем случае предлагает лишь сложную информацию и не слишком заботится о развитии эмоций, характера, тонкости восприятия. К тому же зачастую оно плохо интегрирует предоставляемые знания. Не так давно ректор

¹ Тривиум — первая ступень в изучении семи свободных искусств в средневековых университетах, квадривиум — вторая. — *Прим. пер.*

одного калифорнийского вуза заявил, что возглавляет не университет, а мультиверситет. Сравните этот взгляд на образование с коротким диалогом из «Суждений и бесед» Конфуция (книга XV, 3):

«Философ сказал: “Цы, ты считаешь меня многоученым и знающим”. Тот отвечал: “Конечно. А разве нет?” “Нет, — сказал Философ, — я одним все связываю”».

В наши дни слишком многие считают, что цель образования — стать «многоученым и знающим», пусть даже отдельные крупинки знания, которые вбирает в себя человек, и не имеют очевидной связи друг с другом.

Однако общество, заботящееся о своих умениях и ценностях, — если оно стремится сохранить, а тем более развить сложность, с таким трудом добытую его предками, — должно уделять внимание не только учебным заведениям. Если семья не в состоянии поддерживать детей и предоставлять им новые возможности развития, если общество не может предложить им многообразный опыт, дети вряд ли станут сложными взрослыми. Скучная работа, подавляющая или слишком мягкая политическая система, отсутствие общего морального кодекса и доверия к власти, развлечения, ориентированные на простейшие общие потребности, — все это создает среду, не позволяющую приобрести сложные навыки. А это ведет к повсеместному возрастанию психической энтропии.

Однако победа энтропии отнюдь не предопределена. К счастью, мы запрограммированы так, чтобы не остаться грубыми животными. Эволюция сложности возможна благодаря нашему врожденному стремлению овладевать новыми навыками, развивать свои способности путем сложной деятельности, упорядочивать свое сознание и окружающую среду. Эту предрасположенность ко все более сложному поведению мы рассмотрим в следующей главе, а в главе 8 поговорим о том, как она помогает создать личность, способную позаботиться о будущей гармонии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «НАПРАВЛЯЕМАЯ ЭВОЛЮЦИЯ»

Некоторые принципы эволюции

Приходилось ли вам размышлять о том, с какими организмами — осознанно или нет — вы конкурируете? Можно ли избежать этой конкуренции?

Что, кроме воды и прочих необходимых для физического выживания вещей, поддерживает в вас жизнь? Что для вас значит «жить»?

Природа сложности

Считаете ли вы семью, в которой выросли, сложной, т. е. была ли она дифференцированной (давала ли она вам свободу и стимулы для дальнейшего развития) и интегрированной (была ли она гармонична и предоставляла ли поддержку своим членам)? Если бы вы могли что-то изменить в своей семье, то что бы вы сделали?

Какие внешние изменения в вашей работе или повседневной деятельности сделали бы ваш опыт более сложным?

Мораль и эволюция

Какие из своих нынешних правил вы никогда и ни при каких условиях не нарушите? Чувствуете ли вы, что эти правила вас ограничивают или дают вам большую свободу?

Что, по вашему мнению, свидетельствует о наибольшем прогрессе в области человеческой нравственности за последние

несколько тысяч лет? Каким должен стать самый важный шаг вперед в следующем тысячелетии? Как вы можете этому содействовать?

Регулирование численности населения

Считаете ли вы полезными какие-либо меры по ограничению рождаемости? Как их можно реализовать?

Есть ли у общества право устанавливать минимальные ограничения для тех, кто желает завести детей? Если да, то какие, и как можно было бы обеспечить их соблюдение?

Евмемика: ограничение воспроизводства мемов

Ограничено ли чем-то ваше желание использовать энергию для собственных нужд?

Можно ли определить цену, которую общество платит за: 1) производство ядовитых отходов; 2) вовлечение психической энергии детей в пустые развлечения; 3) лишение пожилых людей их накоплений посредством неэтичных спекуляций, — дабы включить возмещение будущих убытков общества в текущие коммерческие издержки тех, кто занимается соответствующим бизнесом?

Сложность сознания

Что для вас представляет бóльшую проблему — дифференциация или интеграция? Что труднее: идти своим путем к собственным целям или вместе с другими решать общие задачи?

Какой тип дисциплины, по вашему мнению, способен сделать вашу личность более сложной? Например: учиться проявлять бóльшую терпимость по отношению к близким и коллегам; прояснять свои цели и предпочтения; овладевать новыми навыками; завести новое хобби; вести дневник; найти время для размышлений или медитации.

Эволюция и поток

Создание гармоничного будущего — благородный идеал, но кто-то спросит: а какая мне от этого польза? Даже если поверить, что наши поступки все же влияют на ход истории, никто из нас не проживет достаточно долго, чтобы увидеть их отдаленные результаты. Или мы думаем, что добродетель не ищет наград и тем, кто пожертвовал счастьем настоящего ради отдаленного будущего, не нужны материальные выгоды?

И все же, сражаясь с энтропией, мы немедленно получаем вознаграждение: каждое мгновение мы наслаждаемся тем, что делаем. Душа человека, занятого непростым делом во имя труднодостижимой цели, наполняется восторгом. В такие минуты кажешься себе творцом собственной жизни, а не жертвой всемогущих обстоятельств.

Для нашего же выживания эволюционные процессы, по-видимому, встроили в нашу нервную систему тягу к сложности. Мы с удовольствием делаем то, что необходимо для выживания, — принимаем пищу или занимаемся сексом. И точно так же мы радуемся, когда открываем в себе новые способности, обнаруживая и решая новые задачи. Каждому человеку от рождения присуще стремление к творчеству. Его можно подавить или исказить, но нельзя полностью уничтожить. Радость преодоления самого себя и новых обстоятельств — это положительная сторона вечной неудовлетворенности,

так прекрасно описанной в «Фаусте» Гете, о чем мы говорили в главе 2.

В зависимости от врожденных или развитых в течение жизни способностей, человека радуют, помогая ему достигать сложности, самые разные виды деятельности. Например, женщины всего мира (и, к счастью, многие мужчины) получают удовольствие от воспитания детей. Подобных занятий, одновременно приятных и необходимых для создания гармоничного будущего, не так много. Во время исследования состояния потока одна мать так ответила на вопрос о самой большой радости в жизни:

«Конечно, это когда мы чем-то занимаемся вместе с дочерью; когда она открывает что-то новое. Придуманый ею рецепт печенья или какое-то собственное творение, которым она гордится. Она очень любит читать, и мы читаем вместе. Она читает мне, я — ей. И в это время я будто забываю обо всем на свете, меня полностью поглощает то, что делаю»¹.

Это пример творческой радости на двух уровнях: зачарованность дочери процессом открытия нового становится открытием для матери, творца своей дочери. Другая женщина испытывает то же чувство полнейшей вовлеченности и удовольствия, когда передает старшим детям свои умения и делится своими успехами:

«Я стремлюсь вовлечь детей в свою работу, особенно старшую дочь. Она приходит [в офис] и работает вместе со мной. Дома или в машине мы часто говорим о моей работе и подобных вещах. Чувство радости и свершения от того, что я делаю, становится частью нашего общения».

Об этих ощущениях — включающих концентрацию, погруженность, глубокую вовлеченность, радость, чувство свер-

¹ Эта и следующая цитата («Я стремлюсь вовлечь детей...») заимствованы из исследования состояния потока у работающих женщин, см. [Alison and Duncan, 1988, 129].

шения — люди говорят как о лучших моментах своей жизни. Их можно испытать практически везде, в любую минуту, при условии, что мы гармонично используем свою психическую энергию. Таким состоянием почти всегда сопровождаются пение, танец, религиозные обряды или занятия спортом, оно возникает, когда человек погружен в чтение хорошей книги или смотрит отличный спектакль. Оно знакомо человеку, говорящему со своей возлюбленной, скульптору, высекающему фигуру в мраморе, ученому, погруженному в эксперимент. Я назвал эти ощущения *состоянием* потока, поскольку многие из тех, кто принимал участие в наших исследованиях, утверждали, что в эти памятные моменты они действовали спонтанно, словно их несло течение.

Достичь состояния потока можно почти в любой деятельности. И хотя природа этих занятий самая разная — от игр со своим ребенком до полета на дельтаплане, — в каждом случае люди описывают свой внутренний опыт поразительно схоже. В потоке люди, по-видимому, испытывают одинаковые ощущения, независимо от пола, культуры и социального статуса. Одна из наиболее часто упоминаемых особенностей этого опыта — чувство открытия, нового понимания себя или новых вариантов взаимодействия возможностей, предлагаемых окружающей средой.

Вот как описывает поток альпинист: «Это такая радость — все больше и больше овладевать собой. Заставлять свое тело идти вперед, когда все болит. А потом смотришь в изумлении на все, что сделал, — и просто невозможно поверить! Это восторг, это самореализация». А вот более сдержанный рассказ хирурга о том, почему ему так нравится оперировать: «Максимальное удовлетворение получаешь от сложных случаев, когда делаешь больше, чем можешь, и больше думаешь». А это шахматист: «Чувствуешь прилив сил, словно разрешил сложнейшую головоломку».

В каждом из этих совершенно разных видов деятельности радость возникает, когда человек превосходит собственные достижения, овладевает новыми умениями и новым знанием.

Чтобы начать ощущать поток, необходим определенный уровень умений, образования, дисциплины. Вот как профессиональная балерина описывает свой опыт потока — заметим, насколько важны для хорошей работы тела упорные тренировки и гармоничное сознание (это отмечают большинство спортсменов):

«Это ощущение возникает примерно после часовой разминки и растяжки, когда психологическая уверенность приходит в соответствие с силой мышц. Я ощущаю счастье, удовольствие, легкость. Тренировки помогают мне создать это чувство, но для этого я должна быть очень спокойной, умиротворенной. Его основа — физическая подготовка, сила воли и энтузиазм».

Преподавательница танца, напротив, испытывает глубочайшее наслаждение, передавая ученикам тайны своего искусства и тем самым внося свой вклад в эволюцию, — она позволяет другим ощутить радость телесной гармонии:

«Танец доставляет мне массу удовольствия, и я уверена, что доношу это до своих учеников. Я на самом деле считаю, что важно передать это другим, поскольку танцевать можно, только если тебе это нравится. Это не принуждение, а чистая радость».

Описывая ощущение совершенной радости, разные люди снова и снова упоминают восемь различных аспектов этого состояния. О них говорят индийские йоги и японские подростки-байкеры, американские хирурги и баскетболисты, австралийские моряки и пастухи из племени навахо, мастера фигурного катания и шахматисты. Вот характерные черты состояния потока:

1. Ясность задач — цели четко определены, присутствует мгновенная обратная связь — человек сразу понимает, хорошо ли он действует.

2. Совершаемые действия требуют владения определенными навыками, при этом человек осознает свои способности. Иными словами, индивидуальные умения соответствуют сложности поставленных задач.
3. Происходит слияние действия и осознания, умственная концентрация.
4. Наблюдается полная сосредоточенность на решаемой задаче: сознание игнорирует посторонние стимулы, страхи и заботы временно забываются.
5. Он характеризуется чувством контроля над ситуацией.
6. Человек перестает осознавать себя, преодолевает границы эго, испытывает чувство роста и сопричастности чему-то большему.
7. Изменяется чувство времени: обычно кажется, что оно ускоряется.
8. Переживание обладает собственной ценностью: при выполнении некоторых из приведенных выше условий текущая деятельность становится самоцелью.

Далее мы подробнее рассмотрим каждую из этих особенностей, чтобы понять, почему борьба за достижение сложности может доставлять нам огромную радость.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОТОКА

Мощное чувство потока в повседневной жизни встречается довольно редко, но при соблюдении названных выше условий его способно вызвать практически все — игра и работа, учеба и религиозный обряд.

Во-первых, поток обычно возникает, когда есть четкие цели и недвусмысленная обратная связь, показывающая, насколько успешно человек продвигается к их достижению. Большинство игр, видов спорта и искусства, религиозных обрядов обладают четко определенными целями и правилами, так что их участник в любой момент может убедиться в адекватности своих

действий. Все эти занятия позволяют легко войти в поток и по сути являются мотивирующими. Некоторые профессии, например хирургия и программирование, также приносят большое удовлетворение, поскольку, как правило, известно, что нужно делать на каждом этапе процесса, и существует непосредственная зримая обратная связь. В повседневной жизни, а также довольно часто на работе или в учебе человек не видит целей своей деятельности и далеко не сразу понимает, насколько хорошо он выполняет свою задачу.

В потоке обратная связь иногда возникает мгновенно, как, например, в теннисе, где успех или неудача видны сразу после удара ракеткой по мячу. Но иногда для этого может потребоваться некоторое время, о чем свидетельствуют рассказы двух женщин, проинтервьюированных командой профессора Фаусто Массимини в Италии. Одна из них — фермер (75 лет), другая — портниха (40 лет).

«Нет ничего более жизнеутверждающего, чем работа в поле. Устаешь, но чувствуешь себя прекрасно. Ухаживать за животными, рыхлить землю, сажать растения, собирать урожай, выращивать картошку, овощи, цветы... Когда я вижу, что на поле все хорошо, я счастлива, довольна. Я чувствую облегчение».

«Конечно, шить — это моя работа. Но если не смотреть на нее только как на источник дохода, она превращается в нечто более важное. Так что для меня шитье и работа — совсем не одно и то же. Главная радость для меня — увидеть безупречное платье. Я стараюсь применить все свое мастерство. Я смотрю на хорошо сшитое платье и думаю: “Я это сделала!”»

В этих случаях обратная связь — поле, на котором «все хорошо», «безупречное» платье — возникает не сразу, но она полна смысла и понятна умелому работнику. Особенно интересно здесь то, что человек может сосредоточиться практически на любой ясной цели достаточно надолго, чтобы возникло ощущение потока. Цель ценна лишь тем, что позволяет задействовать и отточить наши способности. Она не обязана обладать

некоей денежной или общественной ценностью. Например, цель альпиниста — покорить вершину — просто оправдывает его занятие альпинизмом. Ведь на самом деле нет иной причины взбираться на вершину горы, особенно если учесть сопутствующие трудности и опасности. Туда удобнее было бы добраться на вертолете. Как сказал один молодой альпинист и одновременно поэт: «Притягательность восхождения — в самом восхождении. Поднявшись на вершину, ты рад, что добрался, но на самом деле ты был бы счастлив, если бы движение вверх длилось бесконечно. Суть восхождения — в нем самом, так же как и смысл поэзии — в самой поэзии. Ни в том ни в другом случае ты не получаешь ничего, кроме рождающихся внутри чувств и мыслей... Сочинение стихов обосновывает существование поэзии. То же самое и с альпинизмом: ты как будто превращаешься в поток. Цель потока — продолжать течь, не стремиться к вершинам, не достигать утопий, а просто оставаться в потоке. Ты движешься, чтобы поток не останавливался. У восхождения нет иной цели, кроме собственно восхождения. Это общение с самим собой».

Сказанное об альпинизме можно отнести и ко многому другому из того, что мы делаем в жизни, будь то работа, учеба или забота о детях. Мы наслаждаемся своим делом, поскольку считаем, что оно позволяет нам реализовать свой потенциал, осознать свои границы и расширить свое бытие — именно это имел в виду альпинист, говоря об «общении с самим собой». Именно по этой причине поток является столь важным фактором процесса эволюции. В отсутствие потока генетические программы заставили бы нас делать то, что было «полезно нам» в прошлом, а поток позволяет нам ощутить целый мир как источник новых возможностей, как поле для творческой деятельности.

Второе условие, позволяющее войти в состояние потока, — это соответствие умений человека и сложности поставленной задачи. Если оно выполнено, как при игре в теннис на равных или при мастерском исполнении музыкального произведения,

все внимание человека должно быть сосредоточено на выполняемой задаче. Вот как описывает состояние потока пианист (отметим важный момент — для достижения этого состояния необходимо техническое мастерство):

«Это просто великолепно. Я перестаю замечать свои пальцы, ноты, клавиши, комнату. Остаются лишь мои чувства, текущие вовне через пальцы. Я сливаюсь с музыкой воедино, поскольку музыка — это именно то, что я чувствую. Я предпочитаю играть без нот, поскольку именно так легче достичь этого состояния. Я не смотрю на свои пальцы, разве что при технически сложном пассаже. Я никуда не смотрю. Может быть, только внутрь себя. Но чтобы пальцы могли извлекать нужные звуки, требуется техническое мастерство, достигаемое годами упражнений».

Хирург-офтальмолог описывает задачи, позволяющие ему получать радость от своей профессии, так:

«Важны даже мелочи — если не сделать все правильно, роговица искривится, и зрение нарушится. Все зависит от того, насколько точно и искусно оперируешь».

А вот что говорит хирург-ортопед:

«Это огромное удовольствие для меня, и трудности только радуют. Это здорово — делать так, чтобы все снова заработало, встало на место, выглядело как надо и было ладно пригнано».

Задачи меняются в зависимости от целей деятельности. В шахматах они преимущественно интеллектуальные, в хирургии — это восстановление здоровья пациента, моряк в океане должен удержать хрупкое судно на плаву во время урагана, а перед читателем романа может стоять задача трансформировать слова в ментальные образы, догадаться о мотивах героев, предвидеть повороты сюжета и т. д.

Если задачи и умения сбалансированы, человек может испытывать ощущение контроля над ситуацией. В повсе-

дневной жизни на нас влияет множество всего, перед чем мы бессильны. К кому-то ни с того ни с сего начинает цепляться босс, кого-то на переходе может неожиданно сбить машина. Однако в состоянии потока мы готовы к любой случайности. Вот как танцовщица описывает свои ощущения: «На меня снисходит чувство расслабленного покоя. Я не боюсь потерпеть неудачу. Какое это сильное и теплое чувство! Мне хочется раскинуть руки и обнять весь мир. В эти минуты я чувствую, что в силах создать что-то невероятное — прекрасное и благодатное».

А вот комментарий шахматиста: « [Лучшее, что есть в шахматах, это] способность контролировать ситуацию, подтверждаемая здесь и сейчас. Вся суть шахмат перед тобой как на ладони. Больше никаких неясностей, у тебя все под контролем». И другого шахматиста: «Речь не о конкретном восприятии, а об общем чувстве благополучия и ощущении полной власти над всем своим миром».

Фигуристка мирового класса описывает свое типичное состояние потока так:

«Я осознавала каждое мгновение, фактически я даже помню, как падаю в прыжке, и это ужасно, но я думаю: “Черт, это так реально! Какие ясные мысли!” Все было настолько ясно... Я чувствовала, что управляю всем, каждым мгновением, понимаете, я полностью все осознавала, я ощущала даже свои кольца на пальцах, я чувствовала все».

На самом деле в состоянии потока человек не контролирует все полностью. Ведь в этом случае хрупкое равновесие между задачами и умениями нарушилось бы в пользу умений, и ощущение потока стало бы слабее. Однако человек ощущает принципиальную возможность управлять. В повседневной жизни происходит слишком много событий сразу, и это не дает ощутить возможность контроля. Другое дело — альпинист, который уцепился за край скалы на высоте трех тысяч метров: пусть он тоже не вполне властен над своей судьбой, однако

понимает, что если сумеет сконцентрироваться, то выполнит свою задачу.

Поскольку в потоке цели столь значительны, что могут потребовать от нас задействовать все наши умения, мы должны полностью сосредоточиться на текущих задачах. На обработку не относящейся к делу информации внимания уже не остается. Например, если во время исполнения трудной пьесы скрипач будет думать о чем-то еще, он, скорее всего, собьется. Если теннисист отвлечется от игры, то совершит ошибку и проиграет. Поэтому еще один элемент состояния потока — фактическое *слияние действия и сознания*. Человек настолько сконцентрирован и вовлечен, что исчезает обычное разделение на действие и действующее лицо: все необходимое совершается спонтанно, без сознательного усилия. Это отсутствие «Я», пожалуй, самый яркий аспект состояния потока. Известный композитор описывает свои ощущения во время работы так:

«Это восторженное состояние, и с какого-то момента чувствуешь себя так, словно почти не существуешь. Я время от времени испытываю это ощущение. Мои руки как бы живут собственной жизнью, и я не имею отношения к происходящему. Я просто сижу и смотрю с восхищением и изумлением. А музыка просто течет сама по себе».

Фигурист тоже описывает это чувство полной погруженности, которое возникает, когда выступление идет как надо:

«Просто включилась одна из этих программ. То есть все шло прекрасно. Это такой кайф, когда кажется, что все могло бы продолжаться бесконечно, и ты не хочешь, чтобы это прекратилось, потому что все так хорошо. Думать почти не нужно, все совершается автоматически, без обдумывания... Ты как на автопилоте, нет ни одной мысли. Слышишь музыку, но не осознаешь и того, что слышишь ее, потому что она часть всего этого».

Погруженный в поток человек бывает крайне разочарован, когда помехи разрушают «магию» и заставляют его вернуться

в обычное состояние сознания. Вот что говорит школьный учитель из Бангалора (Индия), считающий преподавание своим лучшим опытом потока:

«Обычно я погружен в свою работу. Я стараюсь как можно больше на ней сосредоточиться и ненавижу, когда мне мешают. Частые помехи нарушают сосредоточенность, и мне трудно потом вернуться к делу. Но когда работа доставляет удовольствие, возникает чувство “поглощенности”. Я ощущаю полную вовлеченность в то, что делаю, и если это состояние уже достигнуто, хочется испытать его до конца без помех».

Такая глубокая концентрация, в свою очередь, ведет к сосредоточенности на решаемой задаче, поэтому обычно мы перестаем думать о повседневных проблемах и заботах, выкачивающих нашу психическую энергию. Люди говорят, что забывают о своих бедах, поскольку острота переживания не позволяет им размышлять о прошлом или будущем. Участники самых разных видов деятельности описывают это состояние почти одними и теми же словами.

(Шахматы) «В разгар игры я, кажется, ничего не слышу — мир исчезает, и я могу думать только о своей игре».

(Альпинизм) «Начав восхождение, я словно теряю память. Все что я помню — это последние 30 секунд, а думать могу только о ближайших пяти минутах. При такой невероятной концентрации забываешь об обычном мире».

(Баскетбол) «Иногда на поле я вспоминаю о какой-то проблеме, вроде ссоры со своей подругой, и понимаю, что по сравнению с игрой это просто ерунда. Можно думать о проблеме целый день, но когда ты в игре — да пошла она к черту!»

(Фигурное катание) «Я сосредоточен только на себе и партнерше, есть только мы и лед. Прочее исчезает, все происходит словно в замедленном темпе, хотя делаешь все вовремя — под музыку и так далее. Ничто больше не имеет значения — просто нереальное, сверхъестественное ощущение!»

(Альпинизм) «Когда идешь к вершине, не думаешь о прочих проблемах. Это независимый, самоценный мир. Когда ты там, все становится удивительно настоящим, и ты всем управляешь. Это полностью твой мир».

Создавая временный мир, которому можно отдаться целиком, поток позволяет убежать от хаоса повседневности. Однако это вовсе не то же самое, что погружение в энтропию, достигаемое употреблением наркотиков или простыми удовольствиями, притупляющими чувства. Это бегство *вперед*, к большей сложности, когда человек становится сильнее, преодолевая новые трудности.

Поскольку хрупкое равновесие между задачами и умениями требует сосредоточенности на выполняемом деле, люди говорят об утрате осознания самого себя в состоянии потока. В потоке человек не может позволить себе беспокоиться о том, хорошо ли он выглядит и нравится ли другим. В повседневной жизни эти мысли чаще всего ведут к энтропии сознания. А когда мы глубоко вовлечены в то, что делаем, заботы о себе покидают нас.

Довольно часто люди рассказывают об ощущении преодоления собственной личности в состоянии потока, например, когда музыкант, исполняя особенно прекрасную мелодию, ощущает единение с мирозданием, или танцор чувствует, что ритм движения его тела находится за пределами восприятия обычного человека. Инженер из Бангалора (Индия), входящий в состояние потока благодаря программированию, так описывает погруженность в свою работу: «Я оказываюсь в воображаемом мире программных переменных, операций, алгоритмов. Мне кажется, что я стал одним из элементов компьютера — или другим компьютером».

Но особенно красноречивы альпинисты: «Это приятное чувство полной вовлеченности. Ты как робот... нет, скорее как животное... испытываешь тактильные ощущения пантеры, крадущейся по скале». Скалолаз Д. Робинсон, много писавший

на эту тему, пытаясь передать то, как в процессе восхождения возникает «ощущение океана ясности, дистанции, слияния и единства», подметил сверхъестественную странность этого состояния ума в сравнении с неразберихой обыденного сознания, полного внутренних противоречий:

«Ты сливаешься со скалой, с движениями, с правильным положением тела до такой степени, что уже осознаешь себя не отдельной личностью, а чем-то единым и со скалой, и с теми, кто вместе с тобой идет к вершине. Ты не уверен, движешься ли ты сам или это движется скала. Вы оба взбираетесь наверх. Если ты в потоке с чем-нибудь, оно совершенно неподвижно. Я полностью осознаю отсутствие самосознания».

Последнее предложение указывает на важный парадокс. «Отсутствие самосознания» иногда понимают так, что человек просто отключается, что он хуже соображает или менее сосредоточен. На самом же деле все наоборот. Снижение осознания самого себя позволяет человеку направить больше психической энергии на то, что он делает. Альпинист, не сосредоточенный на самом себе, может больше сконцентрироваться на склоне, на своих движениях, на погодных условиях. Утративший осознание самого себя фигурист будет лучше кататься, поскольку станет обращать больше внимания на свое тело и движения. Не осознающий себя композитор лучше пишет музыку, так как полностью сосредоточен на потоке звуков в своей душе.

В связи с состоянием потока мы также упоминали измененное ощущение времени, когда часы кажутся минутами. Вот что говорит об этом хирург: «Время просто летит. Но потом, особенно после тяжелой операции, ощущение такое, будто отработал сотню часов». Шахматист: «Время движется в сотни раз быстрее. Поэтому ощущения как во сне. Кажется, что все заканчивается в несколько секунд». И, наконец, поэтическое описание скалолаза Робинсона: «Говорят, это всего лишь мгновение, но столь всепоглощающее, что просто погружаешься в него, овеваемый дыханием вечности».

Одна из помех состоянию потока — механическое деление времени, управляющее нашим повседневным расписанием. Например, школьники часто говорят, что стоит им увлечься чем-то интересным, скажем, рисованием или научным экспериментом, как звенит звонок — 45 минут закончились и пора идти на другой урок. Примерно таким же образом естественные, непринужденные модели работы кустарей-ремесленников были разрушены два столетия назад новыми требованиями промышленного производства: на смену им пришел жесткий график труда. Однако в состоянии потока чувство времени вновь становится естественной составляющей общего восприятия человека. Оно перестает быть навязанным ограничением, не учитывающим наши действия и то, как мы их воспринимаем.

Когда большинство из семи перечисленных составляющих потока присутствуют в сознании, наше текущее занятие становится самоцелью, то есть делом, достойным того, чтобы заниматься им ради него самого. Это переживание настолько приятно, что человек стремится воспроизвести все, что способствовало его возникновению. Если вы переживаете ощущение потока, ныряя с аквалангом, вам захочется нырнуть снова, чтобы еще раз испытать те же чувства. Если вы входите в состояние потока, решая математическую задачу, то будете искать новые задачи. Порой опыт потока в определенной деятельности доставляет такое удовольствие, что человек решает посвятить этому занятию всю свою жизнь. Австралийский исследователь Джим Макбет описывает случаи, когда человек бросал работу и отправлялся в плавание по южным морям на утлой лодчонке только потому, что ему надоело работать в здании без окон или ходить на деловые обеды. Один из этих людей так объяснил свой поступок: «Я хотел сбросить оковы будничной жизни, хоть немного почувствовать себя отважным искателем приключений. Меня не устраивало растительное существование. Я пытался сделать что-то важное в своей жизни, такое, чтобы запомнилось надолго».

А вот что нам рассказал скалолаз:

«Оставаясь в корпорации, я и дальше получал бы кучу денег, но однажды понял, что работа не доставляет мне удовольствия, не приносит пользы. Я не знал толком, чего хочу, и проводил в офисе все свое время. А годы летели... Мне нравится быть плотником. Я живу в красивом тихом месте и почти каждую ночь лазаю по скалам. Думаю, моя душевная легкость и доступность гораздо важнее для моей семьи, чем те материальные блага, которые я уже не могу ей дать».

Конечно, если человек научился получать удовольствие от работы в офисе, ему не нужно переплывать Тихий океан или становиться ночным скалолазом. Важно то, что какое бы занятие ни ввело человека в состояние потока, у него появляется жгучее желание повторить это. Именно поэтому так важно научиться получать удовольствие от занятий, создающих гармоничную сложность, а не хаос. Самые страшные представления о будущем рисуют общество, где человек испытывает удовольствие лишь от вандализма, навязчивой сексуальности и агрессии, как в «Заводном апельсине». К сожалению, мы не можем исключить возможность такого развития событий, ведь, не умея распознать более интересные возможности, человек обычно обращается к простым и грубым.

В ЧЕМ ПОЛЬЗА ПОТОКА

Знание составляющих потока еще не дает нам полного понимания того, почему люди испытывают это состояние в столь различных видах деятельности. Почему одного влечет его картофельная делянка, а другого — фигурное катание? Раньше удовольствие от кажущихся самоцельными занятий было принято объяснять высвобождением подавленных тайных желаний. Например, игра в шахматы замещает проявления агрессии, особенно связанные с эдиповым комплексом. Мат королю противника, поставленный с участием своей короле-

вы, означает кастрацию папы с маминой помощью. Другое объяснение: у тех, кто занимается экстремальными видами спорта вроде дельтапланеризма или альпинизма, есть особая черта характера, заставляющая их искать острых ощущений. Но подобные «глубинные» толкования через скрытые психологические мотивы могут объяснить, почему человек переживает поток в какой-то конкретной деятельности. Однако они не способны обнаружить то общее субъективное ощущение, которое делает привлекательными самые разные занятия.

Есть еще теория интереса, которая тоже пытается объяснить, почему одни увлекаются альпинизмом, а другие — шахматами. Человек интересуется некоей деятельностью, потому что, во-первых, она уже когда-то доставила ему удовольствие, во-вторых, у него есть к ней способности и, в-третьих, он наделяет ее определенной ценностью. Естественно, у людей изначально самые разные интересы. Одним нравится работать на земле, другие ненавидят копаться в грязи. Однако что бы вначале ни заставило человека играть в шахматы, на бирже или встречаться с друзьями, он прекратит этим заниматься, если не будет получать удовольствия или, по крайней мере, внешних вознаграждений. Страх кастрации, жажда риска и поиск острых ощущений, интерес и другие подобные причины могут послужить толчком к тому, чтобы человек занялся определенным видом деятельности. Но он едва ли будет продолжать заниматься ею, если она не дает ему чувство потока — или если его не подталкивает к этому внешнее поощрение либо наказание.

Объяснить, почему люди отдают свое время самоцельным занятиям, можно также тем, что во время бега, азартных игр, музицирования и другой подобной деятельности выделяются эндорфины, стимулирующие мозговые центры удовольствия. По этой теории, сущность потока сводится к химической зависимости от некоторых стимулов. Однако она не объясняет, почему именно эти конкретные виды деятельности вызывают выброс эндорфинов. Теперь уже известно, что далеко не всегда

ментальные процессы запускаются эндокринными и другими физиологическими изменениями в нервной системе. Зачастую все происходит как раз наоборот: наши мысли о чем-то изменяют физиологию мозга. Несомненно, чувство удовольствия возникает при посредничестве нейрофизиологических процессов; однако это не значит, что поток можно объяснить одной лишь нейрофизиологией, не принимая во внимание состояние ума человека.

Почти любая деятельность может быть потоковой. Некоторые ее виды — например, игры, спорт, занятия искусством — создавались именно для того, чтобы вызвать это ощущение. Но состояние потока можно испытывать и в повседневной жизни. По свидетельствам опрошенных чаще всего оно возникает на работе, во время общения с родными, за рулем автомобиля — конечно, если соблюдены необходимые условия, в частности, трудность выполняемой задачи соответствует умениям человека. И гораздо реже это состояние возникает во время того, что мы называем отдыхом.

Исследования потока также показывают, что мы наслаждаемся определенной деятельностью не потому, что это наслаждение было раньше запрограммировано в нашей нервной системе, а потому, что благодаря этой деятельности мы открываем для себя нечто новое. Нередко вначале человек бывает равнодушен к какому-то занятию — например к прослушиванию классической музыки или к работе на компьютере — либо считает его скучным. Но позднее, открыв, какие возможности дает это занятие, или улучшив свои навыки, человек проявляет к нему все больший интерес и начинает получать удовольствие. Например, начав понимать мелодическую структуру симфонии или научившись запоминать и узнавать музыкальные фрагменты, можно получать подлинное удовольствие от прослушивания. Именно по этой причине поток ведет к более сложным эволюционным изменениям. Всякий раз, открывая новые возможности и используя новые умения, мы испытываем глубокое удовлетворение. Вновь испытать эти же

лантные чувства мы можем, лишь отыскивая все более трудные задачи и совершенствуя свои способности. Тем самым мы помогаем эволюции сложности продвинуться еще на шаг вперед.

Изучение рассказов о доставляющей удовольствие деятельности позволяет предположить, что поток по своей сути полезен и приятен. Чувство полной вовлеченности, максимальной реализации способностей, очевидно, очень желанно. Оно явно выделяется на фоне повседневности, где мы не можем полностью погрузиться в деятельность, поскольку для этого слишком мало либо слишком много возможностей, да и то неясных, сбивающих с толку или противоречивых. Поскольку многие профессии требуют выполнения повторяющихся действий и низкой концентрации, внимание работника обычно рассеивается. В этом состоянии блуждающего внимания он начинает мечтать о более приятных занятиях или размышлять о неприятных предметах. В обоих случаях ценность того, чем он занят сейчас, снижается, и он испытывает скуку и разочарование. В сравнении с этим довольно типичным состоянием полная погруженность в поток воспринимается как награда.

Как уже отмечалось в главе 2, наши многолетние исследования показывают, что ум, не сосредоточенный на какой-либо цели, чаще всего обращается к случайным или грустным мыслям. Хаос — обычное состояние ума. А в уме, вовлеченном в целенаправленную деятельность, царят порядок и хорошее настроение. Поэтому неудивительно, что одним из самых ужасных наказаний считается одиночная камера. Выжить там может лишь тот, кто способен управлять своим вниманием без опоры на внешние предметы. Всем остальным, чтобы уберечь ум от распада, нужна либо увлекательная деятельность, либо готовый набор стимулов, например книга или телепрограмма.

Однако вопрос «Почему полное погружение в напряженную деятельность доставляет такое удовольствие?» остается открытым. Очевидно, люди, пребывающие в хорошем настроении, когда они максимально используют свои возможности

для решения внешних задач, повышают собственные шансы на выживание. Установление связи между потоком и удовольствием, возможно, было первой удачной генетической случайностью. Но эта случайность подарила людям способность удивляться, исследовать, браться за достижение новых целей и развивать свои способности. Этот творческий подход, основанный на удовольствии от решения сложных задач, давал, по-видимому, столь значительные преимущества, что со временем стал делом большей части человечества.

И наоборот, негативные чувства скуки и разочарования, возникающие у нас, когда мы не полностью вовлечены в то, что делаем, по-видимому, играют роль терморегулятора, включающего остывающую печь. Скука заставляет нас искать новые возможности, а беспокойство — развивать новые способности. В конечном счете человеку, стремящемуся избежать этих негативных ощущений, приходится стремиться к большей сложности.

Как бы то ни было, в состоянии потока люди испытывают оптимальное состояние внутренней гармонии и хотят, чтобы оно повторялось вновь и вновь. Аристотель одним из первых понял, что удовольствие — это результат достижения совершенства в какой-либо деятельности. К такому же выводу пришел 600 лет назад и Данте Алигьери:

«В любом деле главное намерение действующего — воплотить собственный образ, отчего и оказывается, что действующий всякий раз наслаждается тем, что делает. Поскольку все живое хочет существовать, а посредством деятельности действующий раскрывает свою сущность, действие естественным образом приносит удовольствие...»

Словам Данте нетрудно найти подтверждение. У нас, например, есть кокер-спаниель по кличке Седрик. От многих поколений предков ему передан ген умения отыскивать птицу в высокой траве. Седрику никогда не приходилось охотиться, однако его инстинкт настолько силен, что он применяет его для реше-

ния похожей задачи — поиска теннисных мячей. И чем труднее их найти, тем лучше. Рай для него — прогулка у теннисных кортов в Вейле (штат Колорадо), где вылетевшие за ограду корта мячи теряются в заросших травой оврагах. Седрик со всех ног мчится по склону, как безумный рыщет в кустах и зарослях ежевики, не смотрит, а только вынюхивает. Почувяв в высокой траве «добычу», он весь преображается: прыжками, как лань, мчится к тому месту, где лежит мяч, и не успокаивается, пока тот не окажется у него в зубах. Затем он выбирается назад на тропинку и, распираемый гордостью, с высоко поднятой головой, вышагивает как арабский скакун на параде. Нет сомнения, что Седрик, гонясь за теннисным мячом, «раскрывает свою сущность» и получает от этого огромное удовольствие. Как говорит Данте, каждый хочет быть тем, кто он есть, но слишком часто у нас не бывает возможности выразить это.

Дети — при условии, что они здоровы и не подвергаются слишком суровым наказаниям — по-видимому, постоянно пребывают в состоянии потока: и тогда, когда они трогают и бросают предметы, и когда учатся говорить и читать, и когда просто растут. К сожалению, когда школа загоняет их в жесткие рамки, дети перестают «раскрывать свою сущность». Состояние потока возникает у них все реже, и многие молодые люди теперь способны его испытать только в играх, спорте и других развлечениях со сверстниками.

ЗНАЧИМОСТЬ ПОТОКА

Опыт потока полезен по многим причинам. Самая важная из них, возможно, также и самая очевидная — от этого зависит качество жизни. Пребывая в состоянии потока, люди чувствуют себя счастливыми, а как известно еще со времен Аристотеля, счастье — это подлинная основа человеческого существования. Мы стремимся к здоровью, богатству, успеху лишь в надежде на то, что они сделают нас счастливее. Однако мало кто обрел подлинное счастье, выиграв 2 или 20 млн

в лотерею. То, что на первый взгляд представляется наиболее эфемерным и субъективным, оказывается самым конкретным и объективным: деньги и собственность не могут подарить счастье, но зато его можно достичь, управляя своими субъективными переживаниями.

Тем, кто еще не научился доверять своему внутреннему опыту, можно предложить некоторые свидетельства того, что поток способен оказывать конкретное, измеримое, пусть и не всегда значительное воздействие на человека. Вот некоторые из них.

Творчество

Люди, внесшие творческий вклад в искусства и науки, нередко весьма красноречиво объясняют свой успех тем удовольствием, которое доставляют им их занятия. Паоло Уччелло, великий художник эпохи Возрождения, был одним из первых, кто научился изображать трехмерные объекты на плоскости. Его работа приносила ему огромную радость. По свидетельствам современников, нередко он просыпался ночью на своем холодном чердаке во Флоренции и начинал в волнении рассказывать по нему, выкрикивая к вящему неудовольствию жены: *Che dolce cosa è questa prospettiva!* — «О, что за чудесная вещь эта перспектива!».

Альберт Михельсон, первый американский лауреат Нобелевской премии по физике, всю свою сознательную жизнь изобретал все более и более точные способы измерения скорости света. Когда в старости его спросили, почему он этим занимался, он ответил: «Это было так здорово!»

Эти случаи подтверждают, что человек направляет свою психическую энергию на труднодостижимые цели или исследует неизведанное, только если эта деятельность доставляет ему подлинное удовольствие. Надежды на славу и богатство до некоторой степени мотивируют человека, но что касается творческой деятельности, человек вряд ли сохранит неизменную преданность ей, если вознаграждение будет лишь внешним.

Максимальная работоспособность

Великие спортсмены, музыканты и актеры также должны переживать состояние потока в своей деятельности, иначе они бы не достигали предела своих возможностей. Исследования показывают, что поток возникает в момент наивысшего напряжения сил, и спортсмен готов выкладываться по максимуму, чтобы ощутить его снова и снова. Конечно, это состояние знакомо не только рекордсменам. Оно может охватить каждого, кто старается изо всех сил. Например, проведенное в Японии исследование показало, что из сотен людей, записавшихся на курсы плавания, наибольших успехов к концу обучения добились те, кто во время тренировок входил в состояние потока.

Развитие таланта

В другом исследовании, проведенном моей группой в Чикагском университете, мы наблюдали более двухсот студентов, которые в подростковом возрасте проявили способности к математике и другим наукам, к музыке, изобразительному искусству или спорту. Мы хотели узнать, насколько велика вероятность того, что молодые люди, которым нравится заниматься тем, к чему у них есть способности, продолжат трудиться над развитием своих талантов. Как и ожидалось, студенты с математическими способностями, которые испытывали состояние потока во время занятий этим предметом, в университете записывались на гораздо более сложные курсы и гораздо настойчивее продвигались в этой дисциплине, чем студенты, не знакомые с этим состоянием. Тот же результат мы получили и в других четырех группах. Частота возникновения потока помогает оценить перспективы развития способностей надежнее, чем объективные проверки когнитивных способностей (например, тест SAT¹), особенности характера, положение и доход родителей.

¹ SAT Reasoning Test (Scholastic Aptitude Test, Scholastic Assessment Test) — стандартизированный тест для приема в вузы США. — *Прим. пер.*

Эти выводы показывают, что поток играет важную роль в процессе получения образования. К обучению — в особенности сложным наукам, таким как математика, — принято относиться как к чему-то трудному и неприятному. Может быть они и трудны, но всегда ли неприятны? Теперь мы знаем, что творческие личности, рекордсмены и молодые таланты наслаждаются тем, что они делают, и что именно это наслаждение заставляет их двигаться дальше. И это знание можно применить в нашей работе со школьниками и студентами.

Продуктивность

Можно также предположить, что люди, получающие удовольствие от своей работы, больше преданы делу, чем те, кто на работе лишь нервничает или скучает. Правда, точных исследовательских данных здесь пока нет. В качестве наиболее релевантного подтверждения можно привести одно из наших первых исследований, где мы обнаружили, что рабочие, чаще других входившие в состояние потока, чувствовали себя в целом более счастливыми, и их мотивация — особенно в процессе работы — была выше. Они работали на полчаса больше (а не мечтали, не составляли списки покупок, не разговаривали по телефону с друзьями), чем те их коллеги, у кого поток возникал реже. Полчаса в день — это почти 15 дополнительных рабочих дней в году, или три лишние рабочие недели на каждого работника. Если умножить это на миллионы работников в США, то вот он — возможный источник существенного увеличения валового национального продукта, что может подтвердить любой экономист. Конечно, мы не знаем, производит ли больше продукции работник, работающий больше часов. Но поскольку нет свидетельств, опровергающих такую возможность, мы можем смело считать, что это так.

Самооценка

Люди, чаще других входящие в состояние потока, в основном имеют высокую самооценку. Более того, самооценка человека,

только что испытывавшего поток, возрастает. Люди, знакомые с этим ощущением, считают себя более успешными, лучше к себе относятся и полагают, что жизнь благоволит им. Такие данные были получены в результате исследования нескольких целевых групп — работающих матерей, обычных подростков и талантливых подростков. На первый взгляд эти выводы противоречат утверждению, что в потоке исчезает осознание самого себя. Действительно, в потоке человек забывает о себе и никак себя не оценивает. Однако потом, вспоминая свое состояние, он ощущает, что добился успеха. Именно так поток формирует высокую самооценку.

Снижение стресса

Есть свидетельства того, что у руководителей, испытывающих в напряженные моменты состояние потока, меньше проблем со здоровьем, чем у руководителей, проявляющих в подобных ситуациях беспокойство. Исследование, проведенное среди менеджеров высшего звена, показало, что те из них, кто чаще отмечал состояние потока, в основном чувствовали себя более счастливыми, мотивированными, сильными, владеющими ситуацией, испытывали меньшее напряжение как на работе, так и дома. Те, кто больше страдал от стрессовых жизненных ситуаций, например семейных неурядиц, смены места работы, денежных потерь и эмоциональных проблем, также больше говорили о проблемах со здоровьем. Но если на работе им случалось испытывать чувство потока, стресс меньше сказывался на их здоровье. По-видимому, умение нацелить свои способности на выполнение производственных задач — или по крайней мере представить, что делаешь это, — мешает энтропии оказывать свое обычное негативное воздействие на психику человека.

Клиническое использование

Одна из областей, где практическое применение потока представляется очень многообещающим, — психотерапия. Поток

поможет психотерапевтам обнаружить в жизни пациента ситуации, которые, если сосредоточить на них внимание, значительно улучшат качество жизни человека и, возможно, помогут исцелению. На данный момент в моем распоряжении есть отчеты о лечении с помощью потока (примерно 50 случаев), предоставленные очень небольшим числом психиатров и клиницистов. Поэтому говорить о чудесных исцелениях преждевременно. Однако эти случаи выглядят убедительно и говорят о больших возможностях. Представление о том, как проходит лечение, дает один из случаев, опубликованных командой профессора Массимини (Милан).

Катерина, незамужняя женщина двадцати пяти лет, многие годы страдала острыми паническими атаками, обычно проявлявшимися в виде агорафобии. Каждый раз, оказавшись в общественном месте, на улице или в автобусе, она начинала задыхаться и испытывала учащенное сердцебиение. В течение последних трех лет без каких-либо видимых результатов она ежедневно принимала 1,5 мг алпразолама и посещала групповую терапию. Придя в клинику профессора Массимини на индивидуальную психотерапию, она получила задание по методу выборки переживаний (Experience Sampling Method — ESM) записывать, чем она занимается в течение недели и что при этом испытывает, чтобы выяснить, какие виды деятельности и ситуации вызывают у нее положительные эмоции. Анализ записей показал, что Катерина в основном проводит время с семьей и редко выходит из дома или общается с другими людьми. При этом 45% свободного времени она тратит на телевизор. У нее постоянно плохое настроение: преимущественно она пребывает в состоянии апатии и крайне редко испытывает нечто похожее на состояние потока.

Применительно к психотерапии теория оптимального переживания работает следующим образом: пациента развивают по двум направлениям — самостоятельный поиск трудной, но интересной деятельности и стремление развивать свои способности, что позволяет преодолевать трудности, а не избегать их.

Оптимальное переживание связано с субъективным восприятием проблем, возникающих в окружающем мире: каждый человек выбирает ту деятельность, которая соответствует его подлинным мотивам и естественным интересам. Этот терапевтический метод основан на индивидуальном подходе к пациенту и фокусируется на его личных побуждениях и склонностях.

Чтобы достичь этих целей, Катерине было предложено следующее: она гуляла с психотерапевтом по многолюдным улицам Милана. Так она должна была научиться меньше бояться других людей. Кроме того, при поддержке доктора она присоединилась к группам, занимающимся тем, что было ей интересно, — танцами и волонтерской работой: «Главной целью терапии было вовлечь Катерину в эти подлинно мотивирующие и трудные, но интересные занятия». Нужно было не просто снять симптомы беспокойства и агорафобии, но расширить узкую сферу повседневной деятельности Катерины, чтобы апатия сменилась неким подобием энтузиазма и потока.

После полутора лет такого лечения жизнь Катерины заметно изменилась к лучшему. Она стала проводить с семьей не полдня, а лишь 10–20% времени и в три раза меньше смотреть телевизор. Соответственно она стала чаще бывать с другими людьми или одна, и у нее появилось много новых занятий. Самые разные области жизни начали доставлять Катерине гораздо больше удовольствия. Анализ ее записей показал, что апатия снизилась с 60,6 до 34,5%, а переживание элементов потока стало происходить не в 15%, как раньше, а в 51% случаев.

Этот и другие подобные примеры указывают на близкую связь потока и гармоничного сознания, которое ведет к развитию личности, способной управлять своей психической энергией.

ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ПОТОКА НЕТ

По всем данным, когда человек в состоянии потока действует на пике своих возможностей, его внутреннее ощущение благо-

получия возрастает, и у него появляется больше возможностей положительно воздействовать на общество. Во всех случаях поток представляется двигателем эволюции, ведущим нас на более высокие уровни сложности. Но что происходит, если человек не может в полную меру задействовать свои способности, если перед ним открывается слишком мало возможностей либо их реализация представляется ему слишком сложной задачей и поэтому поток оказывается недостижим?

В такой ситуации люди обычно обращаются к бесполезной или разрушительной деятельности. Поиск удовольствия ведет к энтропии, а не гармонии. Яркий пример тому — детская преступность, столь быстро распространившаяся в богатых предместьях США. Ее основная причина — эпидемия скуки, поразившая множество подростков: им нечем заняться в своих «стерильных» районах. «Назовите что-то более кайфовое, чем забраться в чужой дом, пока его хозяева спят, и стащить драгоценности, — говорит молодой человек из богатой семьи, арестованный за квартирную кражу, — и я этим займусь. Но у нас больше нечего делать». Конечно, если бы этот юноша осознал имеющиеся возможности, он, несомненно, нашел бы чем заняться. Например, он мог бы играть в теннис, читать, стать добровольцем в общественной организации, ходить в походы, научиться водить машину, изучать иностранные языки. Но чтобы все это вызывало интерес, требуются, в частности, примеры для подражания, а среди его взрослых знакомых очень мало кто способен вовлечь молодого человека в сложные виды деятельности.

Не будет преувеличением сказать, что причина великого множества проблем нашего общества — отсутствие потока в повседневной жизни. Различные виды химической зависимости, несомненно, отражают стремление искусственным образом восстановить некоторые аспекты оптимального опыта. Алкоголь, кокаин, героин изменяют наше восприятие новых возможностей или своих способностей и позволяют на некоторое время почувствовать себя так, словно мы уравнили

то и другое. Но искусственно вызванный поток опасен в двух отношениях: во-первых, он не требует напряжения сил и поэтому не поднимает на новую ступень сложности, а во-вторых, вызывая физиологическую зависимость, он стремительно усиливает энтропию на индивидуальном и групповом уровнях.

Еще один признак того, что повседневная жизнь почти не вызывает состояния потока: культура становится слишком зависимой от пассивных, ненужных развлечений. В идеальном обществе каждый человек должен резать по дереву, ткать, писать компьютерные программы, рисовать, рассказывать истории, петь и танцевать. Там едва ли возникла бы потребность в профессиональных артистах, чья задача — отвлекать людей от монотонности их повседневных занятий. На Бали или в отдаленных европейских деревнях можно найти примеры, приближающиеся к этому идеалу. Там все занимаются различными ремеслами, причем на высоком уровне. Но к сожалению, есть много ярких противоположных примеров: сразу вспоминаются древнеримские цирки или гонки колесниц в Византии периода упадка. В нашей культуре тоже расплодилось мемы-паразиты, внешне подражающие потоку, однако не приносящие полезных результатов. Мы уделяем очень много внимания музыкальным записям, видео, телевидению, фильмам, бульварной литературе, низкопробным журналам. Они доставляют некое подобие удовольствия, однако, не требуя никаких умений, лишь забирают энергию, но не способствуют сложности.

Можно сказать, что как вид мы зависимы от потока. Именно это состояние позволило нам развиваться и стать теми, кто мы есть. И именно благодаря ему мы сможем достичь еще большей сложности в будущем. В идеале мы способны получать глубочайшее удовлетворение от решения подлинно сложных и интересных задач в повседневной жизни, на работе, в семье, в творческой деятельности, дружбе. В противном случае мы так и будем создавать суррогаты вроде химических веществ или ритуалов, наполняющие наше сознание призраками потока. А ведь некоторые из этих суррогатов очень опасны, поэтому

нам просто необходимо отыскать в нашей повседневности возможности для переживания потока.

ПОТОК В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Невозможно объективно измерить, находится ли человек в состоянии потока, подобно тому как мы измеряем температуру тела или определяем высокий уровень холестерина. Однако есть два параметра, позволяющие надежно определять частоту и силу потока. Первый опирается на интервью и структурированные вопросники, выясняющие у респондентов, испытывали ли они когда-либо чувство глубокой сосредоточенности, полной вовлеченности и т. д., и если да, то как часто. По результатам, полученным при помощи этого метода, около 87% взрослых американцев испытывали состояние потока, а оставшиеся 13% утверждают, что оно им совершенно не знакомо. У тех, кто знаком с потоком, такое состояние возникает с очень разной периодичностью: одни заявляют, что входят в него реже одного раза в год, другие — что несколько раз в день.

Люди, редко сталкивающиеся с состоянием потока, не слишком довольны своей работой, и для того, чтобы испытать радость, им нужны развлечения. И наоборот, людям, утверждающим, что поток приходит в их жизнь ежедневно, семья и работа приносят удовлетворение. Вот пример 48-летнего мужчины и его 17-летнего сына из Северной Италии (опрошены командой Массимини). Оба они работают на механических ткацких станках, принадлежащих многим поколениям их семьи. Каждый из них назвал ткачество деятельностью, максимально приближающей его к состоянию потока. Сначала отец описывает непростую задачу — следить за дюжиной одновременно работающих станков, чтобы в них не кончилась нить и чтобы они не остановились:

«Трудно сосредоточиться на чем-то одном. Я стараюсь, чтобы все было под контролем. Исправляю неполадку в станке, а сам уже думаю о другом, в который надо вставить нить или сде-

лать еще что-то. Иногда нить заканчивается. Я всегда стараюсь это предвидеть... Как бы то ни было, во время работы я сосредоточен».

Сын-подросток назвал своим самым приятным переживанием «видеть, как станок заработал, и понимать, что это сделал ты». У него два любимых занятия — на неделе работать, а в субботу развлекаться с друзьями. Вот как он описывает свои ощущения во время работы:

«Когда я работаю на станках, я очень сосредоточен: я здесь — и все. Ведь если будешь думать о чем-то постороннем и отвлечешься, то совершишь ошибку. Нужно следовать логике, или все испортишь. Но даже когда все станки работают, надо присматривать за ними. Я уже три года слежу за ними один, вот почему я успеваю их обслуживать... Некоторые вещи происходят на автомате, потому что все время делаешь их одинаково. Но бывает и что-то новое — здесь надо постоянно учиться. И нужно всегда следить за тем, что делаешь».

Этот тип работы — когда вся семья может радостно и с пользой заниматься общим делом, — встречается все реже и реже. Тем не менее ответы на наш вопросник показывают, что есть еще немало возможностей найти такие же творческие задачи в повседневной жизни — в работе, игре, молитве или отношениях.

Второй способ измерить поток — метод выборки переживаний. Эта техника, разработанная мною в Чикагском университете в начале 1970-х, требует, чтобы респондент в течение недели носил с собой программируемый секундомер и заполнял две страницы дневника каждый раз, когда электронное устройство издает сигнал. Оно активизируется через случайные промежутки времени, и большинство респондентов выполняют задание около 50 раз в неделю. Так возникает последовательное описание того, что респонденты делают и чувствуют в типичных ситуациях повседневной жизни.

Мы измеряем поток с помощью этого метода, анализируя ответы на два вопроса: с какой задачей человек столкнулся, когда был получен сигнал, и каким умением, по его мнению, он обладал в тот момент, — респондент дает оценку по десяти-балльной шкале. Если и задача, и умение выше среднего недельного уровня для этого человека, мы считаем, что он находится в состоянии потока. Если обе переменные ниже среднего, то считаем, что этот человек находится в состоянии апатии. Если задача выше среднего, а умение ниже, то это состояние беспокойства. В противоположной ситуации (низкий уровень задачи и высокий — умения) соответствующее состояние сознания называется скукой. Многие исследования показали, что определенные соотношения сложности задач и уровня умений действительно создают ожидаемые состояния сознания.

Стоит отметить исключительную гибкость данного метода измерения потока: он основан на обобщении того же типа, что и в случае, когда человек называет «высокими» всех людей, чей рост больше полутора метров. В таком случае можно было бы ожидать, что в рамках этого метода человек назовет потоком четверть всего своего опыта. В действительности же одни люди указали, что их задачи и умения одновременно выше среднего, лишь в 5% всех ответов, тогда как у других тот же показатель достигал 60%. (В приведенном выше примере с Катериной в начале терапии об определяемом этим методом потоке свидетельствовали 15,2% всех ее ответов, а в конце — 50,9%.) Конечно, можно договориться считать потоком лишь наиболее яркие ситуации, одну из тысячи или миллиона. Но в этом случае мы упустим из виду более скромные события, придающие, однако, повседневности смысл. Приняв этот жесткий подход, мы, например, неизбежно пришли бы к выводу, что Катерина никогда не бывала в потоке, и тогда психотерапевты не смогли бы определить, какие виды деятельности доставляют ей наибольшее удовольствие, и не сумели бы помочь ей улучшить свою жизнь.

Используя это определение — «задачи выше среднего/умения выше среднего» — для измерения потока, мы приходим к неожиданному выводу, что работающий взрослый в США обычно в три раза чаще входит в состояние потока на работе, чем в свободное время. В представительной выборке горожан-американцев обоих полов, включающей и рабочих, и служащих, и руководителей, в течение недели респонденты в 54% случаев отмечали, что уровень как задач, так и умений одновременно превышал средний. А во время отдыха — только 17%. Хотя вряд ли это должно нас удивлять. Если верно, что наибольшее удовольствие мы получаем, «раскрывая свою сущность», то вполне логично, что такое состояние мы чаще должны испытывать на работе, чем в свободное время. Как кокер-спаниель Седрик становится самим собой, охотясь за теннисными мячами, так и мы в наибольшей степени проявляем свою истинную природу, реализуя свои умения. Изучая при помощи метода выборки переживаний подростков, мы обнаружили то же самое: 40% ответов, свидетельствовавших о состоянии потока, относились к учебе в школе или выполнению домашних заданий и только 8% — к просмотру телепрограмм.

Подростки и взрослые говорят, что, находясь в состоянии потока, чувствуют себя гораздо более счастливыми, сильными, довольными, творчески активными и сосредоточенными. Однако есть одно настораживающее исключение. На мотивацию влияет не столько само наличие потока, сколько тот факт, работает человек или отдыхает. Люди в основном предпочитают отдых работе, неважно, ощущают они поток или нет. Как это ни парадоксально, но нашу культуру охватило отвращение к работе. Она дарит нам самые сложные и приносящие наибольшее удовлетворение переживания, и все же люди стремятся иметь побольше свободного времени, пусть даже оно проходит в тоске и скуке.

Виды деятельности, создающие поток, различаются в зависимости от вида работы и навыков работника. У одних руководителей ощущение потока обычно возникает при решении трудных задач и написании отчетов; тех же, кто не научился

выражать свои мысли, необходимость писать приводит в ужас. Офисным работникам очень нравится печатать и вводить данные; синие воротнички любят чинить оборудование и работать на компьютере. Дать ощущение потока руководителю менее всего способна бумажная работа, офисному работнику — учет документов, синему воротничку — конвейер. Как и следовало ожидать, поток на работе обычно создают новизна, разнообразие и удовольствие. Тем не менее некоторые люди входят в состояние потока на том же конвейере, хотя их коллеги находят в своем труде одну лишь скуку. Это еще раз подтверждает, что качество опыта определяют не объективные, внешние условия, а то, как мы на них реагируем.

В свободное время ощущение, напоминающее поток, создают три группы занятий. Как ни странно, но наиболее частый источник потока — вождение автомобиля. За ним следует общение с друзьями и семьей. Меньше всего способствуют созданию потока в свободное время просмотр телепрограмм, уборка и попытки уснуть. Чтение для собственного удовольствия обычно дает более положительные ощущения, чем телепрограммы, однако в большинстве случаев оно не порождает состояние потока. В тех нечастых случаях, когда человек занят активным отдыхом — поет, играет в боулинг, катается на велосипеде, делает стеллаж в подвале, — он отмечает высочайший уровень потока. Однако эти виды деятельности в жизни среднего человека столь редки, что едва ли оставляют какой-либо след.

Возникает неизбежный вопрос — почему же люди посвящают так много времени пассивному отдыху, например смотрят телевизор (на него у современного человека уходит больше всего времени), если это доставляет им так мало удовольствия? Ведь все отмечают, что телевидение не ставит перед человеком никаких сложных задач и не требует никаких умений.

То, что люди предпочитают подобные виды деятельности с низким уровнем сложности другим, открывающим больше возможностей для развития, — еще один пример парадокса, почему поток на работе не формирует более сильную мотивацию.

вацию. Люди смотрят телевизор по двум причинам. Первая: выбирая, чему посвятить свое внимание в свободное время, они хотят разумно соотнести имеющуюся у них энергию с ожидаемыми благами. Глядя в телевизор, получаешь не слишком много удовольствия, но ведь и усилий при этом почти не тратишь. Играть на пианино или кататься на велосипеде гораздо приятнее, но это требует значительных затрат психической и физической энергии. Да, благодаря телевизору мы сохраняем некоторое количество энергии, но упускаем возможность ощутить поток и стать сложнее.

А вот второе объяснение: в детстве мы переживаем состояние потока спонтанно, но в подавляющем большинстве обществ из-за несоответствия задач и умений у человека в течение жизни постепенно атрофируется стремление к сложности. Поскольку пример умения наслаждаться сложной деятельностью подают лишь немногие из взрослых и мало кто поощряет ребенка к решению трудных, но интересных задач ради его развития, поскольку окружающая среда слишком скучна либо слишком небезопасна для него, многие дети постепенно лишаются способности обнаруживать поток во всем, что они делают. Осознав, что скука и беспокойство — это норма в семье, школе и обществе в целом, дети утрачивают любопытство, интерес, стремление исследовать новые возможности и привыкают к пассивным развлечениям. Мемы-паразиты захватывают их души, создавая видимость удовольствия, но на самом деле не давая ничего. Став подростками, дети уже не видят возможностей действовать, не чувствуют, что обладают умениями, которые можно применить. И хотя пассивный отдых приносит мало радости, они считают его единственным способом чем-то занять себя в свободное время.

И все же поток повышает качество жизни молодых людей не только в момент своего проявления. Он также оказывает существенное долговременное воздействие. Как мы видели, у тех людей, кто часто входит в состояние потока, самооценка выше, чем у тех, для кого поток редкость. Подростки, дольше других

пребывающие в потоке, обычно более счастливы и глубже развивают свои способности к науке, чем их сверстники, ощущающие поток реже. Взрослые, дольше находящиеся в потоке, больше работают, но при этом меньше склонны к заболеваниям, связанным со стрессом.

Итак, вопрос в том, как нам научиться наслаждаться сложностью, а не искать удовольствие в деятельности, создающей в сознании лишь видимость гармонии. Люди, не способные испытать состояние потока или получающие удовольствие лишь от пассивных и простых видов деятельности, нередко в конце концов приходят к душевному разладу, терзаемые неудовлетворенностью и разочарованием. Напротив, те, кто овладел умениями, нужными, чтобы входить в состояние потока при более сложных видах деятельности, привыкают обращать в осмысленный опыт даже те повседневные события, что поначалу кажутся источником хаоса и энтропии. Они не только наслаждаются жизнью, но и вносят свой вклад в общечеловеческую эволюцию сложности.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «ЭВОЛЮЦИЯ И ПОТОК»

Составляющие потока

В какие моменты вы ощущаете, что по-настоящему «раскрываете свою сущность»? Как часто это происходит?

Какие виды деятельности привлекают вас больше всего? Спорт, медитация, взаимодействие с другими людьми, чтение, работа, искусство, времяпрепровождение вне дома? Каких занятий вам не хватает?

В чем польза потока

Зная себя как человека, свои умения и интересы, подумайте: какая деятельность была бы самой полезной для вас?

Может ли в жизни человека быть слишком много потока? Может ли поток вызвать зависимость? При каких условиях?

Результаты потока

Замечаете ли вы в себе какие-либо изменения после сложной деятельности, создающей состояние потока (например, после катания на лыжах, чтения книги, увлекательной беседы)?

Вспомните, когда в последний раз вы были по-настоящему довольны собой. Что вызвало в вас это ощущение?

Что происходит, когда потока нет

Какие элементы потока представляют для вас наибольшую проблему — соразмерность задач и умений, ясность цели, обратная связь, отсутствие страха утратить контроль, освобождение от осознания своего «Я», слияние с тем, чем вы занимаетесь, изменение чувства времени? Что нужно сделать, чтобы изменить эту ситуацию?

Какие из сфер вашей жизни больше других страдают от отсутствия потока?

Поток в повседневной жизни

Какие ситуации создают поток в вашей жизни и почему они не возникают чаще?

Что вы можете сделать, чтобы ваш рабочий процесс больше походил на поток? А ваша семейная жизнь?

Трансцендентная личность

Говорят, император Нерон с восторгом наблюдал пожар Рима. Известно также, что он любил смотреть, как гладиаторы на арене убивают друг друга, а львы терзают невинных христиан. Многие физики, принимавшие участие в «проекте Манхэттен»¹, вспоминают, как их воодушевляла работа над невероятно сложной и интересной проблемой создания ядерной бомбы. Тысячи человек, не в силах побороть свою страсть к игре, каждый день прилетают в Лас-Вегас и другие города, где есть казино. К сожалению, все эти примеры говорят о том, что состояние потока может вызывать и разрушительная, а не созидательная деятельность, ведущая к энтропии, а не к гармонии.

Чтобы направлять развитие эволюции, необходимо находить удовольствие в образе жизни, который ведет к упорядоченности, а не к хаосу. Внести свой вклад в гармонизацию общества человек сможет, лишь повысив сложность своего сознания. При этом сложность сознания — это не просто функция интеллекта или знания, не просто когнитивная способность. Она подразумевает также чувства и действия человека. Она требует от индивида осознания своего уникального потенциала

¹ «Манхэттенский проект» — программа США по разработке ядерного оружия, начавшаяся в 1943 году. — *Прим. пер.*

и умения управлять им. Человек должен научиться гармонично соотносить цели и желания, чувства и опыт — как свои, так и других людей. Те, кто достиг этого, не только испытывают удовлетворение от жизни, но и с большей вероятностью могут участвовать в создании лучшего будущего. Личное счастье и позитивный вклад в эволюцию идут рука об руку.

Во многих культурах есть особые слова для обозначения человека, открывшего для себя в сложной деятельности состояние потока. Конфуцианцы называют таких людей мудрецами, буддисты Махаяны именуют человека, достигшего девятого мира, бодхисатвой, а того, кто достиг состояния будды (санскр. «бодхи»), награждают ни много ни мало десятью титулами, в том числе званием «учитель богов и людей». В христианской традиции тех, кто свободен от власти генов, от социального контроля и умеет сочувствовать людям, называют святыми. Они страдали и даже умирали за свою веру, но, судя по всему, какие бы тяготы ни выпадали на их долю, мудрецы, святые и бодхисатвы пребывали в состоянии безмятежной радости.

Сегодня у нас нет официальных титулов и званий для людей, обладающих сложной личностью. Но куда более огорчительно то, что мы даже не способны отличить их от тех, кто не вносит никакого вклада в будущее, или тех, кто своими действиями усиливает энтропию. А поскольку мы не можем отличить таких людей в толпе, нам трудно чему-либо у них научиться. Давайте для простоты будем называть человека, радостно направляющего свою психическую энергию на сложные цели, трансцендентной личностью, или Т-человеком.

КТО ТАКИЕ Т-ЛЮДИ

Наблюдая действия многих людей, можно понять, что такое жизнь, посвященная сложности. Однако их нельзя свести к одному типу, поскольку к личной гармонии можно прийти разными путями. Одна из двух составляющих сложного сознания — это дифференциация, поэтому каждый человек должен

следовать своему пути и искать способы реализовать свою уникальную индивидуальность. А поскольку мы рождаемся с различными сильными и слабыми чертами характера, с разными дарованиями и растем в разных семьях, обществах и исторических периодах, каждый из нас воплощает собой особую структуру личного потенциала. Таким образом, не существует ни такого понятия, как «типичный Т-человек», ни лучшего способа достичь сложности.

К счастью, есть много примеров трансцендентной жизни, которыми можно вдохновляться. Один из них — жизнь венгерского поэта Дьёрдя Фалуди.

Впервые я встретился с ним в Будапеште, через несколько дней после его девяностолетнего юбилея, который ознаменовался публикацией полного собрания его сочинений. При первом взгляде на него сразу обращаешь внимание на нимб серебристой седины и мягкую самоироничную улыбку. И хотя его морщинистое лицо напоминает печеное яблоко, глаза сияют любопытством и энтузиазмом десятилетнего мальчишки. Меня нередко трогали его емкие, выразительные и при этом проникновенно нежные стихи. За свою долгую жизнь Фалуди пережил множество трагедий и все же сумел внести огромный вклад в создание сложного будущего.

В девять лет, вспоминает Фалуди, он решил стать поэтом, потому что играть словами у него получалось лучше всего. «Но почему именно поэтом?» — спросил я его. «Потому что я боялся смерти», — ответил он. Лежа ночью в постели и дрожа от страха, что не проснется утром, он решил создать из слов мир, где сможет чувствовать себя в безопасности, мир, который будет существовать и тогда, когда не станет самого Фалуди. Повзрослев, он продолжал писать как одержимый, это нравилось ему больше, чем что-либо еще, и его стихи глубоко трогали всех, кто их слышал.

Но Фалуди был евреем, к тому же слишком начитанным, чтобы удерживать свое воображение в узких рамках буржуазной благопристойности периода накануне Второй мировой войны.

Он попал в черный список, его стихи перестали издавать, и ему пришлось взяться за переводы Вийона и Верлена. С переводами цензоры смирились, не желая показаться врагами поэзии, как-никак считавшейся французской классикой. Ободренный успехом, Фалуди под видом переводов из Вийона стал публиковать собственные стихи. Интеллигенция Будапешта распознала эту уловку, и то, что автор рисковал, заставляло людей еще больше восхищаться этими смелыми виршами.

Приближалась Вторая мировая, немецкие войска вторглись в Венгрию. Местные пособники фашистов бросили Фалуди вместе с другими евреями в депортационный лагерь. Чудом ему удалось бежать, он пересек половину воюющей Европы и добрался до Северной Африки, где французы, сотрудничавшие с нацистами, сразу уpekли его в лагерь, недавно опустошенный холерой. Фалуди с трудом дожил там до освобождения Северной Африки союзными войсками. У него появилась возможность эмигрировать в Канаду, а затем в США.

К тому времени он выпустил несколько томов переводов лучшей мировой поэзии — с китайского, санскрита, греческого, латыни, итальянского, немецкого, французского, английского и еще нескольких языков. На венгерском его стихи звучали невероятно свежо и ярко, словно это были оригиналы, а не переводы. Но при этом в них сохранялся особый аромат той культуры и того времени, когда они были созданы. Однако эта лингвистическая гениальность не нашла применения в Северной Америке. И хотя Фалуди приглашали читать лекции в университетах Восточного побережья, он так и не овладел новым языком в такой степени, чтобы тот стал почти родным. Правда, то же можно сказать почти обо всех литераторах, оказавшихся в изгнании, включая нобелевских лауреатов Александра Солженицына и Чеслава Милоша.

Фалуди не смог примириться с тем, что на чужбине его дар оказался невостребованным. Поэтому через несколько лет после Второй мировой войны он решил вернуться в социалистическую Венгрию, где на его революционную поэзию, ка-

залось бы, должен был быть спрос. Но он ошибся: новый режим чтит истину еще меньше, чем прежний. Неприятности у Фалуди начались сразу после того, как он написал яркую аллегорию, обличающую Сталина. Последствия были предсказуемы: поэта арестовали, пытали в застенках тайной полиции, а затем отправили в Речк, один из коммунистических «штрафных лагерей», откуда мало кто возвращался. Он провел там больше трех лет, вплоть до смерти Сталина, когда лагерь закрыли и разрешили всем его заключенным вернуться домой.

Поразительно, но именно в лагере, в этом страшном месте, где заключенных заставляли работать с утра до ночи, кормили отбросами и одевали в лохмотья, муза Фалуди заговорила в полную силу. Стихи, написанные им в тюрьме, — одни из самых лиричных в своем жанре. (Правда, переводить на венгерский очень легко, а с него — очень трудно, поэтому в переводе почти невозможно ощутить прелесть оригинала.) Это стихи о самых конкретных, насущных и болезненных аспектах жизни в концлагере — голоде, холоде и жестокости невежественных или запуганных людей. И все же этот «анамнез энтропии» представлен так емко и изящно, что описанные там трагедии становятся воплощением прекрасного. В одном из своих стихотворений, созданных незадолго до освобождения, Фалуди писал:

*Что главное я здесь узнал?
 Когда нужда
 Покинула мое больное тело,
 Любовь осталась в нем.
 Сюз¹ вся обратилась в свет, серебряный туман, клубящийся
 Перед лицом моим,
 Хотя глаза закрыты.
 В страданье, в муках голода, в потере чувств,
 Любовь жива,*

¹ Имя жены автора.

Любовь, огонь всемирный, пылая, он меня не опалит,
 Любовь —
 Ни жар желаний,
 Ни муть желез,
 Ни белый клейстер размноженья.
 То Данте — не Боккаччо,
 То Аполлон, а не Аид.
 Пусть Зигги Фрейд остынет наконец¹.

В крайне суровых, смертельно опасных условиях этот бывший бунтарь искал опору в том, что могло подарить надежду, — в самых важных мемах своей цивилизации и в любви к жене. Пожалуй, одна из наиболее впечатляющих особенностей творческого наследия Фалуди заключается в том, что изначально его стихи не были записаны по той простой причине, что в лагере нельзя было достать бумагу и карандаш. Сначала Фалуди запоминал каждое свое стихотворение. Но он боялся, что смерть или забывчивость погубят их, и поэтому стал просить товарищей по лагерю заучить их наизусть. Однажды, уже под конец заключения, он сочинил длинную элегию, посвященную жене, и дал им выучить ее по частям. Если кто-то из этих заключенных освобождался раньше Фалуди, он шел к его жене, передавал ей весточку от мужа и зачитывал свою часть поэмы.

¹ Tanulsagnak mi volt a legszebb?
 Ahogy érzéki vágyaim
 elhagyták a kifosztott testet
 s nem hagyott el a szerclem.
 Zsuzsából könnyü, ezüst köd lett; ott lebegett folyton előttem,
 ha be is hunytam a szemem,
 hajszában, kinok közt, kegyetlen éhségben s mar önkívületben,
 velem maradt a szerelem,
 a szerelem, az örökmecses, a láng, mely ég, de meg nem éget,
 s nem párzó vágyunk származéka, nem a mirigyek hanyadéka,
 nem nemi szervek valadéka,
 nem Boccaccio, de Dante,
 Apollo, s nem az alvilág.
 Menesd a busba Freud Zsigát.

После чего обычно объявлял: «Вот все, что я знаю. Но через несколько дней выпустят Джима Эгри, он придет к вам и расскажет следующие 20 строк».

В конце концов Фалуди оказался на свободе и после революции 1956 года вновь эмигрировал на Запад. Тогда он, наконец, смог опубликовать написанные в лагере стихи. Он воспроизвел их по памяти, с помощью различных мнемонических приемов. (Например, первое написанное им стихотворение начиналось с буквы «А», второе — с «Б» и т. д.) Вскоре он стал получать письма со всего мира — от Бразилии до Новой Зеландии — с исправлениями к его стихам. Их посылали разбросанные теперь по всей планете бывшие заключенные, сохранившие в памяти поэтические образы своего трудного прошлого. Большинство этих исправлений вошли в последующие издания произведений Фалуди.

Жизнь Фалуди служит прекрасным примером влияния двух взаимодополняющих факторов. Прежде всего, она столь уникальна, что очевидно несопоставима с жизнью большинства людей. Многие ли из нас так мастерски владеют языком, подвергались таким преследованиям, преодолели так много препятствий? И все же, несмотря на свою уникальность, — или, скорее, благодаря ей — жизнь Фалуди типична как история человека, реализовавшего заложенную в его душе сложность. Разумеется, он не святой, и, пожалуй, его не назовешь ни конфуцианским мудрецом, ни бодхисатвой. Однако он сумел найти поток в сложности, превратить энтропию в мемы, упорядочивающие сознание тех, кто вступает с ними в контакт, и тем самым сделать мир чуть более гармоничным.

Очень легко найти и другие примеры. Мы все знаем таких людей, пусть и не можем назвать их одним словом или свести к единому типу. При этом мы умеем довольно точно измерять IQ и можем рассчитать доходы человека до цента. Нас интересуют эти характеристики. Но стоит коснуться гораздо более важного вопроса: что преумножает человек своей жизнью — гармонию или хаос? — как мы теряем и почву под ногами, и дар речи.

В своей последней книге психологи Энн Колби и Уильям Дэймон подробно описывают жизнь пяти выдающихся личностей. Одна из них, Сьюзи Вальдес, может служить примером для многих. Эта женщина — латиноамериканка, ее молодость, полная трудностей и бед, прошла в Калифорнии. Затем она переехала в Мексику, в город Сиудад Хуарез и основала там собственную миссию, посвятив свою жизнь тому, чтобы помогать бездомным с городских свалок. Она стремилась «показать детям, что можно жить лучше, чем они живут сейчас». И хотя сама Сьюзи была бедна и необразованна, благодаря инициативности и настойчивости она сумела превратиться из человека, нуждающегося в помощи, в того, кто помог тысячам семей.

«Для Сьюзи, — пишут авторы этой книги, — ее работа стала жизнью... Она считает, что пришла в этот мир, чтобы помогать бедным жителям Хуареза, и больше всего на свете хочет этим заниматься. Это искреннее стремление к одной этической цели мы называем единством личности и морали. Благодаря ему Сьюзи обрела жизнестойкость, уверенность, радость». Если человек получает удовольствие от такой сложной деятельности, его личность становится внутренне гармоничной и делает более гармоничной жизнь других людей.

Однако трансцендентной личности необязательно выходить за пределы обыденности, как это сделали Фалуди и Вальдес, и взваливать на свои плечи ношу, которую мало кто способен вынести. Большинство людей идут к сложности более скромными путями. Вот пример пятнадцатилетнего мальчика (назовем его Беном) — участника одного из наших последних исследований среди подростков. Единственное выдающееся качество Бена — то, что он, несмотря на свой юный возраст, знает, чем хочет заниматься в жизни. Он умеет это делать и делает с удовольствием. Бен не только четко формулирует свои цели и понимает их неотложность, но и заботится о том, чтобы другие тоже осознали собственные устремления. Необычно в этой истории только то, что подобные качества редко встретишь в молодых людях.

Бен впервые почувствовал, чего он хочет, в восьмом классе, когда начертил и построил из бальзового дерева корабль викингов. «Я начал работать с бальзой и понял, что могу сделать реальную вещь, а не только нарисовать ее. Мне так нравилось этим заниматься... Это был лучший год — когда я соединил рисование и постройку. Когда все срослось». Оттачивая свои умения, Бен обретает уверенность и создает долгосрочные — возможно, на всю дальнейшую жизнь — цели. Он собирается стать архитектором или, может быть, дизайнером автомобилей. У него уже есть довольно четкое представление об успехе: «Я люблю бороться, мне нравится добиваться успеха. Когда у меня не получается, я очень злюсь на себя... Для меня успех значит — работать на себя, а для других успех — заработать кучу денег. Просто понимать, что ты сам что-то сделал... это уже успех».

Ощущение автономии и уверенности в себе показывает, что личность Бена становится дифференцированной. В то же время он чувствует окружающих и знает, что связан с ними неразрывными узами. Иными словами, интеграция — также важная составляющая его личности, что подтверждают его слова, сказанные о родителях: «Я очень люблю своих родителей и хочу, чтобы им нравилось то, чем я занимаюсь. Почти во всех своих делах я советуюсь с ними, даже если мне это не нужно». Он также старается перенять лучшие черты своего деда: «Мы очень близки, трудно даже сказать почему. Он всегда сохраняет спокойствие в сложных ситуациях. Я никогда не видел, чтобы он разозлился... Не поверите, что он может сделать своими руками даже сейчас, когда ему уже семьдесят пять! Когда что-то случается, я вспоминаю его и понимаю, что могу во всем разобраться, и дед будет для меня примером».

Не таким ли должен быть подросток? Но скольким родителям удастся узнать в Бене своего ребенка? Возможно, если бы мы серьезнее относились к тому, что необходимо для создания сложной личности, — так же серьезно, как к постановке хорошего удара в теннисе или развитию IQ, победе в баскетболе

или поступлению в хороший вуз, — пример Бена не казался бы исключением.

Другой пример — человек, которого мы интервьюировали для одного из наших исследований, физик и химик Лайнус Полинг. Когда мы встречались с Полингом, ему уже было за 90. Стройный, как молодой тополь, с невероятно живым умом, он два часа с удовольствием рассказывал нам о себе. Он знал точную дату создания каждой из своих работ за последние 60 лет, помнил, что заставило его написать их, с улыбкой рассказывал о ребятах, с которыми играл в Портленде, штат Орегон, больше 80 лет назад, называл их адреса. Но больше всего в рассказе Полинга нас поразило то, что он явно наслаждался каждым днем своей прекрасной долгой жизни.

Биография Полинга — классический пример сложности. В молодости он открыл, как соотносится квантовая механика на субатомарном уровне с молекулярной структурой химических элементов. Он сумел обосновать природу этих отношений и был удостоен Нобелевской премии по химии. Можно сказать, что эту часть своей жизни он посвятил главным образом процессу высокоспециализированной интеллектуальной дифференциации. Но позднее Полинг направил свою энергию на интеграцию. Его увлекла идея ответственности ученого перед обществом и природой. Он рисковал своей жизнью и репутацией, протестуя против бездумного развития ядерной физики, организовывал выступления ученых против ядерного вооружения и некоторое время занимался национальной политикой. За эту деятельность он получил Нобелевскую премию мира.

Что общего в историях Фалуди, Вальдес, Бена и Полинга? Эти люди научились получать от жизни удовольствие, просто радоваться ей. Не деньгам и почету, а самой жизни, развитию умений и преодолению трудностей — своему участию в процессе эволюции, ведущему к более высоким уровням гармоничной сложности. Прежде чем мы рассмотрим, как можно создать такую жизнь, стоит кратко освежить в памяти то, что мы узнали о личности и ее устройстве.

ЧТО ТАКОЕ ЛИЧНОСТЬ

Стоя на берегу Атлантического или Тихого океана и глядя на эти необъятные водные просторы, всегда думаешь что-то вроде: «О, как велик океан!» Но то, что мы называем «океаном», — ментальная конструкция. Ведь перед нами лишь огромное число атомов водорода и кислорода, в своем движении создающих так называемые «молекулы воды». Мы видим не сами молекулы, а их суммарный эффект, представляя его себе как единый объект — Атлантический или Тихий океан, или Средиземное море.

Чтобы разобраться в раздражителях, бомбардирующих наши органы чувств, наша нервная система научилась разбивать информацию на доступные восприятию блоки, чтобы множество разрозненных деталей не ввело нас в замешательство. Поэтому мы воспринимаем частицы воды как единую субстанцию, частицы воздуха — как «небо», минеральный покров планеты — как «землю» и т. д. Наш разум, обдумывая то, что мы видим, наделяет эти образы индивидуальностью, существующей, однако, лишь в нашем воображении. Это процесс материализации абстрактных понятий, с помощью которого мы делаем реальными умственные конструкции.

Личность — такая же материализация. Но одна из важнейших. Мы часто представляем ее как силу, искру, внутренний жар, обладающие неделимой целостностью. Тем не менее, как мы сейчас понимаем, личность по своей природе — скорее плод воображения, нечто созданное нами для объяснения множественности впечатлений, эмоций, мыслей и чувств, которые мозг записывает в сознании. Нервная система более простых организмов состоит из относительно замкнутых цепей. У них открыты лишь несколько сенсорных каналов, связанных с едиными, дискретными моторными реакциями. Такой организм не должен принимать сложные решения, он реагирует инстинктивно по мере поступления раздражителей. Но поскольку человеческий мозг со временем стал очень слож-

ным, в него поступает слишком много информации. Масса разнообразных данных от органов чувств активно требует нашего внимания, и нам необходимо устанавливать приоритеты. В конечном счете в нейронах мозга сформировалась особая функция «регулирующего», отслеживающая и контролирующая то, что иначе превратилось бы в полную неразбериху. Без централизованного управления конкурирующие друг с другом данные органов чувств создавали бы хаос. Но когда мы начали использовать эту управленческую функцию, появившуюся лишь на недавних этапах эволюционной истории, она сама стала одним из информационных объектов сознания. Размышляя о нашей способности контролировать происходящее в уме, мы воспринимаем ее как конкретную сущность — «личность», и приписываем ей всевозможные качества. Многие представляют себе личность как гомункула — крошечного человечка, сидящего в центре мозга и управляющего нашей жизнью.

Но пусть в буквальном смысле это не так, в нашем разуме действительно есть нечто, превосходящее сумму составляющих мозг нейронов. Это нечто — личность, то есть способность мозга осознавать собственный способ организации информации. Подобно тому как мы видим в миллионах молекул воды единый океан, мы осознаем способ организации информации в сознании как личность. Многие качества моря невозможно вывести только из знания отдельных молекул воды, например приливы и отливы, волны, китов, айсберги, корабли и дивные восходы. Также и у личности есть свои особенности, которые не вытекают из составляющих ее кусочков информации.

Пожалуй, наиболее судьбоносное следствие возникновения личности — власть над нашей психической энергией, которую она в конечном счете обрела. Сформировавшаяся личность начинает стремиться к той же, что и у всех прочих организмов, главной цели: защищать себя и становиться сильнее. В отсутствие нашего контроля личность очень скоро подчинит всю нашу энергию собственным задачам, и в конце концов нами будет управляться плод воображения. Конечно, лучше

быть под властью личности, чем внешних сил, генов и мемов. Но здесь возникает вопрос: власти какого типа личности мы согласимся покориться?

Если личность состоит из всего, что возникает в сознании, значит, то, на что мы обращаем внимание, постепенно формирует ее. Например, племя нуэров в Восточной Африке занимается скотоводством и большую часть времени посвящает уходу за своими стадами. Они отлично знают каждое животное, его повадки и всех его предков во многих поколениях. Они верят, что рождающиеся у их коров телята приходят оттуда же, откуда и их собственные дети, и туда же уходят после смерти. Ощущая мистическую связь со своими животными, нуэры очень редко убивают их. Большое стадо — их самоцель, наполняющая их гордостью и довольством. Личность нуэра состоит, отчасти, из коров и быков, в заботе о которых он проводит так много времени. И это не просто метафора.

Но у мужчины-нуэра есть еще один «центр» личности. Прежде чем заняться скотоводством, нуэры были воинами и охотниками, их кормило копье. Они не расстаются со своими копьями и сейчас. Антропологи, первыми исследовавшие это племя, сообщали, что у мужчины-нуэра всегда в руке копье — он все время его подкидывает, поглаживает его наконечник, бережно несет его на плече. Он вечно что-то делает с копьем — и когда сторожит свой скот, и когда просто сидит перед своей хижинкой. Нуэр знает, что был воинственным, сильным и опасным существом, и эта информация стала неотъемлемой частью его личности. Похожая идея заставила антрополога Рут Бенедикт назвать свою книгу о Японии «Хризантема и меч»¹, поскольку, по ее мнению, именно эти два предмета позволяют понять характер японца — одновременно нежного и жестокого.

В том, как предметы становятся частью нашей личности, нет ничего таинственного или мистического. Тот, кто большую часть времени полирует, чинит или обсуждает с друзьями свою

¹ Бенедикт Р. Хризантема и меч. — М.: Наука, 2007.

машину, постепенно превратит ее в часть собственной личности. Когда никелированные поверхности сверкают — его раздражает гордость, ржавчина на крыле приводит в такое же расстройство, как лысина на собственной голове, а новая машина соседа может вызвать острый приступ зависти. Поэтому вопрос о том, на что мы обращаем внимание, совсем не пустой. Мы есть то, чему придаем значение.

Однако личность составляют не только объекты нашего внимания, но и то, каким образом мы направляем на них наше внимание. Способ организации информации в сознании также становится определяющим фактором личности. Например, если человек интересуется людьми и обращает больше внимания на общественные мероприятия, чем на собственные чувства и мысли, он становится экстравертом, а тот, кто думает, что все хотят причинить ему вред, превращается в невротика. Оптимист во всем ищет хорошее, а материалист вечно озабочен конкретными благами.

Как мы уже говорили, личность возникает потому, что сознанию, стремящемуся избежать информационной перегрузки, требуется механизм установки приоритетов. Это формирование приоритетов внимания мы называем постановкой целей. На цель направляется наша психическая энергия. Таким образом, личность можно рассматривать как иерархию целей, поскольку именно цели определяют, на что и как мы обращаем внимание. Зная главные цели человека, вы можете предвидеть, на что он направит свою психическую энергию, и тем самым предсказать его поведение.

У всех нас довольно похожие цели. Как люди, мы прежде всего хотим жить, жить так, чтобы нам было уютно, чтобы нас принимали, любили и уважали. После того как эти потребности в достаточной степени удовлетворены (или заблокированы из-за безнадежности), мы обращаем свою энергию на воплощение собственного уникального потенциала, то есть на достижение того, что психолог Абрахам Маслоу называет «самоактуализацией». Некоторые люди вновь меняют свои

приоритеты и обращаются к трансцендентным целям. Они стремятся преодолеть личные ограничения, интегрируя индивидуальные цели в более широкие, например благополучие семьи, человечества, планеты, космоса. Для ученого, посвятившего жизнь поиску сверхпроводимости, любой прорыв в этой области будет достоин внимания в неменьшей степени, чем ощущение голода или боли в его теле. Для Т-человека матери Терезы жизнь сироты из Калькутты была так же важна, как ее собственная.

Эти два последних этапа формирования личности ведут к сложности. Личная уникальность, или самоактуализация, воплощает собой дифференциацию, а трансценденция связана с более высоким уровнем интеграции. Обе они необходимы для формирования такой личности, как Фалуди, Вальдес, Полинг или Бен, — т. е. способной сделать эволюцию сложной и гармоничной. И если мы хотим, чтобы третье тысячелетие было лучше предыдущих, мы должны создавать личности, стремящиеся к трансцендентным целям.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Изменилась ли человеческая личность в ходе истории? Стала ли она сложнее? Насколько нынешний средний человек более интегрирован или дифференцирован, чем были наши предки 3000 или 30 000 лет назад? Очевидно, что никаких достоверных свидетельств, позволяющих ответить на этот вопрос, не существует. Нам трудно понять, что движет нашими современниками, что уж говорить о мыслях и чувствах жителей Древнего Египта или Шумера! Максимум, что мы можем сделать, это рассмотреть идеальных мужчин и женщин, изображенных на картинах и в скульптурах различных исторических периодов. Эти образы не дадут нам точного ответа, каковы были наши предки, но они по крайней мере помогут нам разгадать, какие типы личности ценились в разные времена.

Как уже не раз отмечалось в этой книге, великим вкладом культуры в эволюцию стала возможность представлять информацию экstrasоматически. С появлением пиктограмм, а затем и письма исчезла необходимость сохранять все знания отдельного человека или целой культуры внутри организма, в его нейронной системе. Создав символы и перенеся их на изображения и в книги, люди начали передавать с их помощью опыт от человека к человеку. Экstrasоматическое кодирование и хранение информации позволило накапливать знания в объемах, многократно превышающих возможности мозга. Вероятно, благодаря этому шагу вперед человечество смогло наделить воображение новым смыслом. Научившись фиксировать события на внешних носителях, люди поняли, что способны создавать и образы явлений, лежащих за пределами их непосредственного восприятия. Они могли представлять невидимых богов, изображать события, не происходившие в реальности. Воображение освободилось от своей прежней роли «бытописца» реальности и стало ее самостоятельным видом, порой дарящим людям неожиданные победы, а порой вводящим их в заблуждение.

Конечно, образы не могут представить «истинную» картину реальности. Декартова система координат, рентгеновские лучи или цветные карты мозга — лишь способы изобразить определенные, важные для нас аспекты реальности понятным нашему разуму языком. Эти образы так же ограничены возможностями нашей нервной системы и нашими целями выживания, как и создаваемые пчелой образы окружающего мира — ее репрезентативными способностями.

Один из самых важных аспектов опыта, который человек стремился запечатлеть в образах, — его собственная личность. Когда на формирование личности все сильнее стало влиять обучение, а не генетически запрограммированное поведение, среди ее представлений, помимо видимых свойств физического тела, стали появляться психологические качества, сущностные духовные переживания — либо действительно

испытанные, либо желаемые. Эволюция человечества сможет продолжаться лишь при условии нашего стремления соответствовать все более сложным образам своих личностей.

В прошлом люди очень часто создавали образы личности, представлявшие ее не такой, какова она есть, а такой, какой она должна быть. Наскальные рисунки обычно изображают успешного охотника, древние символы плодородия — это фигурки толстых женщин с огромной грудью и ягодицами, а на древнеегипетских барельефах фараоны неизменно торжествуют победу над врагом. Подобные искажения реальности, безусловно, порождены исключительно фантазией, поскольку стремятся перевести конкретного человека на более высокий уровень существования.

Личные вещи

Образы идеальной личности нередко отображались в предметах, которые люди носили на себе, или даже запечатлевались на теле. Эти образы не всегда буквально отражают свой прообраз: часто это символы важных для личности качеств. Вещи, которые человек носит на себе или с собой, входят в универсальную категорию предметов, представляющих важные аспекты личности. Обычно их назначение — сделать своего владельца сильнее, показать, что он способен управлять энергией, побеждать соперников, подчинять своей воле союзников, привлекать внимание и вызывать зависть. Пожалуй, простейший вариант — это росписи и татуировки, которые люди дописьменных культур наносят непосредственно на тело, превращая этот природный объект в культурную реалию. «Раскраска на лице, — пишет Леви-Стросс о бразильских индейцах кадиувеу, — придает личности человеческое достоинство. Так совершается переход от природы к культуре, от “тупого” животного к человеку. Затем, будучи различными по стилю и композиции в разных кастах, нательные росписи выражают в сложном обществе иерархию статусов. Таким образом, они обладают социальной функцией». Эти украшения пере-

дают множество сообщений, и одно из самых распространенных — положение человека в системе его рода. Татуировка или натальная роспись — это символ принадлежности. Она показывает, что ее обладатель не одиночка, а член социальной системы: напад на него, вы нападаете на всю его группу.

На следующем уровне сложности находятся украшения из перьев, ткани или металла, свидетельствующие о ранге своего владельца и его личных достижениях. Сегодня некоторые археологи считают, что сначала металл стал применяться для создания именно украшений, а не оружия или инструментов:

«В ряде регионов мира бронза и другие металлы стали использоваться для производства орудий труда позже, чем для создания украшений... По-видимому, в большинстве случаев главной целью древней металлургии было изготовление новых предметов символического назначения и личных украшений, которые привлекали внимание и повышали престиж своих владельцев».

Совершенно очевидно, что и в наше время украшения точно так же служат имиджевым целям. Красный «галстук лидера» говорит об амбициозности своего владельца, а окрашенные волосы, пластические операции, косметика, ювелирные изделия и модная одежда призваны представить личность более привлекательной и значимой, чем она есть на самом деле. Исторически мужские натальные украшения обычно символизировали власть как физическую силу или умение управлять другими людьми и богами. А власть женщины традиционно представлялась как способность привлекать мужчин выдающимися атрибутами сексуальности, плодовитости или умением вести домашнее хозяйство. Ясно, что все эти ухищрения — проявления все тех же биологических признаков, развивающихся у столь многих насекомых, птиц и млекопитающих для того, чтобы они казались больше, свирепее или привлекательнее.

В разных культурах для представления различных аспектов личности используются разные предметы. Так, взрослые пред-

ставители многих индейских племен Америки носили на шее «магические связки» предметов, символизовавших особые знания или достижения своего владельца: сильнодействующие лекарственные растения, зубы и когти медведя, побежденного в рукопашной схватке.

Современные люди также окружают себя самыми разнообразными предметами, символизирующими желанные для них свойства личности. В большинстве мужских бумажников и женских сумочек можно встретить нечто вроде индейской магической связки. Кроме того, мы носим часы, ручки, карманные калькуляторы, мобильные телефоны и прочие аксессуары, которые нужны главным образом для того, чтобы повышать самооценку и демонстрировать наше могущество другим людям. Но главная роль в представлении идеальной личности отводится в нашей культуре автомобилю. Как тотемный символ, рассчитанный на чисто зрительное восприятие, он становится явным отображением того, кем мы себя считаем и хотели бы, чтобы считали другие. Таким образом, личные предметы отчасти служат психологическими опорами, напоминающими своему владельцу о его способности управляться с внешним миром. Также они помогают ему создать имидж, дающий преимущество при взаимодействии с другими людьми.

Домашние предметы

Если личные вещи — это в первую очередь средства защиты, создающие некую символическую броню, оберегающую нас от внешних опасностей, то у домашних предметов иная функция. Они в большей степени скрыты от посторонних глаз и, по-видимому, предназначены скорее для того, чтобы упорядочивать и прояснять представление человека о собственной личности, чем для того, чтобы производить впечатление на других.

Самой важной частью дома в Риме, Китае и многих других культурах был «красный угол» с изображениями предков. Живой представитель рода обретал идентичность и смысл жизни

благодаря связи с ушедшими предками, о которых напоминали маски, статуэтки и другие зримые символы ежедневного поклонения. Значение индивида вне вечно обновляющегося рода, воплощающего собой жизнь как таковую, было невелико. Там, куда христианство привнесло идею всемирной семьи, управляемой Богом-Отцом, место древних родовых тотемов заняли иконы. Именно они стали символическим центром дома: к ним люди обращались в поисках самоидентификации и подтверждения своей личности.

Большинство современных людей создают в своих домах символическую среду, наполненную образами, которые напоминают им о том, кем они были, подтверждают, кто они сейчас, и намекают на то, кем они хотели бы стать в будущем. Однако сегодня мы не используем готовые, освященные культурной традицией образы, столь распространенные в прошлом. Нам приходится конструировать собственное видение личности преимущественно на основе нашего прошлого опыта. При этом зримые образы предков и семейных корней пока еще сохраняют свое значение даже в самых современных домах. Однако их ценность определяется личным восприятием, а не общепринятым культурным кодом.

Проводя исследование среди более чем 300 членов 82 семей из Чикаго и его пригородов, мы обнаружили широкое разнообразие предметов, представляющих яркие стороны личности своих владельцев. Например, в качестве важных факторов, определяющих личность, люди чаще всего упоминали мебель, стереоустановки, книги и музыкальные инструменты. Один человек питал особую привязанность к креслу в гостиной, практичный и экономичный дизайн которого прекрасно отражал личные ценности хозяина. Его жена обожала старое мягкое кресло с откидной спинкой и подставкой для ног — ведь именно в нем она кормила грудью своих детей. Их сын предпочитал третье кресло, поскольку, прыгая на нем, как на батуте, он чувствовал себя свободным. Каждому из членов семьи эти реальные предметы напоминали о важном аспекте его личности.

Для современных американцев, как и в древних культурах, важнейшим личностным параметром остается отношение к своей родне, выражающееся в домашних символах. Память о предках и родителях сохраняется прежде всего благодаря полученной в наследство посуде и мебели. Кроме того, об отцах больше напоминают картины, а о матерях — статуэтки. Чаще всего люди отмечают важность фотографий, которые напоминают им о детях, внуках или семье в целом. Для бабушек и дедушек фотографии — это самые ценные вещи в доме (37% респондентов). Их упоминает каждый шестой родитель (22%). Однако среди представителей младшего поколения о фотографиях говорят лишь 10% (15-я по частоте упоминания категория). Для остальных респондентов-подростков (45%) главные предметы в доме — стереоустановки.

Еще один аспект личности, символически представленный домашней обстановкой, — это идеалы живущего там человека. Чаще всего это книги (27% случаев), растения (12%) и музыкальные инструменты (7%). Но также это могут быть пара старых альпинистских ботинок, призовой кубок или дневник, который человек вел в старшей школе.

Наши ценности, верования и даже ощущение личной целостности постоянно подвергаются ударам извне. И каждый день, возвращаясь домой, люди не только восстанавливают там свои физические силы, но и, взаимодействуя с предметами, несущими образ желаемой личности, укрепляют и восстанавливают свою идентичность.

Коллективные образы

Иной набор образов вступает в действие, когда люди встречаются в общественных местах, чтобы создать или заново определить свою коллективную идентичность. От первых неуклюжих танцев у костра наших человекоподобных предков до невообразимых церемоний открытия и закрытия последних Олимпийских игр, транслировавшихся по телевидению на весь мир, мы стремимся символически выразить нашу

связь с другими людьми и с таинственными силами космоса. Это, по большей части, слуховые и кинестетические, а не визуальные образы. Например, ритмичные племенные танцы или ритуальная гуделка австралийских аборигенов чуринга, звук которой символизирует всемогущую духовную силу. По словам Дюркгейма, она «считается одной из самых сакральных вещей, самым важным предметом религиозного культа». Или трубы молимо, с помощью которых африканские пигмеи из лесов Итури пробуждают священные деревья, когда племя угрожает опасность. Во всех этих случаях — как и в столь любимых нами в юности рок-концертах — звук обволакивает каждого человека и порождает в его душе ощущение причастности к единой могущественной группе. Возможно, без таких коллективных переживаний мы чувствовали бы себя совсем одинокими и беззащитными.

Очень древний инструмент, визуально связывающий людей со сверхъестественными силами, — это церемониальные маски, обычно представляющие богов, героев или духов предков и служащие главными средствами групповой самоидентификации. Для хопи¹, как и для представителей племен Новой Гвинеи, ношение маски — один из самых распространенных способов превратиться из ничтожного смертного в некое могущественное, важное существо. Хорошо описывает трансцендентальную функцию масок Монти:

«С психологической точки зрения происхождение маски можно объяснить атавистическим стремлением человека убежать от самого себя, дабы обогатить свой опыт иными существованиями (очевидно, что это желание невозможно удовлетворить на физическом уровне) и стать сильнее, отождествляясь с космическими, божественными или демоническими силами, какими бы они ни были. Это стремление выйти за пределы ограничений, налагаемых на человека жесткими рамками его

¹ Хопи — племя американских индейцев, живущее в резервации на северо-востоке Аризоны. — *Прим. пер.*

индивидуального существования и циклом рождения-смерти, которые не позволяют сознательно выбирать “экзистенциальные приключения”».

Дописьменные культуры создавали и более абстрактные коллективные образы различных сил, в чье существование они верили. В Австралии среди священных предметов племени арунта, символизировавших сущностную мощь клана, была *нуртурья* — пучок прутьев или копий, который устанавливали в центре деревни во время проведения ритуалов. У римлян тот же символ означал право государства наказывать нарушителей закона. Гражданских чиновников в Древнем Риме окружали ликторы, несшие пучки березовых или вязовых прутьев, перетянутые красными шнурами. Везде, где появлялись эти *фасции* — символ коллективной власти, недовольные затихали в благоговении перед ним. От фасций в 1919 году получила свое название фашистская партия Муссолини, что также отразилось в ее лозунге *L'Unione fa la forza*¹: легко сломать каждый прут в отдельности, но когда они вместе — невозможно. Универсальность этого символа «силы в единстве» подтверждает тот факт, что его можно увидеть и на трибуне Палаты представителей США.

Коллективные религиозные символы также обозначают власть, только не светскую, а духовную. Как заметил Генри Адамс, великие средневековые соборы были гигантскими кладезями психической энергии, чем-то вроде больших электротурбин столетней давности. Их современные аналоги — ядерные реакторы, суперколлайдеры и космические центры. Они трансформируют необходимые для их создания человеческие усилия во внушающие священный ужас образы таинственной силы, которые, в свою очередь, повышают самооценку тех, кто с ними отождествляется.

Коллективное могущество, особенно его религиозная разновидность, не обязательно подразумевает физическую

¹ В единстве сила (итал.). — Прим. пер.

мощь или власть над материальными объектами. Множество готических соборов посвящено Деве Марии, и для христианской иконографии в целом гораздо более характерны образы кротости, страдания, мягкости, чем неприкрытой силы. Но как утверждает христианство, кроткие наследуют мир: кроткое заступничество Богородицы смягчило суд Бога-Отца. Власть — вещь гораздо более тонкая, чем мог представить себе Сталин, когда с насмешкой спросил, сколько дивизий под началом у папы римского.

И тем не менее большинство создаваемых людьми на индивидуальном или коллективном уровне образов в некотором отношении служат знаками власти — влияния на других людей, управления развитием событий или просто готовности идти своим путем. Конечно, с эволюционной точки зрения это важная функция образов личности. Можно утверждать, что они дают нам цели, открывающие новые возможности, и влекут нас к будущему. Но, может быть, на этом пути лучше взять себе в проводники какие-то определенные образы?

Образы идеальной личности

Где найти созданные человечеством образы, определяющие направление и цель его развития? Само богатство людского воображения затрудняет поиск подходящих примеров. Множество изображений богов, ангелов, демонов и антропоморфных животных поначалу могут показаться яркими образцами для подражания, но в конечном счете их приходится отвергнуть. То, как культура представляет богов и демонов, отчасти помогает нам понять, что она понимает под сверхчеловеческими силами, но ее истинные устремления проявляются в реальных мужских и женских образах.

Традиционный для Запада идеал человека почти 3000 лет назад сформировали греческие скульпторы. Своеобразные, но хорошо узнаваемые образцы были созданы в Египте, Китае и Индии. Гораздо труднее обнаружить индивидуальные образы действительно живших мужчин и женщин не в так называемые

мых великих цивилизациях. Типичный стиль высокоразвитых культур Меланезии, Африки и Нового Света правильнее всего будет назвать экспрессионистским. Тела обычно непропорциональны, чтобы подчеркнуть желаемые или значимые с магической точки зрения черты — огромные глаза, гипертрофированные гениталии. Положения тела следуют заданным образцам и ритуальным предписаниям.

Конечно, может быть, резьба на боевом каное маори и фриз древнеегипетского или древнегреческого храма отличаются лишь пропорциями, а образы, созданные в незападных культурах, отображают идеального человека своего времени. Застывшая, предписанная ритуалом поза могла означать, что человек дисциплинирован, владеет своим телом и пребывает в гармонии с законами племени и богов. Приапический фаллос явно идеализировался — что может быть эталоном для мужчины, как не сексуальные сверхспособности? Даже фараоны окружали себя огромным фаллическими обелисками, а постаменты для римских бюстов были украшены эрегированными пенисами.

Несколько более твердую почву для истолкования смысла скульптурных изображений человека дает классический период греческой культуры. Вот, например, как Арнольд Хаузер интерпретирует иконографию архаических курсов VII века до н. э. и более поздних статуй времен Поликлита:

«Тогда закладывались основы этики благородного сословия: концепция арете с ее культом физической подготовки и воинской дисциплины, основанная на традиции, рождении и расе; концепция *калокагатии* — идеального соотношения телесного и духовного, физических и моральных качеств; и софросюне с идеалом самоограничения, дисциплины и умеренности».

Хаузер утверждает, что в Греции конца аристократического периода благородное воинское сословие, начавшее уступать политическую власть богатеющему классу торговцев, решило запечатлеть свои сословные добродетели в мраморе.

Очевидно, правление военной аристократии было основано на физической выносливости, умеренности, самодисциплине. Эти статуи должны были сдерживать стремление амбициозных торговцев узурпировать власть. Кроме того, Хаузер полагает, что статуи, созданные несколько столетий спустя в эпоху Праксителя и Лисиппа, отражают новые ценности, принесенные в Афины классом торговцев. В новых человеческих фигурах видится гуманистическая просвещенность, отдающая предпочтение красоте перед силой, гибкости ума перед твердостью характера, естественности перед дисциплиной.

Многие идеалы, воплощенные в древнегреческой скульптуре, можно обнаружить и в изображениях человека, типичных для культуры Востока, особенно в фигурах мудрецов и бодхисатв — просветленных существ. Блаженная улыбка, сконцентрированная энергия и безмятежность греческого курiosa, подчиненного некоей внутренней дисциплине, повторяются в тысячах образов Будды по всей Восточной Азии. Несмотря на значительные культурные различия, все великие цивилизации от Египта до Японии считали подобное состояние сознания высочайшим проявлением личности — спокойная сила, сдержанная энергия человека, пребывающего в мире с собой и Вселенной.

Что-то от этой внутренней безмятежности осталось и после падения классических цивилизаций. В глазах суровых византийских ликов сохранилось некое подобие того душевного спокойствия. Затем оно перекечало в средневековые изображения. Великолепные фрески в соборах ярко и красочно изображали в наставление верующим идеал христианской жизни. Мученики и девственницы являлись прихожанам в полном цвете своего морального превосходства, тут же можно было увидеть, какое воздаяние их ждет, а терзания тех, кто отказывался жить по законам Церкви, изображались в ужасающих подробностях.

Христианские наставники верили, что образы святых прекрасно демонстрируют детям желанные добродетели, а может,

и действительно внедряют их в юные души. Вот как в конце XIV века Джованни Доминичи советует украсить свой дом:

«...изображения святых отроков, юных девственниц, в коих твой сын, еще в пеленах, увидит себя... Я хотел показать им Агнессу с ягненком, Цецилию с увитой розами головой, Елизавету с цветами в руках, Катерину на колесе и другие образы, которые с младых ногтей привьют им любовь к девственности, стремление ко Христу, ненависть к греху, отвращение к тщеславию и совету нечестивых и позволят со временем узреть Святого всех святых».

В эпоху Возрождения, как и во времена Праксителя в Греции, человеку почти удалось выйти из своей «скорлупы» и обрести ни с чем не сравнимую естественность и свободу. Опьяненные невиданными возможностями, художники придают фигурам любое положение и облик. Человечество может стать чем угодно. Источник его силы подчинен уже не божественной власти, а решимости индивида полностью реализовать свой потенциал. Как говорил в начале XVII века Джулио Манчини, мастерски написанная картина помогает даже родить красивых детей:

«То, что возбуждает сладострастие, должно находиться в опочивальнях. Отцу семейства нужно прятать это и доставать лишь, когда он идет туда со своей женой или не слишком разборчивой наложницей. Подобные сладострастные картины хороши в комнате, где муж сходится со своей супругой, поскольку они возбуждают его и помогают зачать красивых, здоровых, очаровательных детей... поскольку каждый родитель, созерцая такие картины, запечатлеет в своем семени суть ее образа».

Возрожденческого оптимизма хватило на несколько веков. К концу Первой мировой войны лишь немногие художники сохранили веру в возможность человеческого совершенствования. Последние несколько поколений человеческое тело изо-

бражалось в формах, невиданных в Европе с тех пор, как великие цивилизации начали свой трудный путь к лучшему будущему. Великие художники XX века перестали идеализировать мужчин и женщин и обратились к непропорциональным человеческим фигуркам примитивного искусства, детским каракулям и творчеству душевнобольных. Пожалуй, было бы ошибкой полагать, что африканцы — создатели масок, вдохновлявших Пикассо и Клее, — выражали в своем творчестве, как утверждают некоторые критики, исконный экзистенциальный ужас. Однако очевидно, что западные художники, заимствуя эти образы, в искаженных чертах на картинах выражали свое видение отчаянного положения человека.

Уже многие годы художественный мейнстрим, по-видимому, не пытается создать жизнеспособную модель личности. В наш век только три течения предлагали идеализированные человеческие образы. Два из них были политическими. Конструируемые ими с помощью искусства утопические проекты оказались полностью провальными. Фашистские режимы представили грубую, силовую версию греческого идеала арете в качестве образца для арийской расы, призванной наследовать землю. Статуи, окружавшие Итальянский форум¹ Муссолини или гитлеровские министерства в Берлине, были воплощением свирепого, безжалостного, роботоподобного человека — идеала правящей идеологии. Еще одним идеалом, вдохновленным политической идеологией, был соцреализм. За полвека коммунистического эксперимента появилось невероятное количество картин и статуй, изображающих розовощекую молодежь, занятую всевозможными полезными делами — сбором урожая, рыбной ловлей, ремонтом тракторов или кормлением детей. Советское искусство, менее монументальное, чем фашистское, было, возможно, и менее содержательным. Изображения личности в советском искусстве, несомненно, были порождены

¹ Итальянский форум — монументальный спортивный комплекс в Риме, построенный в 1928–1938 годах. — *Прим. пер.*

одной лишь пропагандой без всякой связи с реальной жизнью общества, которую это искусство намеревалось описывать. Но хуже всего было то, что оно полностью игнорировало обозримое будущее.

Третья группа образов, представляющих идеальную личность, — это творения западных средств массовой информации, преимущественно коммерческой рекламы. От модниц из 1920-х, рекламировавших косметику и сигареты, до поколения Pepsi и телевизионного спорта, торгующего пивом, в нашем визуальном пространстве безраздельно господствует неприкрытая эксплуатация идеала человека. Ее цель — привлечь внимание к конкретному продукту, связать его с желанными мыслями и чувствами, заставить нас купить его и тем самым увеличить его долю на рынке. Для этого в рекламе продукта обычно изображают здоровых молодых людей в лучшие моменты их жизни.

В идеальной личности, которую нам преподносит коммерческая реклама, нет и намека на уравновешенную самодисциплину греческих героев, духовный экстаз христианских святых, идеологическую исступленность фашистских обнаженных натур или коллективную иллюзию советских рабочих. Они демонстрируют отличное животное здоровье, чувственную сытость, отсутствие груза ответственности и тревог, мешающих потреблять новомодные товары и наслаждаться. Иконография современной рекламы нередко кажется возвратом к фетишизму и тотемизму наших далеких предков. По словам Мартина Эслина, считающего телерекламу религиозным действием, ее моральный мир, в сущности, — «мир политеизма. В нем правит целый пантеон могущественных сил, буквально присутствующих в каждом продукте или услуге... В Древней Греции ветер и вода, деревья и ручьи были населены множеством нимф, дриад, сатиров и других особых местных божеств. Так же обстоит дело и в телерекламе, но ее политеизм довольно примитивен, близок к анимистическим и фетишистским верованиям».

Другие исследователи называют рекламу неким «откровением» — «истиной в последней инстанции, благодаря которой мы постигаем собственную сущность... Более того, каждое ее проявление создает образ, управляющий тем, как мы воспринимаем себя и мир». Этот мир населен полуодушевленными вещами, шумно требующими наших денег и внимания, а обитающие там человеческие личности — потребители, стремящиеся сформировать свою идентичность через приобретаемую продукцию.

Эти образы говорят нам, что высшая цель жизни — беспечные удовольствия. Конечно, эта идея не слишком нова и оригинальна: как показал Сорокин, культуры, ориентированные на чувственность, и культуры, ценящие идеи больше удовольствий, сменяли друг друга на всем протяжении истории. Пожалуй, ближе всего к представлению личности в нынешнем коммерческом искусстве свободный человек, отображенный в искусстве Возрождения. Причем современный зритель наверняка сочтет образ человека Возрождения более интересным и развитым интеллектуально и эмоционально, чем его нынешние охваченные нарциссизмом и потребительским фетишизмом подопытия.

Итак, мы пришли к выводу, что на нашей памяти ни художники, ни два великих политических движения XX века, ни коммерческая энергия нашей эпохи не сумели создать жизнеспособный образ личности, который может послужить моделью для реального будущего. Означает ли это, что у нас не осталось идей для нового тысячелетия и художники вправе изображать человека по-детски схематично или каракулями шизофреника? Верно ли их подспудное понимание, что в сложившейся ситуации невозможно создать позитивное изображение человека? Или это временный застой нашего воображения, и можно надеяться, что в дальнейшем появится новое представление об идеальной личности?

Личность будущего

Я исхожу из предположения, что верно последнее. Однако наверняка узнать, каким именно будет это представление, не-

возможно по определению. Но поскольку вопрос это немало важный, стоит поразмыслить, как можно было бы изобразить желанные для нас качества.

Скорее всего, будущее представление об идеальной личности вберет в себя какие-то из качеств прошлого — в нем соединятся физическое совершенство богини или атлета классической Греции и безмятежная внутренняя сосредоточенность куросов или бодхисатв. В этом единстве противоположностей заключено высшее проявление человеческой сложности. Но можем ли мы сейчас найти подобные примеры? Возможно, нам стоит поискать вдохновения в фильмах — у Гэри Купера в «Ровно в полдень»¹, в «Семи самураях»², либо в образах бесстрашной исследовательницы космоса Принцессы Леи³ и Люка Скайуокера?

Можно пойти еще дальше, допустив, что внешние качества, такие как красота, уверенность в себе, имидж, станут играть все менее заметную роль. Серьезные художники больше не хотят изображать внешний облик людей. Но что придет ему на смену? Вероятно, искусство сосредоточится на изображении внутренней сложности. Метафорой личности может стать компьютер — организм как бесконечно сложная машина. Возможно, это будет нечто вроде HAL, главного бортового компьютера в фильме Стэнли Кубрика «2011», или компьютерный мир «Трона»⁴.

В конце концов остается то, что за отсутствием более удачного термина мы называем «космической личностью». В качестве примера можно привести персонаж Кевина Костнера из фильма «Танцующий с волками»⁵. Это модель интеграции

¹ Фильм Фреда Циннемана (1952). — *Прим. пер.*

² Фильм Акиры Куросавы (1954). — *Прим. пер.*

³ Принцесса Лея Органа — персонаж киносаги «Звездные войны», сестра Люка Скайуокера. — *Прим. пер.*

⁴ Фильм Стивена Лисбергера (1982). — *Прим. пер.*

⁵ Герой этого фильма, американский солдат времен Гражданской войны в США, попадает к индейцам и постепенно становится полноценным членом их племени. — *Прим. пер.*

индивида в более сложные группы: другие культуры, человечество в целом, животный мир, природный ландшафт. Наиболее удаленная точка этой траектории — «квантовая личность», определяющая себя через единство с всеобщностью сущего, с пульсирующей энергией космоса.

Очевидно, что перед художниками стоит невероятно сложная задача — вообразить и представить зрителю эти более полные возможности бытия. Но ведь это извечная цель истинного художника! Карл Ясперс писал: «Человеческое существо есть открытая возможность, незавершенная и незавершаемая. Поэтому человек всегда больше, чем то, и отличен от того, что он уже в себе реализовал». Тем не менее мы просто обязаны вообразить, каким может стать человек на следующей ступени своей истории. В противном случае эволюция так и будет идти вслепую. Мы слишком углубились в будущее, чтобы пустить все на самотек. Более того — без значимых моделей, без реалистических образов того, кем мы можем стать, нам не удастся найти путь надежды.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ

Психологи, занимающиеся человеческим развитием, считают, что на разных этапах человеческой жизни присутствуют разные наборы целей. Иными словами, приоритеты распределения психической энергии со временем меняются. Дети обычно предпочитают свои непосредственные физические потребности, любят безопасность, пищу и комфорт, и их личности организованы так, чтобы удовлетворять эти запросы. Некоторые люди задерживаются на этом этапе, продолжая вкладывать всю свою психическую энергию в обслуживание потребностей тела. Но хотя и эти потребности жизненно важны, у большинства людей постепенно формируется и даже выходит на первый план новый набор ценностей, основанный на потребности в принятии, любви и уважении других людей. Человек начинает следовать правилам своего окружения, даже

если это не приносит немедленной отдачи, и старается стать надежным и ответственным членом общества. Однако если он признает лишь эти ценности, возникает опасность того, что в его жизни воцарится бездумный конформизм. Со временем для некоторых людей эти социальные ценности, в свою очередь, порождают новые, подлинные цели — стремление к независимости и автономии. Люди, достигшие этого уровня развития, — особенные, редкие, интересные индивиды. На последнем этапе человек, отделивший (дифференцировавший) себя от других, направляет свое внимание на достижение более общих целей и радуется возможности быть сопричастным и содействовать тому, что превосходит его собственную личность. И не по принуждению или из конформизма, а вследствие обоснованной убежденности.

Эту модель более или менее независимо друг от друга описали многие ученые, исследовавшие то, как меняется человек в течение жизни. Вот некоторые примеры: психолог Абрахам Маслоу, рассмотревший преобразование основных потребностей в ценности; Ларри Колберг, исследовавший развитие нравственности; Джейн Ловингер, изучавшая формирование эго, а также Джеймс Фаулер, стремившийся понять становление веры. Каждый из этих представителей общественных наук описывает диалектическое движение между дифференциацией и интеграцией, между вниманием, направленным внутрь и наружу, между приданием ценности личности и общественной группе. Это не круговое движение, возвращающееся к своему началу. Оно, скорее, подобно восходящей спирали, где интерес к себе становится все менее эгоистическим, а интерес к другим все более индивидуализируется и обретает личный смысл. Именно этот процесс духовного роста может привести к появлению человека, подобного Альберту Швейцеру, философу, великолепно исполнявшему на органе Баха и посвятившего большую часть своей жизни организации бесплатной больницы в Габоне, на территории бывшей Французской Экваториальной Африки, или людей вроде поэта Фалуди и Сьюзи Вальдес.

Это направление жизненного развития характерно не только для США или Запада. Мы видим то же восходящее движение, попеременно проходящее через полюса личных и общественных ценностей, и в других культурах. Идеальный жизненный путь мужчины-брамина пролегает между теми же полюсами: сначала он должен быть послушным сыном, затем теологом, в середине жизни он благополучный фермер и семьянин, а в старости, оставив активную жизнь ради уединенных размышлений вдали от людей, становится монахом. Но, пожалуй, самое интересное заключается в том, что модель изменения целей отдельных людей в течение жизни соответствует эволюции личности в истории человеческого рода.

Ученые, исследующие биологическое развитие человека, любят говорить о том, что процесс от зачатия до окончательного формирования плода в утробе матери напоминает эволюцию всего вида, длившуюся миллионы лет. Утверждение «онтогенез повторяет филогенез» опирается, например, на тот факт, что человеческий эмбрион в матке сначала напоминает рыбу, затем лягушку, потом поросенка и другие эмбрионы млекопитающих. Слово каждый ребенок в «ускоренной перемотке» за несколько месяцев воспроизводит весь долгий процесс эволюции человечества.

Возможно, тот же принцип верен и в отношении развития личности. Не исключено, что выживание и безопасность были единственными важными целями на первых этапах человеческой эволюции, когда для женщин главной была плодовитость, а для мужчин — смелость. Затем, по-видимому, долгие тысячелетия высшими ценностями считались те, что способствуют сплочению общества, в основном религиозные. Можно предположить, что сейчас мы находимся в конце этой фазы. Однако поскольку большинство людей, даже в такой индивидуалистической культуре, как американская, превыше всего ставят следование общественным нормам, в будущем могут возникнуть даже более жесткие системы социального контроля, чем те, что смогли представить себе Хаксли, Оруэлл

и Кестлер, которые описали в своих романах, как постоянное наблюдение и наркотические препараты держат людей в бездумном подчинении. Вполне возможно, что нас еще ждут тысячелетия подчинения усиливающемуся диктату власти.

И все же с тех пор как греки стали ценить независимость и индивидуальный взгляд на мир, все больше людей стремятся реализовать свой личный потенциал. Светский гуманизм, выросший из представлений мыслителей Возрождения об индивидуальной автономии, на место подчинения коллективной воле поставил творческое устремление отдельного человека, самостоятельно определяющего свои приоритеты. И лишь немногие из этих людей нашли способ направить свою с трудом добытую уникальность на общие цели, то есть достижение того, что мы здесь называем трансцендентной личностью. Не исключено, что пройдут еще миллионы лет, прежде чем эти ценности станут достоянием большинства. Но времени может и не хватить, так что нам стоит поискать способы ускорить этот процесс. Теперь, когда для человечества с каждым годом возрастает риск уничтожить себя и природу, эгоизм, конформизм и даже стремление к уникальной индивидуальности уже не могут дать нашей жизни значимую цель.

ПОТОК И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ

Дети учатся говорить, потому что им нравится задавать вопросы, и учатся ходить, чтобы попасть туда, куда им хочется. Учиться так здорово! Восторг ребенка, сумевшего удержаться в седле вихляющего велосипеда, или малолетнего правонарушителя, впервые стянувшего кошелек у прохожего, — вот типичные примеры потока в полном смысле слова.

Каждое переживание потока вносит свой вклад в развитие личности. Чтобы оставаться в состоянии потока, человек должен формулировать свои намерения и уметь оценить свое продвижение к цели. Личность состоит преимущественно из информации о целях и обратной связи. Поэтому каждое

новое пережитое нами состояние потока немного изменяет нас. В наше сознание поступает свежая информация о том, что это такое — наша личность. Например, ребенок, выучившийся кататься на двухколесном велосипеде, вечером ложится спать, гордясь тем, что сегодня стал чуть взрослее, а юный карманник засыпает с осознанием того, что наконец-то стал профессионалом.

Концепция сложности поможет нам лучше понять, каким образом поток воздействует на личность. Как мы уже говорили, сложность организма определяется степенью его дифференциации и интеграции. Это равно применимо и к моллюску, и к компьютеру, и даже к личности. В опыте потока участвуют оба эти аспекта.

Чтобы войти в состояние потока, мы прежде всего должны выявить некую возможность действия, или задачу. Для этого, в основном, и необходима дифференциация. Чтобы поставить себе задачу, необходимо отказаться от старого доброго и проверенного, быть открытым необычным возможностям, стремиться к новому, быть любознательным, готовым рисковать и экспериментировать. Обычно мы находим задачи, соответствующие нашему темпераменту или врожденным способностям. Спортивного ребенка привлекают физическая активность и соревнования, а того, кто особо чувствителен к звукам, — музыкальные инструменты. Каждый человек находит немного иные возможности действовать и благодаря этому постигает ограничения и способности своей личности. Тем самым он приближается к реализации своей уникальности.

Второй параметр сложности связан с обретением умений. Решая задачи, человек присоединяет использованные в этих ситуациях навыки к своему набору умений. И это процесс интеграции. Для того чтобы обрести новое умение, нужны дисциплина и настойчивость. А чтобы соотнести новое умение с уже имеющимися свойствами личности и приоритетами, требуются определенная мудрость и знание себя. Музыка увлекает почти всех детей в тот или иной период их жизни, и боль-

шинство из них хотели бы научиться играть на каком-нибудь инструменте. Но лишь немногие достигнут того уровня, когда не стыдно выступить перед публикой, а некоторых из них музыка захватит настолько, что вся их жизнь окажется подчинена потоку звуков. Семья, друзья и другие радости жизни потеряют смысл и в конце концов будут преданы забвению. Так неспособность интегрировать музыку с другими целями вредит сложности личности.

T-человек гармонично сочетает следующие противоположные тенденции: он самобытен — но систематичен, независим — но ответственен, дерзок — но дисциплинирован, следует интуиции — но и здравому смыслу. Он в хорошем смысле слова гордится своей уникальностью, но при этом питает неподдельный интерес к другим людям, заботится о них. Легко находиться на каком-то одном из этих полюсов, но куда сложнее охватить их одновременно. И лишь преодолев кажущееся противоречие между ними, личность сумеет полностью погрузиться в поток эволюции.

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И МУДРОСТЬ

На чем прежде всего должен сосредоточиться человек, стремящийся стать трансцендентной личностью, — на развитии умений или на способности выявлять задачи? Мы считаем, что организм должен одновременно развиваться во всех направлениях. Нельзя сначала сформировать скелет, а затем облечь его плотью — ни одна из частей тела не достигает завершенности независимо от остальных. В нашем случае лишенный умений человек не сможет выявить задачу, но и не начав решать ее, невозможно реализовать свои умения. В реальной жизни оба эти аспекта развиваются параллельно, но поскольку текст читается последовательно, нам придется рассмотреть их по очереди. Мы начнем с умений, ведущих к трансцендентности.

В большинстве культур, достигших уровня сложности цивилизации, в основном ценятся способности, связанные

с определенным ментальным процессом, который, за неимением лучшего термина, можно назвать «духовным». Духовные умения позволяют непосредственно управлять опытом, воздействуя на мемы, гармонизирующие мысли людей, их эмоции и волю. Тех, кто практикует эти умения, называют шаманами, священниками, философами, художниками и просто мудрыми людьми. Их уважают, помнят, и даже если у них нет ни богатства, ни власти, общество, в котором они живут, ищет их совета и дорожит ими.

На первый взгляд трудно понять, почему в большинстве обществ так ценится духовный вклад в человеческую жизнь. С точки зрения эволюции он, казалось бы, не столь важен для выживания. Труд крестьян, строителей, торговцев, политиков, ученых и рабочих приносит очевидную, конкретную пользу. Но что дает духовная деятельность?

Все формы духовности стремятся уменьшить энтропию сознания. Цель духовной деятельности — гармонизировать конфликтующие желания, найти смысл в жизненных случайностях и увязать цели человека с воздействующими на них внешними силами. Духовность ведет к сложности, она проясняет составляющие человеческого опыта — добро и зло, любовь и ненависть, удовольствие и боль, и стремится выразить это в общедоступных мемах, интегрируя их и связывая с внешним миром.

Эти усилия, направленные на создание гармоничного сознания, зачастую — хотя и не всегда — основаны на вере в сверхъестественное. Многие восточные духовные практики, как и античная философия стоиков, пытались развить сложное сознание, не прибегая к идее Верховного существа. Одни из них, такие как индийская йога или даосизм, сосредоточены исключительно на достижении гармонии и власти над разумом и не стремятся уменьшить социальную энтропию. Другие, например позднее конфуцианство, в первую очередь нацелены на создание общественного порядка. Как бы то ни было, историческая роль этих практик несомненна: снижение ко-

личества конфликтов и беспорядков посредством духовной деятельности — важный фактор приспособляемости. Без этого люди, скорее всего, впали бы в растерянность и отчаяние, и основным занятием человечества стала бы гоббсова «война всех против всех».

Сегодня в технологически продвинутых обществах наблюдается спад духовности. Отчасти это объясняется постепенным снижением доверия к мемам, обосновывающим духовный порядок. Их нужно снова и снова воссоздавать в новых формах. В настоящий момент многие важные христианские идеи, на которых почти 2000 лет держались западные духовные ценности, стали противоречить выводам науки и философии. Но хотя религии во многом утратили свое могущество, наука и технология не сумели создать убедительные системы ценностей им на смену.

Очевидно, ни либеральный гуманизм Запада, ни исторический материализм, с таким треском провалившийся в Восточной Европе и СССР, не в состоянии удовлетворить духовные нужды народов. В США посреди невиданного материального изобилия множатся симптомы индивидуальной и социальной энтропии: растет количество самоубийств, жестоких преступлений, венерических заболеваний, нежелательных беременностей, а экономика становится все более нестабильной из-за безответственного эгоистического поведения многих политиков и бизнесменов. Хорошая иллюстрация этой проблемы — когда какой-нибудь из наших лидеров, как, например, бывший президент Буш, во время выборов взывает к семейным ценностям и патриотизму, используя старые клише, совершенно не связанные с тем, что большинство граждан этого общества знают или во что верят. Интуитивно мы прекрасно понимаем, о чем он говорит, и даже со многим согласны, но его слова не подкреплены разумной убежденностью.

Жители бывших социалистических стран, ввергнутые полувековой властью материалистической идеологии в растерянность и скептицизм, жаждут поверить во что-то достойное

или хотя бы принять прежде отвергнутые религиозные и националистические идеи. Синтез современного знания и мудрости прежних религий, на основе которого можно будет создать новые ценности, пока еще остается делом будущего.

Духовность любой культуры, по сути, стремится вырвать сознание из плена генетических программ. Заповеди любой известной религии, как и йогические практики и буддистские ритуалы, заботятся о том, чтобы человек обращался не только к «естественному». Например, традиционный христианский список семи смертных грехов содержит мемы, направленные против поведения, «полезного нам» с точки зрения биологии, но не дальнейшего развития.

Одна из проблем нашего времени заключается в том, что осталось мало работоспособных мемов, направленных на самоограничение. Для большинства людей идея греха безнадежно устарела, да и нерелигиозные попытки направить энергию на сложные цели, например добрососедство, профессиональную гордость, закон и порядок, воспитание ответственности, тоже подрастеряли свою власть над сознанием человека. Однако сейчас как никогда важно помочь людям осознать необходимость самодисциплины. Возможно, когда мы поймем, что можем формировать свое будущее, лишь направляя на эту задачу все свое внимание, до последней искры психической энергии, мы сумеем обуздать естественную жадность нашего «Я» и откликнуться на зов сложности. В конце концов, это не такая уж плохая сделка — взамен чрезмерных удовольствий приобрести непреходящую радость духовного роста!

С духовностью связана идея мудрости. Это качество, пожалуй, лучше всего отражает сущность того, что мы назвали Т-человеком. Это главная характеристика сложной личности. Как предписывает Библия, «главное — мудрость: приобретай мудрость и всем именем твоим приобретай разум» (Притч. 4:7). Но что такое мудрость? Эта идея присутствовала на протяжении всей истории всех цивилизаций, однако совре-

менной науке едва ли есть что сказать по этому поводу. Многие века западное знание развивало специализацию в безудержном стремлении постигнуть внешние проявления людей и вещей. Интерес к таким трудноуловимым вещам, как духовность и мудрость, почти угас. И лишь недавно психология осознала необходимость вновь обратиться к ним.

У мудрости три аспекта. Во-первых, это способ познания, или когнитивная способность. Во-вторых, это особый, одобряемый обществом способ действия, или добродетель. И, в-третьих, это личное благо, поскольку практика мудрости создает внутренний мир и радость.

Три особенности, отличающие мудрость от других когнитивных процессов, мы можем назвать «разум», «научное знание» и «гений». Первая заключается в том, что за изменчивыми внешними сторонами бытия мудрость старается разглядеть его основу — вечные, всеобщие истины. В прошлом основой всезнания считался Бог. Фома Аквинский писал: «Того, Кто считается абсолютной высшей причиной всей Вселенной, а именно, Бога, прежде всего следует называть мудрым». Достигнув определенного возраста, многие ученые испытывают потребность в «мудрости». Они выходят за узкие рамки своей специализации и начинают задавать более общие вопросы о природе космоса. Именно в такой период своей жизни Эйнштейн отверг квантовую механику, поверив в то, что Бог не играет в кости со Вселенной. К сожалению, ученый, пытающийся сменить свою специализацию на мудрость, очень быстро утрачивает доверие коллег.

Однако поиск универсальной истины отнюдь не прерогатива великих ученых и философов. Все, кому не застят свет иллюзии майи, кто смотрит вглубь и не живет автоматически по указке инстинктов и общества, достигли некоей степени мудрости. Первый шаг к мудрости — понять, что мы не можем полностью положиться на свои чувства и верования, а должны стремиться к постижению реальности за пределами нашего восприятия. Это доступно не только выпускникам универси-

тета — как раз наоборот, поговорка «недоученный хуже неученого» относится ко многим из тех, кто, овладев узкой областью знания, полностью удовлетворяется этим и совершенно утрачивает желание двигаться вперед. Интеллектуальное самодовольство не способствует эволюции. Нести свет знания может лишь человек, подобный Сократу, который всю свою жизнь говорил о собственном невежестве.

В наши дни поиск истины, может, и не позволит вам, как Фоме Аквинскому, узреть Бога, но вы осознаете скрытые основы реальности, естественную связь различных сил и процессов Вселенной. Некоторые люди все еще предпочитают называть таинственную силу, объединяющую все это в невероятно сложное целое, Богом. Но какой бы ни была наша вера, нам необходимо как можно скорее осознать, как наши действия влияют на это изменяющееся во времени целое. Такова первая составляющая мудрости.

Следующий аспект — это добродетель (*virture*). Это слово происходит от латинского *vir* — «мужчина». В соответствии со своими сексистскими представлениями о мире римляне считали, что общественно ценное поведение являет лучшие черты мужского характера. Добродетель для них означала мужество, гражданскую ответственность, стоическое принятие неизбежного. И хотя практически любая культура видит в этих качествах добродетели, общество, в зависимости от своих потребностей, может выделять иные черты, например щедрость или религиозное благочестие. В целом это духовные ценности, поскольку они подчеркивают внутреннюю и межличностную гармонию. Их объединяет вера в то, что мудрый человек не только глубоко все обдумывает, но и действует на основании своих выводов. Именно поэтому Платон писал: «Первым из всех достоинств государства приходит на ум мудрость». Аристотель, Фома Аквинский и Кант считали мудрость самым важным качеством судей и правителей.

Лишенные мудрости специалисты могут руководствоваться в своей деятельности знаниями, но, скорее всего, уость

взглядов заставит их отклониться от верного пути. Мудрый человек действует гармонично, поскольку его направляет более широкое понимание общего блага. В этом смысле мудрость пропорциональна величине группы, о благополучии которой заботится мудрый человек. Тот, кто действует, ориентируясь только на ближайшие результаты, менее мудр, чем тот, кто думает о будущем: человек, интересующийся лишь собственным благополучием, менее мудр, чем тот, кто заботится о благополучии своей семьи и других людей. А человек, стремящийся только к одной цели, например к деньгам, здоровью или безопасности своей общины, менее мудр, чем тот, кто понимает, что деньги, здоровье и безопасность взаимосвязаны и они лишь часть условий человеческого благополучия.

Третий аспект мудрости — это, попросту говоря, ощущение блага. Не только древние греки верили в то, что, говоря словами Софокла, «мудрость — верховное счастье». Два тысячелетия спустя Монтень писал: «Отличительный признак мудрости — это неизменно радостное восприятие жизни». Все культуры считали мудреца человеком, пребывающим в завидном состоянии безмятежного счастья. Когда обычный человек, подобно мудрецам, направляет свою психическую энергию на универсальные цели и стремится к общей гармонии, а не только к собственному благополучию, его личность выходит за пределы эгоцентричного механизма, унаследованного нами от далеких предков. Такая личность в процессе своего роста охватывает все более широкие пласты реальности вне ограниченной, смертной телесной оболочки, и по этой причине она менее подвержена тому, что делает других людей несчастными.

Мудрый наслаждается тем, что он часть могущественных сил, пронизывающих Вселенную и проявляющихся в своем временном аспекте в знакомой нам реальности, в данном нам в недолгое пользование теле. Понимая, что личность — это иллюзия, они не воспринимают ее слишком всерьез. Они наслаждаются жизнью, но понимают, что нам открыта лишь малая ее часть (та, за которую так отчаянно держится большин-

ство людей). Поток — их обычное состояние, и неудивительно, что остальное человечество так им завидует.

Но зависть эта, как правило, смешивается с презрением. С тех пор как древнегреческая служанка подняла на смех философа, который увлекся изучением звезд и упал в колодезь, не заметив того, что у него прямо под носом, мудрый вызывает насмешки тем, что, стремясь постигнуть реальность за пределами непосредственного восприятия, упускает из виду очевидное и конкретное. Разумеется, за мудрость приходится платить. Блага и удовольствия обычной жизни оказываются забыты, и, в понятиях иллюзорной реальности майи, жизнь мудреца проходит даром. Значит, как ни парадоксально, чтобы сбросить ярмо собственной личности, требуется изрядная доля уверенности в себе. Но те, кому это удалось, редко сожалеют об этом.

ЗАДАЧИ БУДУЩЕГО

Нельзя увидеть новую возможность, не обладая некоторыми необходимыми навыками. Человеку, незнакомому с математикой, ничего не скажет строка ее символов, но те же символы могут представить интереснейшую интеллектуальную задачу тому, кто разбирается в основных математических концепциях. Отвесные скалы Эль-Капитан в национальном парке Йосемити — для большинства людей лишь впечатляющая серая каменная глыба, но для умелых альпинистов это обещание удовольствий на многие годы. В совершенно одинаковых ситуациях один человек будет скучать, потому что ему нечем заняться, другой придет в ужас от невероятной сложности стоящих перед ним задач, а третий с удовольствием выберет себе задачу по душе и по плечу.

Будет ли у человека возможность действовать и принесет ли ему это радость или заставит скучать, больше зависит от его душевного состояния, чем от объективных физических условий. Например, когда Съюзи Вальдес встретила в Сиудад Хуарез с голодными беспризорниками, она не стала делать вид, что ничего не замечает, но и не позволила увиден-

ному подточить ее душевные силы. Она задалась вопросом, что можно сделать в этой ситуации, и, имея весьма ограниченные ресурсы, нашла способ улучшить, пусть поначалу совсем незначительно, положение бедных. Этот первый шаг дал ей уверенность в себе и знания, и она принялась за более серьезную задачу. Постепенно деятельность Съюзи становилась все сложнее, а состояние потока глубже.

То, чем человек решит заняться, определяется его чувствительностью к тому или иному аспекту окружающей среды. Одни дети замечают малейшую перемену в освещении, все оттенки цветов или считают кирпичи на всех стенах. Наилучшей областью приложения способностей для этих людей может стать изобразительное искусство. Другие чувствительны к звукам, и их привлечет музыка, а те, кто хорошо владеет своим телом, займутся спортом или танцами. Фалуди стал поэтом благодаря своим необычайным способностям к языкам. Лайнус Полинг, когда ему было пять, помогая отцу смешивать лекарства в подсобке аптеки, решил разобраться, почему при соединении разных веществ свойства материи изменяются. Это детское любопытство принесло ему Нобелевскую премию и до сих пор — а ему уже за девяносто — дает ему силы жить. Вера Рубин, одного из самых выдающихся астрономов США, впервые привлекли звезды, когда еще ребенком она каждый вечер смотрела на небо с чердака. «Я просто не могу понять, — говорит она, — как можно не хотеть стать астрономом». Что ж, смотреть на звезды может каждый, но лишь немногие способны превратить это занятие в дело своей жизни, как Вера Рубин.

К сожалению, гораздо проще ориентировать свою личность на цели, ведущие к застою, а не росту. Возможно, одна из важнейших причин того, что столь многие люди направляют внимание внутрь себя, пытаясь защитить свою личность и оставаясь безучастными к окружающему миру, — боязнь утратить контроль над своей психической энергией. Дети, ощущающие нехватку любви, свое бесправие, постоянное чувство вины, родительский контроль и манипулирование, зачастую расходуют

все свои ресурсы на бесконечные попытки доказать, что заслуживают любви и внимания. Вряд ли у них остается энергия на то, чтобы удивляться звездам.

Если такому ребенку повезло родиться с талантом или развить какие-то умения, стремление к самоутверждению позволит ему достигнуть очень многого. У выдающихся взрослых нередко бывает печальное детство, и их стремление показать себя обычно заметно и во взрослом возрасте. Они могут быть несчастливы, могут генерировать общественную энтропию, а не порядок, но все же они способны направить свою энергию на достижение сложных целей и добиться неординарных результатов. Примеры тому — Уинстон Черчилль, Джон Рокфеллер, Пикассо и Эйнштейн.

С другой стороны, если умений у ребенка немного и он не склонен решать сложные, но интересные задачи, потребность доказать свою важность может сделать его жестоким и непокорным. Всегда легче произвести впечатление, усиливая энтропию, а не создавая бóльшую сложность. Девочка-подросток понимает, что ее беременность скорее привлечет внимание родителей, чем хорошие оценки в ее дневнике. Беременев, она может показать родителям, что готова поступать по-своему, а получая хорошие оценки — нет. Также и мальчики-подростки понимают, что лучшие доказательства их свободы — это драки, «плохое» поведение, наркотики и случайные половые связи. Они бравируют своей способностью добираться до запретных плодов, утверждая свою независимость. Им неинтересно направлять энергию на преумножение гармонии, главное для них — защитить свою личность.

Когда-то я был знаком с молодым человеком из известной в Новой Англии семьи. Красивый, статный, выпускник дорогой частной школы, он, тем не менее, казался очень неуверенным в себе. Сквозь маску вежливости и невозмутимости порой проступали внутренняя пустота, отсутствие энергии, энтузиазма и любознательности. Я так и не узнал, что опустошило душу Зика. Причин может быть много, и гадать смысла нет. Факт

тот, что первые два года в колледже он был похож на лунатика. А потом, когда я встретил его после летних каникул, Зик выглядел другим человеком. Он держался уверенно, смотрел в глаза и улыбался. Общался живо и без напряжения.

Желая узнать, что же так повлияло на Зика, я спросил, как он провел лето. Можно было даже не спрашивать — ему и самому не терпелось рассказать. Оказалось, что он нанялся на Аляске на пароход, который плавал по бурным арктическим морям от острова к острову, останавливаясь везде, где были лежбища тюленей. Моряки сходили на берег и торопливо забивали дубинками детенышей. Зик с явной гордостью рассказывал о трудностях морской жизни, о том, как нелегко попасть тяжелой дубинкой в нужное место на шее тюлененка, и о том, что снять с тушки шкуру — целое искусство. Как и многие миллионы молодых людей до него, Зик нашел в хаосе некую возможность самореализации.

Общество дает своим членам много возможностей сформировать личность, нанося — в рамках закона — вред другим существам. Беттис, защитник из футбольной команды университета Нотр-Дам, говорит: «Главное для защитника — уметь причинить боль». И он выражает мнение многих игроков. По словам бабушки Беттиса, в детстве он был плаксой. Его постоянно били старшие братья и их приятели. Теперь, когда в нем больше ста килограммов сплошных мышц, он может постоять за себя. В одной из своих поэм Дьёрдь Фалуди пишет, что у молодых охранников, когда они избивали политических заключенных в застенках тайной полиции, наступала эрекция. Ранить и убивать другие существа — проверенный способ доказать силу своей личности. И от этого можно получать удовольствие, если другие источники потока закрыты.

Это может укрепить личность, но вряд ли создаст человечеству гармоничное будущее. Наши способности увеличивать вокруг себя энтропию поистине невероятны, но, позволяя ей направлять наши действия, мы лишь усиливаем хаос. Как сделать наши цели оптимальными? Какие действия помогут нам испытывать состояние потока и создавать более сложную лич-

ность, но в то же время вносить свой вклад в эволюцию? Пожалуй, пришло время составить из добытых нами «кусочков» знания единый ответ.

Самое главное — необходимо научиться наслаждаться жизнью. В самом деле, нет смысла влачить существование, не научившись ценить жизнь во всей ее полноте. С трудом верится в праведность человека, если душой он несчастен. Может, его поведение и образец для подражания, но в его сознании скрыта опасная энтропия. Поток хорош и сам по себе, но, возможно, это также лучший способ упорядочить жизнь общества.

Однако наслаждение не придаст эволюции верное направление, если в состоянии потока нас будет вводить не та деятельность, что расширяет личность. Поэтому необходимо также стремиться к большей сложности. Неизменная любознательность, стремление находить новые, интересные задачи в соединении с готовностью развивать нужные умения позволяют нам учиться всю жизнь. При таком подходе и в девяносто лет человек будет свеж и интересен, а без него и здоровый юноша покажется вялым и скучным.

Еще одна черта трансцендентной личности — овладение мудростью и духовностью. Это способность проникать вглубь вещей, не попадаться на удочку лживых уверений мемов и паразитов, постигать суть взаимоотношений сил, влияющих на сознание. Это также развитие внутренней дисциплины и чувства ответственности, позволяющих не поддаваться приказам наших генов и не слушать «песни» сирен-мемов. Без этих навыков очень легко оказаться запертым в темнице своего разума, работы, религии, утратить связь с единством всего живого, коего мы лишь малая, но не бессмысленная частица.

И последнее. Для гармоничной эволюции необходимо умение направлять нашу психическую энергию на будущее. Личность человека, чье внимание полностью сосредоточено на настоящем или на борьбе с возможными опасностями будущего, окажется за пределами потока эволюции. Он утратит связь с будущим и свое место в нем. Лишь те, кто верит в зав-

тра, кто готов попытаться свои силы в решении непредвиденных задач, сумеют создать будущее в глубине своей личности.

Сконцентрированные на самих себе люди, влияя на будущее, нередко увеличивают энтропию и эксплуатацию. У Христофора Колумба, несомненно, был огромный дар предвидения, но маловато мудрости. Он смотрел далеко вперед, но его желание обогатиться и стремление к личному могуществу в конечном счете отрицательно сказались на его достижениях. Эволюция требует от нас вложений в гармоничное будущее. Мы должны стремиться не только к личному благополучию или достижению целей, в которые мы верим сейчас, но к благополучию всего живого, какие бы странные формы оно ни приобрело завтра. Люди, направляющие часть своей жизненной энергии на это ничем не обусловленное будущее, достигают самореализации. Они становятся частью потока эволюции, будущее начертано в их душах. И что бы ни случилось с их бренными телами, их сознание повлияет на матрицу возрастающей сложности и на формы будущей энергии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Кто такие Т-люди?

Как вы определяете трансцендентную личность — человека, выделяющегося среди прочих? Можете ли вы назвать такого человека?

От чего вы должны отказаться в своей жизни, чтобы стать Т-человеком?

Что такое личность

Можете ли вы описать личность одного из самых близких вам людей — партнера, родителя, ребенка, друга, — осно-

вываясь на их целях: какие из них самые важные, на что эти люди преимущественно направляют свою психическую энергию?

Если цели определяют личность, какие из них наиболее важны для вас? Какие из них скорее всего приведут к трансцендентности?

Развитие представлений об идеальной личности

Каков сейчас, на ваш взгляд, наиболее точный образ идеальной личности в нашей культуре?

Представляете ли вы себе внешний облик идеального человека? Как бы он себя вел?

Развитие личности в течение жизни

Изменились ли ваши приоритеты за последние 5 лет? 10 лет? 20 лет? Важны ли для вас те же цели?

Каким вы будете в конце жизни?

Поток и личностный рост

Счастливы ли — в относительном смысле — и довольны ли те люди, которых вы уважаете и на которых равняетесь? Почему?

Входите ли вы в состояние потока, занимаясь тем, что ведет к большей сложности? Что это за деятельность и можете ли вы посвящать ей больше времени?

Духовное совершенствование и мудрость

Знакомы ли вы с мудрыми людьми? Если да, то каковы их наиболее очевидные особенности?

Какие духовные качества вы развили в себе? Если таковых нет, какое из них вы хотели бы иметь? Что для этого нужно сделать?

Задачи будущего

Что, по-вашему, можно сделать для увеличения сложности в масштабах вашего района или города?

Какой вклад вы могли бы внести в решение этих задач?

Поток истории

Быть трансцендентной личностью, такой, как мы описали ее в предыдущей главе, дело нелегкое. Пока человеку приходится развиваться в одиночку, лишь самые прилежные и удачливые могут наполнить свою жизнь переживанием потока. Однако горстка одиночек не сможет направить к сложности все человечество. Чтобы большинство людей активно участвовало в эволюции, общественные институты должны поддерживать поток и упорядоченность сознания. Поэтому две последние главы этой книги мы посвятили вопросу, как сделать сложность частью общественной жизни.

При внимательном рассмотрении эволюции сложности сразу становится ясно, что этот процесс идет не столько в душах людей, сколько в их информационном поле — культуре, в которой они живут. Человек — просто носитель информации. Мы с вами можем направить свою психическую энергию на самые многообещающие ценности и идеи. Благодаря этому наши личности станут сложнее, и мы приблизим гармоничное будущее. Однако развивается не только личность в телесной оболочке, распадающейся после смерти. Сохранится и будет расти информационный паттерн, формирующийся в процессе нашего существования: наша любовь, вера, знания, умения, прозрения, повлиявшие на ход вещей вокруг нас. Неважно, насколько умен, мудр, альтруистичен человек. Он способен вли-

ять на эволюцию, лишь делая культуру сложнее, служа другим примером, изменяя обычаи, верования и знания так, чтобы их можно было передать грядущим поколениям. Мы вносим свой вклад в эволюцию с помощью мемов, распространяемых социальными системами.

Социальные и культурные системы — тоже организмы в широком смысле этого слова. И, подобно другим организмам, они бывают более или менее сложными в зависимости от степени их дифференцированности и интегрированности. Например, армейское подразделение не слишком дифференцировано: люди на каждом из уровней его иерархии в той или иной степени взаимозаменяемы. Если вы рядовой, ваша личность интересна вам самому или вашим товарищам, но в масштабах всей армии вы всего лишь номер. С другой стороны, хорошая армия прекрасно интегрирована: каждое боевое подразделение обеспечено отлично функционирующими интендантскими и медицинскими службами, а также системами коммуникации. Все происходящее в одном из армейских подразделений немедленно воздействует на все остальные, вызывая соответствующие адаптивные реакции.

Типичный университет — во многом другая крайность. Его сотрудники работают совершенно изолированно от своих коллег. В его стенах поощряются оригинальность и индивидуализм, а обмен информацией и взаимопомощь сведены к минимуму. Создающие максимальную сложность социальные институты, где были бы объединены дифференциация и интеграция, встречаются крайне редко и остаются такими совсем недолго, так как быстро теряют либо гибкость, либо структурированность.

Поскольку мы проводим всю свою жизнь то в одной, то в другой социальной организации и формируемся под воздействием тех ролей, которые играем там, жизненно важно продумать, как можно повысить сложность семей, школ, офисов, фабрик и правительства. Мы не можем требовать от своих детей, чтобы они наслаждались жизнью, не дав им соответ-

ствующих умений и заставляя их расти в среде, предоставляющей слишком мало возможностей для действия. Быть хорошим членом плохого общества непросто. Не изменив среду нашего обитания, мы не сможем повлиять на будущее. Однако прежде чем рассмотреть, благодаря чему общество становится сложным, нам стоит поразмыслить о том, как поток влияет на эволюцию мемов — на технический прогресс и вечно меняющиеся верования и социальные институты.

ПОТОК И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ

Почти полвека назад нидерландский историк Йохан Хейзинга выступил с дерзким утверждением: он заявил, что социальные институты — даже самые уважаемые из них, такие как наука, религия и армия, — начинались в большей или меньшей степени как игра и лишь позднее утвердились «всерьез». Наука возникла из состязаний в отгадывании загадок, религия — из коллективных торжеств, военные организации — из церемониальных поединков, экономика — из праздничного взаимобмена. По мнению Хейзинги, вначале люди собирались, чтобы весело провести время и лишь позднее создали правила, позволяющие игре продолжаться и становиться интереснее. В конечном счете правила стали обязательными, и людям пришлось подчиниться им. Например, условности сегодняшнего суда возникли из публичных споров двух оппонентов, где каждый пытался убедить публику в справедливости своих аргументов. Первые суды были в той или иной степени импровизированными представлениями, увлекательными общественными развлечениями. Со временем различные аспекты этой игры-импровизации были систематизированы, роли судей и адвокатов превратились в постоянные амплуа, и для каждого из них были созданы письменные своды правил. Таким образом, утверждает Хейзинга, суд — это систематизированный потомок развлекательных представлений. В целом же выживают и формализуются практики, доставляющие удовольствие их участникам.

По всей вероятности, поток является мощным механизмом истории. Удовольствие влияет на технический прогресс, и тому есть три основные причины. Во-первых, изобретатели и мыслители любят свое дело и продолжают развивать свои идеи, даже когда шансы на успех крайне малы. Во-вторых, многие изобретения, такие как автомобиль и персональный компьютер, дарят множество приятных переживаний. И, в-третьих, технология развивается потому, что позволяет избавиться от тяжелого монотонного труда и опосредованно улучшает нашу жизнь — например, бытовая техника позволяет нам высвободить время на что-то более приятное, чем работа по дому.

Немало новых идей и способов поведения создают те, кто ищет новизны, устав от рутины или хаоса. Мы привыкли думать, что ученые делают открытия и изобретают всевозможные приспособления из экономических соображений. Но это верно лишь отчасти. Ведь если бы изобретательство не доставляло удовольствия, не было бы открытий и изобретений. Братья Райт надеялись, что их летающая машина окажется полезной и принесет им кучу денег, но они бы не работали дни и ночи напролет над воплощением своего безумного плана только из материальной заинтересованности.

Автомобиль, который изменил нашу жизнь больше, чем все прочие изобретения, и сегодня видится исключительно полезным механизмом, но возник он как предмет развлечения, как «поставщик потока». Люди заинтересовались автомобилями не из-за их полезности, а потому что, как только появились первые «самоходные повозки», человеческое воображение захватила езда и автогонки. Первые водители, джентльмены и механики, проезжали на своих хитроумных устройствах целые континенты по разбитым дорогам и проселкам. Вот как начинается современная рекламная брошюра Alfa Romeo: «В 1910 году появилась компания, которой было суждено особое предназначение. Ее философия была проста — автомобиль не только средство передвижения, а источник радости». Последнее предложение, скорее всего, верно. А заявление, что это

философия только Alfa Romeo, — нет. На заре развития двигателей внутреннего сгорания все производители автомобилей очень хорошо понимали, что торгуют радостью.

На редкость быстрое распространение персональных компьютеров в последние десятилетия также в значительной степени объясняется доставляемым ими удовольствием. Многие авторы отмечали, насколько были увлечены и поглощены своей работой первые создатели ПК. Возникло немало легенд: о «зачарованных» бостонских лабораториях, где круглые сутки люди работают, погруженные в транс мерцанием экранов своих экспериментальных творений; о гараже, где Хьюлетт и Паккард доводили до совершенства свои вычислители, и еще об одном гараже, где Джобс и Возняк собирали первые компьютеры Apple. Пользователи персональных компьютеров ощущают то же, что их создатели, и огромный спрос на эти сложные устройства поначалу был связан не с электронными таблицами и редакторскими программами, а с играми и всякими забавными возможностями. Даже сейчас популярность персональных компьютеров больше объясняется тем, что они позволяют пользователю делать множество самых разных вещей: компьютерная верстка, мультимедийные интерфейсы, телекоммуникации — все это скорее приглашение к приключению, чем практическое решение рутинных задач.

Конечно, ошибкой было бы считать, что практичность никак не влияет на технологическую эволюцию. Но и игнорировать ту роль, которую играет в ней стремление к удовольствию, — недальновидно. Две тысячи лет назад, когда в Малой Азии впервые появилась водяная мельница, греческий поэт писал: «О, девы, ручной свой жернов отложите. Вам больше не нужно вставать до зари, слышав крик петуха». Эти строки указывают на третью причину нашего интереса к новой технологии: она сохраняет нашу физическую энергию и позволяет тратить время на то, что нам больше нравится, — на занятия чем-то еще более приятным или, в конце концов, на то, чтобы просто подольше поспать.

Подсчитано, что в наши дни каждый житель США в течение своей жизни использует больше четырехсот электронных приборов. Может показаться, что все эти вспомогательные механизмы подарили нам величайшее счастье. Но это не так. Как мы подробно рассмотрели в главе 5, мемы, принимаемые нами за полезные, могут легко обратиться в паразитов. Шведский экономист и государственный деятель Стефан Линдер убедительно продемонстрировал, что на определенном этапе приборы в нашем доме начинают сберегать меньше того времени, которое мы тратим на их обслуживание, ремонт и хранение. И хотя, безусловно, лук легче резать острым кухонным ножом, а не скорлупой моллюска, костью или зубами, действительно ли электрический кухонный нож — свидетельство прогресса?

Ни один человек, будучи в здравом уме, не захотел бы вернуться в то время, когда с заходом солнца замирала вся жизнь, когда океаны были непреодолимой преградой и когда мы и не подозревали о существовании вирусов и бактерий. С другой стороны, считать несомненным благом каждое новое открытие опасно. Стоит поддержать технологию, если она делает наш опыт более сложным, но если она создает конфликты и путаницу, лучше ей воспрепятствовать. Помня, что мемы размножаются сами по себе и в своем безудержном стремлении к размножению способны, если их не сдерживать, захватить всю нашу психическую энергию, мы сумеем не превратиться в рабов созданных нами вещей.

Сегодня мы делаем своим детям прививки против вызываемых опасными вирусами и бактериями болезней, например против полиомиелита. Окончательно осознав, что технология способна плодить мемы, столь же вредные для ума, как корь для тела, мы, возможно, сумеем найти вакцину и против них. Есть пластыри, помогающие бросить курить. Стоило бы создать аналогичные пластыри, вызывающие тошноту у того, кто слишком много смотрит телевизор или готов впасть в какой-нибудь политический экстремизм. В долгосрочной перспективе только умение контролировать собственную

психическую энергию поможет человеку справляться с информационными перегрузками. Мемам гораздо проще мутировать, чем генам: не успели мы найти средство защиты от одного из их вредоносных штаммов, как на смену ему приходит новый. Поэтому нам не стоит полагаться на старые способы защиты: прежде чем принять новый мем, следует убедиться в том, что его обещание сделать нашу жизнь более приятной имеет под собой основания.

Например, за последние несколько десятилетий миллионы людей обзавелись всевозможными тренажерами по несколько сотен долларов за штуку в надежде сохранить хорошую физическую форму и здоровье и при этом так же наслаждаться тренировками, как мускулистые модели из рекламных проспектов. Мне не удалось найти статистических данных, показывающих, как часто пользуются этими устройствами их владельцы, но многие обладатели тренажеров сообщают, что начинают «прогуливать» уже через несколько дней после покупки. Однако эти механизмы — достаточно невинные плоды технологии: им нужны деньги и уголок в нашем доме, и как только мы забываем о них, они перестают претендовать на место в нашем сознании. А по-настоящему опасны те мемы, что вводят нас в соблазн и день за днем выкачивают нашу психическую энергию, вечно обещая нам состояние потока, но редко выполняя свое обещание.

ПОТОК И ИСТОРИЯ

Не только материальные вещи эволюционируют благодаря тому, что создают поток. Обычай, системы верований, религиозные и политические институты часто возникают как новые возможности получить удовольствие. Широкие массы обычно принимают их, получив подтверждение, что они способны избавиться от душевной тревоги и сделать жизнь приятнее. Китаевед Роберто Энэ недавно опубликовал работу о возникновении и распространении конфуцианства в Китае. Тем, кто не уверен, что древняя история способна нас чему-либо научить, его

достаточно спорная теория может показаться излишне сложной. Тем не менее стоит уделить ей внимание, поскольку подтверждения ее основных идей то и дело встречаются в разные времена в разных местах.

Во времена Конфуция Китай был охвачен одним из самых затяжных конфликтов за всю долгую историю этой страны. Прежде, в период правления династии Западная Чжоу с XII по VIII век до н. э., Китай был довольно мирной и благополучной страной. Именно в этот золотой век китайцы решили, что они — избранный народ под началом божественного императора. К сожалению, они также считали, что при отсутствии законного престолонаследника Небо являет свою волю, даруя достойному претенденту на престол победу в сражении. К концу правления династии Западная Чжоу династическая линия была уже очень запутанной. И это заставляло всех, кто стремился стать императором, воевать со своими соперниками, дабы выяснить волю небес. К 551 году до н. э., когда родился Конфуций, внутренние раздоры раздробили нацию на множество постоянно сражающихся вотчин. Повсюду царили нищета, беззаконие и общая неустроенность.

Посреди всей этой смуты группа молодых людей в царстве Лу пыталась создать островок порядка во все нарастающем хаосе. Они развивали свои умы и тела при помощи песен и танцев, исполняемых в строгом соответствии с ритуалом. Их программа самосовершенствования многим напоминала наши нынешние увлечения аэробикой, боевыми искусствами, бегом и прочими занятиями, вызывающими состояние потока. Вот, например, что ответил Цзэн Шэнь, один из ближайших учеников Конфуция, на вопрос, чем он любит заниматься больше всего:

«Поздней весной, когда покровы земли уже сотканы, я отправляюсь на природу с пятью-шестью молодыми мужчинами с покрытыми головами и шестью-семью мальчиками. Мы окунаемся в реку Юй и стоим на ветру среди пляшущих потоков дождя. А потом мы возвращаемся домой, распевая песни».

Очевидно, что эти мужчины нашли себе дело, рождавшее поток, позволявшее забыть о бедах общества и наслаждаться сложными умениями, основанными на управлении собственным телом и эмоциями. Если бы у этой истории не было продолжения, все бы ограничилось отличным рецептом бегства от действительности. Но когда Конфуций присоединился к этим юным танцующим бродягам, он понял, что сможет расширить их опыт, создав нечто более серьезное. Конечно, ему открылся космический смысл. Он назвал его ли — замысловатые правила ритуальных танцев как одно из проявлений божественного порядка, руководящего движением звезд, позволяющего всходить хлебам и стоящего на страже благополучия страны. Те, кто сумел постичь ритуал, поддерживают порядок Вселенной. Так владение этими умениями стало не просто возможностью порадовать себя, а долгом, исполняя который человек дарил обществу процветание. Убедительность идей Конфуция позволила ему возглавить эту группу.

Постепенно гармоничное поведение и убеждения Конфуция и его учеников привлекли внимание китайских правителей. Среди царившего тогда хаоса появилась группа людей, постигших скрывающийся за внешними проявлениями истинный порядок и умевших управлять своим телом. Многие правители стали нанимать конфуцианцев в советники. Историк Фредерик Моут писал: «Все поняли, что ученики [Конфуция] значительно превосходят обычных искателей места, и это вызывало к ним особый интерес... Они быстро продвигались на государственной службе. За несколько поколений учение Конфуция распространилось повсеместно, а его приверженцы стали “лидерами рынка”. Они получали посты, соответствовавшие их талантам».

К ученикам Конфуция обращались, чтобы составить справедливые законы, и они получили возможность применить ли, открытое в их прежних танцах, к управлению большими сообществами. Из первых двадцати двух учеников Конфуция один сам был феодальным правителем, а девять других стали важ-

ными чиновниками. При прочих равных правители предпочитали окружать себе нравственными и достойными доверия чиновниками-конфуцианцами, поскольку противники этих правителей слишком часто погибали от рук своих неверных вассалов.

Дальнейшее известно всем. Конфуцианство стало руководящим принципом в общественной и частной жизни Китая и родственных культур, например Кореи, и многие века оказывало значительное влияние на большую часть Азии. Но, как обычно, в созданный Конфуцием мем проникли паразиты-имитаторы, использующие в собственных целях потребность человека в законе и порядке. Уважение к традиции стало для правителей удобным инструментом пропаганды, позволявшим им оправдывать собственные привилегии божественным происхождением своей власти. Тех, кто восставал против угнетения, обвиняли в нарушении божественного порядка. Сегодня многие китайцы презирают Конфуция (а не только коммунистическую идеологию), считая его отцом патриархальной, погруженной в ритуалы олигархии, создавшей в стране столь благодатную почву для революции.

Тем не менее история возникновения конфуцианства позволяет нам понять многое. Она показывает, что человек, получая удовольствие от сложной деятельности, такой как ли, способен сформировать гармоничную личность. И что общество, устои которого пошатнулись, видит в таком человеке лидера. Когда это происходит, создавшая поток деятельность широко распространяется и формализуется. Из малозаметной игры она превращается в основу общественной жизни.

Нечто подобное произошло 11 веков спустя, когда на Аравийском полуострове появился человек, которого стали звать пророком Мухаммедом. К тому времени здесь, как и в Китае, прежнее процветание сменилось беззаконием и застоем. «К началу седьмого века, — пишет историк, — рухнули общественные устои, сформировавшиеся ранее в Южной Аравии, распространилась анархия». Племенные конфликты усугубля-

лись религиозными различиями: каждый семейный клан поклонялся своим богам и духам. В Мекке, где родился Мухаммед, на главной площади стояло больше трехсот святилищ разных культов. Настоящее вавилонское столпотворение! Например, тот, кто не имел наследника и хотел вымолить у богов сына, должен был отправиться в определенное святилище и принести там соответствующие жертвы. А чтобы вылечить верблюда или собрать урожай, приходилось посетить другие святилища, каждое со своими ритуалами, разработанными для конкретного божества и определенной цели. Можно представить, сколько времени жители Мекки тратили на религиозные отправления! Ни на что другое его уже просто не оставалось.

Молодой Мухаммед не мог смириться с этим хаосом. Он знал, что евреи и христиане процветали, укрепляемые верой в единого Бога, и завидовал их могуществу, считая его источником их священные писания, служившие залогом завета между верховным божеством и его народом. Мухаммед избрал одно из древних божеств Мекки, к которому обращались в самую трудную пору и чье имя было Аллах. Кличем «Ля иляха илля Аллах! Нет бога кроме Аллаха!» он призвал под свои знамена других разочаровавшихся молодых людей, положив начало мощнейшему историческому движению, известному как ислам.

Как некий гигантский лазер, вбирая в себя психическую энергию арабов, ислам превращал ее в единый луч невероятной силы. Коран Мухаммеда стал сборником правил, упорядочивших и упростивших жизнь людей. Его гармоничные стихи и ежедневные молитвы подарили арабам духовную деятельность, объединившую их ради общей цели. Благодаря ясным целям, четким правилам, новым возможностям и новой уверенности в себе жизнь последователей ислама превратилась в потоковое действие. Освобожденная таким образом энергия сначала была направлена на завоевание большей части Северной Африки и Азии, а позднее — на создание одной из сложнейших цивилизаций.

Еще одно историческое событие, произошедшее через тысячу лет после рождения Мухаммеда, также может служить примером того, как поток помогает сформировать могущественные и долговременные объединения людей. К середине XVI века материальный и духовный порядок, постепенно создававшийся католической церковью, затрещал по швам. Вследствие Реформации Европа распалась на воюющие государства, враждебные друг другу как в религиозном, так и в экономическом отношении. Психологическое воздействие этого дробления на тех, кто сохранил верность Риму, было огромно. В первую очередь образованная и стремящаяся к идеалам молодежь перестала понимать, что значит «жить по-христиански». Сомнение в этических нормах порождало в их душах тревогу и растерянность.

Для противодействия этому духовному хаосу Игнатий Лойола, набожный испанский офицер, создал в 1540 году Общество Иисуса. Стремясь обновить веру и поддержать папу в борьбе с его противниками, он собрал вокруг себя группу полных энтузиазма молодых людей и организовал их в основанный на военных принципах монашеский орден. Важная особенность этого ордена заключалась в том, что он давал своим приверженцам ряд четко определенных целей и умений, позволявших сосредоточить психическую энергию на гармоничной потоковой деятельности.

Повседневный распорядок иезуитов включал религиозные обряды и был расписан до мелочей с раннего утра и до позднего вечера. Например, в течение суток они дважды должны были размышлять о своих целях на этот день и о том, насколько они преуспели в их достижении. Каждый жест, каждое движение были определены в «Правилах скромности» — официальном руководстве, предписывавшем, как держать голову, насколько сильно следует сжимать губы и что делать с руками во всех возможных случаях.

Однако парадоксальным образом это навязчивое стремление к соблюдению мелких предписаний сочеталось с неверо-

ятной гибкостью и необычайной свободой в решении политических и социальных задач. Иезуиты получали блестящее образование и жесткое, вырабатывающее характер воспитание, а затем их отправляли искать приключений туда, где их находчивость могла пройти настоящее испытание. Иезуиты-одиночки были первыми европейцами, исследовавшими дикие просторы Канады и территории Великих озер, где они пытались обратить в христианство местных жителей. Другие представители этого ордена отправились в Южную Америку и создали там национальные государства без угнетателей. Десятки лет проводили иезуиты в Китае, Индии и Японии, оставаясь единственными европейцами в чуждой и зачастую враждебной культуре, но продолжая хранить свою веру и трудиться над распространением учености и христианства.

Особенный интерес к Обществу Иисуса вызывало именно это сочетание жесткой дисциплины и личной инициативы. К тому времени, когда Игнатий Лойола умер, орден насчитывал 1000 активных приверженцев, а к 1626 году, несмотря на сложность иезуитского образования, их число достигло 15 554 человек. Одной из главных задач ордена была реформа католического образования. Свой первый колледж иезуиты открыли в 1548 году в Мессине, а 100 лет спустя таких колледжей было уже 728. Можно спорить о последствиях политического влияния иезуитов в тех странах, где оно было особенно сильно, но невозможно отрицать, что эта организация нашла способ победить ту духовную энтропию, которая угрожала католической церкви в XVI веке.

Кризис, подобный тому, что способствовал возникновению ордена иезуитов, вызвал к жизни еще одну потоковую деятельность, гораздо значительнее повлиявшую на историю. Речь идет о так называемой пуританской (протестантской) трудовой этике, заложившей основы капиталистического предпринимательства и промышленного развития в Северо-Западной Европе и Северной Америке. Отвергнув папу и церковные таинства, гарантировавшие, по уверениям католической церкви,

верное спасение, первые протестанты не знали, как определить, обретут их души вечную жизнь или нет, — важнейший вопрос для культуры, где судьба души, по крайней мере в теории, была важнее судьбы тела. Успешное решение предложил Жан Кальвин. Он утверждал, что человеку дано будет узнать, спасется ли он, по тому, насколько он успешен в своей профессии. Бог не даст богатства и почета, если тебе не уготован рай.

Благодаря этому мему, связавшему предприимчивость и вечную жизнь, пуританские торговцы и ремесленники стали трудиться прилежнее прежнего. Ведь таким образом они, что называется, убивали двух зайцев — добивались и богатства, и святости. У того, кто следовал этой этике, как правило, не было возможности насладиться плодами своих трудов — в его жизни стало гораздо меньше удовольствий и свободного времени. «Из своего благосостояния он не извлекал никакой пользы, — пишет социолог Макс Вебер, — кроме безотчетного ощущения, что сделал свою работу хорошо». На заре современного капитализма человек, отказавшийся от удобств и радостей жизни, — как и шахматист или альпинист — был мотивирован удовольствием, извлекаемым из самой деятельности.

Протестантская этика предлагала последовательный набор правил — четких целей и способов их достижения, помогавших приверженцу этого учения упорядочить свою жизнь и избежать душевных мук, связанных с утратой определенности, которая даруется верой. Как говорит Вебер:

«Для того чтобы обрести уверенность в себе, предлагалось самое верное средство — погрузиться в мирские заботы. Лишь так можно было устранить религиозные сомнения и отбросить сомнения в Божьем милосердии. Тем самым нравственное поведение человека становилось упорядоченным и систематичным, следуя четкому общему методу».

Иными словами, протестантская этика создала великую новую «игру», позволяющую сконцентрировать психическую энергию. В этой системе работник (точнее, «игрок») «будет ра-

ботать по правилам, в то время как другие останутся в вечной растерянности и не найдут для своего дела ни места, ни времени». Ирония в том, что важным для пуритан моментом было осуждение всевозможных наслаждений. Но при этом сами они наслаждались трудностями своей аскетической жизни как таковыми, осуждая лишь более простые формы наслаждений и развлечений, не соответствующие их идеалам. И сегодня много работающие люди (так называемые трудоголики) с презрением отвергают любой намек на то, что они получают удовольствие от своей деятельности, поскольку это как бы унижает их значимость. Трудоголик вряд ли признает, что ему приятнее поработать, чем съездить в отпуск, посмотреть спектакль или просто расслабиться.

Уже давно не возникало новых игр того же масштаба, что в прошлом. Возможно, вначале социализм, а затем и коммунизм предлагали нечто подобное людям, собиравшимся на тайные заседания партийных ячеек и посвятившим всю свою жизнь борьбе за победу пролетарской революции. Конечно, состояние потока трудно увязать с образом сурового, лишенного юмора и зачастую злобного большевика, однако и они, несомненно, в своем призвании видели ясные цели и возможности и шли вперед, невзирая на трудности и опасности. Отчасти их действия можно объяснить стремлением к идеалам, хотя в основном этих людей привлекали власть, слава и материальные блага. И все же, если бы игра в революцию не приносила удовольствия, вряд ли столь многие продолжали бы в нее играть, даже когда рухнули идеалы, а материальные блага оказались иллюзией.

По Веберу, к середине XIX века капитализм перестал быть свободно избираемым, увлекательным приключением и превратился в «железную клетку». Правила игры утратили гибкость, наследуемый капитал уничтожил изначальное равенство возможностей, а огромные монополии и олигархии, стремясь защитить себя от конкуренции, захватили государственный аппарат. Развлечение оказалось недолгим. Но Вебер

недооценил капитализм. Ведь через 70 лет после публикации веберовского труда он все еще остается самой популярной игрой. Что касается социализма, то следовать его правилам оказалось гораздо труднее, и поэтому в его иерархию немедленно проникли паразиты, эксплуатирующие идеалистические мемы ради собственных эгоистических интересов.

Из этого краткого обзора основных вех истории следуют два вывода. Первый: способность превращать повседневный опыт в осмысленную, взаимосвязанную, направленную на достижение целей деятельность — огромная сила. Когда энтропия охватывает общество и в душах людей поселяется тревога, они начинают стремиться к ясности и порядку. Новый набор мемов, позволяющий вернуться в состояние потока, оказывается весьма привлекательным и нередко торжествует победу. И как поток создают самые различные виды деятельности — от музыки до вольной борьбы, от чтения до прыжков с парашютом, — так и культуры предлагают самые разные решения для победы над хаосом. Например, орден иезуитов и протестантская трудовая этика возникли приблизительно в одно и то же время в ответ на все ту же социокультурную неразбериху. Иезуиты и пуритане верили в разные мемы, поступали совершенно по-разному, и все же их личности формировались под воздействием правил, которые сходным образом направили психическую энергию, создав ощущение порядка и удовольствия.

Второй вывод: ни одна из культурных игр не защищена от эксплуатации. Конфуцианством с самого начала манипулировали эгоистичные правители. За многие века существования это учение создало, пожалуй, большую сложность, чем все его альтернативы, но в конечном счете оно подточило жизненные силы китайского народа. Ислам впал в самодовольство, иезуитов нередко портила власть, а лишенная трансцендентальных основ трудовая этика превратилась в навязчивое стремление все контролировать. Утратив гибкость, эти и многие другие дарящие свободу решения тут же начина-

ют препятствовать эволюции. Похоже, за свободу приходится платить вечной бдительностью — но кому охота постоянно быть начеку? А когда бдительность ослабеваает, паразиты оказываются тут как тут.

Какая новая игра позволила бы нам и нашим детям обрести поток в эти трудные времена? Важно понимать, что среди новых мемов в ближайшие годы могут появиться «легкие решения», которые в отдаленной перспективе только увеличат энтропию. Так произошло, например, с национал-социализмом — ведь это политическое течение поначалу так нравилось европейцам, впавшим в растерянность из-за распространившейся после Первой мировой войны анархии. Зато другие мемы окажутся более сложными и необходимыми для создания гармоничного будущего. Какое направление примет эволюция, определит наш выбор. И для того чтобы он был обращен в сторону сложности, стоит приглядеться к тому, что делает общество «правильным», то есть соответствующим направлению эволюции.

ПРАВИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Когда Французская революция бросила вызов порядкам Старого Света, ее лидеры провозгласили лозунг, отразивший их понимание правильного общества: *Liberté, égalité, fraternité*. Свобода, равенство, братство — вот его сущностные основы (если, конечно, мы готовы закрыть глаза на сексистское «братство»). Естественно, свобода — одно из проявлений дифференциации: свободное общество позволяет своим членам ставить собственные цели, развивать личные способности и проявлять свою неповторимую индивидуальность. Однако без интеграции дифференциация привела бы к центробежному дроблению общества, поэтому необходимо уравнивать ее братской любовью. И не зря между этими двумя противоположными принципами расположено равенство. Оно связывает их: равенство возможностей и равенство перед законом позволяет

мирно сосуществовать множеству индивидов, стремящихся к удовлетворению собственных потребностей.

Безусловно, идеалы редко воплощаются в жизнь. Мемам, предписывающим нам «братство», приходится бороться с генами, приказывающими прежде всего заботиться о себе, а затем уже о близких, а также со старыми мемами, уверяющими нас, что мусульманину, чернокожему или богатому не быть нам братом. В этой борьбе обычно побеждают старые «бойцы». Тем не менее за последние 200 лет мемы, провозглашающие свободу и равенство, распространились по всему миру. Рабство отвергнуто навсегда, а знатность и богатство уже не считаются Божьим даром, позволяющим нескольким счастливым делать несчастными всех остальных.

Но как насчет братства? В этом разобраться труднее, ведь едва ли можно утверждать, что в последние несколько столетий братства стало больше. Свободу и равенство можно закрепить законодательно, а братство, к сожалению, нет. Любовь к ближнему — чувство произвольное. На него может повлиять внешняя информация, но контролировать его извне невозможно. Религиозные верования, когда-то объединявшие Европу и обе Америки, в значительной степени утратили свою связующую силу, и им на смену пришли иные мемы, дающие людям чувство единения и сопричастности. Но ни один из них не оказался универсальным настолько, чтобы объединить всех людей в общество, основанное на принимаемых всеми ценностях. В прошлом веке (и в конце нынешнего) значительную силу обрел национализм, а затем политические идеологии коммунизма и фашизма подарили некоторым народам солидарность ценой утраты связи с другими народами.

Та же тенденция, предпочитающая дифференциацию интеграции, проявилась в США. Джон Локк, развивая теорию личной свободы, которая легла в основу американской конституции, полагал, что христианская мораль и дальше будет служить противовесом корыстным интересам, вышедшим на первый план с отменой политических ограничений на лич-

ную инициативу. Позицию Локка емко выразил наш первый вице-президент Джон Адамс: «Мы создавали свою конституцию лишь для высокоморальных и религиозных людей. Она совершенно бесполезна в управлении людьми другого толка».

Идеи Локка вызвали большой интерес благодаря тому, что поддерживали неограниченную конкуренцию за блага жизни без государственного вмешательства. Однако, живя в традиционном обществе, Локк и представить себе не мог, что люди когда-то освободятся от ограничений, налагаемых взаимоуважением, критикой и постоянным общением лицом к лицу. Он наверняка считал, что политическую свободу и равенство смягчит здравый смысл людей, стремящихся сохранять добрососедские отношения. Но хотя все люди созданы равными, большинство деревенских жителей и обитателей маленьких городков прекрасно знают, что одни их соседи гораздо ответственнее других: одни вносят вклад в общее благополучие, а другие все портят и ссорятся.

Локк и создатели конституции США не сомневались в том, что общая религия будет и дальше обеспечивать интеграцию, а моральное воздействие компактных сообществ — умерять свободу и равенство. Их не слишком занимал вопрос о сдерживании сил дифференциации, поскольку тогда трудно было вообразить, что в будущем эти силы обретут такое могущество. Разве отцы-основатели США могли предвидеть всеобщее избирательное право, обязательное образование, легкость передвижения по железным дорогам, на машинах и самолетах; или переворот в производительности труда, сделавший лишним помещиков; или утрату обществом власти над поведением своих членов — то есть все те изменения, что, развивая свободу и равенство, уменьшают интеграцию?

В ходе истории политические мемы, управляющие общественным поведением и экономикой, вкупе с технологическим прогрессом привели к тому, что у жителей Соединенных Штатов существенно ослабло чувство сопричастности и взаимной ответственности. Конечно, в утрате интеграции виновны

не только Джон Локк и свободный рынок. В действительности дела в нашем обществе обстоят намного лучше, чем во многих других. Худшие формы социальной энтропии можно наблюдать в бывших коммунистических странах, да и шведы гораздо чаще, чем принято думать, жалуются на одиночество и отчуждение, охватившие их посреди социалистического изобилия. Но это проблема не одних лишь технологически развитых обществ: что может быть грустнее сомалийской поговорки «Я и Сомали против всего мира; я и мой клан против Сомали; я и моя семья против моего клана; я и мой брат против моей семьи; я против своего брата»?

Одно из препятствий на пути к совершенствованию общества состоит в том, что мы доверчиво принимаем любое развитие дифференциации или интеграции за положительное изменение. Если новый закон дает больше свободы — нам это кажется несомненным прогрессом, как и новое движение, формирующее у людей чувство солидарности. Но одно из этих направлений развития не способно улучшить положение дел без поддержки другого. Сложность требует синергии этих диалектически противоположных сил, а по отдельности они приводят лишь к растерянности и хаосу. Мы думаем, что социальную энтропию вызывает утрата свободы или какой-то другой из этих ценностей. Однако развитие одного из этих аспектов общественной жизни за счет другого столь же опасно. Свобода без ответственности разрушительна, единство без личной инициативы действует удушающе, равенство, не признающее различий, деморализует.

Правильное общество помогает каждому своему члену максимально развить свой генетический потенциал. Оно открывает новые возможности любому — спортсмену или поэту, торговцу или ученому. Оно никому не запрещает заниматься тем, что у него лучше всего получается, и помогает каждому найти свое дело. Правильное общество позволяет каждому развить способность переживать поток в социально полезной деятельности. В то же время оно защищает человека от экс-

плуатации его психической энергии другими людьми. Оно постоянно выслеживает угнетателей и паразитов. В рамках этой концепции свобода относится к бытию, а не к действию. Каждый человек свободен максимально развить потенциал сложности своей личности, но ему не позволено ограничивать ради этого чужую свободу.

Однако социальная система, способствующая эволюции, не может остановиться на этом. Она должна принимать во внимание дифференциацию и интеграцию вне потребностей отдельных человеческих существ и всего человечества в целом. Эта система должна признавать и законы природы, и законы человеческие. Общество, игнорирующее влияние вырубки лесов на качество воздуха, производства ядовитых веществ — на качество воды, уничтожения растений и животных — на уровень сложности нашей планеты, вряд ли сможет привести нас к лучшему будущему. Нам нужны личности, направляющие энергию на достижение трансцендентных — по отношению к узким интересам — целей, и так же нам необходимы трансцендентные культурные ценности и трансцендентные организации, которые помогут измениться и действовать в интересах эволюции.

СОЗДАНИЕ ПРАВИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Все мы с готовностью принимаем необходимость создавать справедливые, сложные и даже трансцендентные социальные системы. Но что мы должны для этого сделать? Ясно одно — никто не может предложить четкую последовательность шагов, автоматически ведущую к удовлетворительному решению. Значит ли это, что любые размышления о том, что делает общество хорошим, суть благие, но бесполезные намерения? Я так не считаю. Но поскольку было бы вредно и даже опасно думать, будто мы уже знаем, что именно нужно для того, чтобы привести наши общественные организации в соответствие требованиям эволюции, гораздо безопаснее

будет поразмышлять над тем, как нам понять, что именно нужно сделать.

Модель усовершенствования мемов, управляющих нашей психической энергией, — законов страны, правил поведения, верований, социальных институтов — предоставляет нам сама эволюция. Как утверждает психолог Дональд Кэмпбелл, виды повышают свою конкурентоспособность, формируя органы для получения все более систематической информации об окружающей среде. Сначала развиваются сенсорные рецепторы, позволяющие с точностью определять, что происходит вокруг. Ухо летучей мыши, нос ищейки, глаз сокола — на редкость чувствительные устройства, добывающие для этих животных информацию.

Преимущество человека заключается в создании культурных инструментов, дающих нам знания об аспектах действительности, предположительно, недоступные ни одному другому виду на этой планете. Египетские фараоны узнавали о планах своих врагов, находясь за сотни километров от них, благодаря сообщениям, записанным на папирусе. С помощью телескопа Галилей сосчитал спутники Юпитера. Через микроскоп Ван Левенгук наблюдал удивительно сложный мир в капле воды. А такие ученые, как Ньютон и Пастер, сделали важные выводы из данных, полученных с использованием этих инструментов. Самые обнадеживающие, то есть наиболее явно свидетельствующие о прогрессе проявления эволюции — те, что позволяют нам лучше разглядеть происходящее вокруг нас и понять хотя бы некоторые законы природы, объясняющие полученную нами новую информацию. Нашим предкам формировать все более сложное представление о мире помогли религия и наука.

Однако кое в чем мы не слишком продвинулись вперед. Речь идет о знании индивидуальных и общественных потребностей и понимании законов, управляющих деяниями человека. Можно возразить, что, например, всеобщее избирательное право — это исключительно важное изобретение, дающее ин-

формацию о потребностях каждого взрослого человека в государстве и позволяющее нашим представителям работать для их удовлетворения. Но выборы, как национальные, так и большинство местных, — исключительно несовершенный способ узнать желания избирателей, едва ли предоставляющий какую-либо полезную информацию.

Прежде всего избиратели в основном выражают свои потребности, голосуя за одного из двух кандидатов, утверждающих, что у них разные цели. Голосуя за кандидата-республиканца, я могу демонстрировать, что отдаю предпочтение свободному предпринимательству, а кто-то еще, голосуя за демократа, может поддерживать бóльшую социальную защищенность. Но насколько адекватно поданный мною голос представляет мои цели и потребности? Особенно на таких выборах, как в 1992 году, когда кандидаты в президенты не слишком затруднили себя объяснениями, что именно они собираются сделать для нас, для нации, для мира. В отсутствие ясной информации о намерениях кандидатов избиратели не могли выделить наиболее подходящие им цели. Даже если на миг забыть о невозможности втиснуть мечты миллионов в несколько пунктов двух партийных программ, объем получаемой и передаваемой нами во время выборов информации до смешного мал.

Если мы хотим, чтобы политические институты более четко представляли наши цели, нужно, во-первых, лучше осознать эти цели и, во-вторых, найти более эффективные способы сообщить о них другим людям. Невероятно, но факт: наше общество тратит триллионы долларов на вооружение, космические исследования, суперколлайдеры и неэффективные социальные службы, но при этом не способно должным образом связать наши мечты с деятельностью организаций, призванных воплотить эти мечты в жизнь. По крайней мере, на уровне районной или городской общины у людей должно быть место — амфитеатр в парке или зал, — где они могли бы в приятной атмосфере встречаться и обсуждать важные для всех вопросы и где можно

было бы принимать совместные решения. В сравнении с расходами на совершенно бесполезные программы такие встречи обойдутся гораздо дешевле, даже если там подавать икру и коллекционное шампанское.

Политолог и философ Ханна Арендт утверждает, что подлинная демократия существовала лишь однажды — в свободных Афинах, 25 веков назад. По ее мнению, она возникла благодаря тому, что афиняне создали «публичное пространство», где каждый мог выступить по любому существенному для города вопросу, а другие могли по достоинству оценить его аргументацию. Эти дебаты не были чисто теоретическими: выслушав все мнения, люди на агоре голосовали, и их решение становилось законом.

Тезис Арендт легко опровергнуть. Во-первых, древнегреческая демократия была доступна лишь для богатых мужчин. Во-вторых, можно привести еще немало примеров «публичных пространств», во многом подобных афинской агоре, — от племенных советов американских индейцев до встреч швейцарских кантонов, от городских собраний в Новой Англии до советов донских казаков. Но Арендт права в том, что именно такой институт необходим каждой подлинной демократии и что пока еще это большая редкость.

Со времен расцвета Афин политика сильно потускнела. Благодаря многим из нас бразды правления обществом перешли в руки спекулянтов недвижимостью, владельцев больших строительных компаний и других людей, больше заинтересованных в собственном, чем в общественном благе. Говорят, что из миллионов жителей Лос-Анджелеса более-менее четкое представление о политике мэрии этого города есть лишь у сотни адвокатов и репортеров. Пока основная масса граждан игнорирует политику, считая ее необходимым злом, она будет оставаться в руках узкого круга заинтересованных лишь в собственном благополучии лиц. Но осознав всю серьезность важнейшей задачи формирования нашего будущего, мы поймем, почему греки называли политику высшей формой

досуга. Наилучший способ самореализации — создать наиболее сложную систему, правильное общество.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ СОЗДАТЬ ПРАВИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Разумеется, даже самая децентрализованная организация не сможет принимать решения, если составляющие ее индивиды не знают, чего они хотят, или хотят не того, что будет благом для общества. В определенном смысле это замкнутый круг: сложной социальной системе требуются сложные личности, а сложные личности обычно формируются в сложных системах. Но именно благодаря этой «замкнутости» возможно движение вперед, мало-помалу: повышение сложности на индивидуальном уровне способствует социальным преобразованиям, и наоборот. Предложенная Ганди идея ненасильственного сопротивления распространилась по всему миру, ее переняли политические движения от Амстердама до Алабамы. И наоборот, когда миллионы иммигрантов из феодальных обществ, чуждых демократии, познакомились с законами Соединенных Штатов, уровень их политической сознательности повысился.

С момента своего появления американская нация считала, что полноценными гражданами, способными развивать сложную демократию, ее детей делает образование. К сожалению, здесь всегда господствовало узкое понимание образования как книжного обучения или передачи абстрактной информации. Старая мудрая африканская поговорка гласит: «Только вся деревня может чему-то научить ребенка». Но в Америке образование отдали на откуп школам, организованным по принципу фабричного массового производства. Однако, как отмечают многие критики образования, непосредственный опыт учит не хуже книг. Если школа подавляет ребенка, он разуверится в пользе учености и в будущем станет избегать ее. Скучно поданная идея, какой бы важной она ни была, не привлечет его

внимание. Какие бы возвышенные идеи о демократии ни провозглашали книги и учителя, если местные власти коррумпированы, результат учения будет один — цинизм.

Правильному обществу требуются не просто школы с разнообразными программами и современными научными лабораториями. Детей обучает общество в целом. Торговые центры, шоссе, средства массовой информации и стиль жизни родителей лучше всего показывают детям, что такое реальность. Конечно, по большей части они видят иллюзии, создаваемые покровами майи. Тем не менее сознание личности, еще не научившейся отличать полезные мемы от вызывающих энтропию, формирует именно внешняя среда. Если мы хотим, чтобы в нашем обществе свобода шла рука об руку с ответственностью, нам необходимо позаботиться о том, чтобы окружающая среда предоставляла детям возможность приобретать сложный опыт.

Мыслители-утописты от Платона до Олдоса Хаксли предлагали идеальные системы образования — даже сейчас их трудно, а то и невозможно воплотить в жизнь, но игнорировать содержащиеся в них глубокие прозрения попросту опасно. Все эти мыслители подчеркивали необходимость образовывать человека как целое, исходя из его непосредственных интересов и способностей. Они говорили, что это рискованное и ответственное дело тем не менее позволяет испытать радость роста. Например, по мнению Платона, бессмысленно ожидать от ребенка восприимчивости к абстрактным идеям, пока он не научится владеть своим телом с помощью физических упражнений и не постигнет порядок посредством музыкального ритма и других гармонических ощущений.

Хаксли считал идеальным началом обучения социальной ответственности альпинизм. Этот вид спорта прививает молодым людям необходимые для выживания навыки, готовит их к рискованным и неожиданным ситуациям. Юный альпинист понимает, что каждое его движение — вопрос жизни и смерти. Кроме того, он учится отвечать за жизнь другого че-

ловека и доверять ему собственную. Вряд ли найдется более действенный способ формирования сложной личности.

Антрополог Грегори Бейтсон утверждал, что дети прежде всего должны понять взаимосвязь различных жизненных систем: как соотносятся пища, которую мы едим, и мусор, который мы производим, с жизнью морских рыб? Как наши предпочтения в одежде воздействуют на жизнь людей в Арканзасе или Шри-Ланке? Как влияет курение на продолжительность жизни? Нужно не анализировать действительность через различные несвязанные дисциплины, вроде химии и истории, а пытаться понять взаимосвязь всех происходящих в этом мире процессов.

Эти идеи возникают на основе глубокого понимания того, что образование должно раскрывать непосредственную связь действий и их последствий — на телесном, социальном и планетарном уровне. В наши дни обучение — это, в основном, передача абстрактной информации: никаких видимых рисков, никаких последствий — разве что плохие оценки. Но плохие оценки лишь свидетельствуют о том, что наши знания оказались учителю недостаточными, но никак не помогают постигнуть истинный смысл того, что мы выучили.

Всего несколько поколений назад человек, выросший на ферме, знал, что ему требовалось знать и зачем. Информация была конкретной, привычной и актуальной. Знание относилось к физическому выживанию (как сеять хлеб, заботиться о домашних животных), ремеслам (как построить амбар и соткать ткань) или символическим потребностям (музыка, танцы и религиозные ритуалы). Полезность информации была очевидна. А сейчас молодой человек редко занимается серьезной ответственной деятельностью за стенами школы. Он должен воспринять массу абстрактных идей — химию, биологию, генетику, физику, математику, географию и историю, — по большей части не понимая, для чего на самом деле нужны эти дисциплины.

Но даже получив достаточное представление о каждой из них, мало кто понимает, как связать их воедино. А любое

серьезное знание требует объединить наше понимание различных способов представления реальности, включая искусство и религию. Великий прорыв западной науки и технологии стал возможен потому, что мы научились направлять знание во все более узкие каналы. В результате великие физики наивно, как дети, воспринимают общественные и политические реалии, знаменитые молекулярные биологи, изучающие химию мозга, понимают его работу не лучше австралийских аборигенов, а представители общественных наук — например автор этой книги — даже под страхом смерти не могут решить дифференциальное уравнение.

Возможно, наша первоочередная задача — создать новую программу образования, которая позволит даже первокласснику понять взаимосвязь всех элементов Вселенной. Именно образование должно научить разум человека видеть сеть причин и следствий, неразрывно связанных с нашей деятельностью, а чувства и воображение — должным образом реагировать на ее результаты. Какова подлинная цена автомобилей, если учесть, во что они обходятся природе? Или войн, если задуматься о том, что означают в долгосрочной перспективе бессмысленно загубленные жизни, разрушенные культуры и социальные системы? Как повлияет на мир исчезновение сотен сортов риса — всех, кроме тех, что приносят наибольшую прибыль? Что есть «добро» и «зло» с точки зрения совокупного влияния действий человека?

На уроках физики мы говорим детям о сохранении физической энергии — каждое действие порождает равное ему по силе противодействие, — словно этот закон относится лишь к бильярдным шарам или поршням двигателя. Мы не даем им понять, что тот же принцип приложим к человеческой психологии, социальной активности, экономике и всей планетарной системе. Мы готовим детей к тому, чтобы войти в культуру, которой фактически уже нет. Полученные ими базовые навыки не имеют отношения к будущему. Любая академическая дисциплина подается так, словно она существует совершенно независимо от других отраслей науки. Мы преподаем историю,

не принимая во внимание экологию, экономику, социологию, психологию и даже биологию, без которых невозможно понять действия человека. То же касается и всех остальных учебных предметов. Если мы продолжим преподавать физику, не касаясь этики, или молекулярную биологию, не упоминая об эмпатии, эволюция может закончиться полной катастрофой. Чтобы этого избежать, мы должны задуматься о подлинно интегративном, глобальном образовании, серьезно относящемся к истинной взаимосвязи причин и следствий.

Правильное общество, помогающее своим членам реализовать потенциал личности и развивающее сложность, дает нам возможность роста. Его задача не в том, чтобы создать самые лучшие институты или самые убедительные верования, поскольку это только усилило бы власть иллюзий. Институты и верования быстро устаревают. Какое-то время они удовлетворяют нашим потребностям, но вскоре начинают тормозить прогресс. Даже Библия и американская конституция — лишь этапы бесконечного пути к знанию. Это славные достижения, к ним следует относиться с тем же восхищением и благоговением, с каким мы относимся к Парфенону, Сикстинской капелле, «Бранденбургским концертам» Баха. Нам, несомненно, стоит следовать их мудрости, пока мы не сформулируем более убедительные идеи. Тем не менее задача правильного общества — не увековечивать творческие решения прошлого, превращая их в институты, а предоставить простор для дальнейшего творчества. Его задача — дать людям возможность создавать новые мемы, чтобы оценить их, выбрать лучшие и передать своим знающим, свободным и ответственным членам для воплощения в жизнь.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «ПОТОК ИСТОРИИ»

Поток и эволюция технологии

Свою первую книгу я писал от руки в больших желтых тетрадях. Мне нравилось писать, придавать форму буквам, словам,

предложениям. Эти строки я печатаю на персональном компьютере, без которого уже не могу жить. Меня восхищают его невероятные возможности по вводу и редактированию текста. Однако для производства компьютерных чипов нужна концентрированная кислота, которая затем сливается в землю и делает воду непригодной для питья. Стоит ли игра свеч? Кто заплатит за отравленные грунтовые воды?

Какого рода технологические достижения сделали бы вашу жизнь более осмысленной и радостной? Можете ли вы достичь тех же результатов, уделяя больше внимания взаимоотношениям с другими людьми или развитию духовных умений?

Поток и история

Какое из многих происходящих сейчас исторических изменений, по-вашему, способствует увеличению сложности?

Существует ли общественное движение (религиозная организация или политическая партия), способное сделать вашу жизнь более приятной, если вы примкнете к нему? Ведет ли оно к большей сложности?

Правильное общество

Какой из этих трех аспектов меньше других представлен в вашем нынешнем социальном окружении: свобода, равенство или тесные личные взаимоотношения? Как вы думаете, почему так получается?

Какие из неиспользуемых вами личных качеств могли бы улучшить ваше социальное окружение?

Образование как способ создать правильное общество

Какую самую важную в жизни информацию вы получили? Где и как? Можно ли научить этому других?

Если образование снова станет делом общества, чему вы будете учить молодых людей, чтобы сделать их личности сложнее?

Содружество будущего

Наши представления о будущем, как правило, заключают в себе любопытное противоречие. В романах, фильмах и школьных сочинениях, описывающих жизнь человечества через несколько сотен лет, фигурируют невероятные чудеса техники. Космический корабль совершает субсветовой скачок из галактики в галактику, полностью автономный город парит в облаках или бороздит океанские глубины... В технологическом отношении эти представления всегда были утопическими, предполагая, что материальная сторона жизни будет становиться все легче и эффективнее. В то же время человеческая составляющая этих фантастических произведений напоминает антиутопию. Частная жизнь и межличностные отношения «в будущем» просто копируют настоящее либо представляют его ухудшенный вариант. (Правда, популярные фантастические фильмы и книги последнего времени, такие как «Заводной апельсин», «Побег из Нью-Йорка», «Терминатор» и «Бегущий по лезвию бритвы», рисуют миры, ужасные как в материальном, так и в духовном отношении.) Видимо, нам гораздо легче вообразить себя среди совершенных машин, чем среди совершенных людей.

Не будем поддаваться расхожему мнению, что прежде жизнь была прекрасна, а со временем становится только хуже. Стоит почитать, как люди жили в Чикаго и других крупных

городах США в начале XX века, чтобы возблагодарить Бога за то, что «старые добрые времена» остались позади. В исследованиях по городской социологии 1920-х описаны тянущиеся на километры ветхие доходные дома, где работники огромных фабрик, складов и железных дорог влачили существование в полной духовной изоляции друг от друга, как безымянные термиты. Да и большинство их боссов-миллионеров едва ли наслаждались сложной, по-настоящему человеческой жизнью. Похоже, им только и дела было, что щеголять друг перед другом богатством и едва оформившимся вкусом. Бесмысленное состязание в потребительстве и бездумные попытки подражать «культурному» поведению — вот что отнимало львиную долю их свободного времени. Когда читаешь эти скупые отчеты, горько становится за пропащие жизни, упущенные возможности и безрадостное существование, навязанное миллионам людей бесконтрольным размножением мемов быстро развивающейся цивилизации.

Но и сегодня положение дел не слишком изменилось. Даже если забыть о трущобах, многие районы наших городов выглядят как станции для подзарядки роботов. Насколько хватает взгляда — бесконечные кварталы чистеньких бунгало, где есть все необходимое для того, чтобы работник ел, отдыхал, размножался. На углу каждого четвертого квартала стоит церковь или салун, предлагая духовное утешение и чувство единения. Это однообразие порой нарушается парком, где есть площадки для бейсбола и других спортивных занятий. Топография этих мест однозначно говорит о нищете нашей жизни.

Бесмысленно ожидать, что предоставленное само себе общество станет сложнее, а его члены захотят преодолеть присущие им ограничения. Энтропию, эту силу инерции, постоянно разъедающую порядок, без труда победить невозможно. В ходе эволюции организмы развивались по большей части не потому, что хотели этого, а благодаря внешним силам, конкуренции и случайностям, задававшим им верное направление. Но когда жизнь сияла духовным накалом, когда поток и сложность были

частью повседневного опыта — это происходило не случайно. Балом правил творческий выбор.

Но как же, в конце концов, нам направить свою жизнь к большей сложности? Одна из возможностей — совершенствовать собственную личность и улучшать общество в рамках существующих организаций. Роберт Дэвис писал: «Чтобы принести наибольшую пользу своим ближним, человек должен вступить на долгий и одинокий путь к личному совершенству». Ту же мысль высказал много лет назад Томас Карлейль в ответ на вопрос молодого человека о том, как изменить общество: «Измените себя. И тогда в мире будет одним негодяем меньше». Не так-то легко стать достойным человеком, честным гражданином и хорошим семьянином. Если бы к этому пришли все, нам не нужно было бы особенно беспокоиться о будущем. Но едва ли возможно вести достойную жизнь, когда обществом правят стремление к наживе и безотчетная эксплуатация. Чтобы изменить систему, необходимо выбраться из скорлупы личных целей и обратиться к масштабным общественным задачам.

СОЗДАНИЕ СОДРУЖЕСТВА

Обитая лишь в умах отдельных людей, стремление к сложности остается малозаметным явлением. Лишь став общим делом, оно сможет влиять на мир. Только сообщество индивидов, придерживающихся одинаковых взглядов, способно влиять на формирование картины мира отдельных людей. Древние говорили: *Sine ecclesia nulla religio*, то есть «Нет религии без церкви». И это верно не только по отношению к религии. Науке не выжить вне общества, принимающего научные ценности. Системам моральных норм приходит конец, когда люди перестают придерживаться общей этики. Ценности — вещь весьма эфемерная. Чтобы удержать на них внимание каждого, требуется совместное психическое воздействие всей группы. Бывает, ценности создают отдельные люди, но поддерживать их должно все общество.

Поэтому нам необходимо создать общину, верящую в эволюцию сложности, некое «Содружество будущего» — группу близких по духу людей, которые будут поддерживать тенденции, ведущие к гармонии и развитию индивидуального из всеобщего, и сражаться с хаосом и конформизмом. Политические партии основаны на ценностях, сложившихся сотни лет назад, когда взаимосвязь всего сущего на планете и ее ресурсов еще не была осознана. Религии несут мудрость прошедших веков. Специализированные группы по интересам часто сосредотачиваются на важных, но частных вопросах. Однако чтобы уверенно войти в третье тысячелетие, мы должны объединить людей с общими взглядами на будущее.

Арнольд Тойнби, британский историк, много писавший о подъеме и падении великих цивилизаций, считал, что в жизнеспособной культуре всегда появляется немногочисленное «творческое меньшинство». Так, относиться к Соединенным Штатам с уважением людей всего мира заставляет не богатство этой страны и не высокий уровень ее технологий, а идея свободного и человеческого представительного правления, родившаяся почти два столетия назад благодаря всего нескольким людям.

Флоренцию эпохи Возрождения тоже прославили не массы, а деятельность нескольких десятков банкирских семей, направленная на формирование международной финансовой системы, и их стремление сделать свою родину самым прекрасным городом на свете. Египет фараонов, Китай династии Хань, Афины, Рим или Париж XIX века — все это уникальные человеческие системы, созданные очень незначительным меньшинством, обладающим уникальными навыками и собственным видением мира.

В наши дни мои слова могут счесть признаком элитизма. Но творческие меньшинства порой выходят и из низов общества. По крайней мере поначалу они многого достигают благодаря своим душевным качествам и преданности делу, а не унаследованному статусу или богатству. Например, апо-

столы и ученики, распространявшие христианство, были совсем не знатными жителями отсталой римской провинции. Наука — безусловное прибежище элитизма: ее многочисленное творческое меньшинство определяет программу действий и устанавливает приоритеты. Так же дело обстоит и в искусствах. Наука и искусства — меритократии, где проявляются и преуспевают самые талантливые люди. Отрицая «элитистское» истолкование истории, мы в конечном счете отвергаем индивидуальные различия между людьми. Возможно, иногда с точки зрения политкорректности такой подход и допустим, но фактами он не подтвержден.

К тому же, признавая, что историю формируют небольшие группы, мы не утверждаем, что так бывает всегда. Отдельные лидеры вроде Наполеона или небольшие элиты, например большевики в России, вышли из социальной системы своей страны и внесли свой вклад в ее дифференциацию. Но если их деятельность не повышает интеграцию, то она не ведет к большей сложности и может оказаться разрушительной. Социальная интеграция — например великие общественные объединения раннего христианства, нескончаемый поток обращений в ислам, националистические движения прошлого века — это по определению массовые явления, объединяющие самых разных людей. Подобные движения начинаются с отдельных провидцев и маленьких групп: Будда и его ученики, Христос и 12 апостолов, Кавур¹, Кошут², Бисмарк.

Я не стану здесь обсуждать, являются ли творческие меньшинства независимыми проводниками общественных преобразований или только инструментами более значительных исторических сил. Как бы то ни было, без них не возникли бы

¹ Камилло Бенсо ди Кавур — итальянский государственный деятель, сыгравший исключительную роль в объединении Италии, первый премьер-министр Италии (1861). — *Прим. пер.*

² Лайош Кошут — венгерский государственный деятель, премьер-министр и правитель-президент Венгрии во время Венгерской революции 1848–1849 годов. — *Прим. пер.*

новые идеи и организации. Вопрос в том, каким образом подбные меньшинства могут добиться этого сегодня.

Нет рецепта того, как можно заложить основу для будущих перемен в обществе, но есть много образцов для подражания — от общин альтернативного образа жизни, популярных несколько десятков лет тому назад, до специальных групп, таких как клуб «Сьерра». Их участники — люди, утомленные рутиной, недовольные существующим положением дел. Они объединяются с другими такими же и начинают искать и пробовать различные решения, пока какое-нибудь из них не срабатывает. Нередко у них ничего не выходит, но люди, посвятившие себя достижению перемен, не жалеют о потраченном времени, даже если не добьются успеха.

Простой пример из моего личного опыта в области образования — создание школы «Ключ» в Индианаполисе (штат Индиана). Эту государственную семилетку создали восемь учителей, много лет проработавшие в местных школах. И их ожидало бы еще столько же тусклых и бессмысленных лет, останься они на своих местах. Все они считали детское образование делом своей жизни, но чувствовали, что работать с убежденностью и энтузиазмом в рамках системы становится все труднее.

Они не предпочли «реалистичный подход», не перешли в частные школы, не переехали в районы побогаче. Эти восемь учителей пошли по пути радикальной реформы. Прежде всего они решили познакомиться с новейшими взглядами на развитие образования. В течение года каждый из них большую часть своего свободного времени читал книги, а затем рассказывал о том, что узнал, своим коллегам на неформальных домашних встречах по вечерам. После этого подготовительного периода группа решила строить будущую школьную реформу на теории множественного интеллекта Говарда Гарднера, утверждающую, что образование — это не только слова и числа, но также звуки, цвета, движения и чувства.

Приняв общую концепцию, участники группы побывали во всех новаторских школах, на посещение которых у них хва-

тило денег и времени. Они получили гранты на поездки и разъехались в разные школы по всей стране, чтобы познакомиться с их целями и методами. Вернувшись, каждый из членов группы поделился узанным с товарищами. Следующим этапом было создание концепции школы, действующей в рамках государственной школьной системы, но отличающейся от других значительно большей свободой и большим единством одновременно. Это школа была готова принять любого ребенка при условии, что его родители согласятся помогать ему, отчасти жертвуя своим временем и комфортом.

И последнее. Группа должна была убедить инспектора по учебному округу и отвечающих за образование чиновников в разумности своих планов. После долгих обсуждений и болезненных компромиссов учителя получили согласие властей. Инспектор, который, несмотря на многочисленные практические затруднения, неизменно поддерживал эту инициативу, нашел старое здание, отремонтировал его, и учителя новой школы «Ключ» приступили к работе.

Все они годами трудились бесплатно, планируя и реализуя этот проект. Все они испытывали чувство вины из-за того, что уделяли так мало внимания своим семьям. И теперь все они смогли объяснить своим близким, что жертва была не напрасной: дети смогут учиться в идеальной школе, созданной их матерями.

Но проект едва не провалился, когда в новую школу записалось так много детей, что власти решили устроить жеребьевку. И никто из детей тех восьми учителей не вытянул счастливый билет. Только представьте — почти четыре года вы работаете над проектом, который должен принести пользу системе образования и вашей собственной семье, а потом оказывается, что вашим детям не позволено насладиться плодами вашей трудной победы! Однако это разочарование не заставило учителей сдаться. Новая школа добилась огромных успехов. Посетители всегда отмечают радостную, деятельную атмосферу в ее классах и коридорах. Там редко встретишь скучающего

ребенка или бездельничающего взрослого, ученики и учителя с головой погружены в интереснейшее занятие — учебу.

Школа «Ключ» — это небольшой и далеко не совершенный проект, который может в любой момент закончиться. Тем не менее даже этот скромный успех показывает, что несколько человек, решивших изменить этот мир, могут повлиять на систему. К счастью, многие другие школы, компании и предприятия, так же как и школа «Ключ», стремятся сделать нашу жизнь лучше. Не стоит надеяться на государственные программы, обещания президентов и бюрократический аппарат. Разумеется, для воплощения в жизнь таких масштабных программ, как Head Start¹, и инициатив по развитию бедных районов нам нужны федеральные бюджеты. Но только обыкновенные люди, преданные делу и полные энтузиазма, смогут предложить действительно работоспособные решения.

К сожалению, проекты, подобные школе «Ключ», по большей части разрозненны и узкоспециализированны. Сфера их влияния, как правило, ограничена непосредственно связанными с ними людьми. Так как же эффективнее использовать энергию и воображение таких людей, как вы и я, для управления эволюцией?

По-видимому, для этого нужно решить две основные задачи. Во-первых, заинтересованные люди должны научиться объединяться в активно действующие группы. Это позволит творческим меньшинствам получать информацию и приобретать умения, необходимые для осуществления перемен. И, во-вторых, нам нужны общие цели и ценности, позволяющие направлять энергию таких групп на преумножение сложности.

ЯЧЕЙКИ БУДУЩЕГО

Идеальная социальная единица для выполнения любой задачи — небольшая группа, позволяющая ее участникам плотно

¹ Программа Head Start Департамента здравоохранения и социальных служб США предоставляет различные услуги детям из бедных семей и их родителям. — *Прим. пер.*

общаться. Люди вступают в нее добровольно, и каждый вносит вклад в достижение общей цели, делая то, что получается у него лучше всего. «Ячейка» такого типа — сложная общественная единица, предоставляющая своим членам максимальные возможности для переживания потока. В наши дни найти такие группы довольно трудно. Обычно мы вынуждены участвовать в деятельности больших безликих организаций. Мало кто ощущает, что вносит подлинный вклад в деятельность той компании, где работает, той политической партии, за которую голосует, или того сообщества, в котором живет.

Допустим, кто-то решил создать подобную ячейку, чтобы изменить направление эволюции. С чего ему начать? По мнению исследователей социальных систем, у любого общественного организма есть четыре основные функции, помогающие ему выжить. Во-первых, он извлекает из окружающей среды ресурсы, питающие его членов: охотники должны найти дичь, университеты — студентов, банки — вклады. Во-вторых, он координирует свои действия с деятельностью других групп. В-третьих, он стремится к тому, чтобы его члены гармонично взаимодействовали при распределении задач и ресурсов. И последнее: он формирует ценности и верования, дающие группе идентичность, цель и надежду. Эти четыре функции обычно выполняют разные люди либо разные подгруппы внутри системы.

Если эти посылки верны, то жизнеспособная эволюционная ячейка должны состоять как минимум из четырех человек. Предположим, вы и еще трое ваших соседей решили создать такую «эволюционную ячейку». Первая задача этой группы — как можно лучше узнать то место, где вы живете, дабы определить, какие силы преумножают сложность жизни, а какие — энтропию.

Один человек из вашей ячейки (или несколько, если это большая группа) будет в основном собирать информацию об экономическом положении вашего района и его жителей. Что здесь производят, какие услуги предоставляют, как обстоит дело с деньгами? Какова инвестиционная политика банков?

В чем заинтересованы строительные подрядчики и владельцы недвижимости? Каковы перспективы развития малого бизнеса и рынка труда? Собранную информацию специалист по экономике представляет на встречах членов ячейки.

Второй человек займется сбором информации о том, какие политические силы действуют в вашем районе. Кто пользуется наибольшим влиянием и на каком основании? Чьи интересы представлены, а чьи нет? По каким основным пунктам расходятся выборные представители и какие интересы не представлены на политической сцене? Какие скрытые силы могут проявиться в жизни района? Эта информация также регулярно распространяется между членами группы.

Третий человек в этой ячейке отвечает за внутреннюю организацию группы. Это, прежде всего, информация о навыках и способностях ее членов и положении дел внутри группы. Другие его задачи — следить за тем, чтобы проводились встречи, информация беспрепятственно распространялась, члены групп знали, что им делать, и действительно это делали. Таким образом, третий человек фактически руководит ячейкой.

И наконец, последний, четвертый член группы интегрирует информационный поток и делает из него выводы. Его задача — поддерживать ясность стандартов сложности и применять их в практической деятельности группы. Благодаря ему ваша группа оценит уровень энтропии района и, возможно, сумеет придумать, как достичь гармонии.

На первый взгляд кажется, что такая группа ничем не отличается от уже существующих политических организаций. Но различие между ними очень велико. Политические партии создаются для того, чтобы продвигать интересы своих членов независимо от последствий. А цель эволюционных ячеек — собрать информацию, как можно лучше понять конкретную ситуацию, а затем начать действовать для достижения целей эволюции. Ячейка не лишена эгоизма, однако личные интересы в ней соединены с тем, что важнее всего не только для человечества, но и для жизни в целом.

Так что же реально могла бы сделать эволюционная ячейка? Первая и во многих отношениях самая важная ее задача — предоставить своим участникам (и в дальнейшем широкой публике) точную информацию. Многие из нас имеют весьма смутное представление о том, что происходит в нашем районе. Чересчур узкоспециализированные знания не позволяют нам постичь все многообразие связей внутри системы, понять, как принимаются решения по районированию, каким образом местные власти выдают подряды и собирают налоги. Средства массовой информации, чья задача — информировать нас об этом, слишком заняты продажей рекламных площадей и не в состоянии сосредоточиться на проблемах общества, которому они служат. Если большинство читателей предпочитают узнавать из СМИ о последних сексуальных приключениях знаменитостей, а не о фискальной деятельности спекулянтов, СМИ остается лишь подчиниться. Мы пытаемся извлечь хоть какую-то важную информацию из какофонии бессмысленных новостей. Поэтому и надо сначала выяснить положение дел в своем ближайшем окружении, где проще всего получить достоверные данные.

Второе направление деятельности ячейки — изучать полученную информацию, исследуя взаимосвязь ее составляющих. Основная проблема с данными, полученными от СМИ, — их разрозненность: факты подаются по одному, а причинам и взаимосвязям внимания почти не уделяется. Газетная передовица рассказывает о росте насилия в районе, но при этом ни словом не обмолвится о политических и экономических решениях, ответственных за это. У СМИ по определению короткая память и узкая область интересов. Понять причины явлений можно, лишь приложив особые усилия.

Основное преимущество эволюционной ячейки заключается в том, что она оценивает факты и принимает основополагающие решения, руководствуясь собственным методом. Проблемы района, такие как изменение границ избирательных участков, отказы в ипотечных ссудах, закрытие школ

или строительство площадок для гольфа, невозможно оценить исходя из краткосрочных личных интересов или на основе старых догм свободного рынка либо социалистической идеологии. Главное здесь — как все это повлияет на сложность района в долгосрочной перспективе. Это устойчивый и неизменный принцип сложности. Однако способы его приложения к конкретным проблемам будут меняться из года в год и становиться сложнее по мере накопления знаний и опыта. Именно в этом отношении деятельность ячейки станет воплощением принципа эволюции.

Что будет делать ячейка, обладающая всеми этими знаниями? Поначалу процесс познания может быть самоцелью. Приподнять даже краешек завес майи — уже немалое достижение. Жизнь каждого члена ячейки, его понимание общественной жизни и участие в ней, осознание своего места в истории станут глубже и богаче. Поиск знания дарит гораздо более сильное ощущение потока, чем развлечения, которыми мы заполняем свое свободное время. Поделиться с близкими по духу людьми своим пониманием того, что на самом деле происходит вокруг нас, гораздо приятнее, чем смотреть очередной выпуск «Ночного шоу»¹ или слушать музыку, нюхая кокаин.

Изучив условия своего существования, члены ячейки могут начать действовать, опираясь на приобретенные знания. Для начала можно поддержать на выборах одного из местных кандидатов или сотрудничать с уже имеющимися политическими организациями. А со временем эволюционные ячейки из этого или соседних районов могут начать делиться друг с другом информацией, и тогда появятся новые возможности для политической активности. Вместе эти ячейки смогут донести накопленную ими информацию до многих людей и создать новые организации для воплощения своих решений в жизнь. В конце концов изолированные ячейки могут объединиться

¹ Американское ток-шоу. Выходит с 1954 года и транслируется поздно ночью. — *Прим. пер.*

в свободную конфедерацию, эволюционное содружество, дающее цель и понимание жизни всему обществу.

ВЕРА В БУДУЩЕЕ

Принципы деятельности такого содружества могут быть очень просты. Если мы верим в то, что стремиться сделать будущее сложнее — правильно, нам необходимо руководствоваться аксиомами, следующими из логики эволюции:

1. Вы часть всего, что вас окружает, — воздуха, земли и морей, настоящего и будущего. Разрушая их порядок, вы наносите вред и самому себе.
2. Не отрицайте свою уникальность. Именно вы — центр сознания в своем пространственно-временном континууме. Поэтому ваши мысли, чувства и действия должны определяться вашими собственными знаниями и опытом.
3. Отвечайте за свои действия. Добившись власти над своим сознанием, своими желаниями и действиями, вы, скорее всего, увеличите порядок вокруг себя. Отдав же все это на откуп генам и мемам, вы не сумеете стать самим собой.
4. Будьте больше, чем вы есть. Личность — творческая конструкция, по определению, не завершенная и не закрытая. Кто вы на самом деле — определяют ваши действия. Преодоление собственного эгоизма — часть эволюции.

Можно продолжать этот список, но его невозможно завершить, высечь на камне, как десять заповедей. Наши идеи, возникшие в размышлениях над эволюционным процессом, несомненно, будут меняться по мере расширения нашего сознания. Нет никакой конечной точки движения, никакой окончательной мудрости — лишь постепенно расширяющееся сознание, становящееся все богаче и сложнее.

Эти идеи не гарантируют нам вечную жизнь, подобную той, что рисовало себе средневековое воображение. Они не обещают, что мы — переродившиеся, с просветленными чертами, в белых развевающихся одеждах — рассядемся вокруг Творца на белом пушистом облаке. С распадом физического тела распадается и сознание, мерцавшее несколько десятилетий в клетках мозга.

Однако если в процессе жизни мы направляем свою психическую энергию на то, чтобы придать эволюции бóльшую сложность, наш вклад в развитие человечества переживет смерть нашего тела. Информация, содержащаяся в принадлежавших когда-то нам мемах и генах, продолжит формировать будущее. Эхо наших поступков зазвучит в коридорах времени. Так чем же эта стратегия полезна нынешним нам, трепещущим перед смертью и иллюзиями сознания? Разумеется, на этот вопрос нет однозначного ответа. Возможно, человеческая индивидуальность сохранится в неких будущих измерениях сущего. Возможно, некая копия человеческого существа продолжает жить после смерти, восседая на метафизическом облаке в некоей области вечности. Возможно, как утверждают некоторые, сознание возрождается в теле более высокого уровня.

Я понимаю, что поверить в эти утешительные слова можно, лишь имея веру, далеко выходящую за пределы нашего нынешнего знания. Возможно, кто-то совершит экзистенциальный скачок, а кто-то откажется отбросить свое неверие. Но есть один источник веры, не требующий такого скачка и поэтому никоим образом не компрометирующий нашу сегодняшнюю реальность. Он лишь требует от нас признания той роли, которую мы играем в преумножении сложности жизни. Мы боимся смерти из-за того, что слишком сильно отождествляемся с собственной личностью. Чем больше энергии мы направляем на личные цели, игнорируя более широкие и отдаленные последствия, т. е. чем больше мы увлекаемся дифференциацией без оглядки на интеграцию, тем страшнее нам кажется уничтожение нашей личности. Но когда мы отождествляемся

с эволюцией, с процессом нарастания сложности, страх смерти отступает.

Отождествление себя с эволюцией не означает, что мы можем спокойно уверовать в постоянное возрастание сложности и в то, что наши мемы и гены вечно останутся на пике прогресса. Все может повернуться вспять. В любой момент может зародиться новый активный вирус, питающийся тканями мозга, или через сто лет мы можем утонуть в собственном мусоре. Нет гарантии того, что сложность мозга позволит создавать все новые уровни дифференциации и интеграции. Или вдруг выяснится, что жизнь была лишь случайной точкой на бесконечной линии космических веков, и мы двинемся в обратном направлении, побудем обезьянами и мухами и снова обратимся в неорганическую пыль.

Поскольку эти возможности очень реальны, для нас жизненно важно поверить в эволюцию. Знай мы наверняка, что день грядущий нам готовит, вера была бы излишней. Но именно потому, что жизнь — это уравнение со множеством опасных неизвестных, нужна некая вера, которая укажет нам путь и даст нам мужество жить. Если мы не в состоянии поверить, что наше существование — часть разумного, постепенно разворачивающегося плана, нам будет нелегко сохранить решимость, необходимую для его реализации. Эволюции не нужна вера в предрешенный исход, она требует веры в неизвестное.

Эта вера поможет нам задать направление развитию человечества. Прежде всего нам необходимо осознать, как разнообразны иллюзии, скрывающие от нас реальность. Чтобы освободить сознание от власти генетических программ, привычек и культурной обусловленности, требуется постоянное напряжение воли. Как алкоголик, чтобы освободиться от своей жалкой привычки, должен прежде признать свою зависимость, так и мы сначала должны осознать свои ограничения и только затем приниматься строить гармоничные отношения с универсальным порядком. Когда же мы отождествимся с эволюцией сложности и начнем постигать свое родство со Вселенной, нам

будет проще освободиться от ограничивающих нас личных потребностей и бессмысленного террора морали.

Как ни странно, жизнь становится безоблачной и ясной именно тогда, когда эгоистические удовольствия и личный успех перестают руководить человеком. Когда личность растворяется в трансцендентной цели — создании прекрасных стихов или отличной мебели, исследовании движения галактик или заботе о счастье ребенка, — она становится неуязвимой для повседневных страхов и трудностей. Психическая энергия концентрируется на важной цели развития сложности. И эта новая сложность продолжит занимать умы грядущих поколений и после смерти человека, даже когда его имя сотрется из памяти человечества.

Когда понимаешь, что ты не один, что не нужно защищать свою обособленную личность от всей Вселенной, на душе становится невероятно легко. Тогда действуешь радостно и безоглядно, стремясь каждой клеточкой тела и души к достижению своей цели. При этом ты готов спокойно отнестись к неудаче. В конце концов, какое, собственно, преимущество у наших целей в невероятно сложной мозаике Вселенной? Если все получится — прекрасно! А нет, так нет. Но на самом деле, если наши цели совпадают с целями космоса, проиграть мы не можем. Мы будем входить в состояние потока, не только играя в футбол, напевая прекрасную песню или самозабвенно рисуя на холсте. Поток станет неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и охватит все наши дела.

Если бы мы сохраняли веру в то, что каждое действие, которое мы выполняем совершенно сознательно, создает лучшее будущее, на этом можно было бы поставить точку. У эволюции сложности появилась бы самая надежная гарантия. Но в одиночку человеку очень трудно постоянно держать в поле зрения свою цель, вечно изменчивую и неуловимую. Именно по этой причине, чтобы действительно влиять на эволюцию, человеку необходимо создать широкие социальные системы, которые руководствуются общей целью, четко и постепенно воплощая ее в жизнь.

«Содружество будущего» — это одно из возможных решений. Его эволюционные ячейки будут невероятными темпами наращивать объем информации, необходимой человеку для того, чтобы понять реальность, в которой он обитает, и сорвать завесы иллюзий, сотканные теми, кто хочет эксплуатировать чужую психическую энергию. А делаясь информацией с близкими нам по духу людьми, мы научимся лучше отличать мемы, полезные для будущего, от тех, что выкачивают нашу энергию для удовлетворения собственных нужд.

Эволюционные ячейки позволят нам испытать ощущение потока, когда мы будем добиваться самых амбициозных из доступных воображению человека целей — стремиться стать частью космической гармонии, слиться с постепенно раскрывающимся сознанием Вселенной, превратить кратковременные вспышки своей психической энергии в постоянный ток, преумножающий сложность и порядок.

И даже если за время нашей жизни ничего не изменится, если наш мир наполнится предвестиями грядущих темных веков, а апатия и хаос увеличатся, те, кто посвятил свою жизнь будущему, не должны отчаиваться. Эволюция — это не ожидание мессии, не Второе пришествие в будущем году, веке или тысячелетии. Тем, кто верит в эволюцию, спешить некуда. Жизнь одного человека, со всеми ее бедами и разочарованиями — всего лишь краткий миг поразительного космического приключения.

В то же время принимаемые нами решения самым серьезным образом влияют на будущее этой, а может, и других планет. За исключением возможности столкновения с кометой или распространения смертельного вируса — судьба в наших руках. Отказавшись от этой ответственности, мы сдадимся на милость равнодушного случая или, хуже того, всевозможных разновидностей паразитической эксплуатации. Никто не гарантирует того, что, поддерживая порядок, мы неизбежно добьемся успеха или даже счастья в иллюзорных понятиях нашей культуры. Но это подарит нам радость и полноту существования, а также уверенность в том, что живем мы так, как надо.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ К ГЛАВЕ «СОДРУЖЕСТВО БУДУЩЕГО?»

Создание содружества

Какая информация о вашем социальном окружении нужна вам больше всего? Каким образом вы могли бы ее получать?

Что в первую очередь мешает сообществу, в котором вы живете, стать сложнее? Это экономические, политические или моральные проблемы? Связано ли такое положение дел с отсутствием видения и креативности?

Ячейки будущего

Приходилось ли вам участвовать в первичной инициативной группе? Каков был результат?

Если можете, назовите тех, с кем вы могли бы создать эволюционную ячейку.

Вера в будущее

Как вы относитесь к идее о том, что наше будущее определяет то, на что мы сейчас направляем свою психическую энергию? Какие выводы из этого следуют?

Если вы записывали ответы на вопросы, приведенные в конце каждой главы этой книги или, по крайней мере, думали о них пару минут, то ваше сознание могло как-то измениться. Как вы думаете, так ли это на самом деле? Могли бы вы описать произошедшее изменение?

Благодарности

Все источники представленных в этой книге идей перечислить просто невозможно. Некоторые из них указаны в примечаниях. Но есть люди, оказывавшие мне непосредственную помощь и дарившие поддержку при создании этой книги, и для меня большое удовольствие выразить им за это свою признательность. Надеюсь, это не слишком смутит их. Прежде всего, я должен поблагодарить свою жену Изабеллу, чье участие, помощь и поддержка вот уже 30 лет дают мне силы продолжать исследования. Наш сын Марк, знакомясь с текстом этой книги на различных этапах работы, делал ценные замечания, а Кристофер предлагал интересные идеи.

Мой коллега Говард Гарднер из Гарвардского университета дарил мне вдохновение. Психологи из Миланского университета во главе с профессором Массимини внесли больший, чем кто-либо другой, вклад в развитие идей об эволюции культуры. Мои друзья Джордж Кляйн из Каролинского института (Стокгольм), Элизабет Ноэль-Нойман из Майнцского университета и Хироаки Имамура из университета Тиба вдохновляли меня на продолжение этой работы. Мартин Гринберг из UCLA предложил интерактивный формат этой книги. Филип Хеффер, редактор Zygon, и Стивен Граубард, редактор Daedalus, проявили большой интерес к отдельным идеям книги. Из сотрудников своего университета я особенно хочу поблагодарить

Эдварда Лауманна, Вэйн Бут, Марту Макклинток и моих коллег из Комитета по развитию человеческого потенциала, чьи знания и дружба все эти годы очень много для меня значили.

Из моих многочисленных нынешних и прежних студентов, внесших свой вклад в создание этой книги, я хочу отметить Кевина Ратунде, сейчас преподающего в университете Юты, Марию Вонг из Уэслианского университета (штат Коннектикут) и Самюэля Уэйлена. Отдельно я хочу поблагодарить Фонд Спенсера, который в течение ряда лет щедро спонсирует мои исследования. Я также хочу выразить признательность Джону Брокману, без которого этот проект не смог бы осуществиться, и Рика Кота, чье редакторское мастерство значительно улучшило эту книгу. Наконец, я хочу сказать спасибо сотням читателей «Потока», рассказавшим мне о том, что им нравится или не нравится в моей книге. Их отзывы убедили меня в необходимости сделать следующий шаг.

Чикаго, июнь 1993 года

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

С. 7. Перед вами продолжение «Потока»: описание опыта потока, предназначенное широкой аудитории, можно найти в книге «Поток. Психология оптимального переживания»¹ [Flow: The Psychology of Optimal Experience, Csikszentmihalyi, 1990a]. Она опирается на две предшествующие книги [Csikszentmihalyi, 1975; Csikszentmihalyi and Csikszentmihalyi, 1988], а также на огромное количество научных статей (их библиография приведена в упомянутых источниках).

Концепция потока похожа на теории многих предшествующих авторов, но основные ее составляющие — результат психологических исследований, а не заимствования из других источников. Например, после первой публикации мне сообщили, что в индуистских Ведах, в частности в «Бхагавад-гите», встречаются подобные идеи; то же верно и в отношении сочинений даосов. В даосизме есть слово *юй* — «идти не касаясь земли», «парить» или «течь», описывающее жизнь мудреца. На Западе Аристотель считал добродетелью деятельность ради дости-

¹ Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

жения совершенства в ней самой [MacIntyre, 1984]. Марк Аврелий и стоики высказывали немало подобных идей, а Данте Алигьери в своем трактате «О монархии» описывает полноту бытия как всепоглощающую радость деятельности.

Из более поздних авторов на меня еще в мою бытность студентом повлияли труды Абрахама Маслоу [Maslow, 1968, 1971]. Описанные им «пиковые состояния» очень похожи на поток. Удивительно, сколь многие люди независимо друг от друга пришли к одинаковым выводам в вопросе о подлинном источнике человеческого счастья. Например, весной 1992 года, через два года после публикации «Потока», я, дожидаясь рейса в цюрихском аэропорту, подошел к книжному киоску. Мое внимание привлекла книга под названием *La Conquista della Felicità*, оказавшаяся новым переводом на итальянский труда Бертрана Рассела *The Conquest of Happiness* («Завоевание счастья») (1930). Я купил книгу, принялся читать и едва не опоздал на самолет — настолько меня поразило и увлекло сходство идей Рассела с моими. Позднее доктор Уэйн Каллауэй прислал мне книгу под названием *Alain on Happiness*, написанную в 1928 году французским философом. В ней я также нашел множество идей, совпадающих с моими выводами. Я думаю, что эти параллели — не просто любопытные совпадения. Они показывают, что разные умы, независимо размышлявшие о своем опыте, пришли к одинаковым выводам.

В последние несколько лет исследование потока развивалось по самым разным направлениям. В дополнение к деятельности нашей лаборатории в Чикагском университете профессор Фаусто Массимини, доктор Антонелла Делле Фаве и их коллеги по медицинскому факультету Миланского университета провели чрезвычайно важные исследования. В частности, они организовали альпинистскую экспедицию на Гималаи для изучения потока в экстремальных ситуациях. В последнее время идея потока применялась в клинической психотерапии [de Vries, 1992], исследовании стресса среди топ-менеджеров [Donner and Csikszentmihalyi, 1992], исследовании телезрите-

лей [Kubey and Csikszentmihalyi, 1990] и исследовании развития талантливых подростков [Csikszentmihalyi, Rathunde, and Wahlen, 1993].

Значительный интерес к потоку наблюдается также за пределами научного сообщества. Поток помогает производителям автомобилей лучше понять то ощущение удовольствия, которое испытывают водители, разработчикам программного обеспечения — создавать «соблазнительные программы», преподавателям — разрабатывать новые курсы, руководителям — менять рабочую обстановку, а журналам по садоводству — по достоинству оценивать привлекательность этого занятия. Во время Суперкубка 1993 года Джимми Джонсон, тренер футбольного клуба Dallas Cowboys, рассказал журналистам, что «Поток» помог ему и его команде подготовиться к победной игре. Эти факты подтверждают старую пословицу, что нет ничего практичнее хорошей теории.

С. 8. Исследования креативности: это исследование художников описано в книге, опубликованной почти 20 лет назад [Getzels and Csikszentmihalyi, 1976]. Последние данные по этой теме приведены в [Csikszentmihalyi, 1990c].

С. 9. Игры: вначале *игра* и *поток* считались едва ли не синонимами. Причина в том, что феномены, подобные потоку, описывались лишь в литературе, посвященной игре (например, [Piaget, 1951], [Bruner, Jolly, and Sylva, 1976], [Huizinga, (1939) 1970]). Однако вскоре стало понятно, что не все игры создают поток и что поток может возникнуть также в работе. Одна из наиболее важных идей теории потока состоит в том, что с психологической точки зрения работа и игра не обязательно противоположны [Csikszentmihalyi, 1981].

С. 9. Внешние цели: долгие годы считалось, что лишь внешние вознаграждения заставляют людей действовать. Но недавно психологи поняли, насколько важны вознаграждения внутренние [Amabile, 1983; Deci and Ryan, 1985; Lepper and Green, 1978]. Некоторые полагают, что *внешние вознаграждения*, такие как слава и деньги, снижают значимость *вну-*

тренних вознаграждений, создаваемых самой деятельностью. Однако думается, что эти два вида вознаграждений дополняют друг друга.

С. 12. Религиозные идеи: мои взгляды на роль религии в эволюции более подробно описаны в [Csikszentmihalyi, 1991; Csikszentmihalyi and Rathunde, 1990].

ГЛАВА 1

С. 19. Паскаль: «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий» («Мысли», с. 264).

С. 19. ...в их сознании: мои взгляды на сознание и его функционирование были разработаны в [Csikszentmihalyi, 1978, 1990a], а также в [Csikszentmihalyi and Massimini, 1985]. По существу, то, что мы в состоянии осознавать в каждый отдельный момент, ограничено нашей способностью направлять внимание, которое само является ограниченным ресурсом. Внимание — это психическая энергия, необходимая нам для мышления, деятельности и памяти. На какие вещи, насколько интенсивно и как долго мы обращаем внимание, определяется нашими целями, которые, в свою очередь, формируются преимущественно под влиянием инстинктов и обучения. Сумма всего, что было предметом нашего внимания в течение времени, и есть наша жизнь. Интерпретация внимания как организующей силы сознания во многом сходна с точкой зрения Уильяма Джеймса, изложенной в его классической работе «Принципы психологии» (1890), см. преимущественно т. 1, гл. 11.

Личность — одна из составляющих сознания, ее защита и развитие становятся одними из главных задач каждого человека. Описание происхождения сознания в этой главе основано на работе [Dennet, 1991] и совпадает с данными многолетнего исследования этого вопроса [Edelman, 1993].

С. 26. ...на исходе первого тысячелетия: с тех пор как возникло христианство, некоторые люди серьезно воспринимали

Откровение Иоанна Богослова, в особенности, стих 20:4, где сказано, что Сатана будет скован на тысячу лет и низвергнут в бездну до наступления конца света. Вера в Апокалипсис получила особое распространение в конце первого тысячелетия и, кажется, вновь набирает силу в наше время — см. события в Вако (Техас). Однако другие культуры и религии также верят в конец света с последующим справедливым божественным возмездием. Хорошее введение в этот предмет — [Cohen, 1957]. Мессианские и милленаристские мировые культы описаны в [Lanternari, 1965].

С. 27. Жак Моно: теории этого французского биохимика [Monod, 1971] оказали значительное влияние на нынешнее понимание эволюции и естественного отбора.

С. 28. Были ли люди в предшествующие века счастливее: в действительности нет способа сравнить с какой-либо степенью точности уровень счастья людей прошлого и наш. Более того, представляется сомнительной возможность сравнить сегодня счастье двух человек из разных стран и даже из одной страны. Однако в последние годы психологи и представители других общественных наук стали систематически изучать счастье (например [Argyle, 1987], [Strack, Argyle and Schwartz, 1990], [Bradburn, 1969], [Myers, 1992]). Описания повседневной жизни в прошлом, от условий которой зависело счастье, можно найти у французских историков во главе с [Aries and Duby, 1987].

С. 28. Йохан Хейзинга: его описание жизни мужчин и женщин средневековой Европы можно найти в [Huizinga, 1954]. Кстати, этот нидерландский историк написал трактат «Человек играющий» [Homo Ludens, Huizinga, (1939) 1970], несомненно, одно из глубочайших исследований опыта игры — другого фактора, повлиявшего на создание концепции потока.

С. 34. Не один Платон полагал, что золотой век уже позади: спорный, но будящий мысль анализ «исторических» мыслителей (в особенности, Платона) представляет собой книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» [Open Society and its Enemies, Popper, (1945) 1963].

С. 35. Движения и практики Нью Эйдж: материал для этого краткого обзора движений развития человеческого потенциала и Нью Эйджа предоставили [Hulme, 1977], [Keen, 1982] и [Peters, 1991].

С. 36. 94% наших генов: фактически частичное совпадение генов в хромосомах человека и шимпанзе колеблется от 94% до почти 99%. Например: «Понуклеотидное сравнение цепочек ДНК у шимпанзе и людей обнаружило столь немногочисленные отличия — меньше одного процента, — что биологи затрудняются объяснить, почему эти два вида столь отличаются друг от друга. Последние исследования показывают, что шимпанзе генетически ближе к людям, чем к гориллам» [Dozier, 1992, 105]. [Diamond, 1992] устанавливает 98%-ное генетическое совпадение людей и шимпанзе.

С. 37. Энтропия: я постоянно использую этот заимствованный из физики термин для обозначения состояния замешательства и неспособности действовать, возникающего в сознании человека, когда ему не удается достичь своих целей, а также испытываемых им по этой причине негативных эмоций. Этот термин также применим к беспорядку на уровне социальных систем, возникающему, когда цели общества оказываются под угрозой. Противоположное этому состояние — *негэнтропия*, что означает упорядоченное состояние систем — сознания или общества, — функционирующих должным образом. На индивидуальном уровне психическая негэнтропия проявляется как оптимальное состояние или поток. И хотя меня не раз предупреждали о нежелательности заимствования этих терминов с их точными значениями и длинным послужным списком из областей физики и обработки информации, я все же продолжаю использовать их в полуметафорическом смысле в контексте человеческого опыта, поскольку, как мне кажется, их эвристическая ценность превышает опасность возникновения некоторой путаницы.

С. 37. Уильям Хаббард: источник описания коренных жителей Америки как злодеев — [Hubbard, 1677].

ГЛАВА 2

С. 50. Сюнь-цзы: перевод этого классика китайской литературы приведен в [Latourette, 1959], а толкование его этического подтекста — в [Ivanhoe, 1991].

С. 51. ...встроенной функцией нервной системы не только человека: нейрологические основы неудовлетворенности рассмотрены в [Konner, 1990].

Эскалацию ожиданий отмечали многие исследователи, см. [Campbell, Converse and Rodgers, 1976], [Martin, 1981] и [Michalos, 1985].

С. 53. Предписания генов: [Ernst Mayr, 1982] в числе прочих эволюционных биологов красноречиво пишет об «открытых» генетических программах и утверждает, что человеческие существа обладают инстинктом обучения. Тем не менее каждый человек рождается с определенным количеством запрограммированных склонностей, которые едва ли возможно изменить в течение жизни.

С. 53. ...естественным состоянием ума: отвлечение — это естественное следствие неспособности ума надолго сосредоточиться на одном стимуле. Еще 100 лет назад Джеймс заметил, что «непрерывное пристальное внимание невозможно удерживать дольше нескольких секунд» [James, 1890, 490]. Однако тот факт, что людям трудно пересилить себя и получать удовольствие, когда они ничем не заняты, стал лишь постепенно проявляться в наших исследованиях [Chikszentmihalyi and Larson, 1984; Kubey and Chikszentmihalyi, 1990]. Оказавшись в одиночестве в неструктурированной ситуации, человек приходит в состояние, подобное возникающему в условиях сенсорной депривации [Vexton, Heron and Scott, 1973; Zuckerman, 1964; Chikszentmihalyi, 1975].

С. 54. ...мозгу нужна упорядоченная информация: эту связь ярко описал нейропсихолог Джордж Миллер: «Ум выживает, переваривая информацию» [Miller, 1983, 111].

С. 54. Даже выполнению работы: наши исследования показывают, что внутренние ощущения людей более позитив-

ны, когда они на работе, а не дома, — по их собственным утверждениям, на работе они испытывают большую активность, творческое напряжение и удовлетворение. Тем не менее большинство людей говорят, что предпочли бы меньше работать и больше времени проводить дома [Chikszentmihalyi and Le Fevre, 1989; Delle Fave and Massimini, 1988].

С. 54. Воскресное утро: опасность воскресений для душевного здоровья уже отмечалась в начале XX века ранними психоаналитиками, придумавшими термин «воскресный невроз» [Ferenczi, 1950]. С тех пор было обнаружено, что всевозможные отпуска и праздники по той же причине обнаруживают ту же проблему: лишившись рутины, люди приходят в беспокойство [Boyer, 1955; Cattell, 1955; Grinstein, 1955]. В 1958 году группа продвижения психиатрии сообщила, что «свободное время представляет серьезную угрозу для большинства американцев». Выйдя на пенсию, люди, не сформировавшие иных интересов, страдают по тем же причинам.

С. 55. Внутренняя дисциплина: разнообразные способы управления умом, желаниями, эмоциями и поведением, разработанные различными культурами (такие как йога, медитация, религиозная дисциплина и методы самопомощи), хорошо изложены в [Klausner, 1965].

С. 58. ...более 70 000 убийств: количество убийств, которые средний американский ребенок увидит на телеэкране до своего совершеннолетия, колеблется между 70 000 и 140 000. Конечно, эти подсчеты заведомо неточны и используются преимущественно в идеологической аргументации. Однако очевидно, что объем насилия в СМИ чрезмерен и опасен для развития сложной личности.

С. 58. Но негативные эмоции не всегда зло: документальные свидетельства о жизни успешных людей снова и снова говорят нам о том, что их ранние годы зачастую были полны страданий и трудностей (например, [Chikszentmihalyi, 1993; Goertzel and Goertzel, 1962]). Вследствие этого во взрослом возрасте у творческих и успешных людей часто проявляются симп-

томы депрессии и других душевных расстройств [Andreasen, 1989]. Однако остается открытым вопрос, не является ли душевное здоровье слишком высокой платой за успех.

С. 59. ...воспринимать разум отдельно от тела: психологические исследования отношений тела и разума описаны в [Fisher, 1970], [Piaget, 1971], [Wapner and Werner, 1965] и [Mandler, 1975]. Теории происхождения разума и его отношения к остальному телу рассматриваются в [Jaynes, 1977] и [Donaldson, 1993]. Идеи восточных мыслителей по этому вопросу обсуждаются в [Granet, 1934], [Radakrishnan, 1956], [Fingarette, 1979], [Lau, 1953] и [Munro, 1988].

С. 62. ...изучая работу компьютеров, они могут узнать, как мы думаем: уже давно идет спор о том, насколько изучение компьютеров способно помочь нам постичь работу разума (см., например [Dreyfus, 1979; Anderson, 1964; Hofstadter and Dennett, 1981]). Скромный вклад в эту дискуссию внес обмен мнениями между [Chikszentmihalyi, 1988c] и [Simon, 1988].

С. 64. Экономическое поведение: исторические изменения экономических мотивов на культурном уровне рассматриваются в [The Great Transformation, Polanyi, (1944) 1957]. См. также описание экономической иррациональности на индивидуальном уровне в [Scitovsky, 1976].

С. 66. Зависимость от удовольствия: весь этот раздел в значительной степени основан на интересной книге [Lionel Tiger, 1992]. См. также [Cabanac, 1971] и [Burhoe, 1982], посвященные этому предмету. Различие между удовольствием и радостью, или потоком, в том, что удовольствие заключается в удовлетворении гомеостатического дисбаланса, связанного с генетически запрограммированной потребностью (например, едой, отдыхом, сексом, социализацией и пр.), тогда как радость обычно связана с соотношением возможности и действия, что генетически не запрограммировано. Удовольствие легко получить, и его легко повторить — можно получать удовольствие от более или менее одинаковой еды несколько раз в день.

Радость может продолжаться гораздо дольше, однако ее источник способен легко наскучить, если только добиваться радости не становится все сложнее или не возникает необходимость в иных способах ее достижения. Именно по этой причине радость, в отличие от удовольствия, ведет к эволюционным изменениям. Эти связи хорошо выражает старая поговорка «Хочешь счастья на несколько часов — напейся, на несколько лет — женись, на всю жизнь — разбей сад». Конечно, эта мудрость упускает из виду, что и брак может оставаться счастливым, если за ним ухаживать так же, как за садом.

С. 66. ...выбирая то Аполлона, то Диониса: диалектическое взаимодействие этих двух тенденций — она из старейших тем в истории культуры; см., например, [Also sprach Zarathustra, Nietzsche, 1883–1892, т. 1–4] и антропологические исследования [Ruth Benedict, 1934].

С. 66. Питирим Сорокин: в [Sorokin, 1962] изложены многие теории изменений культуры и собственное кропотливое исследование этого вопроса. См. также [Csikszentmihalyi, 1991].

С. 69. Буддизм: о важности четырех благородных истин и благородного восьмеричного пути рассказывается в [Ikeda, 1988]. Тем не менее в буддизме, как и в христианстве, есть множество сект и направлений, которые придерживаются различных мнений и по-разному оценивают определенные идеи.

С. 70. Стресс, напряжение и гормоны: на содержание всего этого раздела оказала влияние моя коллега Марта Макклиток, чьи лекции я посещал в течение нескольких семестров, когда мы оба преподавали на семинарах Vail Management Development. Некоторые ее новаторские исследования взаимодействия ментальных состояний и психологических процессов описаны в [McClintock, 1979, 1987]. См. также [Sperry, 1984, 1988] и [Seligman, 1975, 1990].

С. 71. Роджер Сперри: с некоторыми идеями Сперри о взаимодействии мыслей и эмоций, с одной стороны, и структуры нервной системы, с другой, можно ознакомиться в [Sperry, 1984, 1988].

С. 75. Людовик XVI: хорошая биография этого несчастного монарха — [Bernard Fay, 1966].

С. 76. «Мужское движение»: одним из источников, вдохновлявших это движение, были работы психиатра Карла Густава Юнга в истолковании некоторых его последователей (например, [Moore and Gilette 1990]). Интересное понимание подавленной маскулинности — [Iron John, Robert Bly, 1990]. На некоторые опасности некритического принятия этого движения указал [Aeschbacher, 1992], опасавшийся, что мифологический маскулинный этос может легко вырождаться в протофашистскую идеологию. Литература, посвященная женскому движению, необъятна, что не позволяет привести ее краткий обзор. Тем не менее среди лучших психологических работ, посвященных этому вопросу, можно отметить [Gilligan, 1982]; см. также [Gilligan, Ward, and Taylor, 1988] и [Miller, 1976].

ГЛАВА 3

С. 81. Демокрит: цит. по Диогену Лаэртскому («О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. 9, гл. 11).

С. 82. Эволюционная эпистемология: термин, предложенный психологом Дональдом Кэмпбеллом [Donald Campbell, 1976]. О применении этой концепции см. также [Csikszentmihalyi, 1972] и [Csikszentmihalyi and Rathunde, 1990].

С. 82. Экстрасоматическое хранение информации: воздействие способности хранить информацию за пределами нервной системы на чувство личности и на культуру рассматривается в [Csikszentmihalyi, 1992] и [Csikszentmihalyi and Massimini, 1985].

С. 85. Социальное конструирование реальности: классически и доступно тема социального конструирования реальности рассмотрена в книге [Berger and Luckmann, 1967].

С. 85. Когнитивная карта: этот термин полвека назад предложил психолог Эдвард Толмен [Tolman, 1948].

С. 86. ...индивидуальные особенности со временем становятся привычками: психолог Говард Гарднер [Howard

Gardner, 1983] создал концепцию «множественности интеллектов», объясняющую, почему дети в разной степени одарены способностями — кинестетическими, межличностного общения и др.

С. 87. Илья Пригожин: с его идеями можно ознакомиться в [Prigogine and Stengers, 1984].

С. 87. Джон Уилер: см. [Willer and Zurek, 1983].

С. 87. Австралийские аборигены: поклонение аборигенов Юрлингуру — ежегодному муссону, оплодотворяющему землю Австралии, — описал антрополог Уильям Ллойд Уорнер [W. Lloyd Warner, 1958].

С. 90. Дети также запрограммированы на подражание взрослым: на важность подражания в развитии младенцев указывают [Kaue, 1977] и [Rosenblith and Warner, 1985].

С. 91. Не гены — наши маленькие помощники: биолог Ричард Докинз [Richard Dawkins, 1976, 1982] способствовал популяризации этой идеи, которую прекрасно выражает фраза «Цыпленок — это просто способ яйца произвести на свет еще одно яйцо».

С. 91. ...подталкивающие девушку-подростка к беременности: генетическая запрограммированность на раннюю беременность рассмотрена в [Csikszentmihalyi, 1993a]. Порождаемые этой тенденцией проблемы современного общества — основной предмет исследований фонда An Ounce of Prevention, созданного чикагским филантропом Ирвином Харрисом.

С. 93. Пример с Джерри, молодым адвокатом: человеческую психологию можно лучше понять в контексте повседневного «бюджета времени». Значение определенного поведения или эмоции возможно оценить лишь в сравнении с другими повседневными действиями и событиями. Узнать, чем люди занимаются в течение дня, можно либо из дневников (например, [Szalai, 1965], [Robinson, 1977], [de Vires, 1992]), либо с помощью «метода выборки опыта» (Experience Sampling Method, ESM), когда люди в течение недели заполняют короткие воп-

росники по произвольному сигналу электронного устройства ([Csikszentmihalyi, Larson, and Prescott, 1977], [Csikszentmihalyi and Csikszentmihalyi, 1988]).

С. 94. Подростки думают о сексе: должен заметить, что наши исследования по методу ESM указывают на гораздо более низкую сексуальную озабоченность у подростков, возможно потому, что для сбора данных применялся иной метод.

С. 94. ...такую же власть над разумом имеет еда: о том, сколько времени уходит на мысли о еде, сообщается в [Johnson and Larson, 1982].

С. 95. Фактичности биологического существования не избежать: термин «фактичность» ввели философы-экзистенциалисты Сартр [Sartre, 1956] и Мерло-Понти [Merleau-Ponty, 1962] для обозначения биологических и социальных условий, определяющих сознание человека. Противоположный термин «возможность» указывает на резерв свободы, оказывающийся в распоряжении саморефлектирующего человека, когда он решает действовать, хотя бы отчасти, не по указке генов и мемов.

С. 96. Крестьяне из маленьких деревушек, расположенных на Венгерской равнине: этноцентрические деревенские жители описаны в [Fèl and Hoffer, 1969]. По-итальянски этноцентризм по той же причине называется *campanilismo* (букв. «церковношпилизм» — склонность считать шпиль своей церкви осью мира). Однако церковь никогда не была единственным центром жизни крестьян. Например, над входом в *koscsma* (венгерский эквивалент английского паба) обычно начертаны следующие стихи [Lang, 1971, 40]:

Центр мира впереди.

Проверить хочешь? Заходи!

С. 97. Китайцы верили: о том, что китайцы искренне считали себя единственной цивилизованной культурой, способной править остальным миром, упоминает, например, [Latourette, 1970, 152]. Несомненно, большинство жителей США придерживаются того же мнения по поводу своей страны.

С. 100. Народ гусии: мир этого североафриканского народа подробно описан в [Robert Le Vine, 1979].

С. 102. Творческий гений — зачастую маргинал: анализ жизни и мыслей семи творческих гениев этого столетия — последнее произведение психолога Говарда Гарднера [Howard Gardner, 1993].

С. 105. ...саморефлектирующее сознание — недавний продукт человеческой эволюции: одна из последних посвященных эволюции сознания книг написана нейробиологом Джеральдом Эдельманом [Gerald Edelman, 1993]. Обзор этой науки, переживающей период возрождения после многолетнего забвения, приведен в [Zachs, 1993]. Иные подходы к вопросу эволюции сознания: [Jaynes, 1977] и [Donaldson, 1993].

С. 106. Представим себе Зорга: мотивы воображаемого Зорга не слишком отличаются от тех, что антрополог Маршалл Саллинс [Marshall Sahlins, 1972] обнаружил у сохранившихся дописьменных культур. Например, современные охотники и собиратели не любят принимать подарки, поскольку им приходится переносить их от одной стоянки к другой вместе со своей поклажей, и с каждым новым приобретением она становится все тяжелее.

С. 108. Это ясно видел Уильям Джеймс: см. [James, 1890, 291].

С. 108. ...у человека, неожиданно потерявшего что-то из того, чем он владеет: о роли собственности в психологии человека см. [Csikszentmihalyi and Rochberg-Halton, 1981] и [Rudmin, 1991].

ГЛАВА 4

С. 116. ...не только гены, но и мемы: термин «мем» приобрел популярность благодаря Ричарду Докинзу (1976). Это слово (так же как «мим», «мимикрия») происходит от греческого корня, значение которого — «имитация». Мемы обозначают культурные инструкции, воздействующие на фенотипическое поведение человека. Вот пример мема: ребенком я научился го-

товить фаршированные артишоки и передал этот рецепт своим детям. Десять заповедей, правила деления столбиком и ноты любимой песни — все это мемы. Мемы передаются от одного поколения к другому. Они заставляют нас поступать определенным образом, однако, в отличие от генетических программ, они не закодированы химически в наших хромосомах.

Тем не менее мем — функциональный эквивалент гена, так как содержит инструкции к исполнению (человеческим) организмом. Основное отличие между ними заключается в том, что мемы кодируются и расшифровываются разумом, проходят через сознание, а не исполняются более или менее автоматически, как генетические программы. Чтобы мемы работали, им нужно обучаться, поэтому они следуют скорее ламаркианской, чем дарвиновской модели эволюции.

С. 119. Фраза «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» заимствована из письма лорда Актона к епископу Крейгтону от 5 апреля 1887 года. Философ Карл Поппер утверждал, что из этой идеи — одного из основополагающих универсальных постулатов общественных наук — можно вывести всю теорию человеческого поведения.

С. 120. ...разрыв между имущими и неимущими увеличивается: в 1991 году, после десятилетия законодательных инициатив, сделавших богатых богаче, а бедных беднее, 20% самых богатых американцев зарабатывали 44,2% всего семейного бюджета в США. Лишь в Бразилии распределение было более асимметричным (66,4% принадлежали верхним 20%, 2,4% — нижним), тогда как другие развитые страны, публикующие подобную статистику (например, Канада, Франция, Германия, Индия, Италия, Япония и Великобритания), более эгалитарны. В Австралии разница в доходах почти совпадает с американской. В Бразилии наиболее значительное различие между богатейшими и беднейшими 20% населения, там доход самых богатых в среднем в 27 раз превышает доход самых бедных. Наименьший разрыв — в Японии, где представители богатейших 20% получают лишь в три раза больше беднейших

20% [*Britannica Book of the Year*, 1993]. Конечно, семейный доход — не единственный критерий экономического неравенства, но он дает разумное приближение. По подсчетам Кевина Филиппа, ответственного за стратегию Республиканской партии во времена Никсона, десятилетие 1980-х могло привести к еще большей поляризации доходов, чем в приведенной выше статистике [Philips, 1990].

С. 121. ...основные средства существования стало давать сельское хозяйство: это краткое описание основано преимущественно на фундаментальном труде Карла Виттфогеля — исследовании происхождения деспотизма в регионах интенсивной ирригации, таких как Месопотамия, Египет, Китай и долина Инда [Karl Wittfogel, 1957]. Виттфогель утверждал, что схожие социальные системы возникают в местностях с богатым источником воды, поставляемой для сельскохозяйственных нужд через сложную систему каналов. Для управления системами ирригации фермерам приходилось объединяться в тесные социальные сети. Для надзора за социальными сетями образовывалась техническая бюрократия, возглавляемая абсолютным властителем (например, фараоном или китайским императором).

С. 124. Лесли Уайт: историю стремени и его влияния на развитие европейской цивилизации приводит Уайт [White, 1966]. По мнению разных ученых, к аналогичным результатам привело появление других технологий, например водяной мельницы [Bloch, 1967], хомута [Lefebvre des Noettes, 1931], руля, прялки, механического ткацкого станка [Thompson, 1963], а в новейшее время — автомобиля и телевизора.

С. 125. Эксплуатация женщин и детей: в репортажах Шметцера [Schmetzer, 1991a, b, c, d] приведены леденящие душу описания принудительного труда и проституции в Азии.

С. 125. Половой диморфизм: например, у большинства видов обезьян — мартышек-гусаров, гельдов, гамадрилов — взрослые самцы весят почти вдвое больше самок [Kummer, 1968]. То же самое наблюдается у многих других видов млекопитающих.

С. 127. ...на пике промышленной революции: хорошее введение в тему изменения условий жизни в процессе индустриализации дает Томпсон [Thompson, 1963] (цитата со с. 347).

С. 127. ...жестоким обращении с детьми: последняя статистическая сводка — из [Dedalus and Csikszentmihalyi, 1993a]. Данные о детях в США получены из [Konner, 1991], а также из [*Highlights of Official Aggregate Child Neglect and Abuse Reporting*, 1987] издательства American Humane Association. О положении детей в мире см. [*United Nations Children Fund (UNICEF)*, 1990].

С. 129. Экстравертность: качества, способствующие в нашем обществе успеху (но не обязательно счастью и удовлетворенности жизнью), перечислены в [Bee, 1992]. Главным из них признана экстравертность — стремление и способность взаимодействовать с людьми.

С. 130. Сила личности: это качество описано у [Noelle-Neumann, 1983]; см. также [Weimann, 1991]. Схожие концепции — «выносливость» [Kobasa, 1979], «психологическая адаптированность» [Lazarus, 1966], [Antonovsky, 1979], «личная эффективность» [Bandura, 1977], «компетентность» [Sternberg and Kolligan, 1990].

С. 132. ...избирательный подход к заключению брака: влияние гомогамии (браков между людьми, принадлежащими к схожим социальным и культурным кругам) на социокультурное видообразование рассмотрено в [Csikszentmihalyi, 1973].

С. 134. Законы наследования в СССР: влияние законов наследования и других политических стратегий на советскую семью рассмотрены в [Coser, 1951].

С. 141. ...на мерах по возмещению ущерба после недавнего ссудо-сберегательного фиаско: о спекулянтах, нажившихся на принудительной продаже активов тех корпораций, уничтожению которых они способствовали, рассказывает Таккетт в *Chicago Tribune* [Tackett, 1991].

С. 144. ...священство не могло не привлекать паразитов-имитаторов: о том, как лжесвятые эксплуатируют своих наивных последователей, см. [Peters, 1991].

С. 145. ...вклад... семьи в национальную безопасность: цифры заимствованы из отчета Эванса [Evans, 1991]. Самая крупная сумма ежегодных подушных затрат на оборону в Японии — \$231, тогда как в США — \$1222. В Японии военные расходы составляют 6% основных государственных расходов, в США — 25%. Расходы правительства на оборону выше лишь у немногих стран, среди которых Катар, Никарагуа, Израиль, Югославия и Бруней [Britannica Book of the Year, 1993].

С. 147. ...от писателя Достоевского до социолога Парето: пожалуй, ярче всего свою мысль о том, что человек предпочитает иллюзию реальности, Достоевский выразил в «Легенде о Великом Инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». Идеи Парето по этому вопросу можно найти в собрании его сочинений [Pareto, 1917, 1919].

ГЛАВА 5

С. 155. «У мема собственные возможности...»: цитата о потенциальном конфликте мемов и генов взята из [Dawkins, 1982, 110].

С. 157. ...между конкурирующими аллелями: в последнее время так называемая модель «рационального выбора» в принятии решений, изначально разработанная в экономике, получила широкое распространение в социальных науках, таких как психология [Tversky and Kahneman, 1986] и социология [Coleman, 1990]. Критически модели рационального выбора в социальных науках рассмотрены в [Cook and Levi, 1990]. И хотя «рациональный выбор» — это важный и многообещающий инструмент в анализе механизма меметического отбора, не стоит принимать за самый правильный выбор тот, что считается «рациональным» в настоящих условиях и при нынешнем уровне знаний.

С. 159. ...новые модели производства: тезис о взаимосвязи упорядоченности труда ранних протестантов с их умением аккумулировать капитал получил развитие в [Weber, 1930].

С. 159. Развитие оружия: примеры развития определенных видов оружия можно найти в [The Social History of Machine Gun by John Ellis, 1986].

С. 161. Сэмюэль Кольт: револьвер Колта, изобретенный в 1833 году, стал первым действенным огнестрельным оружием всадников. Его появление совпало с началом эпохи освоения Запада, и этот шестизарядный револьвер вошел в историю и фольклор американского Запада. Через десять лет производства оружия, сделавшего Колта знаменитым, он почти разорился, но был спасен в 1847 году государственным заказом на 100 пистолетов для Мексиканской войны [Charruth, 1987].

С. 161. Пистолет-пулемет (Томми-ган): хотя Томпсон пытался продавать свое изобретение военным и полиции, подлинной «целевой аудиторией» пистолета-пулемета стал порожденный запретом на торговлю алкоголем преступный мир. Вся жизнь Томпсона приводила в ужас мысль о том, что его оружие приобрело известность благодаря гангстерам [Helmer, 1970].

С. 161. Мемы и зависимость: хотя все цивилизации создавали основанные на алкоголе или других наркотиках опьяняющие напитки, неожиданное вторжение в старую культуру прежде неведомых веществ обычно приводило к трагическим последствиям. Например, бренди, ром и тростниковый спирт стали «отравленными дарами» Европы американским цивилизациям [Braudel, 1985, 248]. См. также [Tiger, 1992].

С. 162. Табак — хороший тому пример: первых американских переселенцев поразило то, что индейцы курят, но вскоре перенесенный на европейскую почву табак широко распространился в Старом Свете, где его некоторое время считали обладающим целебными свойствами. Благодаря своей популярности он занял важное место в экономике. Первый урожай табака был собран в Вирджинии в 1612 году Джоном Рольфом. Выращивание табака требовало значительных трудовых ресурсов, поэтому возникла необходимость в большом количестве рабов. Это обстоятельство спустя два столетия преврати-

лось в важную политическую и социальную проблему [Carruth, 1987].

С. 164. Линдберг, Берил Мархам: о своем первом одиночном полете через Атлантику Линдберг рассказывает в [Lindenberg, 1953]. Описание первых исследовательских полетов на сафари приводится в автобиографии [Beryl Markham, 1942].

С. 164. Антуан де Сент-Экзюпери: см. автобиографический роман о первых воздушных почтовых путях в Южной Америке [Saint-Exupery, 1931].

С. 166. ...в 1953 году в США: первый подсчет принадлежит Бакминстеру Фуллеру, последний приведен в [Ward and Dubos, 1972].

С. 166. Айзек Азимов: взгляды Азимова на технологию изложены в [Asimov and Walker, 1990]. Дальнейшие научные исследования этого вопроса см., например, у [Karl Wittfogel, 1957] или [Lewis Mumford, 1938].

С. 167. Изобретение букв: краткую историю грамотности можно найти в летнем выпуске журнала *Daedalus*, а также в [Csikszentmihalyi, 1990b]. Происхождение письма в Китае описано в [Keightley, 1978].

С. 168. Сегодня книгам приходится отчаянно бороться за выживание: по данным [Annick Smith, 1992, 257], при жизни Буффало Билла (1846–1917) в США вышло 1700 посвященных ему романов. Ни один из них в последнее время не переиздавался.

С. 168. Футуристы: возникновение футуризма принято связывать с публикацией в 1909 году манифеста итальянского поэта Филиппо Томмазо Маринетти во французской газете *Le Figaro*. Этот манифест содержал знаменитые слова: «Мы разрушим музеи, библиотеки... мы будем бороться против морализма, феминизма, против всякой оппортунистической или утилитарной трусости... Мы будем восхвалять войну — единственную гигиену мира... прекрасные идеи, за которые не жалко умереть». Музыкант Луиджи Руссоло внес свой вклад в последующие манифесты движения футуристов, а за-

тем в 1913 году опубликовал собственный — *L'arte dei Rumori* («Искусство шумов»).

С. 168. Колин Мартиндейл развивает похожую теорию: применение эволюционной модели в исследовании изменений в поэзии, живописи и других формах искусства описано в [Martindale, 1990]. Эволюционную модель в анализе творческого развития применял и другой психолог [Simonton, 1988].

С. 170. Искусство в значительной степени следует собственным законам: разнообразные взаимоисключающие требования искусства к художникам рассмотрены в [Getzel and Csikszentmihalyi, 1976]. Зависимость художника от правящих парадигм своего времени описана в [Branningan, 1981] и [Khun, 1962]. Теория креативности, основанная на системном подходе и принимающая во внимание взаимозависимость людей, зон и полей в творческих инновациях, описана в [Csikszentmihalyi, 1988a, 1990c].

С. 171. Телевидение как «главный потребитель нашей психической энергии»: необъятная литература, посвященная психологическому воздействию телевидения, часто содержит взаимоисключающие выводы. Кратко изложить различные исследования и их результаты едва ли возможно. Приведенные здесь выводы основаны на работе, проделанной в нашей лаборатории в Чикагском университете, а также на разумной выборке выводов других исследователей. Все они приведены в [Television and the Quality of Life, Kubey and Csikszentmihalyi, 1990].

С. 174. Закрепленные в политических конституциях нормы: самая ранняя работа об эволюции политических конституций — [Caligari and Massimini, 1976]. См. также [Massimini, Toscano, and Inghilleri, 1986].

С. 174. Маркс сформулировал периодически возникающую утопическую идею: оценки марксизма столь многочисленны, что представляется невозможным в узких рамках этой книги предложить их репрезентативную выборку. Наиболее важные отрывки из трудов Маркса приведены в [Robert C. Tucker, 1972]. Моя первая попытка понять психоло-

гическую привлекательность марксизма — [Csikszentmihalyi, 1976].

С. 177. Законы, ограничивающие потребление: ограничения для женщин низших сословий в отношении шелковой одежды в Коннектикуте приведены в [Carruth, 1989, 21]. Пищевые ограничения в Венгрии описаны в [Lang, 1971, 21]. См. также [Kovi, 1985, 19].

С. 179. Мы не перестаем наполнять свои дома предметами: использование домашних вещей для расширения символических измерений жизни описано в монографии, основанной на исследовании членов 300 типичных американских семей [Csikszentmihalyi and Rochberg-Halton, 1981]. Дополнительную информацию о психологическом воздействии вещей можно найти в [Rudmin, 1991], [Csikszentmihalyi, 1993b] и [Lubar and Kingery, 1993].

С. 180. Длинные волосы: в 1675 году законодательное собрание Массачусетса назвало причиной нападений индейцев «явную гордыню, открыто проявляющуюся среди нас в ношении некоторыми мужчинами длинных волос, подобных женским» [Carruth, 1987, 21].

ГЛАВА 6

С. 188. Виртуальные муравьи: эта и другие формы искусственной жизни описаны в [Levy, 1992].

С. 194. Обслуживание досуга: см. [Kelly, 1982, 331].

С. 197. Эволюция не всегда неуклонно движется к большей сложности: один из основных принципов науки — и психологии в частности — заниматься тем, *что есть*, а не тем, *что должно быть*. Иными словами, ценностям в научных исследованиях не место. Но, думаю, этот принцип относится только к описанию фактов, а не к их интерпретации. Например, биолог, изучающий рак, должен сохранять полную объективность, исследуя поведение соответствующих клеток. Однако определив клетки-убийцы и естественных защитников организма, разве

не станет он относиться к ним по-разному, стремясь уничтожить первые и усилить последние? Подобная основанная на ценностях предвзятость еще в большей степени очевидна в гуманитарных науках. Иными словами, я согласен с точкой зрения Карла Ясперса:

«Мы называем наблюдение человеческого существования антропологией и психологией, а формулирование требований к глубинной природе — философией. Психология исследует, совершает открытия и предсказывает. Философия призывает, выявляет возможности и подготавливает почву для решений. *Однако во всей человеческой психологии тайно присутствует интерес к возможностям и призыв к дальнейшему саморазвитию*, а во всей философии психология остается средством выражения и условием, без которого философский призыв бессилен и незначителен» (курсив мой. — Ч. М.). [Jaspers, 1969, 127–128].

С. 197. Природа сложности: биологи уже давно считают возрастание сложности неотъемлемым свойством эволюции [Dobzhansky, 1937; Mayr, 1942; Waddington, 1970]. Иными словами, организмы, состоящие из многих клеток, органов и т. д., тесно взаимодействующих друг с другом, со временем занимают место менее сложных организмов. В последние годы «сложность» снова оказалась в центре внимания: эта концепция дает единый способ понимания происходящего в самых различных системах — от физики до биологии и даже экономики и других общественных наук [Waldrop, 1992].

[Kauffman, 1993, 30] делит все системы на *упорядоченные, сложные* и *хаотические*. Сложные системы, существующие «на грани между порядком и хаосом», имеют наибольшие возможности для развития. Упорядоченные (или интегрированные) системы развиваются с большим трудом, поскольку они неподатливы и не реагируют на новые возможности. Хаотические (или дифференцированные) системы эволюционируют медленно, так как улучшения, возникшие в результате естественного отбора, не успевают стать устойчивыми за вре-

мя, необходимое для их передачи следующему поколению. Сложные системы обладают достаточной гибкостью, что делает их открытыми переменам, но при этом они достаточно упорядоченны, чтобы выявить и сделать устойчивым способствующее адаптации изменение, когда оно происходит.

Возможно, тот факт, что описанные химиками и биологами сложные физические системы, обитающие на грани между порядком и хаосом, подобны сложному психическому состоянию потока, существующему на грани между скукой и беспокойством, — не просто случайность. В обоих случаях новые свойства или навыки чаще возникают на стыке порядка и хаоса. Удовольствие, которое мы получаем, находясь на этой грани, кажется Божественным даром. Его можно было бы даже истолковать как свидетельство избранности человечества для эволюции. Однако более вероятным представляется, что все живые организмы — по крайней мере те, что эволюционируют, — предпочитают обитать на этой ненадежной границе.

С. 199. Мораль и эволюция: краткая история моральных обоснований идей эволюции приведена в [Richards, 1988]. Различные современные точки зрения на этот вопрос можно найти в [Campbell, 1975], [Alexander, 1987] и [*Zygon: Journal of Religion and Science*: 8 (№ 2); 23 (№ 3) и 23 (№ 4)].

С. 200. ...произвольность устройства создаваемых различными культурами моральных систем: утверждение об относительности моральных систем стало догмой для многих современных общественных наук, в особенности, антропологии. Опасность такого подхода четко осознал социолог Парето [Vilfredo Pareto, 1917, 1919]. Современная критика этой точки зрения приведена в [Spiro, 1987].

С. 200. ...есть курятину через день после смерти отца — хуже, чем бить жену: эта моральная норма, наряду с другими, не менее странными, описана в [Shwader, Mahapatra, Miller, 1990]. Другие исследования на ту же тему: [Douglas, 1966], [Frazer, 1959, 1980] и [Rozin and Fallon, 1987].

С. 201. «Десять миров» буддизма: в действительности трудно сказать, в чем именно заключается учение буддистов, поскольку в великом множестве разновидностей этой сложной религии нет ни одной общей догмы. Приведенное здесь описание заимствовано из [Ikeda, 1988].

С. 202. Современная психология близка к основным идеям традиционных религий: человеческое развитие заключается в диалектическом колебании между ростом индивидуализации (т. е. хаосом, или дифференциацией в нашей модели) и ростом социальной вовлеченности (т. е. порядком, или интеграцией). Это достаточно очевидно в теориях [Damon, 1983], [Erikson, 1950], [Kohlberg 1984], [Loevinger, 1976], [Levinson, 1980], [Fowler, 1981; краткое изложение приведено в [Bee, 1992]. Например, первая задача появившегося на свет младенца — дифференцировать себя от «чувства океана», по-видимому, безраздельно владеющего ребенком в начале его жизни. От осознания собственной индивидуальности он переходит к установлению тесных и доверительных отношений с матерью или другим заботящимся о нем человеком. Такие диалектические колебания от индивидуальности и свободы до принадлежности и зависимости происходят несколько раз в течение человеческой жизни.

Когда эта книга была уже в печати, я познакомился с методом личностного развития, созданным гарвардским психологом Робертом Кеганом и описывающим, в частности, развитие личности как колебание между двумя противоположными полюсами интеграции и дифференциации. Его исследование было опубликовано под названием *Evolving Self* («Саморазвитие»), о чем я, как ни странно, прежде не знал. К сожалению, в тот момент уже нельзя было изменить название моей книги, о чем я сожалею. Стоит отметить, что в книге Кегана рассматривается *развитие*, а не *эволюция* личности.

С. 205. Ограничения на вступление в брак: один из сотен возможных примеров — гусии Восточной Африки. Антрополог Роберт Левин пишет: «Обычно молодой человек не знает, когда

вступит в брак; все зависит от богатства его семьи, согласия патриарха передать скот в его пользование... Богатые и удачливые молодые люди могут жениться в 20 лет, а неудачникам приходится ждать, пока их семья или они сами сумеют собрать выкуп — зачастую до 30 и более лет» [Robert Le Vine, 1979, 77–104]. Вот вам и романтическая идея о том, что в докапиталистическом обществе любовь и деторождение были свободны и естественны.

С. 211. «...мудрец следует Пути, ни к чему не стремясь»: Сюнь-цзы: 21.66–67.

С. 214. Если семья не в состоянии поддерживать детей: применяя модель сложности к таким социальным системам, как семья, необходимо рассматривать *дифференциацию* как способность группы предоставлять свободу своим членам и стимулировать их развитие, а *интеграцию* как способность группы давать ощущение эмоциональной поддержки и сопричастности. По сути, исследователи семейной динамики согласны считать наилучшим семейным окружением то, которое мы здесь называем сложным, т. е. предлагающее как свободу, так и сопричастность. Скорее всего, при одной лишь свободе дети будут готовы бороться за место под солнцем, но окажутся не слишком счастливы, а при одной лишь эмоциональной поддержке будут более счастливыми, но менее ориентированными на успех. Однако больше всего дети страдают, когда нет ни того, ни другого (см. [Rathunde, 1989; Rathunde and Csikszentmihalyi, 1991]).

ГЛАВА 7

С. 220. «Чувствуешь прилив сил...»: отзывы альпиниста, хирурга и шахматиста цитируются по одной из первых книг, где описано состояние потока [Beyond the Boredom and Anxiety, Csikszentmihalyi, 1975].

С. 221. «Это ощущение возникает...»: эта и следующая цитаты (слова преподавательницы танца «Танец доставля-

ет мне массу удовольствия...») взяты из сборника интервью [Dalle Fave and Massimini, 1988, 212].

С. 224. «Притягательность восхождения...»: цит. по [Csikszentmihalyi, 1975, 47, 48].

С. 225. «Это просто великолепно»: интервью с итальянским пианистом проведено Миланской исследовательской группой под руководством профессора Массимини и Делле Фаве.

С. 225. «Важны даже мелочи...»: ответы хирургов, танцоров и шахматистов взяты из [Csikszentmihalyi, 1975], в основном из глав 5 и 8.

С. 226. «Я осознавала каждое мгновение...»: с чемпионами мира по фигурному катанию беседовала австралийский спортивный психолог [Susan Jackson, 1992].

С. 227. «Это восторженное состояние...»: интервью с композитором цит. по [Csikszentmihalyi, 1975, 44].

С. 228. «Обычно я погружен в свою работу»: интервью в Бангалоре провели Массимини и Делле Фаве.

С. 229. ...убежать от хаоса повседневности: Альберту Эйнштейну приписывают высказывание о том, что науки и искусства — это лучшие формы бегства от реальности, какие только мог выдумать человек. Действительно, как науки, так и искусства стремятся трансформировать известную нам реальность и, таким образом, выйти за ее пределы. Разумеется, этот вид бегства в корне отличается от ухода в менее сложную реальность, что обычно и подразумевается под «бегством». Эйнштейн говорит об убежании *вперед*, а наркотики, алкоголь, бессмысленные развлечения — это, с точки зрения эволюции, способы убежать *назад*.

С. 229. В повседневной жизни эти мысли чаще всего ведут к энтропии сознания: в наших исследованиях с применением метода ESM мы обнаружили, что из всего, о чем человек размышляет в течение дня, тема «собственной личности» вызывает наихудшие переживания (например [Csikszentmihalyi and Figursky, 1982]). По-видимому, основная причина этого в следующем: когда человек думает о себе, чаще и раньше все-

го в его сознании возникают мысли о том, что идет не так: например, о том, что он стареет, набирает вес, лысеет или что недостаточно преуспел в некоторых областях своей жизни. Вот типичная реакция одной из наших испытуемых-подростков, когда она рассматривает себя в зеркало: «Прыщ на лице может испортить тебе весь день; ты вроде самолета, который падает, едва взлетев, потому что из мотора выпал винтик». Конечно, тот, кто научился управлять своим сознанием, умеет избегать подобных панических ощущений, размышляя о собственной персоне.

С. 230. «Я полностью осознаю отсутствие самосознания»: цит. по [Robinson, 1969, 6].

С. 231. Джим Макбет: исследование моряков дальнего плавания описано в [Macbeth, 1988].

С. 232. ...игра в шахматы замещает проявления агрессии: некоторые психоаналитические объяснения того, почему люди предаются приятным занятиям, таким как шахматы, можно найти у [Jones, 1931] и [Fine, 1967].

С. 233. ...искать острых ощущений: базовое исследование типов личности, нуждающихся в постоянном возбуждении, описано в [Zuckerman, 1979]. См. также [Alpert, 1992].

С. 233. Теория интереса: больше 100 лет назад психолог Уильям Джеймс написал: «Миллионы элементов внешнего порядка даны моим чувствам, но они никогда не становятся интегральной частью моего опыта. Почему? Потому что они мне не интересны. Мой опыт составляет то, на что я согласен обращать внимание. Лишь вещи, которые я замечаю, формируют мое сознание. Без избирательного интереса опыт — это полнейший хаос» [William James, 1990, v. 1, 402]. См. также [Dewey, 1913]; современные исследования природы интереса — [Renninger and others, 1992] и [Schiefele, 1991].

С. 234. ...наши мысли о чем-то изменяют физиологию мозга: связь мышления и физиологии упоминалась выше в контексте работ [Sperry, 1984, 1988] и [McClintok, 1979, 1987]. См. также [Seligman, 1990].

С. 235. ...внимание работника обычно рассеивается: исследования, установившие связь потока с работой, приведены в [Optimal Experience, Csikszentmihalyi and Csikszentmihalyi, 1988]. Современная трудовая среда рассмотрена в [Csikszentmihalyi and Le Fevre, 1989], традиционные культуры исследованы в [Delle Fave and Massimini, 1989].

С. 236. Аристотель одним из первых понял: современное изложение концепции счастья Аристотеля приведено в [MacIntyre, 1984]. Например: «Человеческие существа, как и представители других видов, обладают особой природой; у них есть определенные, соответствующие ей цели и задачи, поэтому их природа ведет их к конкретному телосу (цели)... Что же тогда благо для человека? Аристотель убедительно показывает, что это благо не следует отождествлять с деньгами, почетом или удовольствием. Он называет его *евдаймонией*. Этот термин зачастую нелегко перевести: блаженство, счастье, процветание. Это состояние благополучия и благополучной деятельности, в нем человек привлекателен для самого себя и для божества. Именно добродетели позволяют человеку достичь *евдаймонии*, а в их отсутствие движение человека к телосу нарушается» [MacIntyre, 1984, 148].

С. 236. «В любом деле главное намерение действующего...»: цит. по «Монархия» [Dante, 1317], кн. I, гл. 13 в переводе автора этой книги. Данте, «беглый гибеллин», изгнанный из Флоренции после того, как его партия проиграла соперникам, написал эту книгу в надежде убедить Генриха VII, императора Священной Римской империи, не вторгаться в Италию и принести мир постоянно враждующим фракциям гвельфов и гибеллинов. Тем самым Данте взял на себя то, что в терминах современной теории сложности называется началом процесса «самоорганизации», или снижения энтропии социальной системы. Поскольку Данте опередил свое время на несколько веков, его усилия оказались напрасными. Тем не менее мем гражданского порядка выжил.

С. 237. Значимость потока: интерпретация потока современными исследователями имеет много общего с концепци-

ей самоактуализации [Maslow, 1968], идеей компетентности [White, 1959], теорией личной причинности [de Charms, 1968], мотивом эффективности [Bandura, 1977], автономией [Deci and Ryan, 1985], выводами в отношении внутренней мотивации [Ambaile, 1983] и влиятельной теорией оптимального возбуждения, сформулированной [Hebb, 1955] и развитой многими другими (например [Apter, 1992; Berlyne, 1960; Fiske and Maddi, 1961]). Мы прежде всего сосредоточены на том, что происходит в непрерывном потоке сознания, и в меньшей степени — на возможных субъективных или объективных результатах этого опыта.

С. 238. Паоло Уччелло: вот как биограф эпохи Возрождения [Grigorio Vasari, 1550] завершает свой очерк об Уччелло: «После него осталась дочь, умевшая рисовать, и жена, обычно утверждавшая, что Паоло все ночи просиживал в своем кабинете, пытаясь решить проблемы перспективы, а когда она звала его в постель, он говорил: “О, что за чудесная вещь эта перспектива!” И действительно — она была чудом для Паоло и стала, благодаря ему, чудесной и полезной для тех, кто занимался ею после него».

С. 238. Альберт Михельсон: это и многие другие свидетельства удовольствия, получаемого учеными от своих научных занятий, приведены в [Chandrasekhara, 1987, 25]. Другой хороший пример — цитируемый там же отрывок из очерка Пуанкаре: «Ученый исследует природу не потому, что это полезно, а потому что он получает от этого удовольствие, ибо природа прекрасна. Если бы природа не была прекрасна, не было бы смысла в ее постижении, и жизнь не была бы достойна того, чтобы ее прожить. Я говорю о тонкой красоте, возникающей благодаря гармонической упорядоченности ее частей, которую способна ухватить чистая мысль» [Chandrasekhara, 1987, 59]. Общая роль удовольствия в творчестве рассмотрена в [Csikszentmihalyi, 1988b].

С. 239. Максимальная работоспособность: две публикации, сопоставляющие максимальную производительность

и поток: [Privette, 1983] и [Privette and Bundrick, 1991]. Интересное исследование того, как поток помогает достигать наибольших успехов в плавании, проведено японским спортивным психологом [Riho Tonoue, 1992].

С. 239. Развитие таланта: результаты этого исследования опубликованы в [Talented Teenagers, Csikszentmihalyi, Rathunde, and Whalen, 1993]. Различия между школьниками, проявляющими способности к математике или искусству, описаны в [Csikszentmihalyi and Schiefele, 1992].

С. 240. Самооценка: то, как человек оценивает самого себя, не является некоей константой, а изменяется в течение дня в зависимости от внешних обстоятельств и личной эффективности. В потоке — когда и задачи сложны, и способности на высоте, — люди обычно отмечают высокую самооценку, т. е. они удовлетворены собственной эффективностью, хорошо оценивают свое состояние и чувствуют, что оправдывают собственные ожидания и ожидания других. Более того, люди, чаще пребывающие в состоянии потока, в целом оценивают себя выше, чем те, у кого чувство потока возникает редко [Wells, 1988; Whalen and Csikszentmihalyi, 1989].

С. 241. Снижение стресса: предварительный анализ того, как состояние потока помогает снизить стресс у бизнес-менеджеров, приведен в [Donner and Csikszentmihalyi, 1992].

С. 241. Клиническое использование: использование метода выборки опыта (ESM) в психотерапии описано в [de Vries, 1992]. Важнее всего в этом отношении глава [Fave and Massimini, 1992].

С. 244. Детская преступность: «внутренние вознаграждения» детской преступности рассмотрены в [Csikszentmihalyi and Larson, 1978].

С. 246. ...такое состояние возникает с очень разной периодичностью: измерение частоты потока с применением ESM описано в [Csikszentmihalyi and Csikszentmihalyi, 1988] и [Csikszentmihalyi, Rathunde, and Whalen, 1993].

ГЛАВА 8

С. 254. Физики, принимавшие участие в «проекте Манхэттен»: о физиках, наслаждавшихся созданием ядерной бомбы, см. [Csikszentmihalyi, 1985]. Преступность, особенно подростковая, зачастую является попыткой победить скуку в ситуациях, не предлагающих возможностей для осмысленной деятельности [Csikszentmihalyi and Larson, 1985].

С. 256. Дьёрдь Фалуди: приведенный здесь биографический очерк основан на интервью с поэтом, проведенном у него дома в мае 1991 года. Наследие Фалуди — переводы около 1400 стихотворений, от грека Архилоха (VII век до н. э.) до современных поэтов Гарсиа Лорки и Пауля Целана [Faludi, 1988]. Его стихотворения, написанные в лагерях, одно из которых приведено в этой книге, были опубликованы в книге *Börtönversek* («Тюремные вирши») в 1989 году, когда коммунистический режим в Венгрии стал разваливаться.

С. 261. Сьюзи Вальдес: слова Сьюзи Вальдес цитируются по [Colby and Damon, 1992, 64].

С. 261. Исследования среди подростков: случай Бена — часть исследования талантливых подростков, см. [Csikszentmihalyi, Rathunde and Whalen, 1993]. В этой книге приводятся различные способы исследования и измерения сложности событий, личностей и семей. В ней также показано, что жизнь подростков со сложной личностью более позитивна и что они более успешны в учебе.

С. 263. Лайнус Полинг: интервью с Полингом провел 20 ноября 1990 года доктор Кевин Ратунд, в то время мой коллега по Чикагскому университету, в рамках исследования «Креативность в преклонном возрасте», спонсированного Фондом Спенсера.

С. 264. Что такое личность: приведенная здесь схема развития личности — крайне упрощенный конспект чрезвычайно сложной теории, предложенной в [Dennett, 1991].

С. 266. Племя нуэров: нуэры описаны в [Evans-Pritchard, 1974]. О роли копыя как фактора, определяющего личность нуэров-мужчин, см. с. 23.

С. 267. Абрахам Маслоу: иерархия потребностей Маслоу наиболее полно представлена в [The Father Reaches of Human Nature, 1971].

С. 268. Развитие представлений об идеальной личности: представленные в этом разделе аргументы подробно рассмотрены в статье, недавно опубликованной в журнале *Poetics* [Csikszentmihalyi, 1992].

С. 270. Кадиувеу: индейцы кадиувеу и роль раскраски тела описаны в [Lévi-Strauss, 1967, 176].

С. 271. ...сначала металл стал применяться: роль металлов в создании украшений описана в [Renfrew, 1986, 144, 146].

С. 273. ...исследование среди более чем 300 членов 82 семей из Чикаго и его пригородов: исследование этих семей описано в [Csikszentmihalyi and Rochberg-Halton, 1981].

С. 275. Чуринга: чуринга описана в классическом труде Эмиля Дюркгейма [The Elementary Forms of Religious Life, Durkheim, 1967, 141].

С. 275. Труба молимо: трубу молимо и ее применение упоминает антрополог Колин Тернбулл [Turnbull, 1961, 80].

С. 275. Церемониальные маски: Франциско Монти [Monti, 1969, 9–15] приводит доказательства трансцендентальной функции масок.

С. 276. Арунта: австралийское племя арунта и использование им нуртурья описано в [Durkheim, 1967, 145].

С. 276. Как заметил Генри Адамс, великие средневековые соборы были гигантскими кладезями психической энергии: см. [Adams, 1905].

С. 277. Традиционный для Запада идеал человека: данные об идеальных личностях, представленных в древнегреческой скульптуре, заимствованы из авторитетного исследования эволюции искусства Арнольда Хаузера [Hauser, 1951, 70].

С. 279. Великолепные фрески в соборах: об использовании церковных фресок как инструмента обучения см. [Lavin, 1990].

С. 280. Джованни Доминичи: идеи Доминичи по украшению интерьера приводятся в [Freedberg, 1989, 4].

С. 280. Джулио Манчини: взгляды Манчини на роль картин в рождении здоровых детей подробно описаны в [Mancini, 1956].

С. 281. ...исконный экзистенциальный ужас: идея о том, что искаженные изображения человеческих фигур, представленные в африканской и других дописьменных культурах, отражают экзистенциальный ужас, наполнявший эти общества, рассматривается в [Price, 1989]. Не исключено, что она верна, хотя и противоречит интерпретации Монти [Monti, прим. на с. 225–226].

С. 282. ...творения западных средств массовой информации, преимущественно коммерческой рекламы: иконографию рекламы, среди прочих, рассматривают [Goffman, 1979] и [Jhally, 1990].

С. 282. ...мир политеизма: цитата заимствована из [Esslin, 1976, 271].

С. 283. Другие исследователи называют рекламу неким «откровением»: см. [Kavanaugh, 1981, 15–16].

С. 283. ...как показал Сорокин: проведенный Сорокиным анализ истории как попеременного преобладания чувственных и идеациональных культур описан в [Social and Cultural Dynamics, 1962]. См. также [Csikszentmihalyi, 1991].

С. 285. Организм как бесконечно сложная машина: эта идея развивается в [Sherry Turkle, 1984].

С. 285. Квантовая личность: см. [Zohar, 1990] и [Lancaster, 1991].

С. 285. Карл Ясперс писал: цит. по его книге «Общая психопатология», впервые опубликованной в 1923 году [Jaspers, 1965, 766].

С. 285. Развитие личности в течение жизни: дальнейшую информацию об упомянутых здесь этапах можно найти у [Damon, 1983], [Fowler, 1981], [Kohlberg, 1984], [Loevinger, 1986], [Maslow, 1968]. Все эти модели развития признают диалектическое движение между дифференциацией и интеграцией.

С. 287. ...жизненный путь мужчины-брамина: традиционная идеальная жизнь браминов описана в [Rudolph and Rudolph, 1978].

С. 288. ...постоянное наблюдение и наркотические препараты держат людей в бездумном подчинении: см., например, [Huxley, 1967], [Koestler, 1960], [Orwell, 1949].

С. 292. ...спад духовности: психологическое объяснение того, почему современная культура оказалась неспособной стать духовным проводником, изложено в [Massimini and Delle Fave, 1991].

С. 293. ...идея мудрости: описание последних психологических исследований мудрости можно найти в [Sternberg, 1990]. Настоящий раздел использует главу издания [Csikszentmihalyi and Rathunde, 1990].

С. 294. Фома Аквинский писал: Фома Аквинский «Сумма теологии», 1, 6.

С. 295. Именно поэтому Платон писал: Платон «Государство», 4:428.

С. 296. «Мудрость — верховное счастье»: слова из последней реплики хора в «Антигоне».

С. 298. Вера Рубин: интервью с Рубин было проведено в рамках исследования «Креативность в преклонном возрасте» моим сотрудником Каролем Мокросом 9 октября 1992 года.

С. 299. ...что опустошило душу Зика: недавно я наткнулся на историческую параллель со случаем Зика. Патрик О'Брайан [O'Brian, 1993, 19–20] упоминает о том, что еще 250 лет назад в Итоне — одной из самых престижных школ для мальчиков — существовало популярное развлечение: посреди кампуса выпускали барана, и мальчики, вооружившись дубинками, забивали его до смерти. О'Брайан цитирует другого историка [Hollis, 1960]: «В 1730 году баран вырвался из кампуса, побежал по Хай-стрит, через Виндзорский мост на рынок, а мальчики гнались за ним, пока не забили его до смерти... Впоследствии барана спутывали, он бродил по двору, где мальчики и забивали его».

Мы приводим эту мрачную историю, чтобы напомнить, как быстро сходит лоск цивилизованности даже с лучших из нас. Удовольствие может с легкостью обернуться разочаро-

ванием и отчаянием. Злодеяния, совершаемые сейчас в Боснии, Сомали, Индии и на Ближнем Востоке, в этих колыбелях древних культур, к сожалению, правило, а не исключение. Мы сможем противостоять ему, лишь активно сопротивляясь энтропии жестокости.

С. 300. «...уметь причинить боль»: из интервью с Джозефом Тайбором в *Chicago Tribune* от 11 сентября 1992 года.

ГЛАВА 9

С. 306. Социальные и культурные системы: мои взгляды на функционирование социальных систем в значительной степени определяет так называемая структурно-функциональная школа социологии и антропологии, особенно в интерпретации Толкотта Парсонса [Talcott Parsons, 1951]. Эта теория исходит в первую очередь из того, что каждая социальная система, будь то просто семья или сложное национальное государство, чтобы выжить, должна позаботиться об определенных базовых функциях. Для этого ей необходимо сформировать структуры, а именно, институты и роли. Например, все социальные системы должны решать проблему адаптации, т.е. извлечения калорий из окружающей среды для удовлетворения собственных потребностей. Благодаря этой функции возникают производственные технологии, такие как охота или земледелие, формы товарообмена и др.

В течение двух последних десятилетий структурный функционализм в социологии и антропологии подвергся нападкам за преуменьшение роли конфликта в социальных системах и был почти забыт. На смену ему пришли теории интеракционизма, свободного выбора и, в последнее время, постструктурализма, объясняющие функционирование общества. Основное возражение против предложенной Парсонсом модели общества — на мой взгляд, ошибочное — состоит в том, что она излишне статична, негибка, предписательна. Возможно, уделить должное внимание эволюционному контексту социальных систем, мы сможем решить эту проблему.

С. 307. ...Йохан Хейзинга выступил с дерзким утверждением: в трактате «Человек играющий» [Homo Ludens, Huizinga, (1939) 1970].

С. 309. Персональный компьютер: уже давно известно, что программирование и работа на компьютере могут порождать глубокое состояние потока [Turkle, 1984]. Благодаря теории потока появились различные формы «соблазнительного программного обеспечения» и многие люди научились лучше взаимодействовать с компьютером [Davis и др., 1989; Ghani, 1990; Malone, 1987].

С. 310. Стефан Линдер: шведский экономист Стефан Линдер проанализировал скрытые расходы на свободное время [Linder, 1970]. См. также [Scitovsky, 1976], где убедительно доказана иррациональность потребительского поведения.

С. 311. Конфуцианство в Китае: этот раздел о возникновении конфуцианства основан на чрезвычайно интересной работе Роберта Эно [Eno, 1990]. См. также [Creel, 160, 13].

С. 312. Цзэн Шэнь: цит. по [Confucius, Analects, 59 11.24].

С. 313. Историк Фредерик Моут писал: см. [Frederick Mote, 1971, 41].

С. 314. «К началу седьмого века», — пишет историк: см. [Hitti, 1971, 25].

С. 316. Общество Иисуса: краткий анализ того, как Общество Иисуса вызывало состояние потока, приведен в [Isabella Csikszentmihalyi, 1986, 1988; Toscano, 1986].

С. 318. Успешное решение предложил Жан Кальвин: история развития протестантской этики описана в [Weber, 1930, 71, 112, 117].

С. 322. Джон Локк: цит. по [Bellah, 1991, 180] со ссылкой на [Howe, (1966) 1985].

С. 323. Позицию Локка емко выразил: утверждение о том, что индивидуалистическая философия Локка стала причиной излишней дифференциации американского общества, основано на анализе, изложенном в работе Роберта Белла и его соавторов «Хорошее общество» [The Good Society, Bellah, 1991],

которая оказала значительное влияние на содержание этого раздела. См. также [Murray, 1998] о приложении теории потока к вопросам государственного управления.

С. 326. Дональд Кэмпбелл: взгляды Кэмпбелла на эволюционную эпистемологию изложены в [Campbell, 1976]. Подобная идея содержится в толковании Поппером социальной инженерии [Popper, 1963].

С. 328. Ханна Арендт: политическая философия ученого и мыслителя Ханны Арендт наиболее полно изложена в ее «Состоянии человека» [The Human Condition, Arendt, 1958].

С. 328. ...заинтересованных лишь в собственном благополучии лиц: см. [Didion, 1989, 99].

С. 329. Образование как способ создать правильное общество: некоторые из приведенных в этом разделе идей подробно рассмотрены в [Csikszentmihalyi, 1993a].

С. 330. Мыслители-утописты от Платона до Олдоса Хаксли: точку зрения Платона на образование можно найти в «Пире» и «Федре». Современная формулировка идей Платона содержится в книге моего покойного коллеги Алана Блума [Bloom, 1987]. Хаксли изложил свои взгляды на образование в «Острове» [Huxley, 1967].

С. 331. Григори Бейтсон: взгляды Бейтсона на образование приведены в [Bateson, 1972].

ГЛАВА 10

С. 336. Стоит почитать, как люди жили в Чикаго и других крупных городах США в начале XX века: я, в основном, вспоминаю бесстрастные описания механически бездушной жизни больших городов, сделанные в первой трети XX века социологами чикагской школы. Картины существования низших сословий в больших городах можно найти у [Cressey, 1932]. О ничуть не более плодотворном существовании богатых повествует [Zorbaugh, 1929]. Деятельность городских социологов подробно рассмотрена в [Burgess, 1926].

С. 339. Арнольд Тойнби, британский историк: Арнольд Тойнби [Toynbee, (1936) 1954] — еще один представитель общественных наук, подобно Парсонсу и Сорокину, не пришедший к двору, потому что его видение не соответствовало модной специализации. И все же его «Постижение истории» — выдающийся труд, который будут читать и тогда, когда забудутся большинство других исследований.

С. 341. Клуб «Сьерра» (Sierra Club): американская экологическая организация, основанная 1892 году в Сан-Франциско.

С. 341. Школа «Ключ»: об этой школе много писали СМИ. Подробности ее создания можно найти в [Wahlen and Csikszentmihalyi, 1990]. По всей стране существуют сотни, а может и тысячи таких «реформистских» школ, и, по моему мнению, большинство из них вносят положительный вклад в образование. Поразительно, как при таком множестве различных подходов к воспитанию всем им удается привить детям стремление к знаниям и дисциплину. Несомненно, важен не метод, а энтузиазм учителей и индивидуальное отношение к каждому ребенку.

С. 344. ...четыре основные функции, помогающие ему выжить: здесь я снова использую «Общую модель действия» Толкотта Парсонса [Parsons, 1951]. Вот четыре функции: адаптация (создает экономические и производственные институты), достижение целей (приводит к возникновению политических и юридических институтов), интеграция (создает статусы и социальные роли) и поддержка паттернов (формирует культурные и ценностные системы). В соответствии с этой моделью социальная группа должна осуществлять эти четыре функции, распределяя соответствующие роли между своими членами. В противном случае она просуществует недолго.

С. 349. ...нам, трепещущим перед смертью: страх смерти, эта самая страшная угроза личности — основная причина психической энтропии. Поэтому одна из важнейших задач любой культуры — придумать убедительные описания происходящего с человеком после его кончины. Некоторым куль-

турам удастся при помощи страха смерти вызвать нужные обществу проявления человеческой личности: герой обретает бессмертие благодаря своим достойным поступкам (в противном случае он был бы забыт), добропорядочный христианин отправляется на небо, индус освобождается от физического тела и связанных с ним иллюзий, управляя своими желаниями, а мусульманин, погибший в сражении за веру, попадает в рай. Таким образом, страх смерти превращается в механизм социального контроля. Иногда он увеличивает сложность, но по большей части вызывает некий коллективный невроз, тормозящий развитие эволюции [Brown, 1959].

Однако «в глубине души» большинство религий и философий понимают, что человеку не достичь внутренней гармонии, если его сильно беспокоит страх смерти. Все согласны, что нужно не вытеснять существование смерти, а интегрировать его в свое понимание конечности индивидуального сознания, чтобы каждое наше переживание стало богаче и глубже. Именно таков смысл экзистенциалистской концепции «бытия к смерти» [Heidegger, 1962] и обращенных к Кастанеде слов наставника-яки о том, что нужно взять смерть себе в наставники [Castaneda, 1971]. Именно поэтому монахи ночью по очереди будили друг друга словами: «Брат, помни, ты должен умереть!» *Memento mori* может легко выродиться в пустую болтовню или невроз. Но главный смысл этого напоминания — показать человеку действительно важные в жизни вещи, оттенить их тем, что неизбежно наступит в ее конце, и таким образом придать смысл каждому мгновению.

Как эволюционный подход расширяет древний метод, использовавший ощущение неизбежности смерти для личных или общественных целей? Если каждый из нас — частица универсальной энергии, пульсирующей в бесконечной пустоте пространства, если сознание человека рождают плывущие в космосе частицы материи (и духа?), соединившиеся на мгновение, как узор в калейдоскопе, и распавшиеся вновь, чтобы создать образ прекраснее прежнего, то нам не стоит бояться

того, что со смертью прекратится существование. Религии, увеличившие сложность этого мира, сказали достаточно: из праха мы пришли, в прах и возвратимся, но наша сущность будет существовать в том измерении, где раскрывает себя Высшая сила.

Что это за измерение — не понимает ни одна из религий, и, конечно, ни одна из наших наук, несмотря на их точное знание того, что должно было происходить в каждую тысячную долю секунды начиная с первого дня творения. Если у человечества есть основная задача, то она, скорее всего, такова: хоть краешком глаза увидеть универсальный порядок и понять, какова в нем наша роль. Мы должны осознать смысл слов Карлейля: «Все, что было достойного в прошлом, — живо; ни одна истина, ни одно благо из постигнутых человеком не умерло и не умрет». Верность этих слов можно постичь лишь постепенно, в процессе неисчерпаемых открытий, охватывающих тысячелетия. Это долгий процесс, в ходе которого то, что мы сейчас называем наукой, и то, что мы называем религией, смешается и подарит нам невиданные доселе могущество и знание.

Библиография

Adams, H. [1905] 1959. *Mont Saint-Michel and Chartres*. Garden City, N. Y.: Doubleday Anchor.

Aeschbacher, U. 1992. Der Krieger — oder: Das unheimliche Liebaugeln mit der Faschismus. *Intra, Psychologic und Gesellschaft* 15:42–45.

Alain [Emile Chartier, pseud.]. 1989. *Alain on Happiness*. Evanston, 111.: Northwestern University Press. Alexander, R. D. 1985. A biological interpretation of moral systems. *Zygon: Journal of Religion and Science* 20:3–20. . 1987. *The biology of moral systems*. New York: Aldine de Guyter.

Allison, M. T., and M. C. Duncan. 1988. Women, work, and flow. In *Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness*, ed. M. Csikszentmihalyi and I. S. Csikszentmihalyi, 118–37. New York: Cambridge University Press.

Amabile, T. M. 1983. *Tlic social psychology of creativity*. New York: Springer-Verlag.

American Humane Assoc. 1987. *Highlights of Official Aggregate Child Neglect and Abuse Reporting*. Washington, D. C.

Anderson, A. R., ed. 1964. *Minds and machines*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Anderson, M. 1986. Varieties of animal companionship. *Central Issues in Anthropology* 6 (no. 2): 1–11.

Andreasen, N. C. 1987. Creativity and mental illness: Prevalence rates in writers and their first-degree relatives. *American Journal of Psychiatry* 144 (no. 10): 1288–92.

Antonovsky, A. 1979. *Health, stress, and coping*. San Francisco: Jossey Bass.

Apter, M. J. 1992. *The dangerous edge: The psychology of excitement*. New York: The Free Press.

Arendt, H. 1956. *The human condition*. Chicago: University of Chicago Press.

Argyle, M. 1987. *The psychology of happiness*. London: Methuen.

Aries, P., and G. Duby, eds. 1987. *A history of private life*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

Asimov, I., and F. Walker. 1990. *The march of the millennia*. New York: Walker.

Bandura, A. 1977. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review* 84:191–215.

Bateson, G. 1972. *Steps to an ecology of the mind*. New York: Ballantine.

Bee, H. L. 1992. *The journey of adulthood*. New York: Macmillan.

Bellah, R. N., R. Madsen, W. M. Sullivan, A. Swidler, and S. M. Tipton. 1991. *The good society*. New York: Alfred Knopf.

Benedict, R. 1934. *Patterns of culture*. Boston: Houghton-Mifflin.

Berger, P. L., and T. Luckmann. 1967. *The social construction of reality*. Garden City, N. Y.: Anchor Books.

Berlyne, D. E. 1960. *Conflict, arousal, and curiosity*. New York: McGraw Hill.

Bexton, W. H., W. Heron, T. H. Scott. 1954. Effects of decreased variation in the sensory environment. *Canadian Journal of Psychology* 8:70–76.

Bloch, M. 1967. *Land and work in medieval Europe*. Berkeley: University of California Press.

Bloom, A. 1987. *The closing of the American mind*. New York: Simon & Schuster.

Bly, R. 1990. *Iron John*. New York: Addison-Wesley.

Boyer, L. B. 1955. Christmas neurosis. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 3:467–88.

Bradburn, N. 1969. *The structure of psychological well-being*. Chicago: Al-dine.

Brannigan, A. 1981. *The social basis of scientific discoveries*. New York: Cambridge University Press.

Braudel, F. 1985. *The structures of everyday life*. Vol. 1. New York: Harper & Row.

Britannica Book of the Year. 1993. Chicago: The Encyclopaedia Britannica Press, 546–755.

Brown, N. O. 1959. *Life against death*. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press.

Bruner, J. S., A. Jolly, and K. Sylva. 1976. *Play — Its role in development and evolution*. New York: Basic Books.

Burgess, E. W., ed. 1926. *The urban community*. Chicago: University of Chicago Press.

Burhoe, R. W. 1982. Pleasure and reason as adaptations to nature's requirements. *Zygon* 17 (no. 2): 113–31.

Cabanac, M. 1971. Physiological role of pleasure. *Science* 173:1103–7.

Caligari, P., and F. Massimini. 1976. *Introduzione alia tepria del valori umani*. Milan: Institute Editoriale Intemazionale.

Carlyle, T. 1838. *Critical and Miscellaneous Essays: Sir Walter Scott*. Edinburgh.

Campbell, A. P., P.E. Converse, and W.L. Rodgers. 1976. *The quality of American life*. New York: Russell Sage.

Campbell, D. T. 1975. On the conflicts between biological and social evolution and between psychology and moral tradition. *American Psy — chologist* 30:1103–26.

—. 1976. Evolutionary epistemology. In *The library of living philoso — phers*, ed. D.A. Schlipp, 413–63. LaSalle, 111.: Open Court.

Carruth, G. 1987. *What happened when: A chronology of life and events in America*. New York: Harper & Row.

Castaneda, C. 1971. *A separate reality*. New York: Simon & Schuster. Cattell, J. P. 1955. The holiday syndrome. *Psychoanalytic Review* 42:39–43.

Chandrasekhar, S. 1987. *Truth and beauty: Aesthetics and motivations in science*. Chicago: University of Chicago Press.

Cohn, N. 1957. *The pursuit of millennium*. London. Colby, A., and W. Damon. 1992. *Some do care*. New York: The Free Press.

Coleman, J. 1990. *Foundations of social theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

Cook, K. S., and M. Levi. 1990. *The limits of rationality*. Chicago: University of Chicago Press.

Coppinger, R., and C. S. Smith. 1983. The domestication of evolution. *Environmental Conservation* 10 (no. 4): 283–92.

Coser, L. A. 1951. Some aspects of Soviet family policy. *The American Journal of Sociology* 54 (no. 5): 424–54.

Creel, H. G. 1960. *Confucius and the Chinese way*. New York: Harper Torchbooks.

Cressey, P. G. 1932. *The taxi-dance hall: A sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago: University of Chicago Press.

Csikszentmihalyi, I. 1986. Il flusso di coscienza in un contesto storico: Il caso dei gesuiti. In *L'esperienza quotidiana*, ed. F. Massimini and P. Inghilleri, 181–96. Milan: Franco Angeli. 1988. Flow in a historical context: The case of the Jesuits. In *Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness*, ed. M. Csikszentmihalyi and I. S. Csikszentmihalyi, 232–48. New York: Cambridge University Press.

Csikszentmihalyi, M. 1967. Marx: A socio-psychological evaluation. *Modern Age* 11 (no. 3): 273–82.

—. 1973. Socio-cultural speciation and human aggression. *Zygon* 8 (no. 2): 96–112.

—. 1975. *Beyond boredom and anxiety*. San Francisco: Jossey-Bass.

—. 1978. Attention and the wholistic approach to behavior. In *The stream of consciousness*, ed. K. S. Pope and J. L. Singer, 335–58. New York: Plenum.

- . 1981. Leisure and socialization. *Social Forces* 60: 332–40.
- . 1985. Reflections on enjoyment. *erspectives in Biology and Medicine* 28 (no. 4): 469–97.
- . 1988a. Society, culture, and person: A systems view of creativity. In *The nature of creativity: Contemporary psychological perspectives*, ed. R. J. Sternberg, 325–39. New York: Cambridge University Press.
- . 1988b. Motivation and creativity: Towards a synthesis of structural and energistic approaches to cognition. *New Ideas in Psychology* 6 (no. 2): 159–76.
- . 1988c. Solving a problem is not finding a new one: A response to Herbert Simon. *New Ideas in Psychology* 6 (no. 2): 183–86.
- . 1990a. *Flow: The psychology of optimal experience*. New York: Harper & Row.
- . 1990b. Literacy and intrinsic motivation. *Daedalus* 119 (no. 2): 115–40.
- . 1990c. The domain of creativity. In *Theories of creativity*, ed. R. Albert and M. Runco, 190–214. Newbury Park, Calif: Russel Sage.
- . 1991. Consciousness for the twenty-first century. *Zygon* 26 (no. 1): 7–25.
- . 1992. Imagining the self: An evolutionary excursion. *Poetics* 21:153–67.
- . 1993a. Contexts of optimal growth in childhood. *Daedalus* 122 (no. 1): 31–56.
- . 1993b. Why we need things. In *History from things: Essays on material culture*, ed. S. Lubar and W. D. Kingery, 20–29. Washington, D. C.: Smithsonian Press.
- Csikszentmihalyi, M., and I. S. Csikszentmihalyi, eds. 1988. *Optimal experience: Studies of flow in consciousness*. New York: Cambridge University Press.
- . 1993. Family influences on the development of talent. Ciba Foundation symposium on The Origins and Development of High Ability. London, U. K.

Csikszentmihalyi, M., and T. Figurski. 1982. The experience of self-awareness in everyday life. *Journal of Personality* 50 (no. 1): 14–26.

Csikszentmihalyi, M., and R. Larson. 1978. Intrinsic rewards in schoolcrime. *Crime and Delinquency* 24: 322–35.

—. (1984). *Being adolescent: Conflict and growth in the teenage years*. New York: Basic Books.

Csikszentmihalyi, M., R. Larson, and S. Prescott. 1977. The ecology of adolescent activities and experiences. *Journal of Youth and Adolescence* 6: 281–94.

Csikszentmihalyi, M., and J. LeFevre. 1989. Optimal experience in work and leisure. *Journal of Personality and Social Psychology* 56 (no. 5): 815–22.

Csikszentmihalyi, M., and F. Massimini. 1985. On the psychological selection of bio-cultural information. *New Ideas in Psychology* 3 (no. 2): 115–38.

Csikszentmihalyi, M., and K. Rathunde. 1990. The psychology of wisdom: An evolutionary interpretation. In *Wisdom: Its nature, origins, and development*, ed. R. J. Sternberg, 25–51. New York: Cambridge University Press.

Csikszentmihalyi, M., K. Rathunde, and S. Whalen. 1993. *Talented teenagers: A longitudinal study of their development*. New York: Cambridge University Press.

Csikszentmihalyi, M., and R. Robinson. 1990. *The art of seeing*. Malibu, Calif.: J. P. Getty Press.

Csikszentmihalyi, M., and E. Rochberg-Halton. 1981. *The meaning of things: Domestic symbols and the self*. New York: Cambridge University Press.

Csikszentmihalyi, M., and U. Schiefele. 1992. Arts education, human development, and the quality of experience. In *Arts in Education: The 91st yearbook of the Society for the Study of Education*, ed. G. Reimer and R. A. Smith, 169–91. Chicago: University of Chicago Press.

Damon, W. 1983. *Social and personality development*. New York: W. W. Norton.

Davis, F. D., R. P. Bagozzi, and P. R. Warshaw. 1989. Usefulness versus fun as determinants of intentions to use computers in the workplace. *Working paper*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press.

Dawkins, R. 1976. *The selfish gene*. Oxford: Oxford University Press.

—. 1982. *The extended phenotype*. Oxford: Oxford University Press.

deCharms, R. 1968. *Personal causation: The internal affective determinants of behavior*. New York: Academic Press.

Deci, E. L., and R. M. Ryan. 1985. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York: Plenum Press.

Delle Fave, A., and F. Massimini. 1988. Modernization and the changing contexts of flow in work and leisure. In *Optimal experience: Studies of flow in consciousness*, ed. M. Csikszentmihalyi and I. S. Csikszentmihalyi, 193–213. New York: N Cambridge University Press.

—. 1992. The ESM and the measurement of clinical change: A case of anxiety disorder. In *The experience of psychopathology*, ed. M. deVries, 280–89, Cambridge: Cambridge University Press.

Dennett, D. C. 1991. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown.

deVries, M., ed. 1992. *The experience of psychopathology: Investigating mental disorders in their natural settings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dewey, J. 1913. *Interest and effort in education*. Cambridge: The Riverside Press.

Diamond, J. 1992. *The third chimpanzee*. New York: HarperCollins. Didion, J. 1989. Letter from Los Angeles. *The New Yorker* (24 April): 88–99.

Dobzhansky, T. 1937. *Genetics and the origin of species*. New York: Columbia University Press.

Donaldson, M. 1993. *Human minds: An exploration*. New York: Viking.

Donner, E., and M. Csikszentmihalyi. 1992. Transforming stress to flow. *Executive Excellence* 9 (no. 2): 16–18.

Douglas, M. 1966. *Purity and danger*. London: Routledge and Kegan Paul.

Dozier, R. W., Jr. 1992. *Codes of evolution*. New York: Crown Publishers.

Dreyfus, H. 1979. *What computers can't do: The limits of artificial intelligence*. 2d ed. New York: Harper & Row.

Dubs, H. H. 1928. *The works of Hsuntze*. London.

Durkheim, E. [1912] 1967. *The elementary forms of religious life*. New York: The Free Press.

Edelman, G. M. 1993. *Bright air, brilliant fire: On the matter of the mind*. New York: Basic Books.

Ellis, J. 1986. *The social history of the machine gun*. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins University Press.

Eno, R. 1990. *The Confucian creation of heaven*. Albany, N. Y.: State University of New York Press.

Erikson, E. H. 1950. *Childhood and society*. New York: W. W. Norton.

Esslin, M. 1976. Aristotle and the advertisers: The television commercial considered as a form of drama. In *Television: The critical view*, ed. N. Newcomb. New York: Oxford University Press.

Evans, D. 1991. The war that Japan is winning. *Chicago Tribune*, 6 December.

Evans-Pritchard, E. E. [1956] 1974. *Nuer religion*. New York: Oxford University Press.

Faludy, G. 1988. *Test es leek*. Budapest: Magyar Vilag Kiado.

—. 1989. *Bortonversek 1950–53*. Budapest: Magyar Vilag Kiado.

Fay, B. 1966. *Louis XVI, ou la Jin d'un monde*. Paris: Librairie Academique Perrin.

Fel, E., and T. Hoffer. 1969. *Proper peasants: Traditional life in a Hungarian village*. Viking Fund Publication no. 46. Chicago: Wenner-Gren Foundation.

Ferenczi, S. 1950. Sunday neuroses. In *Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis*, ed. S. Ferenczi, 174–77. London: Hogarth Press.

Fine, R. 1956. Chess and chess masters. *Psychoanalysis* 3:7–77.

Fingarette, H. 1979. The problem of the self in the *Analects*. *Philosophy East and West* 29 (no. 2): 129–40.

Fisher, S. 1970. *Body experience in fantasy and behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Fiske, D. W., and S.R. Maddi, eds. 1961. *Functions of varied experience*. Homewood, 111.: Dorsey Press.

Fowler, J. W. 1981. *Stages of faith*. New York: Harper & Row.

Frazer, J. G. [1890] 1959. *The golden bough: A study in magic and religion*.

Freedberg, D. 1989. *The power of images: Studies in the history and theory of response*. Chicago: University of Chicago Press.

Gardner, H. 1983. *Frames of mind*. New York: Basic Books.

—. 1993. *Creating minds*. New York: Basic Books.

Geiger, K. 1968. *The family in Soviet Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Getzels, J. W., and M. Csikszentmihalyi. 1976. *The creative vision: A longitudinal study of problem finding in art*. New York: Wiley Inter-science.

Ghani, J. A. 1990. Flow in human-computer interactions: Test of a model. *Unpub. Mscrpt.* San Francisco: National Academy of Management Meeting.

Gilligan, C. 1982. *In a different voice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Gilligan, C, J.V. Ward, and J.M. Taylor. 1988. *Mapping the moral domain: A contribution of women's thinking to psychological theory and education*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Goertzel, V., and M. G. Goertzel. 1962. *Cradles of eminence*. Boston: Little, Brown.

Goffman, E. 1979. *Gender advertisements*. New York: Harper & Row. Granet, M. 1934. *La pensie chinoise*. Paris: F. Alcan.

Grinstein, A. 1955. Vacations — a psychoanalytic study. *International Journal of Psychoanalysis* 36:177–86. Group for the Advancement of Psychiatry. (1958, August). *The psychiatrist's interest in leisure-time activities*. (Report #39.) New York: Author.

Hauser, A. 1951. *The social history of art*. New York: Alfred A. Knopf.

Hebb, D. O. 1955. Drive and the CNS. *Psychological Review* (July): 243–52.

Heidegger, M. 1962. *Being and time*. New York: Harper & Row.
Helmer, W. J. 1970. *The gun that made the twenties roar*. New York: Macmillan.

Hitti, P. K. 1970. *Tik Arabs: A short history*. Chicago: Gateway.

Hofstadter, D. R., and D. C. Dennett. 1981. *The mind's I: Fantasies and reflections on self and soul*. New York: Basic books.

Hollis, C. 1960. *Eton, a history*. London.

Howe, J. R., Jr. 1966. *The changing political thought of John Adams*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Hubbard, W. 1677. *Narrative of the trouble with the Indians in New England*. Quoted in G. Carruth (1989) *What Happened Mien* (p. 20). New York: Harper & Row.

Huizinga, J. [1939] 1970. *Homo ludens: A study of the play element in culture*. New York: Harper & Row.

—. 1954. *The waning of the Middle Ages*. Garden City, N. Y.: Doubleday.

Hulme, W. 1977. Human potential in the Lutheran Church. *Dialog* 16: 266.

Huxley, A. 1967. *Island*. New York: Bantam Books.

Ikeda, D. 1988. *Unlocking the mysteries of life and death: Buddhism in the contemporary world*. London: Macdonald.

Ivanhoe, P. J. 1991. A happy symmetry: Xunzi's [Hsiin-tzu's] ethical thought. *Journal of the American Academy of Religion* 59 (no. 2): 309–22.

Jackson, S. 1992. Athletes in flow: A qualitative investigation of flow states in elite figure skaters. *Journal of Applied Sports Psychology* 4 (no. 2): 161–80.

James, W. 1890. *Principles of psychology*. Vol. 1. New York: Henry Holt.

Jaspers, K. [1923] 1963. *General psychopathology*. Chicago: University of Chicago Press.

- . 1969. *Nietzsche*. Chicago: Henry Regnery.
- Jaynes, J. 1977. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind*. Boston: Houghton Mifflin.
- Jhally, S. 1990. *The codes of advertising: Fetishism and the political economy of meaning in the consumer society*. New York: Routledge.
- Johnson, C, and R. Larson. 1982. Bulimia: An analysis of moods and behavior. *Psychosomatic Medicine* 44: 341–51.
- Jones, E. 1931. The problem of Paul Morphy. *International Journal of Psychoanalysis* 12: 1–23.
- Kauffman, S. A. 1993. *The origins of order: Self-organization and selection in evolution*. New York: Oxford University Press.
- Kavanaugh, J. 1981. *Following Christ in a consumer society*. New York: Orbis.
- Kaye, K. 1977. Toward the origin of dialogue. In *Studies in mother-infant interaction*, ed. H. R. Schaffer. New York: Academic Press.
- Keen, S. 1982. Self-love and the cosmic connection. In *The holographic paradigm*, ed. K. Wilber, 117. Boulder, Colo.: Shambala.
- Kegan, R. 1982. *77ic evolving self*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Keightley, D. N. 1978. *The sources of Shang history: The oracle-bone inscriptions of bronze-age China*. Berkeley: University of California Press.
- Kelly, J. 1982. *Leisure*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Klausner, S. Z. 1965. *The quest for self-control*. New York: The Free Press.
- Kobasa, S. C. 1979. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness. *Journal of Personality and Social Psychology* 37 (no. 1): 1–11.
- Koestler, A. 1960. *The lotus and robot*. London: Hutchinson.
- Kohlberg, L. 1984. *Essays on moral development*. Vol. 2, *The psychology of moral development*. San Francisco: Harper & Row.
- Konner, M. 1990. Human nature and culture: Biology and the residue of uniqueness. In *The Boundaries of Humanity*, ed. J. J. Sheehan and M. Sosna, 103–24. Berkeley: University of California Press.

— . 1991. *Childhood*, Boston: Little, Brown.

Kovi, P. 1985. *Transylvanian cuisine*. New York: Crown Publishers.

Kubey, R., and M. Csikszentmihalyi. 1990. *Television and the quality of life: How viewing shapes everyday experience*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

Kuhn, T. S. 1962. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

Kummer, H. 1968. *Social organization of hamadryas baboons*. Chicago: University of Chicago Press.

Lancaster, B. 1991. *Mind, brain and human potential: The quest for an understanding of self*. Rockport, Mass.: Element.

Lang, G. 1971. *The cuisine of Hungary*. New York: Atheneum.

Lantemari, V. 1965. *The religions of the oppressed: A study of modern messianic cults*. New York: Mentor Books.

Latourette, K. S. [1946] 1970. *A short history of the Far East*. New York: Macmillan.

— . 1959. *The Chinese: Their history and culture*. New York: Macmillan.

Lau, D. C. 1953. Theories of human nature in Mencius and Shyntzy. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 15: 541–65.

Lavin, M. A. 1990. *The place of narrative*. Chicago: University of Chicago Press.

Lazarus, R. S. 1966. *Psychological stress and the coping process*. New York: McGraw-Hill.

Lazarus, R. S., and S. Folkman. 1984. *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer.

Lefebvre des Noettes, M. 1931. *L'attelage et le cheval de selle a travers les ages*. Paris: Presse Universitaire de France.

— . 1932. Le gouvernail: Contribution a l'histoire de l'esclavage. *Memoires de la Societe des Antiquaires de France* 78: 712–45.

Lepper, M. R., and D. Greene, eds. *The hidden costs of reward: New perspectives on the psychology of human motivation*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

LeVine, R. A. 1979. Adulthood among the Gusii. In *Themes of work and love in adulthood*, ed. N. Smelser and E. Erikson, 77–104. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

LeVine, R. A., and D. T. Campbell. 1972. *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes, and group behavior*. New York: Wiley.

Levinson, D. J. 1980. Toward a conception of the adult life course. In *Themes of work and love in adulthood*, ed. N. Smelser and E. Erikson, 265–90. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Levi-Strauss, C. 1967. *Tristes tropiques*. New York: Atheneum.

Levy, S. 1992. *Artificial life: The quest for a new creation*. New York: Pantheon.

Lindbergh, C. 1953. *The spirit of St. Louis*. New York: Scribner.

Linder, S. 1970. *The harried leisure class*. New York: Columbia University Press.

Loevinger, J. 1976. *Ego development*. San Francisco: Jossey-Bass.

Lubar, S., and W.D. Kingery, eds. 1993. *History from things: Essays on material culture*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press.

Macbeth, J. 1988. Ocean cruising. In *Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness*, ed. M. Csikszentmihalyi and I. S. Csikszentmihalyi, 214–31. New York: Cambridge University Press.

MacIntyre, A. 1984. *After virtue: A study in moral therapy*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.

Malone, T. W., and M.R. Lepper. 1987. Making learning fun: A taxonomy of intrinsic motivation for learning. In *Aptitude, Learning, and Instruction*, ed. R.E. Snow and M.J. Farr. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

Mancini, G. [1613] 1956. *Considerazioni sulla pittura*, ed. A. Marucchi. Rome.

Mandler, G. 1975. *Mind and body: Psychology of emotion and stress*. New York: W.W. Norton.

Markham, B. [1942] 1983. *West with the night*. San Francisco: North Point Press.

Martin, J. 1981. Relative deprivation: A theory of distributive injustice for an era of shrinking resources. *Research in Organizational Behavior* 3:53–107.

Martindale, C. 1990. *The clockwork muse: The predictability of artistic change*. New York: Basic Books.

Maslow, A. 1968. *Toward a psychology of being*. New York: Van Nostrand.

—. 1971. *The farther reaches of human nature*. New York: Viking.

Massimini, F., and A. Delle Fave. 1991. Religion and cultural evolution. *Zygon: Journal of Religion and Science* 16 (no. 1): 27–48.

Massimini, F., M. Toscano, and P. Inghilleri. 1986. La selezione culturale umana. In *L'esperienza quotidiana: Teoria e metodo d'analisi*, ed. F. Massimini and P. Inghilleri, 19–64. Milan: Franco Angeli.

Mayr, E. 1982. *The growth of biological thought*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

McClintock, M. K. 1979. Innate behavior is not innate: A biosocial perspective on parenting. *Signs* 4 (no. 4): 703–10.

—. 1987. A functional approach to the behavioral endocrinology of rodents. In *Psychobiology of Reproduction*, ed. D. Crews, 176–203. Engle — wood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Merleau-Ponty, M. 1962. *Phenomenology of perception*. New York: Humanities.

Michalos, A. C. 1985. Multiple discrepancy theory (MDT). *Social Indicators Research* 16: 347–413.

Miller, J. B. 1976. *Toward a new psychology of women*. Boston: Beacon Press.

Miller, G. A. 1983. Informavors. In *The study of information*, ed. F. Machlup and U. Mansfield. New York: Wiley.

Monod, J. 1971. *Chance and necessity*. New York: Random House.

Monti, F. 1969. *African masks*. London: Paul Hamlyn.

Moore, R., and D. Gillette. 1990. *King, warrior, magician, lover: Rediscovering the archetypes of the mature masculine*. New York: Harper & Row.

Mote, F. 1971. *Intellectual foundations of China*. New York: Alfred A. Knopf.

Mumford, L. 1938. *The culture of cities*. New York: Harcourt-Brace.

Munro, D. 1988. *Images of human nature: A Sung portrait*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Murray, C. 1988. *In pursuit of happiness and good government*. New York: Simon & Schuster.

Myers, D. G. 1992. *The pursuit of happiness*. New York: William Morrow & Co.

Neisser, U. 1976. *Cognition and reality: Principles and implications of cognitive psychology*. San Francisco: Freeman.

Nietzsche, F. [1883–1885] 1930. *Also Sprach Zarathustra*. Leipzig: Kronen.

Noelle-Neumann, E. 1983. *Spiegel-Dokumentation: Persönlichkeitsstarke*. Hamburg: Spiegel-Verlag.

O'Brian, P. 1993. *Joseph Banks: A life*. Boston: David Godine.

Orwell, G. 1949. *Nineteen eighty-four*. London: Seeker & Warburg.

Pareto, V. 1917. *Traite de sociologie generate*. Vol. 1. Paris.

—. 1919. *Traite de sociologie generate*. Vol. 2. Paris.

Parsons, T. 1951. *The social system*. Glencoe, 111.: The Free Press.

Peters, T. 1991. *The cosmic self*. San Francisco: HarperCollins.

Philips, K. P. 1990. *The politics of rich and poor: Wealth and the American electorate in the Reagan aftermath*. New York: Random House.

Piaget, J. 1951. *Play, dreams and imitation in childhood*. New York: W. W. Norton.

—. 1971. *Biology and knowledge*. Chicago: University of Chicago Press.

Polanyi, K. 1957. *The great transformation*. Boston: Beacon Press. Popper, K. [1945] 1963. *The open society and its enemies*. New York: Harper & Row.

Price, S. 1989. *Primitive art in civilized places*. Chicago: University of Chicago Press.

Prigogine, I., and I. Stengers. 1984. *Order out of chaos*. New York: Bantam.

Privette, G. 1983. Peak experience, peak performance, and flow: A comparative analysis of positive human experiences. *Journal of Personality and Social Psychology* 45 (no. 6): 1361–68.

Privette, G., and C.M. Bundrick. 1991. Peak experience, peak performance, and flow: Personal descriptions and theoretical constructs. *Journal of Social Behavior and Personality* 6 (no. 5): 169–88.

Radakrishnan, S. 1956. *East and west*. New York.

Rathunde, K. 1989. The context of optimal experience: An exploratory model of the family. *New Ideas in Psychology* 7: 91–97.

Rathunde, K., and M. Csikszentmihalyi. 1991. Adolescent happiness and family interaction. In *Parent-child relations throughout life*, ed. K. Pillemer and K. McCartney, 143–62. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

Renfrew, C. 1986. Varna and the emergence of wealth in prehistoric Europe. In *The social life of things*, ed. A. Appadurai, 141–68. New York: Cambridge University Press.

Renninger, K. A., S. Hidi, and A. Krapp. 1992. *The role of interest in learning and development*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

Richards, R. J. 1988. The moral foundations of the idea of evolutionary progress: Darwin, Spencer, and the neo-Darwinians. In *Evolutionary progress*, ed. M. H. Nitecki, 129–48. Chicago: University of Chicago Press.

Robinson, D. 1969. The climber as a visionary. *Ascent* 9: 4–10.

Robinson, J. P. 1977. *How Americans use time*. New York: Praeger.

Rosenblith, J., and J. Sims-Knight. *In the beginning: Development in the first two years of life*. Monterey, Calif: Brooks/Cole.

Rozin, P., and A. E. Fallon. 1987. A perspective on disgust. *Psychological Review* 94: 23–41.

Rudmin, F. W. 1991. *To have possessions: A handbook on ownership and property*. A special issue of the *Journal of Social Behavior and Personality* 6 (no. 6).

Rudolph, S., and L. Rudolph. 1978. Rajput adulthood: Reflections on the Amar Singh diary. In *Adulthood*, ed. E. Erikson, 149–72. New York: W. W. Norton.

Russell, B. 1991. *La Conquista della Felicità*. (Originally: *The Conquest of Happiness*. London: Allen & Unwin, 1930). Milano: Editori Associati.

Sachs, O. 1993. Making up the mind. *The New York Review of Books* (8 April): 42–48.

Sahlins, M. D. 1972. *Stone-age economics*. Chicago: Aldine Press.

Saint-Exupéry, A. [1931] 1966. *Vol de Nuit*. London: Heineman.

Sartre, J. P. 1956. *Being and nothingness*. New York: Philosophical Library.

Schiefele, U. 1991. Interest, learning, and motivation. *Educational Psychologist* 26 (nos. 3 and 4): 299–323.

—. 1991a. Slavery alive and well in Asia. *Chicago Tribune*, 17 November.

—. 1991b. Children modern-day serfs in Asia's merciless sweatshops. *Chicago Tribune*, 18 November.

—. 1991c. Girls from Manila awaken to nightmare in Japan. *Chicago Tribune*, 20 November.

—. 1991d. China's slavers willing to murder to cover tracks. *Chicago Tribune*, 21 November.

Scitovsky, T. 1976. *The joyless economy*. New York: Random House.

Seligman, M. E. P. 1975. *Helplessness: — On depression, development, and death*. San Francisco: Freeman.

—. 1990. *Learned optimism*. New York: Alfred A. Knopf.

Shweder, R. A., M. Mahapatra, and J. G. Miller. 1990. Culture and moral development. In *Cultural psychology: Essays on comparative human development*, ed. J. W. Stigler, R. A. Shweder, and G. Herdt, 130–204. New York: Cambridge University Press.

Simon, H. A. 1988. Creativity and motivation: A response to Csikszentmihalyi. *New Ideas in Psychology* 6 (no. 2): 177–81.

Simonton, D. K. 1988. *Scientific genius: A psychology of science*. New York: Cambridge University Press.

Sniith, A. 1992. Better than myth. In *The last best place*, ed. W. Kittredge and A. Smith. Seattle: University of Washington Press.

Sorokin, P. 1962. *Social and cultural dynamics*. New York: Bedminster.

Sperry, R. W. 1984. Consciousness, personal identity, and the divided brain. *Neuropsychologia* 22: 661–73.

—. 1988. Psychology's mentalist paradigm and the religion/sciencetension. *American Psychologist* 43: 607–13.

Spiro, M. E. 1987. *Culture and human nature: Theoretical papers of Melford E. Spiro*. Chicago: University of Chicago Press.

Sternberg, R. J. 1990. *Wisdom: Its nature, origins, and development*. New York: Cambridge University Press.

Sternberg, R. J., and J. Kolligian, Jr. 1990. *Competence considered*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Strack, F., M. Argyle, and N. Schwartz, eds. 1990. *The social psychology of subjective well-being*. New York: Pergamon.

Szalai, A., ed. 1965. *The use of time: Daily activities of urban and suburban populations in twelve countries*. Paris: Mouton.

Tackett, M. 1991. Big-time debtor guides \$500 million RTC deal. *Chicago Tribune*, 1 November.

Thompson, E. P. 1963. *The making of the English working class*. New York: Viking.

Toscano, M. 1986. Scuola e vita quotidiana: Un caso di selezione cul-turale. In *L'esperienza quotidiana*, ed. F. Massimini and P. Inghilleri, 305–18. Milan: Franco Angeli.

Tiger, L. 1992. *The pursuit of pleasure*. Boston: Little, Brown.

Tolman, E. C. 1948. Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review* 55: 189–208.

Tonoue, R. 1992. *Assessing sport-related mental states using Experience Sampling Method*. Unpublished manuscript, Fukuoka University, Fukuoka, Japan.

Toynbee, A. J. [1936] 1954. *A study of history*. 10 Vols. Oxford: Oxford University Press.

Tucker, R. C, ed. 1972. *The Marx-Engels reader*. New York: W. W. Norton.

Turkle, S. 1984. *The second self: Computers and the human spirit*. New York: Simon & Schuster.

Turnbull, C. M. 1961. *The forest people*. Garden City, N. Y.: Doubleday.

Tversky, A., and D. Kahneman. 1986. Rational choice and the framing of decisions. *Journal of Business* 59 (no. 4): 251–78.

Tybor, J. 1992. Interview with Jerome Bettis. *Chicago Tribune*, 11 September.

UNICEF. 1990. *The State of the World's Children 1990*. New York: Oxford University Press.

Vasari, G. [1550] 1959. *Lives of the most eminent painters, sculptors, and architects*. New York: The Modern Library.

Waddington, C. H. 1966. *Principles of development and differentiation*. New York: Macmillan.

—. 1970. The theory of evolution today. In *Beyond reductionism*, ed. A. Koestler and J. R. Smythies. New York: Macmillan.

Waldrop, M. M. 1992. *Complexity: The emerging science at the edge of order and chaos*. New York: Simon & Schuster.

Wapner, S., and S. Werner, eds. *The body precept*. New York: Random House.

Ward, B., and R. Dubos. 1972. *Only one earth: The care and maintenance of a small planet*. New York: W. W. Norton.

Warner, W. L. 1958. *A black civilization*. New York: Harper & Brothers.

Weber, M. [1930] 1958. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. London: Allen & Unwin.

Weimann, V. G. 1991. The influentials: Back to the concept of opinion leaders? *Public Opinion Quarterly* 55:267–79.

Wells, A. 1988. Self-esteem and optimal experience. In *Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness*, ed. M. Csikszentmihalyi and I. S. Csikszentmihalyi, 327–41. New York: Cambridge University Press.

Whalen, S., and M. Csikszentmihalyi. 1989. A comparison of the self-image of talented teenagers with a normal adolescent population. *Journal of Youth and Adolescence* 18 (no. 2): 131–46.

—. 1991. *Putting flow theory into educational practice*. Unpublished manuscript. Chicago: The University of Chicago.

Wheeler, J. A., and W. H. Zurek, eds. 1983. *Quantum theory and measurement*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

White, L., Jr. 1966. *Medieval technology and social change*. New York: Oxford University Press.

White, R. W. 1959. Motivation reconsidered: The concept of competence. *Psychological Review* 66:297–333.

Wittfogel, K. 1957. *Oriental despotism*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Zohar, D. 1990. *The quantum self: Human nature and consciousness defined by the new physics*. New York: Morrow.

Zorbaugh, H. 1923. *The Gold Coast and the slum*. Chicago: University of Chicago Press.

Zuckerman, M. 1964. Perceptual isolation as a stress situation: A review. *Archives of General Psychiatry* 11: 225–76.

—. 1979. *Sensation seeking*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.

Предметный указатель

А

Аборигены 87, 163, 275, 332
Азимов, Айзек 166
Аквинский, Фома 294, 295
Апатия 54, 242, 243, 248, 352
Арендт, Ханна 328
Аристотель 236, 237, 295

Б

Бейтсон, Грегори 331
Буддизм 69, 201

В

Вальдес, Сьюзи 261, 286, 297
Вебер, Макс 159, 318, 319
Внешние факторы 10
Внешние цели 9
Внутренние факторы 11
Возникновение личности 39
Выживание человеческого рода 48, 153

Г

Гены
генетическая информация 156
генетические программы 77, 90, 91, 210, 224, 293, 350
предписания генов 53, 59, 96, 99, 102, 106

Д

Движущие силы эволюции 20
Демократия 34, 154, 180, 181, 194, 328, 329
Демокрит 81, 86
Депрессия 12, 58, 72, 188
Де Сент-Экзюпери, Антуан 164
Джеймс, Уильям 108, 286
Дифференциация 196, 198, 201, 208,

213, 216, 255, 263, 268, 286, 289, 306, 321–325, 340, 349, 350

Достоевский 147

Е

Евгеника 203–205
Евмеика 207, 216

З

Зависимость от удовольствия 66, 79

И

Идеальная личность 268, 270, 272, 277, 282–284, 303
Интеграция 196–198, 201, 208, 213, 216, 262, 263, 268, 284, 286, 289, 306, 321–325, 340, 349, 350

К

Кальвин, Жан 318
Квантовая личность 285
Когнитивная карта 85
Коллективные образы 274, 276
Контроль над ситуацией 222, 225
Конфуцианство 211, 291, 314
Культурные системы 212, 306
Кэмпбелл, Дональд 326

Л

Линдберг, Чарльз 164
Личность
личностный рост 288, 303
развитие личности 21, 44, 243, 285, 287, 288, 303
сила личности 130
типы личности 44, 112
трансцендентная личность 254, 255, 261, 288, 290, 301, 302, 305
Локк, Джон 322, 323, 324

М

Мартиндейл, Колин 168
 Мархам, Берил 164
 Маслоу, Абрахам 202, 267, 286
 Массимино, Фаусто 174, 223, 242,
 246, 354
 Мем 163
 эволюция мемов 118, 167, 178
 Метод ESM 242
 Михельсон, Альберт 238
 Моно, Жак 27
 Моральный кодекс 200, 203, 206, 214
 Мыслительная способность 27, 42

Н

Негативные эмоции 58
 Негэнтропия 37, 39, 40, 201
 Неудовлетворенность 14, 49, 51, 52,
 54, 58, 77, 218, 252
 Ноэль-Нойман, Элизабет 130, 354
 Нью Эйдж 35

О

Образование 133, 214, 221, 240, 317,
 323, 329–332, 335, 341, 342
 Общество Иисуса 316, 317

П

Парето, Вильфредо 147
 Паскаль 19
 Платон 34, 295, 330
 Повседневная деятельность 215, 243
 Подавленные желания 53
 Полинг, Лайнус 263, 268, 298
 Половой диморфизм 125
 Поток 9, 10, 11, 15, 42, 60, 72, 120,
 218, 220–224, 227, 229,
 233–235, 238, 239, 240, 241,
 244–253, 260, 288–290, 297,
 301, 303, 305, 307, 308, 311,
 313, 314, 316, 320, 321, 324,
 333, 334, 337, 340, 345, 351
 составляющие потока 222, 231,
 232, 252
 умственная концентрация 222
 Пригожин, Илья 87
 Продолжение жизни на Земле 38

Психическая энергия 28, 57, 64,
 91, 93, 94, 96, 100, 107–111,
 113, 118, 120, 123, 124, 125,
 130, 134–137, 140–142, 148,
 149, 151, 156–159, 161, 165,
 169–171, 173, 176, 179, 181,
 183, 202, 210, 213, 216, 220,
 228, 230, 238, 243, 255, 265,
 267, 276, 285, 293, 296, 298,
 301, 303, 305, 310, 311, 315,
 316, 318, 320, 325, 326, 349,
 351, 352, 353

Р

Рефлексивное сознание 33, 41, 42, 43
 Рубин, Вера 298

С

Самооценка 130, 240, 251
 Саморефлексия 105
 Саморефлектирующее сознание 13,
 105, 106
 Сенсорная депривация 53
 Сложность 15, 42, 89, 196, 197–199,
 201, 203, 206, 208–216, 218,
 219, 222, 224, 229, 232, 235,
 236, 244, 245, 248, 250, 251,
 252, 254, 255, 260, 261, 263,
 268, 271, 284, 289–293, 297,
 299, 301–306, 317, 320, 321,
 324, 325, 329, 333, 334, 337–
 340, 343–345, 347, 349–352
 Сложные системы 329
 Сорокин, Питирим 66, 283
 Социальные системы 131, 306, 325,
 332, 344, 351
 Сперри, Роджер 71
 Стресс 70, 71, 72, 79, 241, 252
 Счастье 7, 10, 11, 26, 28, 35, 50, 56, 78,
 94, 131, 138, 171, 214, 218, 219,
 221, 237, 255, 256, 296, 310,
 343, 351, 352

Т

Теория интереса 233
 Тойнби, Арнольд 339
 Трансцендентность 10, 290, 303
 Т-человек 255, 256, 268, 293, 302

У

Удовольствие 7, 9, 15, 25, 28, 31, 48,
49, 55, 66–69, 80, 111, 172,
210, 218, 219, 221, 225, 228,
231–238, 240, 243, 244, 245,
248–252, 254, 261, 263, 283,
291, 297, 300, 307–309, 311,
314, 318, 319, 320, 351, 354
Уччелло, Паоло 238

Ф

Фактичность 111
Фалуди, Дьёрдь 256–261, 263, 268,
286, 298, 300
Фауст 50, 51, 219

Х

Хаксли, Олдос 287, 330
Хейзинга, Йохан 28, 307

Ц

Цели и ценности 38, 199, 343

Э

Эволюция
культуры 191, 354
личности 13, 15, 287
эволюционная эпистемология 82
эволюционный процесс 14, 21, 29,
36, 44, 65,
348
Экстравертность 129, 130
Энтропия 37, 39, 40, 43, 46, 58, 69,
138, 147, 175, 190, 195, 196,
209, 213, 214, 218, 229, 241,
244, 245, 252, 254, 255, 258,
260, 291, 292, 299, 300–302,
317, 320, 321, 324, 330, 344,
345

ЧИКСЕНТМИХАЙИ МИХАЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Чудинова, С. Мозалёва*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Подписано в печать 05.09.2018. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать ролевая струйная.
Объем 26,5 печ. л.

ООО «Альпина нон-фикшн»
123007, г. Москва,
ул. 4-я Магистральная, д. 5, строение 1, офис 13
Тел. +7 (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: 8(499) 322-38-30

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+